

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЪЕ.
1865

С Л О В О

ПРОТИВЪ АРІЯ И САВЕЛЛІЯ.

1. *Отрину сердце мое слово благо* (Пс. 44, 2.), сейчасъ сказалъ псалмопѣвецъ. Сіе-то Слово благо послѣдователи Арія и Ахилла, произнося нечестивѣйшія рѣчи, дерзнули объявить созданіемъ и тварію, и многихъ увлекли въ свое заблужденіе. А савелліане, разсуждая противно симъ, пытаются уничтожить въпостась Сына, и полагая, что тотъ же единый Отецъ почтенъ двумя именами, называютъ Его сыно-отцемъ (*υιοπατορα*.) И то и другое мнѣніе ставятся упомянутыми еретиками какъ бы двѣ западни; а между ними идетъ средній узкій и *тѣсный* путь *вводяй въ животъ* (Матѣ. 7, 14.), по слову евангельскому. Многіе, уклоняясь отъ одной западни, дѣлаются добычею другой; но ты, кажется, боясь впасть въ которую либо изъ нихъ, бѣжишь и отъ самага пути истины, думая, что не должно заниматься разсужденіями о Богѣ. Смотри, чтобы, опасаясь заблужденій

той и другой ереси, не подпасть наказанію за недостатокъ благочестія. Самъ Спаситель, ставъ во главѣ истиннаго пути, воскликнулъ говоря: *Азъ есмь путь и истина* (Іоан. 14, 6.); не уклоняйся ни на право, ни на лѣво, дабы не оказаться на которомъ либо изъ (ложныхъ) путей. И еще: *Азъ есмь дверь овцалъ; не входяй Мною, но прелазяяй иудѣ, татѣ есть и разбойникѣ* (Іоан. 10, 1. 7.), и сѣтію уловленный погибнетъ. Итакъ, склоняющіеся своею мыслию къ которому либо изъ сихъ заблужденій, да услышатъ, что Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, и называется такъ по естеству, а не именуется только Сыномъ, въ несобственномъ смыслѣ сего слова, какъ мы, будучи тварію; что Онъ не имѣетъ начала, но вѣченъ; почему по самой вѣности Своей Онъ и въ безконечные вѣки будетъ царствовать съ Отцемъ.

2. Но, можетъ быть, кто нибудь скажетъ: все, что безначально, должно быть и нерожденно; какъ же возможно правильно назвать безначальнымъ Сына, самое имя Котораго указываетъ на начало? Ибо Сыномъ Онъ именуется потому, что рожденъ; а что рожденіе заключаетъ повятіе о началѣ, сего никто не отвергнетъ. Итакъ, если Онъ Сынъ, то для насъ ясно, что Онъ получилъ начало при рожденіи. А быть можетъ Онъ будетъ имѣть и конецъ, скажетъ кто нибудь, разсуждая философски. И

апостолъ говоритъ, что Онъ *покорится покоршему Емю всяческая, и предастъ царство Богу и Отцу* (1 Кор. 15, 28. 24); посему можно думать, что Онъ, какъ не существовавшій прежде рожденія, снова разрѣшится въ небытіе.

Взойди со мною въ твердыню вѣры, дабы не быть увлечену тебѣ обольщеніемъ такихъ разсужденій какъ бы сильнымъ порывомъ вѣтра, подобно тому какъ съ узкой и открытой дороги прахъ сметается вѣтромъ въ пропасти гибели. Если Отецъ всего не рожденъ и вѣченъ, премудръ и всемогущъ, а апостолъ, благовѣствуя вѣру въ Него, всемъ проповѣдуетъ, что Христосъ Божія силы и премудрость (1 Кор. 1, 24.): то какъ осмѣливаются подчинять Его рожденіе времени и признавать не вѣчнымъ и не безначальнымъ? Ибо если рожденіе нашего Спасителя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, во времени получило начало: то симъ лишается чести не только Сынъ, но и Отецъ, по слову Сына: *ни Мене вѣсте, ни Отца* (Іоан. 8, 19.); *иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца* (5, 23.); одинъ лишается чести какъ не существующій прежде рожденія, а другой какъ не имѣющій прежде бытія Сына ни силы, ни премудрости. Разсуждая же послѣдовательно, они должны придти къ мысли, что Отецъ прежде рожденія Сына не былъ и Богомъ; ибо какой же Онъ Богъ, если не обладалъ

силою и премудростію? Если же священное писаніе провѣщало намъ, что Онъ есть отъ вѣка Богъ: то должно вѣровать, что Онъ вѣчно имѣлъ у Себя премудрость и силу, то есть, Христа.

3. Помню, что я прежде общалъ показать вамъ какъ бы въ зеркалѣ, образъ отношеній между Отцемъ и Сыномъ; ибо что касается до самаго Божескаго естества, то не подлежитъ человѣческому слову. И самъ Богъ бесѣдуетъ съ нами не по силѣ Своего величія, но соразмѣряетъ гласъ Свой съ слухомъ человѣческимъ такъ, чтобы мы способны были своимъ слухомъ принять Божественный гласъ. Свое нестерпимое и несобытное величіе Онъ соразмѣряетъ со взорами человѣческими, и будучи Богомъ, является человѣкомъ; ибо *Себе уна-милъ, зракъ раба приимъ* (Филип. 2, 7.), дабы мы, люди, могли зрѣть Бога. Посему какъ мы вѣруемъ, что не будучи человѣкомъ, Онъ явился человѣкомъ, хотя по естеству былъ и есть Богъ, Свое необъятное величіе ограничившій тѣломъ, и въ Себѣ, какъ бы въ зеркалѣ, явившій намъ все величіе Божества, дабы воспользовавшись имъ, какъ зрительнымъ стекломъ, мы узрѣли и Отца (ибо *сый*, по апостолу, *образъ Бога невидимаго* (Кол. 1, 15.) сказалъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9.): такъ и посредствомъ того, что сказано въ Писаніи сообразно съ мѣрою нашего слуха (хотя сіе,

по немощи слова, часто и не вполне соответствует Божеству), мы соответственным образом созерцаемъ Его мыслию. Ибо какъ ради нашего зрѣнія Онъ явился Богомъ, плотию описуемымъ: такъ и ради нашего слуха возвыщается Словомъ умаленнымъ по сравненію съ величіемъ Божества.

4. Итакъ на основаніи Писанія доказано, какъ сказали мы, что человѣческое слово не объемлетъ Бога и Его свойствъ. Поелику же никакая часть рѣчи недостаточна, чтобы объять вѣчность Сына: то Писаніе загадочно означаетъ совѣчность Сына съ Отцемъ при помощи предлога (*прежде*), говоря: *прежде денницы родихъ Тя* (Пс. 109, 3.); и еще: *прежде всѣхъ холмовъ*, и всякаго созданія *раздѣаетъ мя* (Притч. 8, 25.). Прилагая эту частицу, Писаніе указываетъ, что Онъ безначаленъ; ибо называя Его существующимъ *прежде* всего, и особенно, *прежде* вѣкъ, оно обращаетъ нашу мысль къ вѣчности и безначальности. А какъ вѣчно совозсѣдающій съ Отцемъ можетъ быть наименованъ Сыномъ и рожденнымъ, примѣръ сего я укажу тебѣ въ солнечномъ лучѣ, хотя при семъ слово и не коснется самаго естества. Отчего не сказать, что свѣтъ родился отъ свѣтила? Но какъ не прежде солнце, а потомъ лучъ, но вмѣстѣ съ бытіемъ или происхожденіемъ солнца есть и произошелъ лучъ, и вмѣстѣ съ существованіемъ свѣ-

тила сталъ существовать и свѣтъ. и какъ раждающесся отъ свѣтила является рожденнымъ не по нѣкоторомъ времени, а вмѣстѣ съ нимъ: такъ не прежде Богъ, а потомъ Его премудрость, но вмѣстѣ съ бытіемъ Бога всяческихъ, Который былъ всегда, всегда существовала и премудрость, то есть, Христось, хотя премудрость по справедливости и именуется рожденною отъ Бога и порожденіемъ являющаго ее. Слова же: *прежде всѣхъ столбовъ рождаетъ мя*, несомнѣнно указываютъ на Спасителя людей, рожденного Отцемъ. И выраженіе: *днесь родихъ тя* (Ис. 2, 7.) означаетъ прежде рожденного и вѣчно съ Нимъ сущаго: а вводя означеніе времени: *днесь*, Писаніе показываетъ, что, тогда какъ все проходитъ передъ Нимъ преемственно, Онъ рождается вѣчно, доколѣ будетъ именоваться это: *днесь*. А когда это: *днесь* прекратится вмѣстѣ съ симъ міромъ, тогда Онъ уже не рождается, но навсегда всецѣло ставъ рожденнымъ, и возсѣвъ судію и мздовоздателемъ живымъ и умершимъ, вѣчно будетъ царствовать съ Отцемъ.

5. А чтобы изреченіе: *Господь созда мя начало путей Своихъ въ дѣла своя* (Притч 8, 22.) не было виною (ложныхъ) мыслей у имѣющихъ поврежденный разумъ, не должно и его пройти молчаніемъ. Переводчики, не совсѣмъ точно переводя съ еврейскаго на греческій языкъ, сказали: *созда мя* (*ἐποίησέν με*), а по изслѣ-

дованіи найдешь тутъ: *содѣла мя* (*ἐποίησέ με*). Впрочемъ, и выраженіе *созда мя*, если тщательно вникнуть въ него, не выражаетъ ничего несогласнаго съ словами: *содѣла мя*. Если бы (писатель) сказалъ только: *Господь созда мя*: то у нѣкоторыхъ могло бы возникнуть недоразумѣніе. Но поелику прибавилъ: *начало путей своихъ въ дѣла своя*, то очевидно, что сказанное нужно понимать такъ: Господь содѣлалъ, чтобы начальствовать Мнѣ надъ дѣлами Его и начало путей своихъ ввѣрилъ мнѣ. Когда же Отецъ возымѣлъ начало путей своихъ? Или когда Онъ не былъ дѣйствующимъ? Или отъ кого получилъ силу и дѣйствование? Ибо если Онъ не отъ вѣка имѣлъ у Себя все: то это значить, что Онъ получилъ сіе отъ кого либо иного, такъ что нужно вообразить себѣ иного какого-то Бога, старѣйшаго, чѣмъ Онъ. Но *кто прежде даде Ему, и воздастся ему* (Римл. 11, 35.), говоритъ Писаніе. Если же все отъ Него: то никогда не найди начала путей Его и дѣлъ Его, но отъ вѣка Онъ дѣйствовалъ. А если *вся Сыномъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3.); то совершенно очевидно, что Отецъ отъ вѣка имѣетъ у Себя дѣйствующую премудрость. Если Отецъ дѣйствуетъ отъ вѣка, а безъ Сына не бываетъ никакого дѣйствія: то слово: *быть созданнымъ*, нельзя понимать такъ, что (Сынъ) послѣ былъ созданъ, дабы (Отцу) дѣйствовать. Но выра-

женіе: *созда мя начало путей своихъ*, означаетъ: ввѣрилъ мнѣ пути Свои, чтобы они были подъ моимъ начальствомъ; говорится о началѣ не время означающемъ, а власть. Ибо и апостолы говорятъ, что *Господа и Христа Его сотворилъ есть* (Дѣян. 2, 36.). Если бы выраженіе: *сотворилъ есть* означало тварь и созданіе, то были бы двое, которыхъ сотворилъ Онъ, одного Господа, а другаго Христа. Что Христосъ называется царемъ, это никому не безъизвѣстно; а слово *сотворилъ* означаетъ, что Отцемъ ввѣрены Ему двѣ власти,—господственная и царственная, или, лучше сказать, одна власть, но почтенная двумя или болѣе наименованіями. Посему и тѣ и другіе, увлеченные тѣмъ и другимъ заблужденіемъ, пусть убѣдятся, что Сынъ, вѣчно существуя съ Отцемъ, рожденъ и вмѣстѣ безначаленъ; безначаленъ по вѣчному пребыванію съ Отцемъ, а рожденъ, потому что отъ Отца получилъ бытіе; какъ сказали мы о свѣтилѣ, что оно есть виновникъ свѣта, но не прежде свѣта, а современно ему. Посему Онъ и во вѣки пребудетъ, и никогда не перестанетъ царствовать; ибо Онъ и не начиналъ быть, но именуетъ Себя вѣчно дѣйствующимъ съ Отцемъ, говоря: *Отецъ мой досель дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17.). Слово: *досель* ведетъ мысль къ вопросу: *отколь*. А такъ какъ это: *отколь*, относящееся ко времени, Онъ опустилъ, а сказалъ

только: *досель*, то симъ означилъ, что Онъ все вѣчно дѣлаеть съ Отцемъ. Онъ *досель* дѣлаеть, производи, животворя, возвращая, всѣмъ управля, и никогда не престанеть дѣлать, потому что бездѣйствіе не приличествуетъ Богу, и дѣлая Онъ не устанеть, чтобы нуждаться въ покоѣ.

6. Думаю, что увлеченные Аріевымъ заблужденіемъ воспользовались въ свою защиту слѣдующимъ евангельскимъ изреченіемъ: *Посланный Мнѣ болѣе Мене есть* (Іоан. 14, 28.); на основаніи сего они предположили, что Сынъ есть созданіе и тварь. И отвѣтъ наименовавшему Его учителемъ благимъ: *никтоже блга, токмо единъ Богъ* (Матѹ. 19, 17.), породилъ у нихъ предположеніе, что Онъ есть человѣкъ, и имѣетъ названіе Сына въ несобственномъ смыслѣ. По моему мнѣнію ихъ предположеніе, что Сынъ чуждъ существа Отцаго, порождено и слѣдующими словами, сказанными въ евангеліи Марка: *о послѣднемъ дни и часъ, никтоже вѣсть, ни ангели, ниже сущіи на небесахъ, ни Сынъ, токмо Отецъ* одинъ (Марк. 13, 32.). А савелліане, безъ внимательнаго разсужденія прочитавъ слова: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.); *видѣвый Мене, видѣ Отца* (14, 9.); и еще: *егда предастъ царство Богу и Отцу* (1 Кор. 15, 24.), впали въ величайшее заблужденіе нечестія, думая, что Сынъ временно изшелъ отъ Отца въ слѣдствіе отпаденія чело-

вѣка отъ Бога, а послѣ исправленія человѣческаго грѣхопаденія опять сокрылся, и, разрѣшившись, слился съ Отцемъ. Или ты, мудрствующій савеліански, не читалъ слѣдующее мѣсто апостольскаго посланія, противорѣчащее твоему мнѣнію, гдѣ между прочимъ сказано: *по дѣйству державы крѣпости Ею, юже содѣя о Христѣ, воскресивъ Ею изъ мертвыхъ и посадивъ одесную Себе на небесныхъ, превъше всякаго начальства и власти и силы и господства и всякаго имени именуемаго не точію въ свѣтъ семъ, но и въ грядущемъ* (Ефес. 1, 19—21.)? Или и евангельскій гласъ не убѣждаетъ тебя въ томъ, что не времененъ Сынъ, но и въ будущемъ вѣкѣ судъ надъ всѣми врученъ Сыну? *Отецъ бо, сказано, не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови: да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. 5, 22. 23.). И въ другомъ мѣстѣ апостолъ говоритъ: *во откровеніи Господа Іисуса съ небесе, со ангелы силы Своея, во огни пламенны, дающаго отмщеніе невѣдущимъ Бога и не слушающимъ благовѣствованія Господа нашего Іисуса Христа* (2 Сол. 1, 7. 8.). Смотри, какъ не слушающіе, по словамъ апостола, понесутъ наказаніе—гибель вѣчную, когда Онъ придетъ прославиться во святыхъ своихъ; понесутъ же наказаніе отъ Сына, который, по твоему мнѣнію, уже не существуетъ.

7. Если же хочешь знать, что означаетъ

выраженіе: *егда предастъ царство Богу и Отцу*; то и сіе не будетъ сокрыто отъ тебя, хотя ты и оказался мало воспримчивъ къ истинѣ, и хотя сіе будетъ противорѣчить, по видимому, заповѣди Христовой: *не полетайте бисеръ вашихъ предъ свиніями* (Матѳ. 7, 6.). Но, подражая Богу, буду держаться благой надежды, не скрывая истину и отъ злочестивыхъ; ибо Онъ одинаково дождить и равно разливаетъ дневной свѣтъ на праведныхъ и неправедныхъ (Матѳ. 5, 45.). Ужели же не взыщешь истины, испытавъ такую любовь? Уже ли не обратишь къ намъ умственный слухъ, дабы убѣдиться, что въ словахъ Писанія нѣтъ противорѣчія одного мѣста съ другимъ, но все со всеѣмъ сообразно и согласно? Посему слова: *тогда и самъ Сынъ покорится покоршему Емю всяческая* (1 Кор. 15, 28.) и еще: *егда предастъ царство Богу и Отцу* (ст. 24.), нельзя понимать согласно съ твоими мыслями. Ибо Онъ по всему уподобился человѣку и страдалъ вмѣстѣ съ нимъ, по слову пророка: *сей грѣхи наша носить, и о насъ болѣзнуетъ* (Ис. 53, 4.) и: *той недуги наша пріятъ и болѣзни понесе* (Матѳ. 8, 17.), поелику облекся въ доступную для нихъ плоть, и *по насъ*, какъ сказано, *грѣхъ сотвори* (2 Кор. 5, 21.), не сотворивъ грѣха, но какъ бы сотворившій, *бывъ по насъ клятва*, да искупить насъ отъ клятвы (Гал. 3, 13.), и былъ наименованъ проклятымъ, благоволивъ,

по состраданію, именоваться однимъ съ нами именемъ; во всемъ этомъ Онъ угодился человѣку, принявъ самый образъ раба, какъ будто Самъ Онъ былъ преступникомъ закона, и, предложивъ (въ жертву) за родъ человѣческій собственное Лице, преклонилъ Отца, призывая Его къ умиловленію. Но поелику не весь родъ человѣческій покорился Сыну, то и Самъ Онъ, будучи покоршимся, является и представляется вмѣняющимъ Себѣ предъ лицемъ Отца непокорство людей. Когда же все покорится Сыну (а нынѣ *не у видима Ему всяческая покорена* Евр. 2, 8.), тогда скажетъ Онъ: все покорилось Мнѣ. А когда все покорится Ему, тогда и Самъ Онъ явится покорившимся *покоршему Ему всяческая* (1 Кор 15, 28.). Если бы всѣ мы были Христовы: и Христосъ былъ бы Божій, и былъ бы покоршимся. А если мы еще не Христовы: то не Божій еще и Христосъ, болѣзнующій о насъ. Итакъ когда всѣ будемъ Христовы, тогда и Христосъ будетъ Божій, покоривъ чрезъ Себя Отцу всѣхъ, которыхъ прежде пріямъ отъ Него, *да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. 15, 28.). Онъ является нѣкоторымъ образомъ не покорившимся Отцу, когда врученные Ему, образъ коихъ Онъ принялъ, еще не покорились Ему. Когда же все покорится Ему: тогда Онъ явится предавшимъ царство Богу и Отцу. Подъ царствомъ же должно разумѣть не достоинство

скиптродержательства; ибо Отецъ не нуждается въ царскомъ достоинствѣ, чтобы обратно получить отъ Сына то, что прежде снисходительно вручилъ въ Его распоряженіе. Твоя тайная мысль, кажется, именно такова. Ты нечестуешь не только по отношенію къ Сыну, уничтожая Его вѣстасъ, но и по отношенію къ Отцу, выражая мысль, что Онъ не былъ царемъ на то время, какъ уступилъ царство Сыну, а потомъ снова получить оное отъ Него, какъ будто нуждаясь въ этомъ достоинствѣ. Сынъ передастъ Ему не достоинство царское, какъ я прежде сказалъ, но вступившихъ въ Его царство и покорившихся Ему. Представивъ и передавъ таковое царство, Онъ скажетъ: *вотъ царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія моего* (1 Петр. 2, 9.) и еще: *се Азъ, и дѣти, яже Ми далъ есть Богъ* (Евр. 2, 16.); ибо Онъ далъ ихъ Ему, подчинивъ Ему всѣ народы: *далъ Ти языки достояніе Твое и одержаніе Твое концы земли* (Пс. 2, 8).

8. Знай и то, что изреченіе: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.) не уничтожаетъ вѣстасъ Сына; ибо едино суть по существу, едино по достоинству, едино по разуму, едино по мудрости, но не едино по вѣстаси. Ибо и изъ словъ апостола можно доказать, что *едино* не означаетъ одно и тоже лице, что видно изъ многихъ мѣстъ, какъ напримѣръ изъ словъ о насаждающемъ и напаяющемъ

(1 Кор. 3, 8.); ибо лице различается здѣсь раздѣлительнымъ именемъ: *каждо*, сказано, *свою мзду приметъ по своему труду*. Итакъ слово *едино* не должно быть признаваемо уничтожающимъ другое лице. Посему когда доказано, что ни одно изъ этихъ выраженій взаимно не противорѣчитъ, и когда они согласны въ утвержденіи правой вѣры: перестань мудрствовать савеліански, уклонись отъ зломудрія и содѣлай благое, убѣдившись въ истинѣ. Довольно съ тебя и сего для доказательства того, что ты мудствуешь лукаво.

9. Получи понятіе и объ аріано-неистовствующемъ Ахиллѣ. Почему ты, отступивъ отъ вѣры и оставивъ правый путь, впалъ въ глубины нечестія противъ Сына, предполагая, что Онъ есть тварь и чуждъ существа Божескаго? Не ужели недостаточно для тебя, для доказательства рожденія Его отъ Отца, однихъ именъ Его,—что Онъ именуется премудростію и силою Божіею? А конечно и ты согласишься, что премудрость и сила нерукотворенны и не устрояемы, но суть свойства духа и какъ бы проявленія ума, служащаго корнемъ для отпрыска мудрости. Если же премудрость, какъ говоришь ты, создана и устроена въ какое либо время,—та премудрость, которая древнѣе всякаго времени и созданія, то есть, Сынъ: то смотри, чтобы не оказаться тебѣ, съ твоимъ мнѣніемъ, несогласнымъ съ словами Пи-

савія: *безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3.). Или если скажешь, что сія премудрость есть послѣ приобрѣтенная: то постарайся ясно доказать намъ, что была нѣкая другая премудрость, старѣйшая сей, которою создана и эта вторая; ибо безъ премудрости невозможно чему либо быть создану. Посему у Отца премудрость и была перворожденною всей твари, дабы чрезъ нее устроилось все. Сынъ именуется также и Словомъ, во свидѣтельство того, что Онъ рождень, и дабы не признавали Его сотвореннымъ. Ибо раждается, а не творится слово, произносимое устами, но приводимое въ движеніе сердцемъ. Свидѣтель мнѣ Отецъ, который говоритъ: *отрину сердце мое слово благо* (Пс. 44, 2.). Свидѣтельствуешь вмѣстѣ и Сынъ: *Азъ изъ устъ Вышняго изыдохъ* (Сир. 24, 3.). Какъ же мысль твоя подѣмлетъ такое бремя дерзости, признавая Его тварію?

10. Ты слышалъ прежде сказанное о Сынѣ; послушай же теперь и дальнѣйшее, именно, что *бъ* поставленное въ преходящемъ времени, означаетъ вѣчность. *Въ началъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1.). Начало Божіе непостижимо для чело-вѣческой мысли. Посему-то, какъ сказали мы прежде, когда Писаніе употребило такой образъ рѣчи: *въ началъ*, то разумѣй вѣчное Божеское начало. Тоже выражается и словомъ *бѣ*; Слово же означаетъ единосущную съ Отцемъ вѣчностъ. А дабы мы не думали, что

Сынъ нѣкогда былъ не являемымъ, сокрываясь въ Отцѣ, и дабы не представляли себѣ Слово не произнесеннымъ и внутреннимъ (ибо такого рода Слово, не имѣющему въ Себѣ вѣности, въ какомъ умѣ или въ какомъ письмени надлежало имѣть свое бытіе?): то Іоаннъ сказалъ: *и Слово бѣ* не въ Богѣ, но *у Бога*, означая симъ особую вѣность, сущую у Слова отъ существа Отцаго. Точно такъ же и для того, чтобы не разумѣли мы премудрости художнической, которая свое бытіе имѣетъ или въ человѣкѣ, или въ какомъ либо произведеніи, онъ сказалъ: *бѣ у Бога*, дабы мы разумѣли Бога, сущаго отъ Бога. Кромѣ сего онъ поставилъ и имя: *и Богъ бѣ Слово*. Богъ начала не имѣетъ; иначе Онъ не былъ бы и Богомъ; это не только мы говоримъ, но тоже гласятъ и ученики философовъ, которымъ ты не долженъ бы уступать въ дѣлѣ стяжанія познаній о Богѣ.

11. А дабы мы вѣровали, что Онъ существуетъ какъ Богъ, имѣя бытіе Самъ отъ Себя, Отецъ далъ Ему человѣческій образъ, облекши Его плотію, чтобы явить Сына и человѣческимъ взорамъ. И зная, что Онъ есть сущій Богъ, не вообрази, на основаніи словъ: *Пославый Мя болій Мене есть* (Іоан. 14, 28.), что Сынъ ниже или менѣе (Отца). Ибо Ему, во человѣчившемся, надлежало въ смиренномудрыхъ словахъ открывать Свое величіе. Онъ

Самъ сказалъ: *да хвалитъ тя искренній, а не твоя уста* (Притч. 27, 2.). Ибо какъ же не надлежало Ему смиренномудренно являть себя меньшимъ Отца безпредѣльнаго и все наполняющаго, когда Онъ былъ ограниченъ плотію и измѣряемъ человѣческими взорами? Но и кромѣ сего не чуждо истины именовать Ему Виновника бытія бѣльшимъ Себя. Ибо если бы не было Бога, то откуда бы премудрость? Если бы не было Отца, то откуда Сынъ? Посмотри, какъ Сынъ всюду и всячески смиренномудрствуетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ являетъ Божеское величіе, и прежде всего, когда Онъ говоритъ юношѣ, наименовавшему Его благимъ: *что Мя малолеши блага? никтоже благъ, токмо единъ Богъ* (Марк. 10, 18.). И онъ справедливо отвѣчалъ такъ. Онъ какъ бы такъ сказалъ: юноша, Я явился тебѣ какъ человѣкъ, а ты, назвавъ Меня, какъ одного изъ книжниковъ, учителемъ, прибавилъ еще: *благій*. Никто изъ людей не благъ; это наименованіе свойственно единому Богу. Итакъ ты безразсудно называлъ благимъ того, кто доселѣ являлся тебѣ человѣкомъ. Отвѣтивъ такъ, Онъ явилъ сему человѣку свое смиреніе, говоря: никто не благъ изъ тѣхъ, кого имѣешь въ мысли. А прибавивъ: *токмо единъ Богъ* (а Онъ и Отецъ едино суть), Онъ, таинственно и вмѣстѣ смиренномудренно раскрывъ истину, явилъ Себя сопричастнымъ по благодати Отцу. Итакъ слова:

Азъ и Отецъ едино есма (Юан. 10, 30.) и: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ* (ст. 38.) показываютъ, что Онъ равенъ Отцу; ибо Сыну совершеннаго Отца необходимо быть совершеннымъ.

12. Но, можетъ быть, скажешь вотъ еще что: если Отецъ, будучи совершеннымъ, все наполняетъ: то что же остается наполнять совершенному Сыну? Говорю, что Они взаимно воспріемлютъ и вмѣщаютъ одинъ другаго. Ибо сказано: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ*. А взаимно одинъ другаго вмѣщающіе, по величію будутъ равны между собою. А какъ Они суть одинъ въ другомъ, постарайся это выслушать. Одно должно обниматься другимъ; слѣдовательно объемлемое заключается въ объемлющемъ, а объемлющее не будетъ обниматься объемлемымъ. Не думай, что Богъ имѣетъ въ Себѣ какую либо пустоту, въ которую воспріемлется объемлемое. О людяхъ такъ думать должно; ибо мы неспособны вмѣстить другихъ, и не вмѣщаемся въ другаго, а если бы и вмѣстились, то заключались бы въ пустотѣ и ею были объаты. О Богѣ же должно мыслить такъ: какъ въ душѣ человѣка, при совмѣщеніи двухъ или болѣе наукъ, врачевой напримѣръ и философской, или какихъ нибудь другихъ, онѣ не тѣснятъ одна другую въ умѣ и вмѣстилищѣ душевномъ, и при многочисленности находя себѣ просторъ и со-

вмѣщаясь между собою; наполняя душу, онѣ не выдѣляются одна отъ другой, такъ что для провицательныхъ людей представляютъ видъ единой сущности, потому что пребываютъ въ единомъ и томъ же умѣ, но между собою различаются, ибо иное дѣло врачебная наука, а иное—философская: такъ и Отецъ и Сынъ, занимая одно и тоже мѣсто, взаимно воспріимля одинъ другаго и составляя единое, какъ сказали мы немного прежде, различаются одинъ отъ другаго въпостасію и наименованіемъ, существуя однакоже одинъ въ другомъ. Такъ при разлитіи въ воздухъ запаха масти въ одномъ и томъ же пространствѣ существуютъ и воздухъ и запахъ; по видимому, они слились тутъ, на самомъ же дѣлѣ откроется, что иное воздухъ, и иное—запахъ. Такъ же свѣтъ солнечный и дуновенія вѣтровъ, взаимно сливаясь, и, по видимому, находясь въ совершенно смѣшанномъ состояніи, имѣютъ между собою большее различіе; ибо свѣтъ и вѣтеръ не мало различны одинъ отъ другаго. Симъ предметамъ уподобь Божество, и, представивъ въ мысли нѣчто высшее, нежели что выражается словомъ, найдешь, что Оба едино по существу и единенію силъ, и что сей единый Богъ раздѣляется по въпостаси и наименованію на Отца и Сына.

13. Можетъ быть, возразишь мнѣ и слѣдующее: если Отецъ, равно какъ и Сынъ, все

наполняютъ, то какое же мѣсто остается для силы враждебной? Ибо вмѣстѣ съ собою имѣть врага—Богу не приличествуетъ. А если тамъ, гдѣ находится князь злобы, Бога нѣтъ: то Богъ окажется ограниченнымъ и объемлющимъ только часть всего. Отвѣчаю, что Онъ вездѣ-сущъ, и нѣтъ мѣста, гдѣ Бога нѣтъ, хотя въ какомъ либо мѣстѣ и находится князь злобы. Ибо лучи солнца не оскверняются падая на грязь и нечистоты. но даже уничтожаютъ ихъ, иссушая своимъ жаромъ: такъ и Богъ нашъ именуется *огнемъ поглащающимъ* (Евр. 12, 20.); и еще: *огнь предъ Нимъ возгорится* (Пс. 49, 3.), дабы для возлюбленныхъ служить свѣтильникомъ и свѣтомъ, а для враговъ пламенемъ поглатяющимъ; ибо *попалимъ*, сказано, *окрестъ враги Его* (Пс. 96, 3.). Посему и князь злобы, желая избѣгнуть огненосныхъ стрѣлъ Божіихъ, бѣгаетъ по всѣмъ мѣстамъ. Всюду находя Бога, проходить по всѣмъ людямъ; когда находитъ пламенѣющихъ Духомъ, бѣжитъ и отъ ихъ пламени. А найдя въ комъ нибудь, не имѣющемъ Духа Божія, выметенное и убранный убѣжище (Матѣ. 13, 44.), онъ, по краткомъ отдохновеніи, погибнетъ вмѣстѣ съ радушно принявшимъ его; ибо одинаково окажется врагомъ и принявшій его, содѣлавъ своимъ другомъ противника Божія.

14. Думаю, что для утверждения истины достаточно и сихъ разсужденій. Но пусть не

оставлено будетъ мною по забвенію или подобно пловцу, увлеченному въ другія мѣста сильнымъ вѣтромъ, разсмотрѣніе и того, почему, вмѣстѣ со всѣми, не знаетъ (послѣдняго) дня и Сынъ (Марк. 13, 32.), имѣющій въ Себѣ Отца и Самъ сущій въ Отцѣ? И это означаетъ избытокъ Его смиренія. Ибо Сыну Божию надлежало по преимуществу смирить Себя, потому что Онъ по преимуществу совершенно воспріялъ и весь образъ человѣческаго бытія. Сказавъ, что Онъ не знаетъ, Онъ явилъ слушателямъ Свое смиреніе. А дабы не оказаться сказавшимъ неправду, Онъ прибавилъ: *только Отецъ одинъ вѣсть*: по буквѣ Онъ отрекся отъ вѣдѣнія, а по силѣ таинственного выраженія исповѣдалъ оное. Ибо когда знаетъ одинъ Отецъ, то знаетъ и Сынъ, поелику Онъ и Отецъ едино суть. Отъ сего проистекли два блага для рода человѣческаго,—урокъ смиренія и невѣдѣніе конца міра, полезное для жизни. Что труднѣе было бы знать, день кончины, или самаго Бога и Отца? Если же Отца позналъ Сказавшій: да знаете Мене, *якоже знаетъ Мѣ Отецъ и Азъ знаю Отца* (Іоан. 10, 15.): то какъ же Ему не знать дня, котораго Онъ Самъ былъ и Создателемъ? Ибо *безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3.). Наше слово, въ которомъ предложены кратко сѣи доказательства, каково бы ни было само по себѣ, да не послужитъ ни для кого препятствіемъ къ «пріобрѣтенію»

правой вѣры! И такъ вы, послѣдователи Савеллія и Арія, столь между собою различающіеся, познавъ изъ сказаннаго всю истину, войдите со мною въ согласіе, и шествуя между той и другой сѣти, обрѣтете путь истинны, идя по которому, узрите вѣчную жизнь.

С Л О В О

О СВЯТОМЪ ДУХѢ ПРОТИВЪ МАКЕДОНИЯНЪ
ДУХОБОРЦЕВЪ.

1. Можетъ быть не слѣдуетъ и отвѣчать на пустыя рѣчи; ибо къ сему, кажется, относится мудрая заповѣдь Соломона, повелѣвающая не отвѣчать *безумному по безумію его* (Притч. 26, 4.). Но поелику есть опасность, чтобы вслѣдствіе нашего молчанія ложь не усилилась надъ истиной, и чтобы гнилостная гангрена ереси, разрастаясь на счетъ истины, не заразила здоровое ученіе вѣры, мнѣ показалось нужнымъ дать отвѣтъ не по безумію тѣхъ, кто направляетъ противъ благочестія подобныя рѣчи, но для исправленія вредныхъ мнѣній. И заповѣдь, преподанная въ притчахъ, поучаетъ, кажется, не молчанію, но исправленію безумныхъ, тому, что должно не сообразовать отвѣты съ безуміемъ высказанныхъ мнѣній, но лучше испровергать безразсудныя и ошибочныя ихъ мысли о догматахъ.

2. Что же они возражаютъ намъ? Они обви-

ниютъ въ нечестіи тѣхъ, кто мыслить о Святомъ Духѣ достойно Его величія; что исповѣдуемъ мы о Духѣ слѣдуя ученію отцевъ, то самое они, объясняя по произволу, дѣлаютъ для себя поводомъ обвинять насъ въ нечестіи. Мы исповѣдуемъ, что Духъ Святый равночестенъ съ Отцемъ и Сыномъ, такъ что между ними нѣтъ никакого различія ни въ чемъ, что благочестно мыслится и именуется относительно Божескаго естества, за исключеніемъ особности Духа Святаго по вѣности, — именно, что Онъ отъ Бога есть и Христовъ есть, какъ написано (Іоан. 15, 26; Гал. 4, 6.); съ Отцемъ Онъ не сливается, потому что Отецъ не рожденъ, а съ Сыномъ, — потому что Сынъ есть Единородный. И мы исповѣдуемъ, что имѣя нѣкоторыя отличительныя (личныя) свойства, Онъ во всемъ прочемъ, какъ сказано, имѣетъ равенство. Противники говорятъ, что Онъ по естеству чуждъ общенія съ Отцемъ и Сыномъ, и по отличію естества стоитъ ниже и уступаетъ во всемъ, въ могуществѣ, славѣ, достоинствахъ и вообще во всемъ, что выражается въ именахъ и понятіяхъ, усвояемыхъ Богу; и посему они говорятъ, что Онъ не причастенъ славѣ и недостойнъ равночестности съ Отцемъ и Сыномъ; могуществомъ Онъ обладаетъ въ той мѣрѣ, какая достаточна для назначенныхъ Ему нѣкоторыхъ частныхъ дѣйствій, а силы зиждительной Онъ совершенно чуждъ. При

господствѣ у нихъ такихъ мыслей, ими послѣдовательно выводится заключеніе, что Духъ не имѣетъ въ Себѣ ничего такого, что благочестиво говорится и мыслится относительно Божескаго естества.

3. Какое же будетъ наше слово? Предлагающимъ такія сужденія мы не отвѣтимъ ничего новаго или измышленнаго нами самими, но воспользуемся свидѣтельствомъ о Святомъ Духѣ божественнаго Писанія, которое научило насъ, что Духъ Святый есть и именуется Божествомъ. Посему если и они согласны съ нѣмъ и не сопротивляются Божественному гласу, то пусть скажутъ они, готовые на борьбу съ нами: для чего спорять они не противъ Писанія, а противъ насъ? Ибо мы не говоримъ ничего инаго, кромѣ сказаннаго въ Писаніи. Въ Божескомъ естествѣ, которое исповѣдуемъ, мы ни по ученію Писанія, ни на основаніи понятій разума, не признаемъ никакого такого различія, чтобы Божеское и верховное естество дѣлилось само въ себѣ на бѣльшее и меньшее. Поелику вѣруемъ, что Оно просто, единообразно, и не сложно. и не усматриваемъ въ Немъ никакого сочетанія и сложенія изъ несходнаго: то какъ скоро разъ мы составили въ душѣ понятіе о Божескомъ естествѣ, вмѣстѣ съ сѣмъ на основаніи самаго имени должны будемъ признать, что Оно имѣетъ совершенство во всемъ, что должнымъ образомъ пред-

ставляемъ въ Немъ; ибо Божество имѣетъ совершенство во всемъ, что мы понимаемъ, какъ добро. А если бы оно въ чемъ либо не достаточествовало, и въ чемъ нибудь не имѣло совершенства: то вслѣдствіе такого недостатка было бы не полно и понятіе Божества, такъ что въ этомъ частномъ отношеніи Божество уже не можетъ ни быть, ни именоваться Божествомъ. Ибо какъ усвоить кто нибудь это наименованіе несовершенному и недостаточествующему, нуждающемуся въ восполненіи отънуды?

4. И при помощи чувственныхъ примѣровъ можно увѣриться въ справедливости этого разсужденія. Естество огня, при прикосновеніи къ нему, всѣмъ существамъ одного и того же вида сообщаетъ одинаковое ощущеніе тепла, и не испытываетъ одно существо усиленную теплоту, а другое — слабѣйшую. Пока существуетъ огонь, онъ весь постоянно сохраняетъ непрерывное единство съ самимъ собою по тождеству дѣйствія. Если же въ какой нибудь части онъ остылъ бы, то остывшее уже не будетъ именоваться огнемъ, но съ измѣненіемъ теплотворной дѣятельности на противоположную, измѣняется и наименованіе. Такъ и относительно воды, воздуха и всего, входящаго въ стихійный составъ, о каждомъ (имѣемъ) одно и тоже понятіе, не допускающее ни увеличенія ни уменьшенія. Ибо о водѣ нельзя

сказать, что она есть вода въ большей или меньшей степени; доколѣ она будетъ одинаково влагою, дотолѣ ей по справедливости будетъ придаваться и наименованіе воды; если же послѣдуетъ измѣненіе въ свойство противоположное, то вмѣстѣ измѣнится, конечно, и ея имя. И въ воздухѣ мягкость, стремленіе вверхъ и легкость одинаково усматриваются во всѣхъ частицахъ; а плотное, тяжелое и падающее на землю не можетъ именоваться воздухомъ.

• Такъ и Божеское естество, доколѣ заключаетъ въ себѣ совершенство по всѣмъ понятіямъ, благочестно Ему усвояемымъ, дотолѣ по совершенству добра справедливо прилагается къ нему его имя; если же отъято будетъ нѣчто изъ входящаго въ составъ понятія о совершенствѣ, то въ отношеніи утраченной части наименованіе Божествомъ будетъ ложно, и не будетъ соотвѣтствовать предмету; ибо какъ невозможно сухому тѣлу придавать наименованіе воды, остывшее называть огнемъ, и плотное и тугое именовать воздухомъ: такъ, или, лучше сказать, еще болѣе невозможно именовать Божествомъ существо, въ которомъ не подразумѣвается понятіе совершенства.

5. Посему если въ Писаніи и у отцевъ нашихъ истинно, а не по имени только Духъ Святый наименованъ Божествомъ: то что еще остается говорить противникамъ славы Духа? Ибо если (наименованъ) Божествомъ: то, ко-

нечно, и благимъ, и всемогущимъ и премудрымъ, славнымъ и вѣчнымъ, и вообще всѣми подобными именами, возвышающими мысль къ (Божескому¹ величію. Несложность Его свидѣтельствуешь, что все сіе принадлежитъ Ему не по какому либо участию, такъ чтобы можно было думать, что иное есть въ Его собственномъ естествѣ, а иное приходитъ отъ присутствія упомянутыхъ свойствъ; это свойственно только (тварямъ) получившимъ естество сложное. А что Духъ Святой не сложенъ, это всѣми признается одинаково, и возражателей противъ этого нѣтъ. Если же Его естество по самому понятію своему не сложно: то благость Онъ имѣетъ не пріобрѣтенную, но Самъ по своему существу есть благость, премудрость, могущество, святость, правда, вѣчность, нетлѣніе, и вообще Ему свойственны всѣ высокія и превосходящія имена. А когда Онъ таковъ, то на основаніи какой же мысли утверждаютъ, что Онъ не славенъ,—утверждаютъ, не страшась тяжкаго осужденія за хулу на Духа? Очевидно, они утверждаютъ что не должно вѣровать, что онъ славенъ. Не понимаю, вслѣдствіе какого умствованія они признали полезнымъ не признавать славнаго по существу тѣмъ, что Онъ есть.

6. Достаточною защитою ихъ (мнѣнія) не можетъ служить и то, что, поелику въ заповѣди преданной Господомъ ученикамъ Духъ Святой

поставленъ третьимъ по порядку (Матѣ. 28, 19.), то къ Нему неприменимо понятіе достойное Божества. Ибо тамъ, гдѣ дѣйствіе по отношенію къ благу не имѣетъ никакого уменьшенія или измѣненія, порядокъ по числу основательно ли почитать знакомъ нѣкотораго уменьшенія или измѣненія по естеству? Это было бы подобно тому, какъ если бы кто, видя пламень, раздѣленный въ трехъ свѣтильникахъ (а предположимъ, что причина третьяго пламени есть первый пламень, возжегшій послѣдній преемственно чрезъ средний), потомъ сталъ утверждать, что жаръ въ первомъ пламени сильнѣе, а въ слѣдующемъ уступаетъ и измѣняется въ меньшій, третій же уже не называется и огнемъ, хотя бы онъ также точно жегъ и свѣтилъ и производилъ всё, что свойственно огню. А если ничто не препятствуетъ, чтобы и третій свѣтильникъ былъ огнемъ, хотя бы онъ былъ возженъ отъ предыдущаго пламени, то какая же разумность у тѣхъ, которые нечестиво думаютъ уничтожить достоинство Святаго Духа потому, что божественнымъ гласомъ Онъ исчисленъ послѣ Отца и Сына? Если недостаетъ какого либо изъ свойствъ, приличествующихъ Богу, въ томъ, что созерцается въ естествѣ Духа, то они хорошо свидѣтельствуютъ, что не имѣетъ Онъ славы; если же величіе достоинства Святаго Духа усматривается во всемъ, то къ чему оспаривать

исповѣданіе сей славы? Это подобно тому, какъ если бы кто, признавая кого либо чело-
вѣкомъ, еще не считалъ бы безопаснымъ
вмѣстѣ съ симъ признать въ немъ разумность,
или смертность, или другое что либо, что го-
ворится о челоѣкѣ, и посему опять отнялъ
бы то, что далъ. Ибо если кто неразумень,
то и не челоѣкъ. Если же это допущено, то
какъ подвергается сомнѣнію мыслимое соеди-
ненію съ понятіемъ челоѣка? Итакъ если
истину говорить утверждающій о Духѣ, что
Онъ есть Божество, то неложно говорить и
полагающій, что Онъ есть досточтимый, так-
же какъ и славный, благій, равно какъ и силь-
ный, ибо всѣ эти представленія соединяются
въ понятіи божественности, такъ что необхо-
димо одно изъ двухъ: или и не называть Его
Богомъ, или не отнимать отъ божественно-
сти никакого изъ приличествующихъ Богу
свойствъ. Посему должно непремѣнно соеди-
нить въ мысли вмѣстѣ то и другое: и боже-
ское естество съ свойственнымъ понятіемъ о
немъ, и благочестивыя понятія о божескомъ и
высочайшемъ естествѣ.

7. Итакъ когда сказано, что Духъ есть бо-
жескаго естества, и сказано правильно, а съ
симъ именемъ (Божества), сказали мы, соеди-
няется понятіе о всякомъ величіи, то давшій
Силѣ это имя, вмѣстѣ съ симъ призналъ и
остальное, что Онъ есть и славенъ, и силенъ,

и все иное, что имѣть значеніе совершенства. Ибо не естественно не признавать это о Духѣ, по несообразности противоположныхъ симъ именованій; ибо не признающій Его славнымъ долженъ признать безславнымъ, и отвергающій въ Немъ силу долженъ согласиться приписать Ему противное. Точно такъ же и касательно досточтимости и благодати; и кто не допустить въ Немъ наилучшаго, тотъ конечно признаетъ противное. Если же это ужасно и выше всякой нелѣпости и богохульства, то ясно, что благочестивые согласятся съ знаменательнѣйшими именами и понятіями о Святомъ Духѣ, и скажутъ, что Онъ есть то, что мы часто говорили, — досточтимый, сильный, славный, благій и все другое, что говорится о Немъ согласно съ благочестіемъ. Всѣ сѣ свойства находятся въ Духѣ не въ несовершенномъ видѣ и заключаютъ въ себѣ не ограниченное количество блага, но соответствуютъ названіямъ вполне безконечно; ибо не до нѣкотораго предѣла только Онъ досточтимъ, такъ что за тѣмъ мыслится въ Немъ нѣчто иное, недосточтимое, но всегда таковъ. И посмотришь ли ты на протекшіе вѣка, обратишь ли взоръ въ грядущее, нигдѣ ни найдешь недостатка въ чести, или славѣ, или силѣ, такъ чтобы онѣ или умножались чрезъ приращеніе или уменьшались чрезъ отъятіе. Итакъ если Онъ весь во всемъ совершенъ, то

ни въ чемъ не допускаетъ уменьшенія. Ибо въ какой мѣрѣ при такомъ предположеніи уменьшится совершенство, въ такой мѣрѣ будетъ дано мѣсто недостойнымъ представленіямъ; ибо что не совершенно досточтимо, о томъ предполагаемъ, что оно въ нѣкоторомъ отношеніи причастно противному. Если же это даже и въ мысли допустить есть признакъ крайняго безумія, то конечно справедливо будетъ приписывать Духу Святому совершенство во всемъ благомъ безпредѣльное, не ограниченное, не уменьшенное ни въ какомъ отношеніи.

8. Если таковъ есть Духъ, то мы рассмотримъ сейчасъ, то ли же самое можно сказать и о Сынѣ, равно какъ и объ Отцѣ. Ужели кто не признаетъ совершенною честь и въ Семѣ и въ Ономъ? Я думаю, что всѣ, имѣющіе умъ, согласятся съ сказаннымъ. Итакъ если честь Отца совершенна, совершенна честь и Сына, а признано, что совершенство чести принадлежитъ и Духу Святому: то зачѣмъ новые учителя догматовъ узаконяютъ намъ, что не должно исповѣдывать Его равночестнымъ Отцу и Сыну? Мы, на основаніи предыдущаго изслѣдованія, не можемъ ни говорить, ни думать, чтобы то, что для совершенства неимѣетъ нужды ни въ какомъ приращеніи, было менѣе досточтимо чего либо другаго. Ибо непонимаю, въ чемъ можетъ состоять умаленіе того,

что не допускаетъ понятія объ увеличеніи по причинѣ полноты и совершенства. А отвергающіе равночестіе, конечно, учатъ умаленію чести. Но умаливъ сравнительно (съ Отцемъ и Сыномъ) Святаго Духа, они по тойже послѣдовательности извратятъ въ противныя и всѣ благочестивыя представленія о Немъ, не приписывая Ему совершенства ни въ благодати, ни въ силѣ, ни въ чемъ другомъ изъ того, что благочестиво говорится о Немъ. Если же, уклоняясь отъ явнаго нечестія, исповѣдуютъ совершенство Его во всемъ, что приписываютъ Ему какъ благо, то пусть скажутъ эти мудрецы, какъ одно совершенство совершеннѣе, или болѣе вѣчно чѣмъ другое? Ибо пока имѣетъ мѣсто понятіе о совершенствѣ, то это понятіе не допускаетъ ни увеличенія ни уменьшенія въ представленіи совершенства.

9. Итакъ если допускается, что Духъ Святой есть совершенъ, а при этомъ благочестиво признается также и совершенство во всемъ благомъ Отца и Сына, то пусть дадутъ отчетъ, на какомъ разумномъ основаніи они считаютъ себя въ правѣ отрицать (божественность) Духа? Ибо уничтоженіе равночестности есть доказательство того, что они непочитаютъ Его причастнымъ совершенству. Въ чемъ же, по ихъ мнѣнію, состоитъ та самая честь, воздаваемая Божескому естеству, которой они хотятъ лишить Духа? Не о той ли чести говорятъ, кото-

рую воздаютъ и люди людямъ, выказывая знаки почтенія и словами и наружнымъ видомъ, выражая подчиненность уступкою перваго мѣста на пути и тому подобнымъ, что считается почетнымъ въ пустомъ обычаѣ нашей жизни? Все это основано на произволѣ дѣлающихъ подобное; если предположимъ, что это оставлено, то никто изъ людей не будетъ имѣть никакого естественнаго основанія быть почтеннѣе прочихъ, потому что естественныя свойства одинаково у всѣхъ равны. Это дѣло ясно и несомнѣнно; ибо того, кто сего дня казался для многихъ почитаемымъ въ слѣдствіе начальственной власти, которою былъ облеченъ, мы въ послѣдствіи самаго найдемъ однимъ изъ числа почитающихъ, какъ скоро начальство перейдетъ къ другому. Не такой ли видъ чести они придумываютъ и для божескаго естества, такъ что, когда мы хотимъ, оно имѣетъ честь, а когда перестаемъ почитать, то съ нашимъ произволомъ прекращается и божеская честь? Не смѣшно ли и не нечестиво ли вмѣстѣ думать такъ? Ибо не чрезъ насъ Божество становится досточтимѣе себя самаго, но всегда оно одинаково; оно не можетъ перейти ни къ худшему, ни къ лучшему; ибо перваго не допускаетъ, послѣдняго нѣтъ для него.

10. Итакъ какимъ образомъ ты будешь чтить Божество? Какъ возвысишь Высочайшаго? Какъ прославишь Сущаго выше всякой

славы? Какъ восхвалишь непостижимаго? *Аще вси языцы, аки капля отъ кади* (Ис. 40, 15.), какъ говоритъ Исаія, то, хотя бы все чело-вѣчество, соединившись вмѣстѣ, единогласно воздало славу, была ли бы какимъ прираще-ніемъ Славному по естеству сія благодарность капли? *Небеса повѣдаютъ славу Божию* (Ис. 18, 1.) и малыми вѣстниками достоинства почитаются, потому что *взятъя великолѣпіе* Его не до небесъ, но *превыше небесъ* (Ис. 8, 2.) объемлемыхъ малою частію Божества, образно называемою *пядію* (Ис. 40, 12.). И чело-вѣкъ, сіе слабое и кратковременное животное, хо-рошо уподобляемое травѣ (Ис. 102, 14.), сего-дня существующій и завтра нѣтъ, вѣрить, что онъ достойно почтилъ божеское естество! Это подобно тому, какъ если бы кто либо зажегши тонкую нить изъ пакли, подумалъ, что онъ чрезъ эту искру придастъ сіянію солнца нѣ-которое приращеніе. Какими выраженіями, ска-жи мнѣ, ты почтешь, если захочешь вполнѣ почитать, Духа Святаго? Скажешь, что Онъ совершенно безсмертенъ, что непреложенъ и неизмѣняемъ, всегда благъ, не имѣетъ нужды въ дарованіи чего либо другими, что все во всѣхъ дѣйствуетъ какъ хочетъ, святъ, влады-чественъ, правъ, праведенъ, истиненъ, испыты-ваетъ глубины Божіи, исходитъ отъ Отца, отъ Сына пріемлетъ, и тому подобное? Но чрезъ это и подобное что даруешь Ему? Говоришь

о томъ, что присуще, или чтишь тѣмъ, что не присуще? Если приписываешь не присущее, то даръ твой пустой и не придастъ Ему ничего бѣльшаго; ибо называющій горькое сладкимъ и сказалъ ложь, и достойное порицанія не похвалилъ. Если же говоришь о томъ, что дѣйствительно въ Немъ есть, то Онъ конечно таковъ по естеству, исповѣдуешь ли таковымъ, или нѣтъ; ибо апостолъ говоритъ, что *еще не вѣруемъ, Онъ вѣренъ пребываетъ* (2 Тим. 2, 13.).

11. Итакъ чего хочетъ малодушіе и великодушіе тѣхъ, кои ублажаютъ честію Отца, думаютъ, что должно воздавать равную честь и Сыну, а колеблются даровать оную Духу? Если доказано, что не отъ нашего произвола зависить полнота чести собственно присущей божескому естеству, но она принадлежитъ Ему естественнo, то подобное мнѣніе (еретиковъ) обличасть упорство неразумія неблагодарныхъ; Духъ же по своему естеству есть досточтимъ, славенъ, силенъ, есть все, что ни разумѣемъ высокаго, хотя бы они не хотѣли того. Такъ, говорягъ; но изъ Писанія мы знаемъ, что Отецъ есть Зиждитель; знаемъ также, что и чрезъ Сына все произошло, но о Духѣ слово Писанія ничему такому не научило насъ. И возможно ли почитать Духа Святаго равночестнымъ съ Тѣмъ, кто чрезъ Зиждительство явилъ такое величіе силы?—Что же мы отвѣтимъ на

это? Что суетная глаголаша въ сердцахъ (Пс. 11, 3.) своихъ думающіе, что Духъ не всегда есть съ Отцемъ и Сыномъ, но въ извѣстное время долженъ быть умопредставляемъ самобытнымъ, а въ другое понимаемъ въ соединеніи (со Отцемъ и Сыномъ). Ибо если небо и земля, и вся тварь произошли безъ Духа чрезъ одного Сына отъ Отца; то пусть скажутъ говорящіе это, что дѣлалъ Духъ Святой тогда, когда Отецъ съ Сыномъ совершалъ твореніе? Нѣкоторыми другими дѣлами занимался, и потому не касался творенія всего? Но какое они могутъ показать исключительное дѣло Духа, когда совершалось твореніе? Какъ глупо и неразумно придумывать другое твореніе, кромѣ совершеннаго Отцемъ чрезъ Сына!

12. Но скажутъ: не былъ занятъ Онъ, а по какой-то лѣности и праздности и по уклоненію отъ трудовъ отстранился отъ заботы касательно творенія? Но да проститъ насъ за эти пустыя слова самая благодать Духа! Ибо, идя по слѣдамъ нелѣпости утверждающихъ это, мы невольно осквернили наше слово ихъ мнѣніями, какъ бы нѣкоторою грязью. Благочестивое же разумѣніе такого рода: ни Отецъ безъ Сына никогда не мыслится, ни Сынъ безъ Святаго Духа не понимается. Ибо какъ нѣтъ средства взойти къ Отцу, если кто не будетъ вознесенъ чрезъ Сына, такъ невозможно *речи*

Господа Иисуса, тою Духомъ Святымъ (1 Кор. 12, 3.). Итакъ послѣдовательно и согласно, Отецъ и Сынъ и Духъ Святый познаются всегда другъ съ другомъ въ совершенной Троицѣ; и прежде всякаго творенія, и прежде всѣхъ вѣковъ, и прежде всякаго примышленія понятій, Отецъ всегда есть Отецъ, и въ Отцѣ Сынъ и съ Сыномъ Духъ Святый. Итакъ если Они существуютъ нераздѣльно другъ съ другомъ, то какова глупость рѣшающихся разсѣкать, въ какое либо время, Несѣкомое и раздѣлять Недѣлимое, такъ что дерзаютъ говорить: одинъ Отецъ сотворилъ все чрезъ одного Сына, тогда какъ Святый Духъ во время творенія или не присутствовалъ, или не дѣйствовалъ! Ибо если Онъ не присутствовалъ, то пусть скажутъ гдѣ былъ, когда Богъ всему опредѣлялъ бытіе? Или они придумаютъ какое нибудь особенное помѣщеніе для Духа, такъ что Онъ былъ отдѣльно самъ въ себѣ, на время творенія? А если присутствовалъ, то какъ былъ недѣйствующимъ? По безсилію что либо дѣлать, или по нехотѣнію? Добровольно ли остался безъ дѣла, или будучи принужденъ нѣкоторою сильнѣйшею необходимостію? А если по произволенію Онъ избралъ недѣятельность, то конечно и ни въ чемъ другомъ Онъ незахочетъ дѣйствовать и окажется, по ихъ мнѣнію, лжецомъ говорящій, что Онъ дѣйствуетъ *вся во всѣхъ*, какъ хочетъ (1 Кор. 12, 6.).

13. Если же у Него есть стремленіе къ дѣйствованію, а какая либо высшая власть препятствуетъ Его намѣренію, то пусть скажутъ о причинѣ такого препятствія. Зависть ли то къ славѣ дѣла, чтобы чувство удивленія предъ созданнымъ не перешло къ другому, или недовѣріе къ содѣйствію, какъ бы присутствіе Его не послужило ко вреду дѣла? Ибо конечно, при такихъ предположеніяхъ, эти мудрецы объясняютъ намъ и причины ихъ. Если же ни зависть не касается божескаго естества, ни какая либо ошибка не мыслима въ непогрѣшительномъ ествѣ, то чего хочеть мелочность ихъ понятій, отдѣляя силу Духа отъ зиждительной причины, тогда какъ должно, чтобы низменные и человѣческія понятія были оставлены при разумѣніи Высочайшаго, а быль принять образъ мыслей достойный высоты искомаго. Поелику и Богъ сущій надъ веѣмъ, сотворилъ все чрезъ Сына не потому, чтобы имѣлъ нужду въ какомъ либо содѣйствіи, и едиnorodный Сынъ дѣйствуетъ все Святымъ Духомъ не потому, чтобы имѣлъ меньше силы привести въ исполненіе; но источникъ силы есть Отецъ, сила же Отчая Сынъ, а духъ силы Духъ Святый; все же твореніе какъ чувственное, такъ и безтѣлесное есть произведеніе божеской силы. И поелику нѣтъ мѣста труда въ томъ, что составляетъ божеское естество, ибо вмѣстѣ съ изволеніемъ

слѣдуетъ исполненіе, намѣреніе тотъ часъ бываетъ осуществленіемъ, то все, чрезъ твореніе происшедшее, естество, по отношенію къ движенію воли, устремленію намѣренія, и сообщенію силы, справедливо можно назвать начинающимся отъ Отца, продолжающимся чрезъ Сына, и совершающимся въ Духъ Святомъ.

14. Мы, размышляя о семъ просто и обычнымъ намъ образомъ, не допускаемъ оной мудрости противниковъ, вѣруя и исповѣдуя, что во всемъ существующемъ и мыслимомъ, находящемся въ мірѣ, и выше міра, во времени и прежде вѣковъ, съ Отцемъ и Сыномъ долженъ быть разумѣемъ и Духъ Святой, не лишеннымъ ни воли, ни дѣйствія, ни другаго чего либо изъ того, что благочестиво мыслится какъ благо. И посему, исключая отличія по порядку и по вѣности, мы не принимаемъ различія ни въ чемъ (прочемъ), но говоримъ, что Онъ числится третьимъ по послѣдованію послѣ Отца и Сына; третьимъ же и по порядку преданія (Матѣ. 28, 19.). Во всемъ же остальномъ исповѣдуемъ нераздѣльное единеніе по естеству и по чести, и по божественности и славію и велелѣпнѣю, и по власти надъ всѣмъ и по благочестивому исповѣданію. А относительно служенія и поклоненія и всего, того, о чемъ идугъ мелочныя разсужденія у этихъ мудрецовъ, говоримъ, что Духъ Святой выше всего, что зависитъ у насъ отъ произ-

воленія человѣческаго ; и поклоненіе наше ниже должной чести, и если иное что либо обычай людской считаетъ почетнымъ, то и то ниже достоинства Духа. Ибо неизмѣримое по естеству выше всѣхъ приносящихъ Ему powerful дары почитанія отъ малой, ограниченной и скудной силы. Но это говоримъ мы для согласныхъ съ болѣе благочестивымъ понятіемъ о Святомъ Духѣ, именно,—что Онъ есть Божество и естества божескаго.

15. А если бы кто отвергъ это выраженіе и смыслъ соединенный съ наименованіемъ Божества, а сталъ бы говорить разглашаемое многими къ уничиженію величія Духа, именно, что Онъ принадлежитъ не къ творящимъ, а къ сотворенному, и что долженъ быть почитаемъ не божескаго, а сотвореннаго естества, то на сіи слова отвѣтимъ, что такъ думающихъ мы не научены почитать христіанами. Ибо какъ никто не назоветъ человѣкомъ недозрѣлый зародышъ, но признаетъ за нимъ только возможность развиться въ человѣка, если будетъ доношенъ, а пока (зародышъ) въ несовершенномъ видѣ, онъ нѣчто другое, но не человѣкъ, такъ и того, кто не чрезъ всецѣлое таинство принялъ образованіе благочестія, наше ученіе не признаетъ христіаниномъ. Ибо можно слышать, что и іудеи исповѣдаютъ Бога, и Бога нашего. И Господь соглашается съ ними въ Евангеліи, что они почитаютъ не

инаго Бога, какъ Отца Единороднаго, *Его же вы, говорить, глаголете, яко Богъ есть нашъ* (Іоан. 8, 54.). Итакъ неужели должно именовать христіанами іудеевъ, потому что и они исповѣдаютъ и чтутъ Покланяемаго нами? Знаю, что и манихеи произносятъ имя Христа. Что же? Послику и они чтутъ покланяемое нами имя, то и ихъ причислить къ христіанамъ? Такъ и тотъ, кто хотя исповѣдаетъ Отца и признаетъ Сына, но отвергаетъ величіе Духа, *спры отвергся и неспрнаго горійи естъ* (1 Тим. 5, 8.), и нежно носить названіе христіанина. Апостолъ повелѣваетъ, чтобы человѣкъ Божій былъ совершенъ (1 Тим. 3, 17.). Совершеннымъ же бываетъ обыкновенно человѣкъ, когда имѣетъ всю полноту естественныхъ свойствъ; ему должно быть разумнымъ, способнымъ къ мышленію и знанію, причастнымъ жизни, прямымъ по виду, могущимъ смѣяться, имѣющимъ плоскіе ногти. Если же кто назвалъ бы человѣкомъ того, кто выше-сказанныхъ естественныхъ признаковъ при семъ представить не могъ, то напрасно почтилъ бы такого симъ названіемъ. Такъ и христіанинъ отличительнымъ своимъ признакомъ имѣетъ вѣру въ Отца и Сына и Святаго Духа; она естъ обликъ по таинству истины образовавшагося. Если же этотъ образъ окажется иначе устроеннымъ, то я не признаю естества въ безобразномъ. Если въ вѣрѣ не

пріемлется вмѣстѣ (съ Отцемъ и Сыномъ) Духъ Святый, то это будетъ сліяніе начертанія и отчужденіе отъ естественнаго образа и измѣненіе отличительныхъ признаковъ челоѡчества. Ибо истинно слово Екклесіаста, что таковой не живой челоѡкъ, но *яко же кости* (какъ онъ говоритъ) *во чревь разсѣдающія* (Екклес. 11, 5.). Ибо какъ исповѣдаетъ Христа не признающій вмѣстѣ съ помазаннымъ помазанія? Сего *полаза*, говоритъ, *Богъ Духомъ Святымъ* (Дѣян. 10, 38.).

16. Итакъ пусть скажутъ намъ уничижающіе славу Духа и поставляющіе Его на ряду съ подчиненнымъ естествомъ, что знаменуетъ помазаніе? Не царство ли? Что же? Ужели не вѣрують, что Единородный есть царь по естеству? Не будутъ конечно противорѣчить сему тѣ, у которыхъ сердце нисколько незакрыто покрываломъ іудейскимъ. Итакъ если Сынъ царь по естеству, а помазаніе есть символъ царства, то какое слѣдствіе вытекаетъ тебѣ отсюда? То, что помазаніе не есть что либо чуждое природному царю, и что Духъ полагается во Святой Троицѣ не какъ чуждое что либо и постороннее Ей. Ибо Сынъ царь, а живое и существенное и вѣчное царство есть Духъ Святый, которымъ Единородный будучи помазанъ, есть Христосъ и Царь сущаго. Итакъ если царь Отецъ, царь и Единородный, а царство Духъ Святый, то конечно

одно понятіе царства въ Троицѣ. Мысль же о помазаніи таинственно указываетъ на то, что нѣтъ никакого различія между Сыномъ и Святымъ Духомъ. Ибо какъ между поверхностію тѣла и помазаніемъ елея ни разумъ ни чувство не усматриваютъ ничего средняго, такъ нераздѣлимо единеніе Сына съ Духомъ Святымъ; такъ что для того, кто намѣревается коснуться вѣрою Сына, необходимо предварительно осязать муро; ибо нѣтъ въ Немъ никакой части, которая обнажена отъ Святаго Духа. Посему исповѣданіе Сына Господомъ бываетъ у пріемлющихъ оное, во Святомъ Духѣ, такъ какъ приближающихся вѣрою, отовсюду предваряетъ Духъ. Итакъ если Сынъ царь по естеству, а Духъ Святый достоинство царства, которымъ помазуется Сынъ, то какое еще придумывается отчужденіе царства по естеству отъ себя самаго?

17. Потомъ обратимъ вниманіе и вотъ на что. Признакъ царскаго достоинства конечно составляетъ власть надъ подчиненнымъ. Но что подчинено царственному естеству? Подъ симъ разумѣемъ конечно вѣка и то, что въ нихъ; ибо *царство твое*, гсворить (пророкъ), *царство вѣковъ* (Пс. 144, 13.). Говоря же *вѣка*, объемлетъ все находящееся въ составѣ ихъ твореніе, видимое и невидимое; ибо въ нихъ сотворено все Творцемъ вѣковъ. Итакъ если царство разумѣется всегда съ царемъ, а под-

чиненное естество признается чѣмъ-то инымъ (отличнымъ) отъ начальствующаго, то какъ нелѣпо поступаютъ тѣ, которые, противорѣча сами себѣ, хотя присвояютъ помазаніе царю по естеству какъ достоинство, но низводятъ сіе самое (помазаніе) въ подчиненный рядъ, какъ низшее достоинства? Ибо, если (Духъ Святой) принадлежитъ по естеству къ числу подчиненныхъ, то какъ Онъ согласуется съ достоинствомъ царства Единороднаго, будучи помазаніемъ царства? Если же сопріятіе Его въ величіе царства показываетъ Его начальственность, то какая необходимость уничтожать все, низводя въ служебное и рабское униженіе, причисленіемъ Его къ рабствующей твари? Ибо тому, кто говоритъ о Немъ то и другое,—что Онъ и начальственъ и подчиненъ, невозможно говорить истину въ обоихъ случаяхъ. Ибо если начальствуетъ, то не подвластенъ; если же рабствуетъ, то уже нельзя ставить Его на ряду съ царствующимъ естествомъ. Ибо какъ люди причисляются къ людямъ, ангелы къ ангеламъ, и все къ однородному, такъ необходимо Духа Святаго признать принадлежащимъ къ чему либо одному изъ двухъ, или къ господствующему, или къ подчиненному естеству. Ибо разумъ не признаетъ ничего средняго между тѣмъ и другимъ, такъ чтобы думать, что есть нѣкоторое нововобрѣтенное особенное естество въ срединѣ между

сотвореннымъ и несотвореннымъ, такъ что оно и причастно обоимъ и не есть вполне ни то ни другое. Ибо нельзя допустить мысли о какомъ-то смѣшеніи противнаго и сплетеніи сотвореннаго съ несотвореннымъ смѣшанныхъ между собою, и о двухъ противоположностяхъ соединенныхъ въ одну вѣпостась. Составленное чрезъ это чудовищное смѣшеніе существо не только будетъ сложно, но сложено при томъ изъ несходственныхъ и несогласныхъ по времени частей; ибо существующее чрезъ твореніе конечно новѣе существующаго несотворенно. Итакъ если говорятъ, что естество Духа смѣшано изъ того и другаго, то должны допустить понятіе и о нѣкоторомъ смѣшеніи древнѣйшаго съ новѣйшимъ: и будетъ по ихъ мнѣнію нѣчто древнѣйшее себя самаго, и опять нѣчто новѣйшее себя самаго, такъ что, въ какой мѣрѣ Духъ не созданъ, будетъ древнѣйшимъ, а въ какой созданъ, будетъ позднѣйшимъ. Итакъ, поеліку это не естественно, то конечно необходимо сказать, что истинно о Духѣ что нибудь одно изъ сего,—именно что Онъ не созданъ.

18. Разсмотримъ, какъ нелѣпо и слѣдующее. Если все мыслимое сотвореннымъ, по тому самому, что получило бытіе чрезъ твореніе, имѣетъ равночестіе: то какая причина, отдѣляя Духъ отъ прочихъ (тварей) поставлять Его на ряду съ Отцемъ и Сыномъ? Разумная по-

слѣдовательность показываетъ, что не сотворено то, что умосозерцается вмѣстѣ съ естествомъ несотвореннымъ; а если бы оно было сотворено, то нисколько не имѣло бы значенія болѣе однородной съ нимъ твари и не могло бы согласоваться съ высочайшимъ естествомъ. Если же стануть говорить, что Духъ и сотворенъ и имѣеть значеніе болѣе чѣмъ тварь, то опять оказывается въ сотворенномъ естествѣ внутреннее противорѣчіе и раздѣленіе на господствующее и подчиненное, такъ что одно благодѣтельствуетъ, а другое пріемлетъ благодѣяніе, и одно освящаетъ, а другое освящается. И все, что, какъ мы вѣруемъ, даруется твари отъ Святаго Духа, то Ему присуще, обильно источается и на другихъ изливается; но какъ тварь Онъ будетъ нуждаться въ даруемомъ оттуда благодѣяніи и благодати, для того чтобы существовать, и по причастію имѣть общеніе въ благахъ, отъ однороднаго съ нимъ изливаемыхъ. А это похоже на избраніе и лицепріятіе, что хотя въ естествѣ нѣтъ никакого предпочтенія, но предметамъ не имѣющимъ различія по бытію дается не одинаковое значеніе. Но на это, я думаю, никто изъ благомыслящихъ не согласится; Духъ или не доставляетъ другимъ (благъ), если не имѣеть ихъ естественно; или, если вѣрятъ, что даруетъ, то конечно признають, что имѣеть. А быть источникомъ дарованія благъ, самому же

ни въ чемъ постороннемъ не имѣть нужды, исключительно свойственно божескому существу.

19. Потомъ рассмотримъ и сіе: чрезъ святое крещеніе чего достигаемъ? Не причастія ли жизни, уже подлежащей смерти? Думаю, что никто не станетъ противорѣчить этимъ словамъ, кто только и какимъ бы то ни было образомъ причисляетъ себя къ христіанамъ. Что же? Животворящая сила въ водѣ ли, которая употребляется для преподаванія благодати крещенія? Всякому ясно, что она приѣмлется ради тѣлеснаго служенія, но сама собою ничего не привноситъ для освященія, если не претворится чрезъ освященіе; а оживотворящій крещаемыхъ есть Духъ, какъ говоритъ о семъ собственными устами Господь: что *Духъ есть иже оживляетъ* (Іоан. 6, 64.). Животворить же не Онъ одинъ, будучи воспринять ради благодатнаго сего совершенія чрезъ вѣру, но должна предшествовать вѣра въ Господа, чрезъ которую жизненная благодать усвоится вѣрующимъ, какъ сказано Господомъ, что Сынъ *иже хочетъ жити* (Іоан. 5, 21.). Но поелику и даруемая чрезъ посредство (διακοινωνία) Сына благодать зависитъ отъ нерожденного источника, то посему Писаніе научаетъ, что должна предшествовать вѣра во имя Отца, оживляющаго *всяческая* (1 Тим. 6, 13), какъ говоритъ апостолъ, такъ чтобы животворящая

благодать, исходящая отъ Него, какъ бы изъ нѣкотораго, источающаго жизнь источника, приводила въ совершенство удостоиваемыхъ оной, чрезъ едиnorodнаго Сына, который есть истинная жизнь, дѣйствіемъ Духа. Итакъ, если жизнь чрезъ крещеніе, а крещеніе совершается во имя Отца и Сына и Духа Святаго, то что говорить считающіе за ничто Того, Кто доставляетъ жизнь? И если эта благодать мала, то пусть скажутъ, что почтеннѣе жизни? Если жевсе, что ни есть почтеннаго, ниже жизни, — говорю, оной высокой и почтенной жизни, которой никакъ не причастно неразумное естество; то какъ дерзаютъ столь великій даръ, или лучше Самаго доставляющаго сей даръ, унижать своими понятіями и низводить въ подчиненное естество, отторгнувъ отъ божескаго и высочайшаго. Потомъ, если и малымъ считаютъ этотъ даръ жизни, какъ будто изъ него не открывается ни сколько высоты и величія естества Дарующаго, то какъ они не подумаютъ о послѣдствіи, именно, — что тоже самое понятіе побуждаетъ и объ Единородномъ и объ Отцѣ Его не думать ничего великаго, такъ какъ таже самая жизнь, которую мы имѣемъ чрезъ Духа, даруется чрезъ Сына отъ Отца.

20. Посему если малымъ почитаютъ (это) даромъ, сн ненавистники и враги своей жизни, и потому позволяютъ себѣ безчестить

подающаго сію благодать, то пусть знаютъ, что не одному лицу они выказываютъ неблагодарность, но чрезъ Святаго Духа простираютъ хулу на святую Троицу. Ибо какъ благодать, изливаясь на достойныхъ, исходитъ нераздѣльно отъ Отца чрезъ Сына и Духа, такъ и хула, также преемственно распространяясь, отъ Сына переходитъ на Бога всяческихъ. Ибо если чрезъ отверженіе (посланнаго) челоѣка отвергается пославшій, каково бы ни было разстояніе между челоѣкомъ и пославшимъ, то кто скажетъ, какое осужденіе грозитъ дерзающимъ противъ Духа! Потому быть можетъ и возвѣщено Законоположникомъ осужденіе безъ прощенія противъ такой хулы (Матѣ. 12, 32.), что въ ней хульникомъ преднамѣренно оскорбляется вмѣстѣ все блаженное и божеское Естество. Ибо какъ благочестиво пріѣвшій Духа знаетъ въ Духѣ славу Единороднаго, а видящій Сына знаетъ образъ Безпредѣльнаго, и чрезъ этотъ образъ впечатлѣваетъ въ познаніи своемъ первообразъ, такъ точно и... презритель Духа, когда дерзаетъ возставать противъ славы Его, по той же послѣдовательности (понятій), простираетъ хулу на Отца чрезъ Сына. Итакъ имѣющимъ умъ должно страшиться, чтобы не покуситься на такую дерзость, конецъ которой есть совершенная гибель дерзкаго; но сколько есть силы возвышать Духъ словомъ, возвышать же и прежде

слова въ мысли; ибо невозможно, чтобы слово не возвышалось вмѣстѣ съ мыслию. И даже когда достигнешь до верха человѣческой силы, до высоты и величія понятій, какихъ только можетъ достигнуть человѣческій умъ, то и тогда думай, что все это ниже высочайшаго достоинства, по сказанному въ псалмонѣхъ: только послѣ того, какъ вознесете Господа Бога нашего, тогда *поклонитесь подножію ногу Его*; причина же необъятнаго достоинства не иная, говоритъ, какъ та, что Онъ святъ есть (Пс. 98, 5.).

21. Итакъ, если всякая высота человѣческой силы ниже величія Покланяемаго (ибо это даетъ разумѣть Писаніе чрезъ подножіе ногъ), то какъ глупы думающіе, что имѣютъ такую силу въ самихъ себѣ, что отъ нихъ зависить опредѣлять по достоинству честь высшему всякой чести естеству, и посему почитать Духа Святаго недостойнымъ нѣкоторыхъ придуманныхъ знаковъ чествованія, какъ будто ихъ сила можетъ дать больше, чѣмъ сколько вмѣщаетъ достоинство Духа! О какъ жалко и несчастно безуміе ихъ! Не разумѣютъ, что такое они сами говорящіе это, и что Духъ Святый, Которому надмѣваясь они противопоставляютъ себя! Кто скажетъ этимъ людямъ, что человѣкъ есть духъ исходящій и не возвращающійся, что въ утробѣ матерней чрезъ нечистое зачатіе они водворяются, и въ нечистую

землю всё разрѣшаются, что получили жизнь, которая сравнивается съ травою (Пс. 102, 14.), что разцвѣтши не надолго въ житейской лести, опять изсыхаютъ, и цвѣтъ ихъ опадая исчезаетъ; что они были ничѣмъ прежде рожденія, во что перейдутъ, точно не знаютъ, потому что душа, пока она пребываетъ въ плоти, не знаетъ собственного жребія! Таковы люди!

22. Духъ же Святый во первыхъ святъ по естеству, также, какъ Отецъ по естеству святъ, равно какъ и Единородный. Таковъ же Духъ Святый и по животворности, и по нетлѣнью, и неизмѣнности; Онъ вѣченъ, праведенъ, мудръ, правъ, владычественъ, благъ, силенъ, Дарователь всѣхъ благъ и, прежде всего, самой жизни; Онъ есть всюду сущій, и каждому присущій, и наполняетъ землю, и на небѣ пребываетъ, изливается въ премірныхъ силахъ, все наполняетъ по достоинству каждаго, и самъ пребываетъ полнымъ; Онъ есть со всѣми достойными, и не отдѣляется отъ Святой Троицы. Онъ всегда испытуетъ глубины Божіи, всегда приѣмлетъ отъ Сына, и посылается и не отдѣляется, и прославляется и имѣетъ славу; ибо дающій другому славу, очевидно долженъ имѣть преизбыточествующую славу. Иначе какъ прославить тотъ, кто непричастенъ славы? Если бы Онъ не былъ нѣкоторымъ свѣтомъ, то какъ бы являлъ благодать свѣта?

Точно также не явить и прославляющей силы, кто не есть самъ слава и честь и величіе и велелѣпіе. Итакъ Духъ прославляетъ Отца и Сына. Но не ложенъ сказавшій: *прославляющыя Мя прослаблю* (1 Цар. 2, 15.). *Азъ прослави хъ Тя*, говоритъ Отцу Господь, и опять: *прослави Мя славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міра не бысть* (Іоан. 17, 4. 5.); Божественный гласъ отвѣчаетъ: *и прослави хъ, и паки прослаблю* (Іоан. 12, 28.). Видишь ли кругъ славы въ преемственной передачѣ ея подобными? Сынъ прославляется Духомъ; Сыномъ прославляется Отецъ: обратно, Сынъ имѣетъ славу отъ Отца, и Единородный бываетъ славою Духа; ибо чѣмъ прославится Отецъ, какъ не истинною славою Единороднаго? Въ чемъ опять прославится Сынъ, какъ не въ величіи Духа? Такъ и опять наше слово, дѣлая обратный кругъ, прославляетъ Сына чрезъ Духа, а чрезъ Сына Отца.

23. Итакъ если таково величіе Духа, и если все что ни есть хорошаго, или благаго отъ Отца чрезъ Единороднаго, совершается въ дѣйствующемъ вся во всѣхъ Духѣ, то для чего наши противники сами себя дѣлаютъ врагами собственной жизни? Зачѣмъ отчуждаются отъ надежды спасаемыхъ? Зачѣмъ отсѣкаютъ себя отъ соединенія съ Богомъ? Ибо какъ прилѣпится кто либо ко Господу, если Духъ Святый не совершитъ единенія нашего съ Нимъ?

Зачѣмъ препираются съ нами о служеніи и поклоненіи? Зачѣмъ подвергаютъ насъ смѣшкѣ имя служенія относительно божескаго и не имѣющаго ни въ чемъ нужды естества, какъ будто не себѣ самимъ дѣлають добро въ прошеніяхъ о спасеніи, но оказываютъ Богу нѣкоторую честь, если захотятъ спастись? Твоя польза моленіе просящаго, а не честь дарующему (просимое). Итакъ зачѣмъ какъ дарующій (нѣчто) приступаешь къ благодѣтелю, или лучше сказать, и благодѣтелемъ не удостоиваешь именовать Подателя благъ, но пользуясь жизнію, не чувствуешь Животворящаго и ища освященія, презираешь Удѣляющаго благодать освященія, и не отрицая, что Онъ имѣетъ силу давать блага, считаешь недостойнымъ моленія, не разсудивъ и того, во сколько разъ дающій благо выше, чѣмъ тотъ, у кого просятъ его. Ибо прошеніе не доказываетъ еще вполне величія того, у кого просятъ; возможно что либо просить и у неимѣющаго: это зависитъ отъ произвола просящаго. А дарующій какое либо благо даетъ несомнѣнное доказательство присущей ему силы. Итакъ почему же ты, приписывая Ему большее, то есть силу подавать все, что ни есть хорошаго, лишаешь моленія какъ чего-то великаго, хотя часто, какъ сказано, бываетъ и то, что по самообольщенію просящаго, молятъ и тѣхъ, кои ни надъ чѣмъ не имѣють власти. И отъ идоловъ рабы

суетности просить того, что по мысли имъ. но прошеніе отъ сего не прибавляетъ какой либо славы идоламъ; и они по самообольщенію, держась ихъ въ ожиданіи получить нѣчто изъ того, чего надѣются, не перестаютъ просить. А ты, убѣжденный, какихъ и сколь великихъ благъ дарователь Духъ Святый, презираешь моленіе, и прибѣгаешь къ закону, который повелѣваетъ Господу Богу поклоняться и тому Единому служить (Втор. 6, 13.)! Но скажи мнѣ, какъ ему Единому будешь служить, отдѣливъ Его отъ единенія съ Единороднымъ и Духомъ? Это будетъ поклоненіе іудейское.

24. Но скажешь: представляя въ мысли Отца съ этимъ названіемъ объемлю вмѣстѣ и Сына. Но пріемля мыслию Сына, скажи мнѣ, не прісмелешь ли вмѣстѣ и Духа Святаго? Не можешь противорѣчить. Ибо какъ исповѣдаешь Его, если не Духомъ Святымъ? Отдѣляется ли когда либо отъ Сына Духъ такъ, чтобы, при поклоненіи Отцу, не включалось вмѣстѣ и поклоненіе Сыну и Духу? Что такое, по ихъ мнѣнію, самое поклоненіе, которое какъ бы отборный какой-то даръ принося Богу надъ всѣмъ и даже простирая сію честь до Единороднаго, не удостоиваютъ сего дара Духа? Ибо человѣческій обычай называетъ поклоненіемъ преклоненіе подвластныхъ до земли, которымъ выражаютъ привѣтствіе свѣнѣйшимъ. Такъ извѣстно, что и патріархъ Іаковъ, умилившись

лая гнѣвъ брата при встрѣчѣ съ нимъ выразилъ смиренномудренное уничтоженіе такимъ видомъ поклоненія; ибо *поклонися*, говорить (Писаніе), *до земли трижды* (Быт. 33, 3.) (*). И братья Іосифа, пока и сами его не узнавали и онъ притворялся не знающимъ ихъ, по причинѣ превосходства достоинства. почитили власть поклоненіемъ. Поклоняется и великій Авраамъ хеттеямъ. пришлецъ туземцамъ, показавъ. думаю, тѣмъ, что дѣлалъ. сколько природныя жители могущественнѣе пришельцевъ. И много подобнаго можно привести, какъ изъ древнихъ повѣствованій, такъ и изъ примѣровъ настоящей жизни. Такое ли и они разумѣютъ поклоненіе? И какъ не смѣшно думать, что не должно удостоивать Духа Святаго. даже и того. чего удостоилъ патріархъ и хананеевъ? Или думаютъ, что кромѣ этого есть другое какое либо поклоненіе, такъ что одно причисляется людямъ, а другое высшему естеству? Какъ же они совершенно отрицаютъ поклоненіе Духу, не даруя ему и такого, какое воздается людямъ?

25. И какой же образъ поклоненія почитаютъ они въ особенности приличнымъ Богу? Выражаемый словами, или совершаемый тѣлодвиженіемъ? У людей обыченъ тотъ и другой; ибо и слова произносятся людьми и совер-

(*) Въ нынѣшнемъ текстѣ Библіи читается: *седмижды*.

шаются поклоненія. И такъ что предпочтительнѣе по отношенію къ Богу? Всякому, хотя сколько нибудь имѣющему разсудка, ясно, что человѣческое естество не имѣетъ никакого дара достойнаго Бога; ибо Творецъ нашъ благихъ нашихъ не требуетъ (Пс. 15, 4.). Мы же люди, тѣ выраженія почтенія и любви, которыя оказываемъ другъ другу, показывая себя смиреннѣе другъ друга чрезъ признаніе превосходства ближняго, переносимъ въ служеніе превосходнѣйшему Естеству, принося въ даръ высшему всякой чести Естеству то, что считается почетнымъ у насъ. И посему люди, приходя къ царямъ или властителямъ, если хотятъ достигнуть чего нибудь для себя у влaстительствующихъ, не простую просьбу приносятъ державнымъ; но чтобы больше склонить къ милосердію и благоволенію къ себѣ, смиряются на словахъ, покланяются тѣломъ, касаются колѣнъ, падаютъ на землю, и всячески возбуждая жалость тѣмъ, что дѣлаютъ, вызываютъ участіе къ своему прошенію.... Посему узнавше истинное Владычество, которымъ управляется все сущее.... о томъ, чего бы имъ желалось. Смиранные душою по причинѣ совершающагося въ мірѣ семъ.... ⁽⁶⁾ А высокіе по разумѣнію вѣчныхъ и неизречен-

(6) Въ мѣстахъ означенныхъ точками находится пропускъ въ изданіяхъ твореній св. Григорія Нисскаго.

ныхъ надеждъ, поелику не умѣютъ, какъ просить, да и человѣческое естество не можетъ выказать какой либо чести, соотвѣтственной велелѣпію славы, переносятъ установленное между людьми служеніе, къ почитанію Божества. И это поклоненіе есть съ мольбою и смиреніемъ возносимое прошеніе о чемъ либо желаемомъ. Посему и Даніилъ преклоняетъ предъ Господомъ колѣна, прося человѣколюбія къ плѣнному народу (Дан. 9, 3.). И о томъ, Кто понесъ наши немощи и за насъ молился, по причинѣ человѣчества, которое воспріялъ, Евангеліе повѣствуетъ, что Онъ палъ на лице во время молитвы и въ такомъ видѣ творилъ молитву (Матѳ. 26, 39.), узаконяя тѣмъ, думаю, человѣку, не быть дерзкимъ во время прошенія, но все направлять къ умиловленію; поелику Господь *гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. 4, 6; Притч. 3, 34.); и въ другомъ мѣстѣ: возносящій себя *смирится* (Матѳ. 23, 12.). Итакъ если поклоненіе есть какъ бы нѣкоторое моленіе, содѣйствующее достиженію цѣли прошенія, а прошеніе обращается къ Господу силы, то какой смыслъ новаго законоположенія, чтобы и отъ дающаго не просить, ни предъ начальствующимъ не преклоняться, ни владычествующему не служить?...

ОПРОВЕРЖЕНІЕ МНѢНІЙ АПО.ІМІНАРІЯ.

(А Н Т И Р Р И Т И К Ѣ.)

1. Хорошимъ бы началомъ для нашего слова могъ быть гласъ Господа, повелѣвающій беречься *лживыхъ пророкѣ, иже приходятъ, говорятъ, кѣ вамъ въ одежды овечь, внутри же суть волцы хищницы. Отъ плодѣ ихъ узнаете ихъ* (Матѣ. 7, 15. 16.). Итакъ если плодъ различаетъ и истинную овцу и губителя овецъ, который въ кроткомъ видѣ безъ опасенія проникаетъ въ среду стада, и (здѣсь) обнаруживаетъ прикрытую кротостью вражескую пасть; то должно обращать вниманіе на плоды какъ добрые, такъ и худые, посредствомъ которыхъ разоблачается обманчивость внѣшняго вида. Ибо, говорить, *отъ плодѣ ихъ узнаете ихъ*. По моему мнѣнію, добрый плодъ всякаго ученія есть приращеніе спасаемыхъ въ церкви, а гибельный и пагубный—отторженіе состоящихъ въ оной. Итакъ если кто словомъ ученія увеличить стадо и во всѣ стороны дома

распространить виноградникъ и насадить вокругъ Господней трапезы, заблуждающихся, какъ бы дикую маслину, претворивъ въ ново-насажденіе масличное; кто въ сладкій и пригодный для питья потокъ ученія ввергнетъ таинственные жезлы, чрезъ которые размножаются стада, такъ чтобы стяжаніе Лавана уменьшилось, а часть Іакова увеличилась и умножилась значительнымъ приплодомъ,—если такого рода покажетъ кто плодъ ученія ибо плодъ, какъ сказано, есть приращеніе истины), то онъ есть истинно пророкъ, пророчествующій духомъ по божественному намѣренію. А если кто либо исторгаетъ вѣтви винограда, опустошаетъ божественную трапезу, вырывая съ корнемъ растѣніе, питаетъ злые замыслы противъ духовнаго водохранилища, такъ чтобы овцы уже не начинали по жезламъ патріарха, и стадо не умножалось значительнымъ приплодомъ, но отдалялось бы отъ питательнаго пастбища, то есть отеческихъ преданій, и искало пристанища внѣ ограда и разсѣивалось по чужимъ пастбищамъ: то если таковъ будетъ плодъ ученія. явственно окажется волчій видъ. скрытый подъ кожею овцы.

2. Итакъ изслѣдуемъ, что произрастило намъ ученіе Аполлинарія сирійца: прибавленіе стадъ или уменьшеніе, собраніе разсѣянныхъ или разсѣяніе соединенныхъ, защиту или извращеніе отеческихъ догматовъ. По сему если къ

лучшему направлено стараніе вышеупомяну-
таго, то онъ конечно овца, а не волкъ; если
же напротивъ, то *внемлите отъ лживыхъ про-
рокъ* (Матѣ. 7, 15.), говоритъ Господь. Да не
скроются уста, острыми зубами нововводитель-
ства вооруженныя на вредъ и гибель при-
ближающагося къ нимъ тѣла. и терзающія
здоровое тѣло церкви Божіей. А чтобы сказан-
ное не показалось злословіемъ, мы предложимъ
одно изъ распространенныхъ его словъ, над-
писаніе котораго таково: «Доказательство бо-
жественнаго бытія во плоти (*θεορρηγοῦς*) по по-
добію человѣка». Кто тщательно раскроетъ
смыслъ надписанія, тотъ можетъ быть не бу-
детъ имѣть нужды въ самомъ сочиненіи, для
обличенія нелѣпости его ученія. «Доказатель-
ство», говоритъ, «божественнаго бытія во плоти
по подобію человѣка». Хорошо въ обличеніе
этого новаго изобрѣтенія именъ предложить
божественныя слова. Писаніе говоритъ: *Слово
плоть бысть* (Іоан. 1. 14.) и: *слава вселилась
въ землю нашу* (Пс. 54, 10.) и: *Богъ явился во
плоти* (1 Тим. 3, 16.). дабы каждымъ изъ сихъ
изреченій мы научились, что непреложное,
всегда неизмѣнное по существу Божество яв-
ляется въ премѣняемомъ и измѣняемомъ есте-
ствѣ, чтобы собственною неизмѣнностію увра-
чевать нашу измѣняемость ко злу. А онъ го-
воритъ, что не Богъ явился во плоти, или что
тоже, не Слово стало плотію, въ подобіи и

образъ человѣка (Филипп. 2, 7.), чрезъ воспріятіе лица раба, поживши жизнію людей; но выдумываетъ для Слова какое-то божественное бытіе во плоти, не знаю, что означая этимъ реченіемъ,—превращеніемъ Божества, изъ простаго и несложнаго своего естества измѣнившись въ плотяную вещественность, или допуская, что божеская сущность пребываетъ сама въ себѣ, объявляетъ другое какое-то божественное бытіе во плоти, среднее между человѣческимъ и божескимъ естествомъ, которое ни человѣкъ, ни Богъ, а какъ бы причастно тому и другому; оно, въ какой мѣрѣ есть бытіе во плоти, имѣетъ сродство съ человѣчествомъ, а въ какой мѣрѣ есть божественное (бытіе во плоти), выше чѣмъ человѣческое. Но Богомъ оно быть не можетъ, ибо Божество просто по естеству и несложно; а что не имѣетъ простоты, тому конечно равнымъ образомъ чужда и божественность. Опять не есть также оно и человѣкъ; ибо тотъ, кто состоитъ изъ разумной души и тѣла, называется человѣкомъ; а къ тому, въ комъ не разумѣются соединенными вмѣстѣ та и другое, какъ можетъ быть примѣнено названіе человѣка? Ибо говоримъ: тѣло человѣка и душа человѣка, пока умопредставляемъ каждую изъ сихъ (частей) саму по себѣ; а соединеніе сихъ обоихъ и есть и называется: человѣкъ.

3. Итакъ что такое божественное бытіе во плоти, которое не есть ни человѣкъ ни Богъ и которое изображаетъ надписаніе слова, сего нельзя узнать изъ (предыдущаго) изслѣдованія. «Доказательство», говорить, «божественнаго бытія во плоти, по подобію человѣка». Опять, что значитъ: «по подобію человѣка?» Что божественное бытіе во плоти совершается подобно человѣческому? Когда это? Въ послѣдніе дни? Но гдѣ тайна дѣвства? Ибо не по подобію человѣка плотію становится Господь, какъ говорить сочинитель, но божественною силою и Духомъ Святымъ, какъ говоритъ Евангеліе. Прежде вѣковъ? Но какъ уподобляется сущее не сущему? Человѣкъ послѣдній по творенію: Господь же Царь прежде вѣковъ. Итакъ по подобію какого человѣка бываетъ оное божественное бытіе во плоти, если оно предвѣчно? По подобію Адама? Но еще не было его. По подобію другаго какого либо человѣка? Но кто сей мыслимый прежде Адама человѣкъ, чтобы подобно подлежащему образу совершилось бытіе во плоти Бога? Ибо подобное существующему, конечно, не бываетъ подобно не существующему. Такимъ образомъ у него въ словѣ являются двѣ нелѣпости: или созданіе оказывается старѣйшимъ создавшаго, или сущее во плоти Божество уподобляется не сущему; ибо Божество было отъ начала, а Адама не было. Итакъ если божеское естество имѣетъ

плоть по подобію человѣка, то божественное бытіе во плоти уподобляется не сущему; а что уподобляется не сущему и само конечно не существуетъ. Но Аполлинарій говоритъ, что оное бытіе во плоти было инымъ какимъ-то способомъ отличнымъ отъ человѣческаго. Но какое подобіе между ииородными (предметами)? Итакъ если нельзя допустить ни того, чтобы божественное бытіе во плоти совершилось по подобію человѣка прежде вѣковъ, ни того, чтобы (сіе) воплощеніе произошло по подобію человѣка въ послѣднія времена, когда по домоостроительству Божию о человѣкѣ, Богъ явился во плоти (ибо такой мысли не допускаетъ тайна рожденія отъ дѣвы), то сдѣлалъ ли онъ надписаніе своего сочиненія въ томъ или другомъ смыслѣ, оно (одинаково) нелѣпно. Итакъ думаю, что сказаннымъ, для внимательныхъ слушателей достаточно объяснено, что надписаніе не обдуманно и не опирается ни на какомъ твердомъ разсужденіи.

4. Время предложить изслѣдованію и самое сочиненіе, обозначаемое симъ надписаніемъ. Передамъ же во первыхъ собственными словами, въ кратцѣ изложивъ смыслъ, тѣ мѣста его сочиненія, въ которыхъ нѣтъ опасности пропустить что либо безъ изслѣдованія. «Только, говоритъ, одну благочестивую вѣру должно считать благомъ, ибо вѣра безъ изслѣдованія и Евѣ не принесла пользы: такъ что и хри-

стіанская должна быть изслѣдованною, чтобы гдѣ нибудь незамѣтно не совпала она съ мнѣніями еллиновъ или іудеевъ». Весьма много распространившись объ этомъ въ началѣ, онъ продолжаетъ рѣчь, говоря, что у невѣрныхъ и еретиковъ распространено мнѣніе, что Богу невозможно быть человѣкомъ и страдать подобно человѣку; такое мнѣніе подъ видомъ вѣры вводится еретиками, которые говорятъ что Христосъ чрезъ рожденіе отъ жены и чрезъ страданія сталъ божественнымъ (*ἐνθεον*) человѣкомъ. Какіе извѣстны ему еретики, которые называютъ Христа божественнымъ человѣкомъ, про то пусть знаетъ онъ самъ и его ученики; мы же, живши во многихъ мѣстахъ и тщательно бесѣдовавши какъ съ общниками (нашего) ученія, такъ и съ несогласными касательно вопросовъ о Словѣ, еще не слышали никого, кто бы произнесъ такое выраженіе о тайнѣ, что Христосъ былъ божественнымъ человѣкомъ. Итакъ намѣревающемуся исправлять ложныя понятія о догматахъ и вводить вмѣсто нихъ болѣе благочестивыя, должно было не выдумывать себѣ то, чего нѣтъ, и сражаться съ несуществующимъ, но вооружаться противъ того, что дѣйствительно говорится противниками. Ибо и знающіе дѣло врачи не противопоставляютъ своего искуства не существующимъ страданіямъ, но прилагаютъ знаніе къ болѣзни уже обнаружившейся. Итакъ,

или пусть укажетъ, кто сказалъ, что не Богъ явился во плоти, но Христосъ сталъ божественнымъ человѣкомъ, тогда и сочиненіе его, какъ не напрасно написанное, мы примемъ; или, пока не отыскивается такая болѣзнь, всѣ признають, что напрасно ввязываться въ борьбу съ тѣмъ, чего нѣтъ.

5. Но не безъ цѣли онъ въ своемъ сочиненіи дѣлаетъ видъ, будто ему необходимо опровергать такое мнѣніе; чтобы проложить нѣкоторый путь и приступить послѣдовательно къ раскрытію собственнаго ученія, онъ предположилъ несказанное, какъ сказанное, дабы представляясь опровергающимъ оное при помощи притворнаго противорѣчія доказать, что Божество смертно. Ибо вся цѣль сочиненія у него къ тому направлена, чтобы доказать, что Божество едиnorodнаго Сына смертно, и что пріяло въ немъ страданія не человѣчество, но безстрастное и неизмѣняемое сщество измѣнилось для участія въ страданіи. Отсюда, что полезное для него имѣетъ въ виду его сочиненіе, не трудно знать тѣмъ, кто проникъ его тайны; а слѣдствія отсюда, ясныя и для младенцевъ, такого рода, что ихъ не высказали бы и самые безбожные изъ еллиновъ. Ибо если умерло самое Божество Единороднаго, то вмѣстѣ съ нимъ умерла конечно и жизнь, и истина, и правда, и благодать, и свѣтъ, и сила; ибо всѣмъ этимъ, по различнымъ отношеніямъ,

Единородный Богъ и есть и называется. Но поелику Онъ простъ, недѣлимъ и несложенъ, и все, что ни скажется о Немъ, есть всецѣло, а не частию то и частию другое, такъ что если есть въ немъ одно изъ сихъ свойствъ, разумѣются и всѣ другія, и если нѣтъ одного, то вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаются и всѣ; то если смертію уничтожено Божество, вмѣстѣ уничтожено смертію и все, что умопредставляется соединеннымъ съ Его Божествомъ. Но Христосъ не просто сила, но сила Божія и премудрость Божія. Итакъ когда все это съ божественностію Сына чрезъ смерть было уничтожено, то не было у Отца ни премудрости Божіей, ни силы, ни жизни, ни чего другаго, что именуется въ Немъ совершенствомъ. Ибо все сіе принадлежитъ Богу, и все Отчее, какъ мы вѣруемъ, находится въ Сынѣ, такъ что всѣ (сіи совершенства) суть во Отцѣ, если есть Сынъ; если же нѣтъ Сына, то конечно нѣтъ и ихъ, потому что все Отчее мы исповѣдуемъ имѣющимъ бытіе въ Сынѣ. Итакъ если смертію сила уничтожена, а Христосъ есть сила Божія; то какая опять изъ небытія воззвана сила, когда сущая уничтожена смертію, а другой не осталось? Ибо и противниками нашими признается, что сила Отца имѣетъ бытіе въ Сынѣ. Итакъ если сила едина, а она, поднавъ владычеству смерти, обратилась въ ничтожество во время домостроительства страдания; то какая вымыш-

ляется имъ другая сила воззывающая ту силу отъ смерти? Если скажутъ, что одна умерла, а другая осталась безсмертною, то уже не станутъ признавать, что сила Отца имѣеть бытіе въ Сынѣ, и такимъ образомъ послѣдовательно отвергнуть, какъ неистинныя, слова самаго Господа, которыя свидѣлствуютъ, что все, принадлежащее Отцу, принадлежитъ Сыну (Іоа. 16, 15; 17, 10.). Ибо имѣющій все, что имѣеть Отецъ, конечно имѣеть въ себѣ и безсмертіе Отца; а безсмертіе, пока оно то, что называется (этимъ словомъ), не допускаетъ смѣшенія и общенія со смертію. Итакъ если говорить, что божественность Сына смертна, то утверждаютъ, что Онъ не имѣеть въ себѣ безсмертія Отцаго. Но истину говоритъ глаголющій, что имѣеть въ Себѣ всего Отца; слѣдовательно ложно говоритъ утверждающій, что смертенъ тотъ, въ которомъ усматривается вся вѣчность Отца. Итакъ поелику, по мнѣнію благочестивыхъ, едина сила Отца и Сына, ибо во Отцѣ мы видимъ Сына и въ Сынѣ Отца; то ясно доказывается, что подверженное страданію по естеству, принимаетъ смерть, а недоступное страданію, въ страстномъ дѣйствовало безстрастно.

6. Но перейдемъ къ слѣдующему въ его сочиненіи. Опять буду говорить его словами, въ кратцѣ излагая содержаніе ихъ. Говоритъ, что «именовать Христа божественнымъ чело-

вѣкомъ противно апостольскому ученію; чуждо и (опредѣленіямъ) соборовъ, и что начало такому превратному умствованію положили Павелъ и Фотинъ и Маркеллъ». Потомъ по примѣру сильныхъ борцовъ, какъ бы ближе схватившись съ своимъ собесѣдникомъ и нашедши настоящаго виновника сего реченія, говоритъ такъ: «какъ называешь человѣкомъ отъ земли того, о которомъ засвидѣтельствовано, что Онъ есть человѣкъ нисшедшій съ небеси и который названъ Сыномъ человѣческимъ»? Опять и въ этихъ (словахъ) утвержденіе прежде принятаго есть начало другой нелѣпости. Ибо чтобы доказать, что умеръ Богъ, совершенно не допускаетъ никакихъ умозрѣній о земномъ Его ествѣ. Поелику же претерпѣвать смерть по видимому вполне свойственно землѣ, то говоритъ: «человѣкъ нисшедшій съ неба не есть человѣкъ отъ земли. Однако онъ человѣкъ, хотя и съ неба снизшелъ; ибо Господь не отрицаетъ такого названія въ Евангеліяхъ». Какъ въ сказанномъ сохраняетъ онъ послѣдовательность? Если человѣкъ не отъ земли, но съ неба къ намъ снисходитъ, то какъ снисходящій съ неба называется сыномъ человѣческимъ? Конечно онъ долженъ допустить, что, какъ на землѣ представленію о сынахъ предшествуетъ представленіе объ отцахъ, такъ и человѣкъ приходящій по его мнѣнію съ неба, поелику называется сыномъ человѣческимъ,

не безъ причины именуется такъ по отчеству; но что есть у него на небѣ, умопредставляемый предъ нимъ по человѣчески, отецъ,— другой человѣкъ. Ибо если онъ опирается на семь изреченій: *никто же взыде на небо, токмо сшедый съ небесе, Сынъ человеческій* (Иоан. 3, 13.), и посему отрѣшаетъ его отъ сродства съ земнымъ человѣкомъ, называя (однакожъ) приходящаго съ неба Сыномъ человѣческимъ; то конечно допускаетъ для того, кто снисшелъ къ намъ, нѣкотораго другаго такого же отца на небѣ, и въ небесной жизни предполагаются (у него) племена людей и народы и все, что есть въ настоящей жизни. Итакъ если пришедшій съ неба есть Сынъ человѣческій, а родившійся отъ Маріи изъ сѣмени Давидова по плоти именуется Сыномъ человѣческимъ также, какъ свѣше снисшедшій; то можно по ихъ мнѣнію онъ называется Сыномъ Божіимъ, такъ какъ ни небесный, ни земный (человѣкъ) не имѣютъ ничего общаго съ Божествомъ. Но сводя сказанное имъ въ одно главное положеніе, такъ заключаетъ рѣчь: «если же и съ неба Сынъ человѣческій, и отъ жены Сынъ Божій, то какъ не тотъ же самый Богъ и человѣкъ»? Что одного и того же должно признавать и человѣкомъ и Богомъ, это и я говорю, и это признаетъ каждый читатель правой вѣры, хотя и не въ томъ смыслѣ какъ сочинитель; ибо ни Божественное не есть зем-

ное, ни небесное человѣческое, какъ онъ думаетъ; но свыше сила Вышняго чрезъ Святаго Духа вселилась, то есть вообразилась въ человѣческомъ естествѣ; отъ ненорочной же Дѣвы присоединилась часть плотская, и такимъ образомъ рожденное въ ней, наименовано Сыномъ Вышняго, такъ что Божія сила усвоила (плоти) сродство съ Вышнимъ. а плоть (Божеству) сродство съ человѣкомъ.

7. «Но Онъ есть Богъ, говоритъ, по духу бывшему во плоти, а человѣкъ по плоти воспріятый отъ Бога». Опять что такое бытіе во плоти духа въ единеніи съ нашею плотію? Откуда же воспріять чловѣкъ, какъ не отъ перваго человѣка, о первомъ происхожденіи котораго изъ земли, а не съ неба, извѣстно намъ отъ повѣствующаго о родословіи его, Моисея? Ибо Богъ *вземъ персть отъ земли, созда чловѣка* (Быт. 2, 7.). А что состоялось другое сотвореніе человѣка съ неба, о томъ ни отъ кого намъ неизвѣстно. Потомъ онъ присовокупляетъ къ сказанному: «тайна во плоти явилась»; это онъ говоритъ хорошо; это наше слово. За тѣмъ: «Слово стало плотію по единенію», и сіи реченія сказаны здраво. Ибо кто говоритъ, что Слово соединилось съ плотію, тотъ выражаетъ не иное что, какъ сочетаніе (*συνδρομη*) двухъ (естествъ). «Но не бездушна, говоритъ, плоть; ибо говорится, что она ратуетъ противъ духа и воюетъ противъ за-

кона ума. О крайнее неразуміе! Облекаетъ Бога не бездушною плотію. Итакъ спросимъ: если Богъ Слово воспріялъ одушевленную плотъ, какъ говорить сочинитель, а одушевленными называемъ и тѣла безсловесныхъ, то приписывающій Слову человѣческую плотъ и притомъ одушевленную, соединяетъ съ Нимъ не иное что, какъ всецѣлаго человѣка; ибо кромѣ разумнаго естества въ человѣческой душѣ нѣтъ никакой другой особенности, потому что все другое у насъ обще съ безсловесными. Способность вождельній, сила страстности, желаніе пищи, насыщеніе, сонъ, пищевареніе, измѣненіе, изверженіе ненужнаго,—все одинаково и у насъ и у безсловесныхъ совершается посредствомъ нѣкоторой душевной силы. Итакъ говорящій, что воспріятое (Словомъ) есть человѣкъ, и признавшій его одушевленнымъ, что иное сдѣлалъ какъ не приписалъ Ему и разумную силу, которая свойственна человѣческой душѣ, (какъ это видно) изъ самыхъ апостольскихъ реченій, которыя онъ предложилъ намъ. Ибо сказавшій, что *мудрованіе плотское, вражда на Бога: закону бо Божію не покарается* (Рим. 8, 7.), говоритъ объ очевидныхъ особенностяхъ избирающей и разумной способностей; ибо повиноваться или противиться закону свойственно произволению; и самое имя: *мудрованіе* (*φρονίμα*) никто не отдѣлитъ отъ дѣйствія мышленія; а что помышлять (*φρονεῖν*)

тоже, что понимать, этому конечно никто не будет противорѣчить даже изъ младенцевъ; также, противуюющій и плѣняющій (Рим. 7, 23.) какъ можетъ быть чуждъ дѣйствія разумѣнія? Ибо что произволь злыхъ стремиться къ худому, это не доказываетъ, что у нихъ нѣтъ ума; но что (хотя) они далеки отъ хорошаго разумѣнія, однакоже мыслятъ; поелику и о томъ змѣѣ, котораго Писаніе изображаетъ намъ начальникомъ и изобрѣтателемъ зла, боговдохновенное слово говорить, что онъ не неразуменъ, когда приписываетъ ему мудрость большую, чѣмъ у другихъ (Быт. 3, 1.).

8. Итакъ тѣ самыя предложенныя намъ изреченія, которыми онъ думаетъ подтвердить свои слова, обличаютъ нечестіе его ученія. Ибо не въ этихъ однихъ изреченіяхъ апостолъ противопоставляетъ плоть духу, то есть, злое произволеніе болѣе правильной жизни, но и коринѣянамъ, порицая ихъ преданность страстямъ, говорить, что *плотстѣи есте* (1 Кор. 3, 3.). Итакъ въ то время, въ которое къ нимъ обращено было слово, по тричастному раздѣленію людей Аполлинаріемъ. люди были не причастны дѣйствию по уму? Или вообще они названы Павломъ плотскими, по безмѣрному расположенію къ плоти, получивъ такое названіе отъ того, чего въ нихъ былъ избытокъ? И на такой смыслъ указываетъ связь рѣчи въ написанномъ: *идѣже бо, говоритъ, въ васъ за-*

висти и распри, не плотстїи ли есте (ст. 3.). Завидовать же и спорить есть (принадлежность) дѣйствія по уму. Слѣдующее же за симъ въ сочиненіи (Аполлинарія) содержитъ основанное на многихъ свидѣтельствахъ доказательство того, что человѣкъ состоитъ изъ трехъ частей: изъ плоти, души и ума, что не далеко и отъ нашего мнѣнія; ибо одно и то же: сказать ли, что человѣкъ состоитъ изъ разумной души и тѣла, или считая умъ особенно самъ по себѣ, то, что умопредставляемъ въ человѣкѣ, раздѣлять на три части, хотя такое дѣленіе и даетъ еретикамъ много поводовъ къ заблужденію касательно этого (предмета). Ибо если кто способность разумѣнія станетъ считать отдѣльною, тотъ можетъ сказать, что и способность раздраженія, и опять способность вожелѣнія, также отдѣльны. А можетъ быть кто нибудь, и прочія движенія души исчисляя по такому понятію (о нихъ), вмѣсто троечастности человѣка станетъ доказывать, что онъ есть нѣкоторое многочастное и многосложное (существо).

9. Но оставимъ это, чтобы, останавливаясь на частностяхъ, не распространить намъ безмѣрно опроверженія, а перейдемъ къ слѣдующему. Утвердивъ при помощи многихъ разсужденій тріестественность, или тричастность, или чѣмъ бы кто ни захотѣлъ назвать человеческую сложность, онъ упоминаетъ о нѣкто-

рыхъ опредѣленіяхъ соборовъ, собранныхъ противъ Павла Самосатскаго, гдѣ сказано, что «Господь явился какъ Богъ съ неба (*ἀποτὸν οὐρανοῦ*)»; также о символѣ провозглашенномъ въ Никее, представляя изреченіе онаго буквально высказанное такимъ образомъ: *«сѣ небеси сшедшаю и воплотившаюся и вочеловѣчившаюся»*. И этими словами, какъ бы подготовивъ то, что намѣренъ высказать, онъ обнаруживаетъ смыслъ своего намѣренія, и какъ бы опираясь уже на доказанное, такъ буквально говоритъ: «а вмѣсто духа, то есть ума, имѣя Бога, Христосъ съ душою и тѣломъ справедливо называется человѣкомъ съ небеси». Что общаго имѣеть сказанное съ вышеприведеннымъ? Гдѣ это постановилъ соборъ противъ Самосатскаго? Но оставляю то, что относится къ древности нашего ученія. Чему учить вѣра словами Никейскихъ догматовъ: *сшедшаю сѣ небесѣ и воплотившаюся*, какъ не тому, чтобы не разумѣть о плоти, что она прежде сошествія, но признавать ее послѣдующею за сошествіемъ? Эти реченія: *воплотившаюся и вочеловѣчившаюся*, проповѣдуются всѣми въ церквахъ, и это наше, или лучше церкви, слово. Гдѣ же находится въ сказанномъ, что вмѣсто духа, то есть ума, имѣя Бога, Христосъ съ душою и тѣломъ называется человѣкомъ съ неба? Станешь ли разсматривать въ этомъ выраженіи просто букву или смыслъ сказаннаго, ни въ томъ, ни въ

другомъ не найдется того, что имъ сказано. Ибо тѣ выраженія на столько отстоятъ отъ выраженія Аполлинарія, на сколько отстоятъ, говоря словами псалма, *востоцы отъ запада* (Пс. 102, 12.). А смыслъ сказаннаго имъ, что общаго представляетъ съ тѣмъ, который выражается (въ символѣ)? Аполлинарій говоритъ, что воплотившійся въ человѣческой плоти Христосъ вмѣсто духа, то есть ума, имѣетъ въ себѣ Бога. (Говоритъ же это повелѣвающий не называть Христа божественнымъ (*ἐνθεον*) человекомъ, тогда какъ самъ прежде всего утверждаетъ, что Онъ имѣетъ въ себѣ Бога, какъ инаго въ иномъ.) Гласъ же собора говоритъ: *спешаго съ неба*. Итакъ пусть уразумѣтъ (этотъ) великій и безпристрастный (мужъ) сошествіе къ намъ съ небесъ; ибо мы нисколько не разногласимъ относительно этого понятія, хотя разумъ здѣсь открываетъ и высшій смыслъ,—именно что здѣсь говорится не о мѣстномъ нисхожденіи Божества, всюду сущаго и все содержащаго, но означаетъ снисхожденіе къ уничиженности нашего естества. Но въ какомъ бы смыслѣ ни пожелалъ кто принять сошествіе, слово собора говоритъ далѣе: *воплотившася*: хорошо и это сказано, ибо какъ соотвѣтственнѣе оно истолковало бы рожденіе отъ жены? Ибо Онъ родился отъ жены не какъ есть Богъ самъ по себѣ. Сущій прежде творенія. чрезъ рожденіе по плоти, не воспріем-

летъ самаго бытія, но Святымъ Духомъ подготовивъ входъ своей силѣ и нисколько не имѣя нужды въ вещественной помощи для устроенія собственнаго жилища, по сказанному о премудрости, Онъ Самъ Себѣ созда домъ (Притч. 9, 1.), образовавъ въ человѣка персть отъ Дѣвы, персть, чрезъ которую соединился съ человѣчествомъ.

10. Итакъ гдѣ въ этихъ словахъ (символа) говорится то, что кажется Аполлинарію: «вмѣсто духа, то есть ума, имѣющій Бога, Христосъ, съ душою и тѣломъ справедливо называется человѣкомъ съ неба»? Если позволительно ему произвольно приводить въ свою пользу божественныя изреченія и подобно толкователямъ сновъ примѣнять къ этому писанію тотъ смыслъ, какой захочетъ; то пусть придаетъ божественнымъ словамъ такой или другой смыслъ. Если же, какъ говоритъ апостолъ. *бабѣиныхъ басней* (1 Тим. 4, 7.) и *скверныхъ суетловій* (1 Тим. 6, 20.) всячески должно отрицаться, то никакъ не должно позволять ему согласовать между собою различное и соединять несходное. Но въ томъ самомъ, чѣмъ онъ вооружается противъ сказаннаго, онъ является скорѣе сподобникомъ намъ самимъ въ опроверженіи его ученія; ибо говорить, что и Павелъ называетъ перваго Адама душою (1 Кор. 15, 45.) соединенною съ тѣломъ; это онъ говоритъ хорошо и за истину. Итакъ пер-

вый человѣкъ въ душу живу, упомянутый Павломъ, имѣлъ какую-то неразумную душу? Однако исторія свидѣтельствуеть о немаломъ въ немъ дарѣ разумнiя, ибо Богомъ приведены были къ нему животныя, а онъ былъ виновникомъ изобрѣтенiя именъ, придумывая соотвѣтственное и приличное каждому (названiе). Но и преслушанiе, и склонность къ недолжному, и стыдъ о сдѣланномъ, и умѣнье при обвиненiяхъ находить оправданiе, — все это служить доказательствомъ дѣятельности ума. Но для чего же теперь умолчано Павломъ о разумности въ душѣ Адама? Не потому ли очевидно, что вмѣстѣ съ частiю поименовывается и остальное, какъ въ словахъ: *къ тебѣ всяка плоть приидетъ* (Пс. 64, 3.), чрезъ плоть Давидъ означаетъ все человѣчество? И Иаковъ переселившiйся къ египтянамъ *въ седмидесятихъ и пяти душахъ* (Втор. 10, 22.) не изображается въ Писанiи ни лишеннымъ ума, ни безплотнымъ въ это время.

11. Но сочинитель говоритъ, что «второй человѣкъ съ неба называется духовнымъ (1 Кор. 15, 45. 46.), и это означаетъ, что человѣкъ соединенный съ Богомъ не имѣеть ума». Но обличенiе нелѣпости готово въ тѣхъ самыхъ словахъ, кои онъ предложилъ. Ибо сказавшiй: *яковъ небесный, тацы же и небесни* (ст. 48.), далеко отстраняеть насъ отъ такого мнѣнiя. Потому что, если увѣровавшiе въ гря-

душаго съ небесъ и сами Павломъ называются небесными, перенесшими, какъ говорить, жителство на небеса (1 Филип. 3, 20.), и если каковъ оный небесный, таковы и сїи небесные, говорить апостолъ; а никто изъ прїявшихъ вѣру не лишень ума; то совершенно необходимо это сравнительное уподобленіе почитать доказательствомъ того, что и въ Немъ по подобію людей есть умъ. Ибо *яковъ*, говорить, *небесный, тацы же и небесніи*: такъ что они необходимо должны признать, что или во всѣхъ есть умъ, или ни въ комъ. Ибо какъ особенности перстнаго усматриваются въ тѣхъ, кои произошли отъ него, такъ необходимо, по изреченію апостола, чтобы *искушенный по всячески* нашей жизни, *по подобію развѣ грѣха* (Евр. 4, 15.) (умъ же не есть грѣхъ), имѣлъ свойства всего нашего естества. Такимъ образомъ апостольское слово, что мы таковы какъ Онъ, тогда будетъ истинно, когда будетъ признано, что и Онъ сталъ такимъ, какъ мы, дабы чрезъ то, что содѣлался какъ мы, содѣлать насъ какъ Онъ.

12. Опять припомнимъ сказанное Аполлинаріемъ: «почему и перваго Адама, Павелъ называетъ душою, существующею съ тѣломъ, а не безъ тѣла, и дающею названіе цѣлому (человѣку). хотя и сама по себѣ по соединенію съ духомъ, она также называется душою». Говоря это, онъ признаетъ, что по соедине-

нію, именемъ души называются три (части челоѣка), какъ будто бы тоже понятіе души заключало въ себѣ значеніе и тѣла и духа. «Но послѣдняго, говоритъ, Павелъ называетъ духомъ животворящимъ (1 Кор. 15, 45.)». Но какъ оному (первому челоѣку) далъ названіе по той особенноти, которая въ немъ избыточествовала предъ прочими, то конечно таже причина имѣетъ силу и относительно послѣдняго. Если Адамъ называется душею потому, что согрѣшилъ, то челоѣкъ соединенный съ Богомъ наименовывається всецѣло духомъ, потому что: *тѣла не сотвори, ниже обрѣтѣся лѣсть во устнѣхъ его* (Ис. 53, 9.). Но онъ не принимаетъ такого пониманія, ибо говоритъ, что «онѣй отъ земли перстенъ потому, что въ немъ одушевлено тѣло образованное изъ персти». Слѣдовательно умъ, который онъ называетъ духомъ, не былъ данъ Адаму вмѣстѣ съ образованіемъ (его тѣла)? Итакъ въ чемъ у него подобіе съ Богомъ? Что же (у него) происходитъ изъ божественнаго вдуновенія, если не вѣрить, что это умъ? «А сей, говоритъ, называется небеснымъ потому, что воплотился Духъ небесный». Какое Писаніе говоритъ это? Какому изъ святыхъ приписываетъ такое выраженіе, что воплотился Духъ? Не то мы слышимъ въ Евангеліи, не тому учить насъ великій гласъ апостола; апостолъ проповѣдаетъ, что *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14.), и еван-

гельская исторія говорить, что Духъ снизшелъ въ видѣ голубя (Матѳ. 3, 16.); о воплощеніи же Духа не сказалъ никто изъ пріавшихъ духомъ тайны. Слава вселилась въ землѣ нашей и истина отъ земли возсія (Пс. 84, 10. 12.); Богъ явился во плоти (1 Тим. 3, 16.); правда съ небесе приниче (Пс. 84, 13.), и многое другое подобное (говоритъ Писаніе); Духа же воплотившагося не знаетъ богодухновенное Писаніе. «И прежде существуетъ, говоритъ, чловѣкъ Христосъ, не такъ какъ будто бы былъ кромѣ его другой Духъ, то есть Богъ, но такъ какъ бы Господь въ естествѣ Бога чловѣка былъ Духъ божественный». Это буквальный выраженіи сочинителя. Поелику же, какъ бы по недостатку способности писать вразумительно, мысль здѣсь не очень ясна, то прежде я разоблачу отъ мрака выраженій находящійся въ нихъ смыслъ, а за тѣмъ уже подвергну изслѣдованію то, что имъ сказано.

13. «Прежде существуетъ, говоритъ, чловѣкъ Христосъ». Онъ разумѣетъ вмѣстѣ съ Словомъ, сущимъ въ началѣ, явившагося чловѣка, какъ существующаго прежде явленія (во плоти), и раскрываетъ эту мысль въ томъ, что слѣдуетъ. Ибо говоритъ, что «не другой есть Духъ кромѣ Его», утверждая чрезъ это, что самая божественность Сына есть отъ начала чловѣкъ, что яснѣе показывается слѣдующими далѣе словами,—ибо говоритъ, что

«Господь въ естествѣ Бога человѣка былъ Духъ божественный». Онъ сдѣлалъ Бога и человѣка однимъ естествомъ и поименовалъ соединеніе двухъ человѣковъ. И такъ мысль сказаннаго та, что явившійся чрезъ плоть отъ Дѣвы не только по вѣчности Божества, какъ всѣ вѣруемъ, но и по самой плоти мыслится (имѣющимъ бытіе) прежде всего существующаго. Ибо въ доказательство своего мнѣнія приводитъ въ слѣдъ за сказаннымъ (мѣста Писанія): *прежде Авраамъ не бысть, Азъ есмь* (Іоан. 8, 58.); слова Іоанна: *первыя мене бл* (Іоан. 1, 15.); *единъ Господь, илѣ же вся* (1 Кор. 8, 6.): *Той есть прежде всѣхъ* (Колос. 1, 17.), и нѣкоторыя слова Захаріи, которыя мы опустимъ, какъ насильственно привлеченныя къ сей цѣли. Если бы утверждаемая имъ нелѣпность была сокрыта изворотомъ какихъ либо мыслей, то хорошо было бы позаботиться мнѣ объ обличеніи сокрытаго; но поелику онъ явно возглашаетъ нечестіе, то не знаю, что больше могло бы выйти изъ нашихъ словъ. Если плоть предвѣчна, если *прежде Авраамъ не бысть*, былъ (родившійся) отъ Дѣвы, то слѣдуетъ, что Дѣва старѣ Нахора, слѣдовательно Марія прежде Адама. И что говорю? Какъ кажется, она старѣ и древнѣ самыхъ вѣковъ, самага созданія (всего) существующаго. Ибо если воплотился отъ Дѣвы, а плоть называется Иисусомъ, апостолъ же свидѣтельствуетъ, что

Онъ есть прежде всего; то, какъ кажется, этотъ пресловутый мужъ ведетъ къ той мысли, что и Марію должно почитать совѣчною Отцу. Но умалчиваю о крайней несообразности, до которой послѣдовательно доходить нелѣпость его новословія. Проницательный можетъ увидѣть нелѣпость изъ послѣдствій (его мнѣній), хотя бы мы и не обнаружили безобразія въ буквѣ (его сочиненія).

14. Но пройдемъ мимо зловонія сихъ мыслей, замѣтивъ только то, что если плоть предвѣчна, то ни Божество не истощилось, ни Сынъ не явился во образѣ Божіемъ, и не облекся въ лице раба; но чѣмъ былъ по естеству, тѣмъ явился нынѣ, не уничивъ Себя. Да простить слову моему Слово, но о прочемъ умолчу. Если плоть прежде всего, то все произошло отъ слабости, а не отъ силы; *Духъ убо бодръ, плоть же немощна* (Мат. 26, 41.). Итакъ вотъ до чего простирается у него нелѣпость! И кто изъ послѣдовательнаго хода его мыслей не пойметъ, что слѣдуетъ отсюда! Ибо конечно въ томъ, кто съ плотію существуетъ предвѣчно, онъ будетъ разумѣть вмѣстѣ съ плотію и всѣ ея свойства: утомленіе, печаль, слезы, жажду, сонъ, ощущеніе голода, и другія еще бѣдныя несообразности. Поелику же *отроча родися намъ* (Ис. 9, 6.), какъ говоритъ Божественное слово, и пастыри обрѣли Господа въ пеленахъ, и какъ говоритъ Лука: *преспѣвааше*

Иисусъ премудростію и возрастомъ (Лук. 2, 52.), въ возрастаніи, пока не пришелъ въ мѣру совершеннаго человѣка, слѣдуя естественному пути: то что скажутъ тѣ, кои усматриваютъ плоть отъ вѣчности,—въ какомъ возрастѣ тѣла былъ Онъ прежде вѣкъ? Ибо въ человѣческой жизни прошелъ Онъ всѣ возрасты. Отрокомъ ли былъ человѣкъ оный, сущій прежде всякой твари, или младенцемъ, или юношею, или прямо въ совершенномъ тѣлѣ? Если скажутъ: отрокомъ, то конечно должны представить и причину, почему въ теченіи столькихъ вѣковъ не пришелъ Онъ въ совершенный возрастъ. А если назовутъ возрастнымъ, то да удостоятъ научить насъ, какимъ образомъ въ человѣческомъ рожденіи сжимается онъ до младенческой малости? Гдѣ оставляетъ избытокъ тѣла? Какимъ образомъ уменьшается объемъ въ малую окружность? Потомъ, какъ объемъ тѣла возвращаетъ опять къ собственной мѣрѣ? Воспринимая ли тоже тѣло, какое имѣлъ отъ начала, чрезъ постепенное приращеніе, или прилагая себѣ иное, посредствомъ питанія? Но если скажутъ: то, какое имѣлъ отъ начала, то симъ покажутъ, что питаніе было совершенно излишнимъ; а если не отвергають, что Господь принималъ пищу, то что скажутъ о плоти, оставленной на небѣ? Ибо по справедливости оставлена была большая часть (сей плоти), и взято изъ оной столько, сколько могло

вмѣстить чрево Дѣвы. Конечно и о ней будутъ повѣствовать нѣчто чудное, и отсюда составлять другіе догматы, къ которымъ необходимо приведетъ ихъ послѣдовательность нелѣпыхъ басенъ.

15. Но опустимъ и это. А вотъ о чемъ каждый въ правѣ спросить у допускающихъ ученіе о предвѣчномъ ономъ воплощеніи. Если думаютъ, что плоть всегда была у Господа, то утверждаютъ, что Богъ былъ плоть: но всякая плоть оказывается упругою при прикосновеніи, а упругое вещественно и сложно; сложное же подвержено разрушенію; отсюда конечно совершенно необходимо и Самаго Его признавать вещественнымъ и сложеннымъ изъ разныхъ частей, и естественно подверженнымъ разрушенію. Ибо знаемъ, изъ чего составлено было тѣло Его, когда по человѣчески жилъ между людьми; что и оно состояло изъ плоти, костей и крови, какъ и у другихъ людей, заключаемъ изъ знаковъ гвоздей, изъ крови пролившейся отъ удара копья, и изъ того, что невѣровавшимъ, когда Онъ явился по воскресеніи, Господь сказалъ: *осяжите Мя и видите: яко духъ плоти и кости не имать, яко же Мене видите и лица* (Лук. 24, 39.). Итакъ если Божественное воплощеніе, какъ говоритъ Аполлинарій, имѣло начало не отъ Дѣвы, но было и прежде Авраама, и прежде всякой твари; то конечно тѣло Его такимъ же было и всег-

да, какимъ являлось ученикамъ,—то есть твердымъ, упругимъ, составленнымъ изъ плоти и костей. Итакъ все это было всегда, и никакого нисхожденія Его въ уничиженіе не было; но что было сокровеннымъ какъ Божественное по естеству, то явилось во время вочеловѣченія. Измыслилъ ли Арій, или худшій его Евномій, къ разрушенію славы Единороднаго, что либо подобное тому, что представляетъ намъ Аполлинарій въ семъ сочиненіи? Богомъ воплощеннымъ отъ вѣчности, какимъ-то составленнымъ изъ костей, кожи, нервовъ, плоти и жира, сложеннымъ изъ разныхъ веществъ, не имѣющимъ въ себѣ ни простоты, ни несложности, (является у него) Слово сущее въ началѣ, и у Бога, и Слово само сущее Богъ (Іоан. 1, 1. 2.), Который въ послѣдніе дни посредствомъ пріобщенія къ уничиженности нашего естества содѣлался плотію по челоуѣколюбію, и соединившись чрезъ оную съ челоуѣкомъ, принялъ въ Себя все наше естество, дабы чрезъ сраствореніе съ Божескимъ (естествомъ) обожествовалось челоуѣческое, и начаткомъ онымъ освятился вмѣстѣ весь составъ нашего естества.

16. Думаю впрочемъ, что можно и не говорить о неправильномъ пониманіи имъ отдѣльных Божественныхъ изреченій, которыя онъ приводитъ въ защиту своего ученія. Такъ какъ это ясно само по себѣ, то излишне было бы удлиннять наше изслѣдованіе. Ибо во свидѣ-

тельство того, что Слово всегда пребываетъ во плоти и крови, предлагаетъ апостольское изреченіе, которое говоритъ, что чрезъ Него мы пріяли *избавленіе кровію Его, и оставленіе прегрѣшеній* (Ефес. 1, 7.) плотию Его. Что слова сіи указываютъ на другую мысль, думаю, не сомнѣвается никто изъ имѣющихъ умъ. Ибо кто не знаетъ той Божественной тайны, что Началовождь нашего спасенія взыскуетъ заблуждшую овцу (Лук. 15, 4.)? Овца же она есть мы люди, отторгнутые грѣхомъ отъ разумной сотни овецъ. И взымаетъ на собственные рамена цѣлуетъ овцу, ибо не въ части овцы послѣдовало заблужденіе, но поелику вся со- вратилась, то и возвращаетъ всю. Не одну кожу носить, а то, что подъ нею, оставляетъ, какъ хочетъ Аполлинарій. Сію-то (овцу) на раменахъ пастыря, то есть въ Божествѣ Господа пребывающую, чрезъ воспріятіе дѣлаетъ единою съ собою, желая чрезъ то взыскать и спасти погибшее. Когда же нашелъ искомое, взялъ найденное на себя; ибо овца двигалась не собственными, однажды уже заблудившимися ногами, но несена была Божествомъ. Посему-то видимое (въ Немъ) овца, то есть, человѣкъ; слѣды же его, какъ написано, не познашася (Пс. 76, 20.). Ибо носящій на Себѣ овцу не отпечатлѣлъ въ Своей человѣческой жизни ни единого слѣда грѣха или заблужденія; но какіе слѣды Божіи достойно было от-

печатлѣть въ теченіи жизни, такія и явилъ, какъ то: ученія, исцѣленія, воскрешенія мертвыхъ, и другія чудеса. Итакъ, взявъ на Себя сію овцу, Пастырь сталъ едино съ нею; посему и съ стадами говоритъ голосомъ овцы. Ибо какимъ образомъ человѣческая немощь могла бы вмѣстить прираженіе Божескаго гласа? Но человѣчески и, какъ бы такъ сказать, овчески разговариваетъ съ нами: овцы Мои гласъ Мой слышать (Іоан. 10, 3. 16.). Итакъ Пастырь, взявшій на Себя овцу, и посредствомъ нея говорящій намъ, есть и овца и Пастырь; овца въ томъ, что воспріято, а Пастырь въ томъ, Кто воспріялъ.

17. Поелику Пастырю доброму надлежало положить душу Свою за овецъ, дабы разрушить смерть собственною смертію; то Началовождь нашего спасенія становится и тѣмъ и другимъ, и священникомъ и агнцемъ въ томъ, что способно пріобщиться страданію, совершивъ смерть. Ибо какъ смерть есть не что иное, какъ разрѣшеніе души и тѣла, то соединившій въ себѣ то и другое, то есть, душу и тѣло, не отдѣляется ни отъ той ни отъ другаго. *Не раскаянна бо дарованія Божіи* (Римл. 11, 24.), какъ говоритъ апостолъ. Но удѣливъ себя и тѣлу и душѣ, посредствомъ души отверзаетъ разбойнику рай, а посредствомъ тѣла прекращаетъ дѣйствіе истлѣнія; въ томъ и состоитъ разрушеніе смерти, чтобы сдѣлать

бездѣйственнымъ истлѣніе, уничтоживъ оное въ животворящемъ ествѣ. Ибо совершаемое чрезъ тѣло и душу дѣлается благодѣяніемъ и даромъ для нашего естества всего вообще, и такимъ образомъ посредствомъ воскресенія соединяетъ все разъединенное тотъ, Кто есть едино съ обоими, Кто, какъ написано, собственною властію предалъ тѣло сердцу земли (Матѣ. 12, 40.), душу же положилъ *о себѣ* (Іоан. 10, 18.). Когда Онъ говоритъ Отцу: *въ руку Твою предаю духъ Мой* (Лук. 23, 46.), а разбойнику: *въ рай* (ст. 43.), то утверждаетъ истину тѣмъ и другимъ; ибо оное божественное пребываніе, иначе раемъ называемое, надобно вѣровать, находится не въ другомъ какомъ мѣстѣ, какъ въ многообъемлющей длани Отца, какъ говоритъ и пророкъ, вѣщающій къ горнему Іерусалиму слово отъ лица Господа: *на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя, предо мною еси присно* (Ис. 49, 16.). Такимъ-то образомъ Господь и смерти подвергается, и смерть не владычествуетъ надъ Нимъ. Ибо сложное дѣлится, а несложное не допускаетъ разрушенія, но при раздѣленіи сложнаго, несложное естество пребываетъ, и по отдѣленіи души отъ тѣла, не отдѣляется ни отъ той ни отъ другаго. Доказательствомъ служить дѣйствіе, производящее, какъ сказано, въ тѣлѣ нетлѣнность, въ душѣ пребываніе въ раю. Простый и несложный не раздѣляется при раздѣ-

леніи души и тѣла, но напротивъ того, совершаетъ единеніе ихъ; собственною нераздѣлимостію и раздѣленное приводитъ въ единство; на сіе-то и указываетъ сказавшій, что Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ (Колос. 2, 12.). Ибо относительно воскресенія Господа нельзя думать, что Онъ, какъ Лазарь или другій кто либо изъ оживленныхъ, возвращается къ жизни чуждою силою; но Единородный Богъ Самъ воскрешаетъ соединеннаго съ Нимъ человѣка, сперва отдѣливъ душу отъ тѣла, потомъ опять соединивъ оба, и такимъ образомъ происходитъ спасеніе естества (нашего) всего вообще, почему и называется Онъ начальникомъ жизни (Дѣян. 3, 15.). Ибо Единородный Богъ въ (естествѣ) умершемъ за насъ и возставшемъ міръ примирилъ Себѣ (2 Кор. 5, 19.), всѣхъ насъ содѣлавшихся общниками Ему по плоти и крови, чрезъ сродную съ нами кровь искупивъ какъ бы какихъ военнопленныхъ, на что указываетъ и апостольское изреченіе, въ которомъ сказано: что мы *имали избавленіе кровію Его, и оставленіе презрѣшней плотию Его* (Ефес. 1, 7.). Такъ говоримъ мы на основаніи (правильнаго) разумѣнія представленныхъ словъ апостола, а не такъ какъ (толкуетъ оныя) Аполлинарій. Пусть способный разсудить оцѣнить, что болѣе благочестиво, то ли, какъ мы говоримъ, что слава по домостроительству обитала на землѣ нашей, или какъ онъ утверж-

даеть, что плоть не воспринята только Божествомъ для благодѣянiя (людямъ), но сосущественна и соестественна Ему.

18. Думаю, что никакой нѣтъ нужды изслѣдовать, къ тому или другому изъ сихъ мнѣнiй склоняется пророкъ Захарiя въ своихъ загадочныхъ реченiяхъ, то есть на Господа, или на кого другаго указываетъ смыслъ его словъ. Онъ говоритъ: *Мечу, возмани на пастыря моего, и на мужа соплеменника моего* (Захар. 13, 7.) ^(а). Мы думаемъ, что слово (пророка) съ угрозою воздвигаетъ мечъ на несправедливо дѣйствующихъ въ отношенiи къ соплеменникамъ. Аполлинарiй же на основанiи названiя пастырь говоритъ, что мечъ воздвигается на Господа, не зная, что во многихъ мѣстахъ Писанiя слово (Божiе) называетъ пасущими и пастырями тѣхъ, коимъ ввѣрено начальство. Что же касается до мѣстъ изъ посланiя къ евреямъ, которыя онъ насильственно привлекаетъ къ той же цѣли, то въ его доказательствахъ такъ ясно выказывается нелѣпость, что оную легко уразумѣть каждому, кто обладаетъ хоть малой долею разумнiя. Поелику написано, что Богъ *въ послѣдокъ дней малаа намъ въ Сыиъ, многочастнъ и многообраз-*

(а) Ἐπὶ ἄνδρι σίμφλόν μου; въ нынѣшнемъ текстѣ греческой библiи читается: ἐπὶ ἄνδρι πολίτην μου, — слав.: на мужа гражданка моего.

нѣ древле *малолавый* стѣмъ во пророцѣхъ (Евр. 1, 1.): то это, говорить, служить доказательствомъ, что человѣческое естество явившагося намъ Бога предвѣчно. Ибо, изъясняя апостола, буквально говорить такъ: «изъ сего явствуетъ, что оный человѣкъ, *малолавый* намъ о дѣлахъ Отца, есть Богъ, Творецъ вѣковъ, сіяніе славы, образъ вѣпостаси Его, который собственнымъ духомъ есть Богъ, а не имѣеть въ Себѣ Бога какъ инаго, отличнаго отъ Себя, но Самъ Собою, то есть, плотію очистилъ міръ отъ грѣховъ». Такъ буквально говорить Аполлинарій, и мы ничего не измѣнили въ сказанномъ имъ. Посему, если человѣкъ *малолавый* есть Творецъ вѣковъ, какъ кажется этому писателю, а плоть есть сіяніе, зракъ же раба изображаетъ вѣпостась Божію; то мнѣ кажется недостойнымъ сражаться противъ сказаннаго, а гораздо лучше оплакивать безуміе тѣхъ, кои приняли такое новое ученіе. Человѣкъ, говорившій съ нами по человѣчески нашимъ голосомъ, дѣлавшій плюновеніе устами и брєніе рукою, влагавшій персты въ уши глухимъ, прикасавшійся къ больнымъ и мертвымъ, успокоивавшійся отъ труда посредствомъ сна и сидѣнія, плакавшій, тосковавшій и скорбѣвшій, чувствовавшій голодъ, принимавшій пищу, и требовавшій воды,—сей человѣкъ, въ самой плотяности и человѣчности представляется существующимъ предъ происхожденіемъ всего

сущаго, и Богомъ называется естество плоти сложное, твердое и упругое! Да заградится всякій слухъ благочестивыхъ, и Божественные и чистые догматы да не сквернятся тѣми, кои позорятъ оныя, дерзко приписывая Божеству самыя плотскія немощи. Ибо кто не знаетъ, что Богъ, явившійся намъ во плоти, по ученію благочестиваго преданія, невещественъ, невидимъ, несложенъ, былъ и есть неограниченъ и безпредѣленъ, вездѣсущъ, и всю тварь проникаетъ, но въ томъ, что являлось людямъ, былъ зримъ въ человѣческомъ обликѣ? Ибо совершенно необходимо, чтобы всякое тѣло опредѣлялось нѣкоторою поверхностью; такимъ образомъ сама поверхность есть предѣлъ заключеннаго въ ней тѣла. Все же обнимаемое предѣломъ заключается въ нѣкоторомъ опредѣленномъ количествѣ; а опредѣленное не можетъ быть безпредѣльнымъ. Да и пророкъ говорить, что *величію Его нѣсть конца* (Пс. 144, 3.). Итакъ если Божеское естество есть плоть, какъ говорить сочинитель, а плоть необходимо обнимается предѣломъ поверхности: то какимъ образомъ величіе Божіе, по слову пророка, простирается въ безконечность? Или, какъ въ опредѣленномъ можно разумѣть безпредѣльность, въ ограниченномъ безграничность? И еще болѣе, что уже и прежде сказали, какъ изъ смерти (явилось) могущество? Ибо если, какъ говорить

Аполлинарій, самый глаголавшій человѣкъ есть Творецъ вѣковъ, самъ собою, то есть плотію, (какъ изъясняетъ онъ) сотворившій все, а между тѣмъ само слово Божіе называетъ плоть немощною; то писатель сей думаетъ не иное чтó, какъ то, что крѣпость, сила, могущество и другія высокія и достойныя Бога совершенства, происходятъ изъ немощи.

19. И какъ ни ужасно сіе, однако наше слово, слѣдя далѣе за послѣдовательнымъ выводомъ изъ его ученія, находитъ у него богохульство и на самаго Отца. Онъ говоритъ, что человѣкъ есть сіяніе славы Божіей, и что въ плотномъ Богѣ, котораго онъ, какъ бы идола, создалъ въ своихъ суетныхъ помыслахъ, изображается впостась Божія. Посему какъ лучъ имѣетъ сродство съ солнцемъ, и сіяющій изъ лампы свѣтъ со свѣтильникомъ, и образъ человѣка указываетъ человѣческое существо: такъ конечно (если то, что явилось намъ, возсіяло отъ славы Отца, и образъ впостаси Его есть плоть) и естество Отца по строгой послѣдовательности должно быть признаваемо плотнымъ. Ибо нельзя сказать, что безтѣлесное изображается тѣломъ, и изъ невидимаго сіяетъ видимое. Но какова слава, таково очевидно и сіяніе, и каковъ образъ, таково конечно и впостась, такъ что если первый есть тѣло, то конечно не можетъ быть представляема безтѣленною и послѣдняя. Упоминаетъ онъ и о

догматъ (утвержденномъ) въ Никеѣ, гдѣ соборъ всѣхъ отцевъ провозгласилъ единосущность. Но никто не назоветъ единосущнымъ разнороднаго; а тѣмъ (лицамъ), у коихъ сущность понимается тождественною, конечно приличествуетъ и единосущность. Итакъ если Сынъ плотяный Богъ, и есть и именуется плотію предвѣчно по самому естеству, а что Онъ единосущенъ Отцу, въ томъ не сомнѣвается и самъ сочинитель; единосущны же одинъ другому тѣ предметы, понятіе о сущности которыхъ тождественно: то слѣдуетъ, что Аполинарій долженъ допустить предположеніе, что и естество Отца нѣкоторымъ образомъ человѣческое и плотяное, чтобы сохранить по отношенію къ обоимъ имя единосущности. Такъ что одно изъ двухъ: или называя Отца безтѣлеснымъ, а Божество Сына плотянымъ, допустить ихъ разносущность, или признавая общность по Божеству и сущности равно въ Отцѣ и Сынѣ, сдѣлаетъ плотянымъ естество Божества и въ Отцѣ. Но какъ бы желая исправить такую нелѣпость, выше, гдѣ произвольно изъясняетъ изреченіе Захаріи, говорить, что отъ лица Отца сказано о Сынѣ *соплеменникъ* (*σύμφυλος*) (Захар. 13, 17.), что значить: соестественный и единосущный. Правильно или нѣтъ понялъ онъ слова Захаріи: другой вопросъ: а что выводитъ отсюда, таково: «пророческое слово, говорить, показы-

ваеть симъ, что Сынъ единосущенъ Богу не по плоти, но по духу, соединенному съ плотію». Но какимъ образомъ плотяный Богъ его, прежде сложенія міра, соединяется съ плотію? Ибо когда не было вѣковъ, не было и ничего другаго изъ твари; въ ряду же сотворенныхъ вещей плоть явилась послѣ всего и послѣднею. Итакъ съ какою же плотію соединился Сынъ, когда естество человѣческое не пришло еще въ бытіе? Но Аполлинарій знаетъ нѣкоторую другую плоть кромѣ человѣческой. Какимъ же образомъ утверждаетъ, что самый человѣкъ, глаголавшій намъ о дѣлахъ Отца, и есть оный Богъ Творецъ вѣковъ? Кто изъяснитъ намъ нелѣпность сихъ новыхъ загадокъ? Человѣкъ прежде бытія человѣка, плоть существующая прежде, чѣмъ сама была создана, и предвѣчное, произшедшее въ послѣднее время, и все другое подобное сему, о чемъ безпорядочно разсуждаетъ!

20. Но пусть писатель нашъ по произволу блуждаетъ по распутіямъ своихъ разсужденій; мы же, въ обличеніе нечестивыхъ мыслей, предложивъ апостольское ученіе, и имъ самимъ упоминаемое, перейдемъ къ дальнѣйшему. *Иже во образъ Божіи сый* (Филип. 2, 7.), говоритъ (апостоль); не сказалъ, имѣющій образъ подобный Богу, какъ говорится о созданномъ по подобію Божію, но въ самомъ образъ *Божіи сый*; ибо въ Сынѣ все, что принадлежитъ

Отцу, слѣдовательно и вѣчность, и неколичественность, и невещественность и безтѣлесность, такъ что въ Сынѣ во всемъ сохраняется образъ отческихъ свойствъ. И будучи *равенъ Богу*: равенство допускаетъ ли мысль о какомъ либо различіи и отлѣнности? Какъ равенство можетъ приличествовать тому, что по естеству различно? Ибо если одно по естеству плотяно, а другое свободно отъ плотяности, то какимъ образомъ кто либо будетъ почитать равнымъ первое съ послѣднимъ? Себе *умалилъ*, говоритъ апостолъ, *зракъ раба пріимъ*. Какой *зракъ раба*? Конечно тѣло; ибо отъ отцевъ слышимъ мы, что оный *зракъ* есть не иное что, какъ тѣло. Итакъ говоря, что принялъ *зракъ раба*, а *зракъ* есть плоть, утверждаемъ, что будучи по Божескому образу нѣчто другое, Онъ принялъ рабскій образъ, какъ нѣчто иное по естеству. Впрочемъ и слово: *умалилъ*, ясно представляетъ, что не всегда Онъ былъ тѣмъ, чѣмъ явился намъ; но въ полнотѣ Божества Онъ равенъ Богу, недостижимъ и неприступенъ, и тѣмъ болѣе невмѣстимъ въ ничтожной человѣческой малости; сдѣлался же вмѣстимымъ смертному естеству плоти только тогда, когда, какъ говоритъ апостолъ, *умалилъ* неизреченную славу собственнаго Божества, и унижилъ Себя до нашей малости, такъ что то, чѣмъ былъ, было велико, совершенно и необъятно, а то, что принялъ, было равномѣрно

съ мѣрою нашего естества. Ибо говорить, *въ подобіи человечества бывъ и образъ* (Фил. 2, 7. 8.) очевидно какъ отъ начала не имѣющій въ себѣ подобія такому естеству, и не облеченный ни въ какой тѣлесный образъ. Ибо какъ на безтѣлесномъ можетъ быть напечатлѣнъ чувственный образъ? Но тогда является во образѣ, когда облакаясь, возлагаетъ оный на Себя; образъ же этотъ есть естество тѣла.

21. Итакъ, *обрътется якоже человекъ*. Ибо и человекъ Онъ, хотя и не во всемъ человекъ, но *якоже человекъ*, по причинѣ таинства рожденія отъ Дѣвы, чтобы изъ сего явно было, что не во всемъ Онъ покорился законамъ человѣческаго естества, но божественно воспріявъ жизнь, и не имѣвъ нужды въ дѣйствіи брака для образованія собственнаго тѣла, не во всемъ обрътается обыкновеннымъ человекомъ, по особенностямъ Его происхожденія, но *якоже человекъ*, и такимъ образомъ умалилъ Себя, содѣлавшись человекомъ безъ измѣненія (Своего естества). Ибо если бы отъ начала былъ имъ, то въ чемъ заключалось бы умаленіе? Нынѣ же Всевышній чрезъ соединеніе съ уничиженностію нашего естества, умалилъ самаго Себя; ибо соединившись съ принятымъ Имъ образомъ раба, и ставъ едино съ нимъ, усвоитъ немощи раба. И какъ бываетъ у насъ по связи между членами, если что случится съ оконечностію ногтя, то все тѣло

раздѣляетъ боль съ страждущимъ членомъ, такъ какъ сочувствіе проходить по всему тѣлу: такъ соединившійся съ нашимъ естествомъ усволяетъ и наши немощи, какъ говорить Исаія: *той недуги наши пріятъ и болѣзни понесе* (Матѣ. 8, 17.), подвергшись язвамъ за насъ, чтобы язвою его мы исцѣлились (Ис. 53, 4. 5.); не Божество потерпѣло язвы, но соединенный съ Божествомъ чрезъ единеніе человѣкъ, естество котораго можетъ быть доступно уязвленію. Совершается же сіе для того, чтобы разрушить зло тѣмъ же путемъ, какимъ оно вошло. Поелику смерть вошла въ міръ послушаніемъ (перваго) человѣка, то изгоняется она послушаніемъ втораго человѣка (Римл. 5, 12—19.). Посему (Господь) бываетъ послушнымъ *даже до смерти* (Филип. 2, 8.), чтобы уврачевать послушаніемъ преступленіе преслушанія, а воскресеніемъ изъ мертвыхъ уничтожить вошедшую преслушаніемъ смерть, ибо воскресеніе человѣка отъ смерти есть уничтоженіе смерти. *Тѣмъ же*, говоритъ, *и Богъ Его превознесе* (ст. 9.); эти слова служатъ какъ бы нѣкоторою печатію предшествующаго разсужденія. Ибо явно, что высочайшее не нуждается въ возвышеніи, но уничиженное подымается на высоту, какъ скоро теперь становится тѣмъ, чѣмъ прежде не было. Ибо соединенное съ Господомъ человѣческое естество подымается на равную высоту вмѣстѣ съ Бо-

жствомъ и возносится именно то, что подымается изъ уничиженности, а уничиженное есть образъ раба, чрезъ вознесеніе становящійся Христомъ и Господомъ. Поелику же человекъ, воспріятый Христомъ, какъ слѣдуетъ между людьми, названъ былъ особеннымъ именемъ, въ слѣдствіе таинственнаго извѣщенія Дѣвъ отъ Гавріила, и человѣческое въ Немъ было наименовано, какъ сказано, Иисусомъ (Лук. 1, 31.); Божеское же естество не можетъ быть объято именемъ, между тѣмъ чрезъ сраствореніе два стали едино; то посему и Богъ именуется отъ человѣческаго (естества) заимствованнымъ именемъ. *Ибо о имени Иисусовъ всяко колено поклонится* (Филип. 2, 10.), и человекъ становится превъше всякаго имени, что свойственно Божеству, которое не можетъ подчиниться именовательному обозначенію, такъ чтобы, какъ высокое является въ уничиженномъ, такъ и уничиженное пріело, въ замѣнъ того, высокія свойства. Ибо какъ Божество получаетъ имя чрезъ человека, такъ превъше имени становится отъ уничиженности вознесенное до Божества; и какъ безславіе рабскаго образа имѣетъ отношеніе къ соединенному съ рабомъ Богу, такъ и воздаваемое отъ всей твари поклоненіе Божеству приносится соединенному съ Божествомъ (человѣку), и такимъ образомъ *о имени Иисусовъ всяко колено поклонится небесныхъ и земныхъ и пре-*

исподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца (Филип. 2, 10. 11.). Аминь.

22. Но какъ бы краснѣя предъ самимъ собою, и стыдясь нелѣпости сказаннаго, Аполлинарій, кажется, отмѣняетъ нѣкоторымъ образомъ то, что доказывалъ прежде, и намѣревается допустить, что подобіе Сына съ человѣками есть послѣ привзошедшее (*ἐπιγεννητήν*). Ибо говорить: «вотъ равенство тогоже Иисуса Христа съ Отцемъ прежде существовало, а подобіе съ человѣками послѣ привзошло».... По видимому онъ раскаивается въ сказанномъ прежде, и если бы сдѣлалъ сіе, если бы только отъ сердца отвергъ нелѣпное мнѣніе, то и мы прекратили бы обличеніе. Но изъ сдѣланнаго имъ оказывается, что добрая мысль, заключающаяся въ сихъ словахъ, даетъ ему поводъ къ другой нелѣпости; потому что буквально говорить такъ: «и что яснѣе того, что не иный соединился съ инымъ, то есть, совершенный Богъ съ совершеннымъ человѣкомъ?» Что эти слова не имѣютъ ничего общаго съ предыдущими, очевидно всѣмъ способнымъ слѣдить за смысломъ словъ. Ибо какимъ образомъ равенство съ Отцемъ прежде существовавшее, и послѣ привзошедшее, какъ самъ говорить, подобіе съ человѣками доказываютъ, что не былъ совершеннымъ человѣкомъ Тотъ, чрезъ Коего вочеловѣчился совершенный Богъ? Это

подобно тому, какъ если бы кто сказавъ, что небо отстоитъ отъ земли, потомъ сталъ бы утверждать, что изъ сего ясно, что свинецъ равнаго объема тяжелѣе олова, и сочелъ бы тяжесть за небесное разстояніе. Точно такъ же никто не скажетъ, что несовершенство человечества, чрезъ которое Богъ является въ нашемъ естествѣ, доказывается тѣмъ, что подобіе Сына съ человѣками признается послѣ привзошедшимъ. Но я отложу пока доказывать нечестіе и безуміе такого мнѣнія; теперь же попытаюсь обратить изслѣдованіе на то, что у него буквально написано по порядку далѣе, чтобы съ перваго же раза открылись его погрѣшности. Говорить, что (Христосъ) не есть совершенный Богъ съ совершеннымъ человѣкомъ. Доселѣ оставилъ подлѣ сомнѣніемъ, кого изъ сказанныхъ назвалъ несовершеннымъ, такъ что, по неясности обозначенія, мысль можетъ относиться равно къ тому и къ другому, и изъ того, что слышали, нельзя узнать, кого почитаетъ онъ несовершеннымъ, Бога или человѣка, или то же самое думаетъ о обоихъ. «Онъ, говорить, по духу есть Богъ, обладающій славою Божіею, по тѣлу же человѣкъ, носившій безславный образъ человѣческій». Назвалъ Бога, назвалъ и человѣка, но всякому извѣстно, что значеніе сихъ наименованій не одно и то же, но что особый смыслъ имѣетъ слово Божество, и особый: человѣчество. Ибо Богъ

есть всегда тождественная вина всѣхъ благъ, которая всегда была, и никогда не престанетъ быть; человѣкъ же въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ сродство съ естествомъ безсловесныхъ, подобно имъ живетъ при помощи плоти и ощущеній, но отдѣляясь отъ безсловесныхъ прибавленіемъ ума, въ семъ имѣетъ особенность естества; ибо никто, опредѣляя человѣка, не станетъ опредѣлять его по плоти, костямъ и органамъ чувствъ; никто также, сказавъ о силѣ питанія и пищеваренія, не укажетъ въ этомъ особенности человѣческаго естества, но признакомъ человѣка служить способность мышленія и разумность. Итакъ одно и то же,—обозначать ли естество посредствомъ имени, или посредствомъ особенности принадлежащей естеству; ибо кто скажетъ: человѣкъ, укажетъ тѣмъ на разумность; кто поймнетъ разумность, этимъ же словомъ укажетъ на человѣка. Итакъ и Аполлинарій, поименовавъ Бога и человѣка, если подъ (первымъ) выраженіемъ понималъ всѣ тѣ признаки, которые открываются въ Божествѣ, то при помощи (своего) толкованія не могъ также уничтожить и того, что означается словомъ: человѣкъ; но если называется: человѣкъ, то конечно это названіе истинное, а не лжеименное; истинна же имени выражается въ томъ, что онъ есть животное разумное. А разумность конечно происходитъ отъ ума; такъ что если человѣкъ, то

необходимо и разуменъ, если же не разуменъ, то и не человѣкъ.

23. «Но по тѣлу, говорить, былъ человѣкъ, носившій безславный образъ человѣческій». Это онъ предлагаетъ намъ отъ себя, а не изъ ученія Писанія. Впрочемъ чтобы сіи самыя слова превратить въ противное тому, что онъ имѣетъ въ виду, рассмотримъ его слова такимъ образомъ. «Носилъ, говорить, безславный образъ человѣческій». Посмотримъ сначала, въ чемъ состоитъ слава человѣка, и такимъ образомъ изъ того, что будетъ слѣдовать отсюда, уразумѣемъ, что такое безславіе. Слава человѣка, то есть истинная слава, есть конечно жизнь по (правиламъ) добродѣтели; ибо только изнѣженнымъ свойственно опредѣлять славу или безславіе людей по здоровому цвѣту лица, или свѣжести плоти, или наоборотъ по безобразію тѣла. Итакъ если славнымъ у людей признается добродѣтель, то безславнымъ конечно порокъ. Между тѣмъ Аполлинарій говоритъ, что Богъ воспріялъ безславный образъ человѣческій. Итакъ если безславіе въ порокъ, а порокъ есть постыдное направленіе произвола, произволяетъ же разумѣніе, а разумѣніе есть нѣкоторое движеніе ума: то слѣдуетъ, что кто видитъ въ Богѣ человѣческое безславіе, тотъ не можетъ отнять разума у человѣка, чрезъ котораго Богъ жилъ человѣческою жизнію. И это согласно съ Божествен-

нымъ Писаніемъ,—именно, что Онъ содѣлался грѣхомъ ради насъ (2 Кор. 5, 21.), то есть соединилъ съ Собою способную (саму по себѣ) ко грѣху (*ἀμαρτίαν*) душу человѣческую. «Господа, говорить, явившагося въ рабскомъ видѣ»; но рабъ сей, видъ котораго принялъ на себя Господь, былъ ли совершенъ, или не цѣлостенъ? Ибо недостаточность и изувѣченность въ отношеніи къ полнотѣ живаго существа, по справедливости, должна быть названа поврежденіемъ. «Не человѣкъ, говорить, но *якоже* *человѣкъ*, потому что не односущенъ съ человѣкомъ по владычественной части Его». Если не односущенъ, то конечно иной сущности; чтѣ же имѣетъ другую сущность, у того и естество и названіе не можетъ быть общее. Иное существо огня, и иное воды, и обоихъ названія различны. А Петръ и Павелъ, поелику одно естество, то и имя существа у нихъ общее; ибо каждый изъ нихъ человѣкъ. Итакъ, если по существу (Господь) былъ нѣчто другое, не человѣкъ, а только по видимости принялъ образъ подобный человѣку, на самомъ же дѣлѣ различествовалъ по естеству: то долженъ онъ сказать, что и все было только какою-то призрачною и обманчивою мечтою; ложно у Него было яденіе, ложенъ сонъ, не существенны всѣ чудеса исцѣленій, не было креста, не было положенія во гробѣ, не было и воскресенія послѣ страданія; но все явля-

лось только призрачно, и, по мнѣнію сочинителя, не было ничего изъ того, что представлялось. Ибо если Онъ не былъ человѣкъ, то какъ было повѣствуемое о Немъ? Какъ назоветъ кто либо человѣкомъ того, кто чуждъ человѣческаго существа? «Не былъ, говорить, односущенъ съ человѣкомъ по владычественной части его». Но кто отнимаетъ владычественную часть у человѣка, которая и есть умъ, тотъ въ остальномъ видитъ скота; скотъ же не человѣкъ. Потомъ говорить: «уничиженнаго по плоти, но превознесеннаго отъ Бога на Божескую высоту». Здѣсь опять, кромѣ нечестія, еще болѣе безумія, нежели въ прежде сказанномъ. Одно, говорить, уничижено, другое превознесено. Плоть, говорить, уничижена, хотя она и нисколько не имѣла нужды въ уничиженіи, будучи уничиженною по естеству; Божество же, говорить, превознесено, хотя высочайшее и не нуждается въ возвышеніи. Итакъ, куда же превознесено Божество, которое превосходитъ все, и превышаетъ всякаго возвышенія? Напротивъ, хочетъ ли то признать сочинитель или вѣтъ, возвышается уничиженное по естеству, какъ нѣсколько выше разсуждали мы о семъ въ нашемъ словѣ.

24. Подобно тѣмъ, которые проговариваются во снѣ, онъ, оставивъ послѣдовательность въ разсужденіи, снова употребляетъ въ дѣло наши слова и вставляетъ въ свои рѣчи то,

что могъ бы сказать и здраво разсуждающій о догматѣ. Онъ различаетъ то, что прославляется, и того, кто имѣетъ славу. «Прославляется, говоритъ онъ, какъ человѣкъ; а славу имѣетъ прежде (сложенія) міра, какъ Богъ, сый прежде вѣкъ». Доселѣ онъ разсуждаетъ здраво; если бы слова его этимъ и ограничились, можетъ быть кто нибудь подумалъ бы, что онъ, раскаявшись, дошелъ до мыслей болѣе согласныхъ съ благочестіемъ. Но теперь, какъ бы окольнымъ какимъ путемъ обойдя въ своей рѣчи эту здравую мысль, онъ снова возвращается на поприще заблужденія, и, обративъ къ намъ множество ругательствъ, и приравнивъ насъ по ученію къ іудеямъ и еллинамъ, опять возвращается въ своемъ словѣ къ той блевотинѣ, которую извергалъ прежде, при помощи суетныхъ умствованій, вымышляя для Христа предвѣчную плотъ и утверждая, что Сынъ, Который родился отъ Дѣвы, былъ воплощеннымъ умомъ; не въ Дѣвѣ воспріявъ плотъ, но прошедъ чрезъ нее какъ чрезъ каналъ (*παροδιῶς*), Онъ по внѣшнему образу явился таковымъ же, каковымъ былъ прежде вѣкъ, то есть, Богомъ плотнымъ, или, какъ онъ выражается, воплощеннымъ умомъ. Посему-то, говоритъ онъ, и распятый называется Господомъ славы (1 Кор. 2, 8.) и Господомъ силъ, по слову пророческому (Ис. 8, 13.); посему же Онъ произно-

силъ и такія изреченія, свидѣтельствующія объ Его самовладычествѣ и господствѣ: *Азъ тебѣ маюлю* (Лук. 7, 14.); *Азъ ти повѣлваю* (Марк. 9, 25.); *Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17.); и другія многія съ таковымъ же высшимъ значеніемъ. Но что скажетъ сей именитый мужъ, — гдѣ онъ помѣститъ сосцы, пелены (повивальныя), приливъ и отливъ жизненной силы, постепенное возрастаніе тѣла, сонъ, утомленіе, подчиненіе родителямъ, тоску, скорбь, желаніе пасхи, требованіе воды, принятіе пищи, узы, заушенія, раны отъ бичей, ношеніе тернія на главѣ, облеченіе въ багряницу, біеніе тростію, копіе, оцетъ, гвозди, желчь, плащаницу, погребеніе, гробъ, камень? Какъ все это онъ отнесетъ къ Богу? Ибо если его плотяный Богъ всегда былъ тѣмъ, чѣмъ явился чрезъ Марію, и являемое взору было Божество: то Божество претерпѣваетъ все упомянутое, — сосетъ, пелсается, питается, утомляется, растетъ, наполняется, извергаетъ, спитъ, тоскуетъ, скорбитъ, стелсается, ощущаетъ жажду и голодъ, съ поспѣшностію приходитъ къ смоковницѣ, не знаетъ, есть ли и время ли быть плодамъ на деревѣ, не вѣдаетъ дня и часа, подвергается біенію, терпитъ узы, заушается, пронзается гвоздями, проливаетъ кровь, умираетъ, погребается, полагается въ новомъ гробѣ. Неужели онъ соглашается призвать, что все это свойственно и естественно предвѣчному Божеству, что Оно

не возрасло бы, если бы не питалось сосцами, и что оно совершенно не могло бы и жить, если бы помощію питанія не возмѣщало истощенія силы? А какъ его плотяный Богъ не знаетъ того дня и часа? Какъ Онъ не знаетъ времени смоквѣ, — того, что въ пасху нельзя найти на деревѣ плодъ годный для снѣденія (Марк. 11, 13.)? Скажи, кто это невѣдущій? Кто это скорбящій? Кто находится въ безпомощномъ положеніи? Кто вопіетъ, что Онъ оставленъ Богомъ? Если Божество Отца и Сына едино: то отъ кого послѣдовало это оставленіе, о которомъ Онъ возгласилъ на крестѣ? Ибо если Божество страдало (а благочестиво мыслящіе признаютъ, что у Отца съ Сыномъ едино Божество), и если страдающій говоритъ: *Божже мой, Божже мой, вскую Мя еси оставилъ* (Матѳ. 27, 46.); то какъ единая сущность Божества во время страданія раздѣляется, и одна часть его оставляетъ, а другая остается; одна подвергается смерти, а другая пребываетъ въ жизни; одна умерщвляется, а другая воскрешаетъ умерщвленное? Или онъ не будетъ исповѣдывать единство Божества Отца и Сына и посему явится поборникомъ Арія? Если же возставая противъ Арія скажетъ, что (Божество Отца и Сына) едино: то никакъ не останется въ согласіи съ самимъ собою, не имѣя возможности удержать придуманный имъ вымыслъ; эти восклицанія и со-

стоянія духа, свидѣтельствующія о страданіи и униженіи, онъ по необходимости отнесетъ къ человѣческой природѣ и согласится, что естество Божеское и при общеніи съ человѣческими страданіями осталось неизмѣннымъ и безстрастнымъ. Свидѣтельствуеъ о семъ и самъ Аполлинарій, говоря о Немъ, что «прославляется какъ человѣкъ, восходя изъ (состоянія) безславія; а славу имѣетъ прежде (созданія) міра, какъ Богъ сый прежде вѣкъ». Ибо безславіе, конечно, есть плотское естество, подверженное страданію; слѣдовательно, вѣчная слава есть чуждое страданія и безсмертное могущество.

25. А чтобы не казаться намъ въ своихъ словахъ клеветниками, передамъ и буквально то самое, смыслъ чего былъ изложенъ нами. «Еллины и іудеи, говоритъ онъ, явно впадаютъ въ невѣріе, не желая слышать, что Богъ рожденъ отъ жены». Почему, говоря здѣсь о рожденіи, онъ умолчалъ о плоти, хотя *рожденное отъ плоти*, конечно, было *плоть*, какъ нѣгдѣ говоритъ Господь (Іоан. 3, 6)? Желая доказать, что самая рожденная плоть есть Божество, и что Богъ не во плоти явился, онъ говоритъ: «Богъ, будучи во плоти прежде вѣковъ, послѣ родился отъ жены и пришелъ (въ міръ) испытать страданія и подъять нужды естества (человѣческаго)». Говоря сіе, онъ не признаетъ въ Немъ даже человѣчества; одна-

коже, какъ человѣка, подвергаетъ Его страданіямъ, хотя человѣческаго естества и не усвоитъ Ему. Ибо, какъ можетъ быть человѣкомъ тотъ, о которомъ говорить, что онъ не отъ земли? Писаніе говоритъ, что человѣческій родъ произошелъ отъ Адама, и онъ первый божественною силою произведенъ изъ земли. Посему и Лука, излагая родословіе мнимаго сына Іосифова, называетъ Его Адамовымъ (Лук. 3, 38.), соединяя начало Его рожденія съ именемъ cadaго изъ праотцевъ. Итакъ происходящій не отъ рода человѣческаго, конечно, есть что либо иное, а не человѣкъ. Если же Онъ не человѣкъ, такъ какъ не имѣетъ начала принадлежащаго роду человѣческому, и не Богъ, такъ какъ не безтѣлесенъ: то что такое этотъ Богъ во плоти, придуманный сочинителемъ,—на сіе пусть отвѣчаютъ ученики и поборники его лжеученія. «Но, говоритъ онъ, насъ приняли бы еллины и іудеи, если бы мы сказали, что рожденный есть Божественный человѣкъ, подобно Іліи». Но кто же изъ еллиновъ принималъ за истину чудеса, которыя были съ Іліей,—то на примѣръ, что огонь, получивъ двоякій образъ,—видъ колесницы и видъ коней, движется въ направленіи противномъ его природѣ, именно, несясь сверху внизъ, и что Ілія, поднимаясь на огненной колесницѣ, правитъ огнемъ, и среди пламени сохраняется невредимымъ, при чемъ огонь вле-

четь за собою огонь, то есть, огонь коней—огонь колесницы? Ибо если кто пойметъ все это какъ должно, тотъ симъ самымъ откроетъ себѣ путь къ принятію тайны (воплощенія), усматривая въ семъ повѣствованіи нѣкое образное пророчество о вочеловѣченіи Господа, предъизображенное событіями. Ибо какъ огонь, по природѣ своей стремящійся вверхъ, силою Божіею приближается къ землѣ, а Ілія, охваченный небеснымъ огнемъ, снова воспринявшимъ свое естественное движеніе, и самъ возносится съ нимъ: такъ невестественная и безвидная сущность (*ἄβολα*),—Сила Вышняго, воспріявъ зракъ рабій,—естество (*ὑπόστασις*) родившееся отъ Дѣвы,—возвела оное на собственную высоту, преобразовавъ въ Божеское и совершенное естество. Такимъ образомъ невѣрующій сему не повѣритъ и чудеснымъ событіямъ съ Іліею; а прежде научившійся истинѣ, прикровенно изображенной въ его жизни, не будетъ враждебно относиться и къ сей самой истинѣ.

26. Затѣмъ онъ обращаетъ ругательства противъ насъ, не принимающихъ сочиненной имъ басни, и говоритъ: «подъ прикрытіемъ вѣры, невѣрующіе въ Бога, рожденного отъ жены и распятаго іудеями, постыждаются подобно имъ; посему и Самъ Онъ постыдится ихъ». Кто же не знаетъ, что употреблять проклятія въ борьбѣ съ противниками, свой-

ственно только бессильнымъ защитить то, что имѣють въ виду? А мы говоримъ только, что подлежатъ двѣ пропасти: съ одной стороны пропасть (лжеученія) Аполлинаріева, а съ другой—Аріева, и что упавшимъ въ ту или другую одинаково предстоить разбиться, съ тѣмъ развѣ различіемъ, что если выбрать изъ двухъ золь, то кажется въ Аріевой можно разбиться меньше. Ибо хотя и тотъ и другой чистое существо Единороднаго низводятъ въ униженное состояніе; но Аріій приравниваетъ Владыку Ангеловъ къ безтѣлесному естеству ангельскому, возвѣщая, что они одинаково ниже естества несозданнаго, что и Онъ и они произошли чрезъ созданіе. А этотъ до того доводитъ безуміе, что признаетъ Его равночестнымъ съ человѣкомъ, умаленнымъ предъ Ангелами, и рѣшаетъ, что естество Его, — плотское. Но сколько естество безтѣлесное превосходитъ тѣлъ: столько и нечестіе Аріево предпочтительнѣе заблужденія Аполлинаріева Кто же невѣрующій, подъ прикрытіемъ вѣры, толкователь тайны (воплощенія) отъ Дѣвы? Предложу на общій судъ нашу вѣру, осмѣиваемую симъ сочинителемъ, и его собственное мнѣніе. Мы говоримъ, что Богъ, будучи по существу невещественъ, безвиденъ и безтѣлесенъ, по нѣкому человѣкълюбивому домостроительству, на конецъ исполненія всего, когда зло возрасло уже до высшей степени, для истребле-

нія грѣха, соединяется съ естествомъ человѣческимъ, подобно солнцу, проникающему въ мрачную пещеру и появленіемъ свѣта уничтожающему тму. Ибо, воспріавъ въ Себя нашу нечистоту, Самъ Онъ не оскверняется отъ скверны, но въ Себѣ Самомъ очищаетъ сію нечистоту. Ибо *свѣтъ*, сказано, *во тмѣ свѣтитъ, и тма его не обгьтѣ* (Іоан. 1, 5.). Такъ бываетъ и при врачеваніи. Когда къ болѣзни приложено леченіе, болѣзнь исчезаетъ, но не перемѣщается во врачебное искусство. Таково наше слово. А онъ говоритъ, что Богъ отъ начала былъ во плоти, и такимъ образомъ видимое и осязаемое тѣло, рожденное въ послѣдніе дни, постепенно возраставшее отъ принятія человѣческой пищи, было то самое, которое существовало прежде всего сущаго, которое сотворило и людей и всякое созданіе видимое и невидимое; оно то самое, которое чувствуетъ утомленіе и съ томленіемъ принимаетъ испытаніе смертное. Не понимаю, почему этотъ мудрецъ не приписываетъ Творцу никакого утомленія, когда создавались небеса, земля и всѣ чудеса творенія, а говоритъ, что Онъ былъ утомленъ, когда шелъ изъ Іудеи въ Галилею! Для израильтянъ Онъ превращалъ скалу во вмѣстилища водъ, а Самъ у жены самарянки просить пить! Сорокъ лѣтъ не утомляется дождить небесную пищу столькимъ тьмамъ людей, а Самъ течетъ къ смоковницѣ

въ чайніи снѣди, которой не было. Если таково мнѣніе о догматѣ того и другаго изъ насъ, то пусть разумный слушатель самъ разсудить, кто изъ насъ невѣрный подъ прикрытіемъ вѣры.

27. По его словамъ, мы говоримъ, что Распятый не имѣлъ въ своемъ ествѣ ничего божескаго, даже самага главнаго, имени духа. Противъ этой клеветы легко защититься отрицаніемъ. Ибо если Аполлинарій думаетъ, что духъ есть умъ: то никто изъ христіанъ не говоритъ, что соединившійся съ Богомъ человѣкъ былъ половинный, но во всей цѣлости вступилъ въ соединеніе съ божескою силою. Посему пусть какими кто хочетъ именами называетъ части человѣка: умомъ ли, духомъ ли, или сердцемъ; ибо въ Писаніи приводятся три наименованія владычественной части въ человѣкѣ, а именно: *сердце чисто созижди во мнѣ Бже* (Пс. 50, 12.); и еще: *разумный строительство стяжетъ* (Притч. 1, 5.), и еще: *никтоже вѣсть, яже въ человѣцѣ, точію духъ, живущій въ немъ* (1 Кор. 2, 11.). Посему не лишень ни духа, ни ума, ни сердца (тотъ, Кто родился) при осѣненіи силы Вышняго и нантіи Святаго Духа. Итакъ не къ намъ относится брань, будто мы говоримъ, что оный человѣкъ не имѣетъ въ себѣ духа, то есть, ума, а къ самому виновнику брани, осыпающему насъ порицаніями, которыя идутъ къ

нему. Ибо именуя умъ духомъ, и говоря, что человѣкъ Христосъ не имѣеть ума, онъ самъ утверждаетъ, что Господь не имѣеть духа. Какое еще возводитъ обвиненіе? По его словамъ, мы не правы, когда говоримъ, что, кромѣ собственнаго естества, (оный) человѣкъ имѣлъ въ себѣ еще нѣчто большее, а именно живущее въ немъ Божество. Если онъ ставитъ это въ вину, мы не уклоняемся отъ обвиненія, подвергаясь ему вмѣстѣ съ апостоломъ. Потому что имъ наученные (Филип. 2, 6. 7.) вѣруемъ, что образъ Божій, существующій въ умопредставленіи, въ образѣ раба получаетъ бытіе въ явленіи. Если же образъ Божій превосходитъ образа рабскаго: то, конечно, являемое не равночестно съ тѣмъ, что сокровенно. Итакъ усматриваемое во плоти и обращавшееся съ людьми заключало подъ собою нѣчто превосходнѣйшее себя. Вотъ что сочинитель вмѣняетъ намъ въ преступленіе противъ вѣры. Но и апостолъ говоритъ, что *въ Тѣлѣ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлесно* (Кол. 2, 9.). Сказавъ: *въ Тѣлѣ*, онъ означилъ не половину являемаго, но самымъ значеніемъ сего слова объялъ подлежащій предметъ всецѣло. Если же тѣло, въ которомъ жило Божество, было человѣческое, а сіе тѣло не бездушно; отличительную же часть человѣческаго духа составляетъ умъ (ибо если отдѣлить его, осталась бы только, какъ часто

говорили мы, скотоподобная часть): то слѣдуетъ, что сей благородный мужъ осыпаетъ поношеніями не насъ, но апостола; или, лучше сказать, и то изреченіе великаго Іоанна, которое гласитъ, что *Слово плоть бысть и вселся въ ны* (Іоан. 1, 14.). Не (сказалъ): въ какую либо часть нашего естества, но, поставивъ множественное число, обозначилъ тѣмъ все, что мыслится въ нашемъ естествѣ, и сначала отдѣлилъ Слово отъ плоти, а потомъ соединилъ; потому что Слово было самобытно и было у Бога, и что былъ Богъ, тоже было и Слово, ибо и Оно было Богъ. Но когда *во своя прииде*, и возсіалъ во тмѣ, тогда *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 11. 14.), своею силою содѣлавшись плотію во (чревѣ) Дѣвы. Итакъ пусть перестанетъ поносить насъ, дабы не нанести вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбленія и святымъ.

28. Опустивъ средину его разсужденій, гдѣ онъ высказываетъ мысль, что думающіе съ нимъ не одинаково отрицаютъ тайну (воплощенія), упомяну только объ одномъ изъ того, что въ увлеченіи наговорилъ онъ, чтобы оклеветать насъ. Онъ говоритъ, что если мы не это (а иное) говоримъ, то «должны сказать, что Христосъ не имѣлъ бытія прежде рожденія на землѣ, не существовалъ прежде всего, и даже не сроденъ Богу». Но что Онъ имѣлъ бытіе прежде Своего земнаго рожденія, это

мы исповѣдуемъ, хотя и нѣтъ сомнѣнія, что Его плоть—происхожденія земнаго. А выраженіе: *быть сроднымъ Богу* — отвергаемъ ; ни одинъ христіанинъ не составитъ выраженія столь унизительнаго и чуждаго для величія Божія, такъ какъ оно выражаетъ мысль, что истинно сущій Богъ только сроденъ Богу, а не есть Богъ истинный. Даже и Евномій не отказался бы отъ такого твоего выраженія о Господѣ; ибо и онъ, отвергая истину Его Божества, могъ бы назвать Его сроднымъ Богу, подобно тому, какъ содѣлываются членами тѣла Христова и сопричастниками Его тѣ, кои увѣровали въ Него; они не суть тоже, что есть Господь, но причастны Ему, и именуются однимъ именемъ съ Тѣмъ, Коему причастны. Такимъ образомъ обвиняя за то, что не говоримъ этого, сообразно съ исповѣданіемъ благочестивыхъ, онъ самъ засвидѣтельствовалъ благочестность и безукоризненность сказаннаго нами. За симъ, въ доказательство того, что плоть есть Божество, онъ къ прежде сказанному прибавляетъ еще слѣдующее: «ибо кто, говоритъ онъ, святъ отъ рожденія»? Какъ будто онъ не читалъ написаннаго у Іереміи, о которомъ Господь сказалъ: *прежде неже Мнѣ создати тя во чревъ, освятихъ тя* (Іер. 1, 5.). Писаніе свидѣтельствуетъ, что Онъ святъ не только отъ рожденія, но и прежде рожденія. И младенецъ, взыгравшій въ матерней утробѣ,

радостно пріявшій гласъ цѣлованія матери Господней, и онъ былъ святъ отъ рожденія, какъ возвѣщаетъ о немъ гласъ ангела: *и Духа Святаго исполнится еще изъ чрева матере* (Лук. 1, 15.). Къ сказанному Аполлинарій прибавляетъ слѣдующее: «кто мудръ, не получивъ наученія»? А мы говоримъ, что премудрость Божія, которая есть Христосъ, не отъ наученія получена, но учительна; и не сомнѣваемся, что часть нашей плоти, соединенная съ Божескою премудростію, по причастію воспріяла благо премудрости,—не сомнѣваемся, увѣряясь евангеліемъ, повѣствующимъ, что *Иисусъ преспѣваше возрастомъ и премудростію и благодатию* (Лук. 2, 52.). Какъ въ тѣлѣ постепенное приращеніе достигаетъ до полного развитія естества при помощи питанія; такъ и въ душѣ преспѣваніе въ совершенствѣ премудрости достигается причастными оной, при помощи упражненія. «Кто, говоритъ, властенъ творить дѣла Божіи»? Какими дѣтскими умозаключеніями онъ хочетъ умалить неизреченное величіе Господа! Власть творить дѣла Божіи принадлежитъ и людямъ, удостоившимся силы Божіей, каковъ на примѣръ былъ Ілія, по произволу низводившій и затворявшій людямъ дождь, ниспосылавшій на враговъ огонь, производившій муку въ глиняномъ сосудѣ, творившій изобиліе елея въ чванцѣ, дуновеніемъ даровавшій мертвому жизнь, и совершившій многія

другія чудеса, повѣствуемая о немъ въ словѣ Божіемъ. Такимъ образомъ божескою силою творить какія либо чудеса, кои во власти Божіей, не превышаетъ человѣческаго естества; но самому быть силою вышею всего,—это превышаетъ. Въ сіе вѣруемъ и мы и всѣ, въ истинѣ принявшіе слово Божіе.

29. А присоединенное имъ къ сему непонятное различіе, какъ не подлежащее внимательному съ нашей стороны разбору, мы предоставляемъ разсужденію людей опытныхъ. Ибо что желалъ онъ выразить словами: «различая дѣйствованіе по плоти, и уравнивая (дѣйствованіе) по духу»? Это онъ присовокупилъ къ евангельскому изреченію, которое гласитъ: *Отецъ Мой досель дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17.). Если у кого есть сила защищать безсмысленное, пусть станетъ на защиту этихъ словъ и скажетъ, съ какою мыслию онъ прибавляетъ еще къ только что сказаннымъ словамъ подобныя выраженія, которыя буквально таковы: «кто снова получаетъ равенство въ могуществѣ и различіе дѣйствованія по плоти, по которому не всѣхъ оживотворилъ, но нѣкоторыхъ, кого восхотѣлъ». Извлекая простую и безыскусственную мысль Божественнаго Писанія, мы держимся относительно приведенныхъ словъ (Писанія) такого понятія. Когда слышимъ глаголь Господа: *Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живетъ, и Сынъ*

иже хочетъ живитъ (Іоан. 5, 21.), сіе не такъ разумѣмъ, какъ будто нѣкоторые животворящимъ хотѣніемъ отвергаются; но поелику и слышимъ и вѣруемъ, что все, чтó имѣеть Отецъ, принадлежитъ и Сыну (Іоан. 16, 15.), то явно, что въ Сынѣ усматриваемъ и хотѣніе Отца, единое для всѣхъ. Если же въ Сынѣ хотѣніе Отчее, а Отецъ, по слову апостола, *всѣмъ хочетъ спастися и въ разумъ истины прийти* (1 Тим. 2, 4): то, очевидно, обладающій всѣмъ, чтó принадлежитъ Отцу, и всецѣло имѣющій въ Самомъ Себѣ Отца, имѣеть въ Себѣ, вмѣстѣ съ другими совершенствами Отца, и хотѣніе спасти. Итакъ если Онъ не имѣеть недостатка въ этомъ совершенномъ хотѣніи, то конечно ясно, что кого Отецъ хочетъ оживотворить, тѣхъ и Онъ животворить, не уступая въ человѣколюбіи хотѣнія, какъ думаетъ Аполливарій, говоря, что Онъ восхотѣлъ оживотворить не всѣхъ, а нѣкоторыхъ. Ибо не Господня воля виною того, что одни спасаются, а другіе погибаютъ,— иначе пришлось бы къ ней относить вину погубленія,—но спасеніе или гибель нѣкоторыхъ зависитъ отъ произволенія принявшихъ слово (Божіе). Къ своимъ умствованіямъ онъ прибавляетъ, что «никто по своей волѣ не умиралъ и не воскресалъ», и, сказавъ это, приводитъ изреченіе Евангелія: *никтоже возметъ душу Мою отъ Мене; область иже положити ю,*

и область ихъ какъ пріяти ю (Іоан. 10, 18.). Какую душу, разумную или неразумную,—спросилъ бы я у приписывающихъ Богу душу, не имѣющую ума? Если скажутъ: неразумную, то признають, что Христосъ былъ облеченъ естествомъ скота, а не человѣка; если же скажутъ: разумную, то чѣмъ инымъ представляютъ они разумніе, какъ не разумомъ? Ибо разумъ не есть звукъ безъ значенія. но движеніе мышленія, начало и основаніе разумности. Посему называющій душу разумною, признаетъ ее и способною разумѣть; а разумніе есть движеніе и дѣйствіе ума. А какъ сталъ бы дѣйствовать умъ, котораго нѣтъ, если признають душу Господа лишенною ума? Итакъ если Господь имѣетъ душу, которую по произволенію пріемлетъ и полагаетъ, душу не скотскую и неразумную, но свойственную человѣческому составу: то, конечно, должно признать, что Имъ воспринята душа человѣческая и одаренная разумомъ.

30. Что за симъ говоритъ онъ о зернѣ умирающемъ, а потомъ вновь вырастающемъ со множествомъ зеренъ, охотно перейду молчаніемъ; потому что его слова клонятся въ нашу пользу и подтверждаютъ нашу мысль. Ибо какое это зерно умирающее и въ своемъ воскресшемъ колосѣ вмѣстѣ съ собою возбуждающее къ жизни множество зеренъ? Не думаю, чтобы кто нибудь въ такой мѣрѣ былъ несвѣдущъ

въ Божественныхъ догматахъ, чтобы не видѣть отсюда, что таинство страданія относится къ человѣку. Доказательство сказаннаго то, что и мы умираемъ вмѣстѣ съ Нимъ, и спогребаемся, и совозстаемъ. Для желающихъ легко подражать тому, что однородно (съ ними); а подражаніе превышающему насъ, недоступно. Посему если смерть подъята плотію, то и намъ, живущимъ во плоти, легче будетъ смертію подражать смерти. А если смерти подверглось Божество, то какъ мы, сущіе во плоти, будемъ умирать вмѣстѣ съ Божествомъ? Плоть умираетъ и совоскресаетъ съ плотію. Если же Божество претерпѣло сіе, какъ хочетъ того Аполинарій: то нужно искать другихъ божествъ, которыя умерли бы вмѣстѣ съ Божествомъ и совозстали съ нимъ; ибо какъ Христосъ умеръ и воскресъ, такъ, по слову Спасителя, и мы (1 Кор. 15, 22; 1 Сол. 4, 14.). А что такое мы по своему естеству? Божія сила, или кровь и плоть, какъ говоритъ Писаніе (Евр. 2, 14.)? Посему-то ради насъ приобщился нашей плоти и крови Содѣлавшійся ради насъ подобнымъ намъ. Итакъ что по своему существу мы, тѣмъ же былъ и Умершій за насъ, подражаніе Коему предлежитъ намъ, принадлежащимъ къ одному съ Нимъ роду. Доказательствомъ же нечестивости того мнѣнія, которос утверждаетъ, что Божество смертно, служитъ совершающееся въ насъ самихъ. Ибо

въ обыкновенной человѣческой смерти, что умираетъ и истлѣваетъ? Не плоть ли разрѣшается въ землю, а умъ остается съ душою, не терпя, по отношенію къ бытію, никакой утраты отъ разрушенія плоти? Доказательствомъ этому служить то, что богачъ помнить о находящихся на землѣ и молить Авраама за связанныхъ съ нимъ родствомъ. И никто не сочтетъ безумнымъ то, что на себѣ испытавъ неизбѣжность (суда), онъ предается заботѣ о близкихъ къ нему. Итакъ если нашъ умъ и послѣ смерти остается не пострадавшимъ и неизмѣннымъ: то съ чѣмъ же сообразно оному троечастному Богу Аполлинарію претерпѣть тѣлесную смерть? Какъ Ему умереть или какимъ бы то ни было образомъ потерпѣть разрушеніе отъ смерти? Ибо всякому извѣстно, что смерть есть взаимное разлученіе души съ тѣломъ; а душа и разумъ какъ раздѣлятся сами отъ себя, чтобы и душѣ принять смерть? Итакъ, если наша душа не доступна смерти, то какъ она можетъ умереть,—на это пусть отвѣчаютъ раздробляющіе Христа на части.

31. «Они смущаются, говорить онъ, смущеніемъ невѣрующихъ». Это насъ онъ поноситъ, называя смущающимися и невѣрующими безпрекословно внимающихъ евангельскому гласу, который вѣщаетъ: *еще возможно есть, да милуетъ отъ Мене чаша сія; обаче не Моя воля, но Твоя да будетъ* (Матѹ. 26, 30; Лук.

32, 42.). Къ этимъ словамъ онъ прибавляетъ свои такого рода: «и не помнятъ они, говорить, что здѣсь рѣчь идетъ о собственномъ изволеніи не чловѣка отъ земли, какъ они думаютъ, но Бога, сшедшаго съ небеси». Кто придумалъ бы сказать подобное? Говорю не о комъ либо изъ нихъ, дознанныхъ еретиковъ, но думаю, что и самъ отецъ нечестія и лжи не выдумаетъ для богохульства чего либо болѣе ужаснаго сравнительно съ тѣмъ, что сказано. Понимаетъ ли этотъ сочинитель, что онъ говорить? Богъ, низшедшій съ неба, отвергаетъ собственное изволеніе Божества, и не хочетъ идти на дѣло, котораго (Оно) хочетъ. Итакъ воли Отца и Сына раздѣлились. Какъ же у Обоихъ воля будетъ общою? Какъ при различіи изволеній будетъ открываться тождество ихъ естества? Ибо совершенно необходимо, чтобы хотѣніе было сообразно съ естествомъ, какъ нѣгдѣ говорить Господь: *не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити* (Матѣ. 7, 18.). А плодъ естества есть произволеніе, такъ что у благаго естества произволеніе благое, а у злаго—злое. Посему если у Отца и Сына плодъ воли различенъ, то по необходимости признають, что и естество Обоихъ различно. Къ чему же онъ возстаетъ на Арію? Почему не присоединяется къ Евномію, который, раздѣляя естество Отца и Сына, разсѣкаетъ вмѣстѣ съ

естествомъ и хотѣніе, и этимъ преимущественно доказываетъ различіе ихъ существа, отсѣкая вмѣстѣ съ тѣмъ у (Сына, какъ у) низшаго предъ высшимъ, самое понятіе Божественности.

32. Сказанное имъ повторимъ опять: «они не помнятъ, говоритъ онъ, что здѣсь рѣчь идетъ о собственномъ изволеніи не человѣка отъ земли, какъ они думаютъ, но Бога, сшедшаго съ небеси». О какомъ изволеніи говорить сочинитель? Очевидно о томъ, исполненія котораго не хочетъ Господь, говоря Отцу: *не Моя воля, но Твоя да будетъ* (Лук. 22, 42.). Понимаетъ ли Аполлинарій, въ какое противорѣчіе впадаетъ сего рѣчь? Приближается страданіе, и пока еще не приступилъ предатель со множествомъ (народа), въ то время и происходитъ сіе моленіе. Кто же молится, чловѣкъ или Богъ? Если онъ думаетъ, что молящійся есть Богъ: то усматриваетъ въ Немъ немощь, одинаковую съ человѣческою. И какой же Онъ Богъ, когда въ Себѣ не имѣетъ ничего добраго, но нуждается въ высшей помощи? Далѣе, какъ Божество осуждаетъ собственнос изволеніе? Добро или зло было то, чего Онъ хотѣлъ? Если добро, въ такомъ случаѣ зачѣмъ не приводится къ концу то, чего Онъ желалъ? А если зло: то какое у Божества общеніе съ зломъ? Но, какъ сказалъ я, (сочинитель) не понимаетъ, что его рѣчь впа-

даетъ въ противорѣчіе. Ибо если изреченіе: *не Моя воля, но Твоя да будетъ*, принадлежитъ Единородному Богу: то сія рѣчь, по нѣкому противорѣчію, вращается сама въ себѣ и не имѣетъ никакой твердости. Потому что не желающій исполненія своей воли желаетъ конечно того самаго, чтобы не исполнилось то, чего желаетъ. Къ какому же концу будетъ вести такое моленіе: хочу, чтобы не исполнилось то, чего хочу? Очевидно (моленіе) превратится въ противорѣчіе желаемому, и слушающій такую молитву долженъ будетъ придти въ затрудненіе по отношенію къ тому и къ другому (смыслу молитвы). Чтобы Онъ ни сдѣлалъ, но исходъ молитвы всегда будетъ несогласенъ съ хотѣніемъ молящагося. Исполнить волю молящагося? Но Онъ молится, чтобы не было того, чего желаетъ. Не исполнить желаемаго? Но молящійся желаетъ, чтобы было ему то, чего онъ не желаетъ; такъ что какъ ни принять моленіе, оно не будетъ имѣть опредѣленнаго смысла, противорѣча самому себѣ и само себя разрушая. Для такихъ затрудненій, представляемыхъ рѣчію, можетъ существовать одно разрѣшеніе,—истинное исповѣданіе тайны, а именно, что страхъ страданій составляетъ принадлежность человѣческой немощи, какъ и Господь говоритъ: *духъ бодръ, плоть же немощна* (Матѳ. 26, 41.), а подъятіе страданія, по домостроительству, есть дѣло Бо-

жія хотѣнія и могутства. И такъ поелику иное—хотѣніе человѣческое, а иное—хотѣніе Божеское: то усвоившій себѣ наши немощи одно говоритъ какъ человѣкъ, —то, что свойственно немощи естества; а другое за тѣмъ реченіе присовокупляетъ какъ восхотѣвшій, для спасенія людей, привести въ исполненіе высокое и достойное Бога хотѣніе, превысшее (хотѣнія) человѣческаго. Сказавъ: *не Моя* (воля), Онъ означилъ симъ словомъ (хотѣніе) человѣческое; а прибавивъ: *Твоя*, указалъ на общеніе съ Отцемъ Его собственнаго Божества, у котораго по общенію естества нѣтъ никакого различія въ изволеніи; ибо, говоря о волѣ Отца, симъ означилъ и волю Сына. А сія воля состоитъ въ томъ, что Онъ *всѣмъ человекомъ хочетъ спастися, и въ разумъ истинны прійти* (1 Тим. 2, 4.), что могло исполниться не иначе, какъ чрезъ поцраніе смерти, которая была преградою для жизни. А смиренныя реченія, выражающія человѣческій страхъ и состояніе (страха), Господь усволяетъ Себѣ, дабы показать, что Онъ имѣлъ истинно нашу природу, чрезъ приобщеніе (нашимъ) немощамъ завѣряя дѣйствительность Своего человѣческаго естества.

33. «Но, говоритъ Аполливарій, то, что было воспріято въ единеніе съ Нимъ, принадлежало не человѣку отъ земли, какъ они думаютъ, но Богу, спешшему съ небеси». Въ

этихъ словахъ неудовлетворительность и темнота изложенія вводитъ въ заблужденіе относительно послѣдовательности хода мысли того, кто слѣдитъ за написаннымъ, если только мысль не вполне закрывается сбивчивостію выраженія. Онъ говоритъ, что «оныя, означающія страданія, реченія, принадлежать не человѣку отъ земли, но Богу, сшедшему съ небеси». Изъ доселѣ сказаннаго явно желаніе Аполлинарія утвердить мысль, что Божество подвержено страданіямъ. А за тѣмъ онъ затемняетъ мысль нелѣпыми выраженіями. Ибо сказавъ: «то, что было воспринято въ единеніе съ Нимъ», прибавляетъ: «принадлежало Богу, сшедшему съ небеси». Перелагая это въ болѣе ясную рѣчь, иной сказалъ бы такъ, что не человѣкъ такъ говорилъ, но чрезъ человѣка глаголаъ Богъ, воспринявшій видимый образъ въ единеніе съ Собою. Откуда же воспринять былъ этотъ человѣкъ? Отъ земли? Онъ отрицаетъ это. А если на небесахъ онъ имѣлъ бытіе: то не отъ человѣка. Остается сказать: ни откуда, чѣмъ утверждается, что видимое (во Христѣ) было мнимымъ, а не истиннымъ; ибо что ни откуда, то совсѣмъ и не существуетъ. Но въ прибавленныхъ имъ словахъ онъ именуетъ сего человѣка сшедшимъ съ небеси. Однако же Марія была на землѣ, на землѣ былъ вертепъ, земныя ясли. Какъ же онъ переселяетъ къ намъ человѣка съ небеси

на землю? Тогда какъ все Писаніе исповѣдуетъ Дѣву, рожденіе, плоть, пелены, сосцы, ясли, человѣческій образъ жизни, Аполлинарій, все это отвергая, измышляетъ въ своемъ сочиненіи иного человѣка, не имѣющаго происхожденія и съ нашимъ естествомъ несроднаго.

34. Впрочемъ оскорбленія, какія онъ впе-
таетъ среди своей рѣчи, полагая, что чѣмъ
болѣе осыпаетъ насъ злословіями, тѣмъ силь-
нѣе утверждаетъ свое нелѣпое ученіе, я ду-
маю, каждый здравомыслящій долженъ пре-
зрѣть и предоставить вниманію читателей су-
дить, кто искажитель апостольской вѣры: мы
ли, которые, по слову Павла, разумѣли по
плоти Христа, но нынѣ кому не разумѣемъ
(2 Кор. 5, 16.), или онъ, который постоянно,
какъ прежде совершенія спасенія человѣковъ,
такъ и послѣ онаго, вводитъ въ свои рѣчи
своего плотянаго Бога. Присовокупляетъ къ
сему и хулу на Христа со стороны іудеевъ,
именно названіе Его ядцею и винопійцею
(Матѣ. 9, 19.), и говоритъ, что это есть не-
обходимо въ человѣкѣ. Итакъ, что это за че-
ловѣкъ, порицаемый іудеями за пищу и питіе?
Употреблялъ ли оныя Онъ, или нѣтъ? Но если
не употреблялъ, то былъ только призракомъ
человѣка; а если употреблялъ, то употребляе-
мое Имъ въ пищу и питіе было земное; но
небесное земнымъ не питается. Какое проти-
ворѣчіе въ нелѣпости! При сужденіи объ од-

номъ и томъ же предметъ въ какія впадаетъ онъ противоположныя крайности! То представляетъ явившагося во плоти выше естества человѣческаго, то поставляетъ его ниже людей, лишая самой лучшей стороны естества человѣческаго. Ибо самая лучшая часть въ нашей природѣ есть умъ; но плоть, въ которой Богъ явился, говорить, не имѣла онаго. И это ясно усиливается доказать въ слѣдующихъ далѣе разсужденіяхъ, въ которыхъ, дабы подробное изслѣдованіе нелѣпостей не показалось кому излишнимъ, мы прослѣдимъ сказанное имъ только вкратцѣ. Ибо оная наполнивъ свое сочиненіе множествомъ оскорбленій, онъ направляетъ противъ насъ такую рѣчь,—говорить, что неправы тѣ, кои говорятъ, что единеніе плоти и воспріятіе человѣка одно и то же. Я же, хотя рѣчь моя покажется и нѣсколько грубою, не скрою истины, что ни того ни другаго изъ сказанныхъ реченій языкъ нашъ съ точностію опредѣлить не можетъ. Ибо какое различіе между единеніемъ плоти и воспріятіемъ человѣка, не легко объяснить близко къ уразумѣнію, потому что единеніе многообразно понимается: по отношенію къ числу, виду, естеству, занятіямъ и наукамъ, по отношенію къ свойствамъ добродѣтели и порока и стремленіямъ къ нимъ. Итакъ нужно, чтобъ намъ объяснили, какое здѣсь разумѣется единеніе плоти: съ самой собою или съ дру-

гимъ. Также и относительно воспріятія чело-
вѣка,—какъ оно бываетъ, кто, откуда, какъ,
къмъ и какимъ образомъ воспріемлется; равно
и предшествующее намъ тоже неизвѣстно. По-
сему доколѣ онъ будетъ произносить о тайнѣ
словъ, неразтворенныя Божественною солію
Писанія, мы обуявшую соль внѣшней мудро-
сти оставимъ на поправленіе вѣрнымъ. Кто изъ
евангелистовъ говорилъ о единеніи плоти?
Какое апостольское писаніе научило насъ бук-
вально такому выраженію: «воспріятіе чело-
вѣка»? Какой законъ, какіе пророки, какое
богодуховенное слово, какое соборное по-
становленіе передало намъ оное? Впрочемъ,
изъ сихъ двухъ реченій одно онъ приписы-
ваетъ намъ, а другое называетъ своимъ; но
какое изъ нихъ присвоиваетъ себѣ, доселѣ
вѣрно не знаемъ. Ибо мы, или ни того ни
другаго себѣ не усвоимъ, или оба; потому
что различія ни въ одномъ изъ нихъ, по отно-
шенію къ другому, никакого найти нельзя; и
единеніе бываетъ съ чѣмъ либо, и воспріятіе,
конечно, есть воспріятіе чего либо; каждое
указываетъ на отношеніе къ другому: и вос-
пріавшій соединяется съ воспріятымъ, и со-
единяющееся соединяется чрезъ воспріятіе.

35. Но онъ говоритъ, что мы признаемъ
два лица: Бога и воспріятого Богомъ чело-
вѣка, а онъ думаетъ и говоритъ иначе: называетъ
его содѣлавшимся плотію (*σαρκωθέντα*) и не

отличнымъ отъ безтѣлеснаго, но однимъ и тѣмъ же по подобію нашей жизни во плоти. Опять представляетъ намъ несостоятельныя разсужденія въ защиту своихъ бредней. Плотяный его Богъ естественно не можетъ быть простымъ, потому что плоть никто не можетъ представить простою; а что не просто, то не можетъ не быть сложнымъ; онъ же говоритъ, что (Божество) едино такъ же, какъ единъ каждый изъ насъ, состоящій по его словамъ изъ духа, души и тѣла. Теперь въ первый разъ мы знакомимся съ новымъ видомъ счисленія, узнавши, что раздѣленное на три различнаго рода части составляетъ единицу. Но о вымышленномъ имъ духѣ отлагаемъ рѣчь до другаго времени. По простѣйшему же извѣстному намъ дѣленію чловѣка, какое принимаютъ очень многіе, мы признаемъ, что онъ состоитъ изъ разумной души и тѣла. Какимъ же образомъ мы назовемъ два однимъ, когда апостолъ въ каждомъ изъ насъ ясно усматриваетъ двухъ чловѣковъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ: *еще и вѣншній нашъ чловѣкъ тлѣетъ, разумѣя тѣло, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16.), указывая на душу. Если бы даже, по Аполлинарію, было три чловѣка, два конечно невидимыхъ, а одинъ видимый; то и тогда, сколькобы онъ ни утверждалъ своего мнѣнія примѣромъ нашей природы, два называя однимъ, его опровергаетъ

Павелъ, раздѣляя человѣка въ двойственномъ значеніи. Итакъ, поелику онъ подтверждаетъ свои слова примѣромъ, взятымъ отъ человѣческой природы: то съ опроверженіемъ онаго, конечно, опровергается и сказанное имъ. Говорить же онъ слѣдующее: «какъ человѣкъ есть единъ, состоя изъ духа, души и тѣла»... Я желалъ бы, чтобы Аполлинарій опредѣлилъ прежде, изъ какого тѣла, откуда взятаго и когда образовавшагося, и изъ какой души, разумной ли и человѣческой, или неразумной, т. е. скотской, думаетъ онъ, составленъ оный человѣкъ, и затѣмъ уже влагалъ бы въ него разумную часть, которую онъ называетъ чѣмъ-то отличнымъ отъ духа, въ насъ именуя умомъ, а въ Немъ Богомъ. Ибо если бы мнѣніе, о какомъ-то образованіи небеснаго человѣка по подобію земнаго было признано за доказанное имъ прежде; то мы, наученные сею новою мудростію, послѣдовательно пришли бы къ нелѣпому вымыслу: что земной родъ людей состоитъ изъ разумной души и тѣла, но есть еще родъ небесныхъ людей, у которыхъ душа неразумна, тѣло человѣческое, а вмѣсто ума, Богъ примѣшивается къ существу души и тѣла. Къ числу сихъ-то людей относитъ Аполлинарій явившагося на землѣ (Господа). Но какъ существованіе такого рода людей не доказано, да и нѣтъ ихъ, а рожденный отъ Дѣвы отвергается, какъ не причастный даже есте-

ству нашему: то я почитаю нелѣпымъ и непоследовательнымъ называть тѣломъ то, что не есть тѣло, а душею человѣческою—что не есть душа. Ибо кто не признаётъ душу разумною, тотъ конечно не согласится признать ее и человѣческою. Если же это не такъ, то какое приложеніе имѣетъ оное трех-частное дѣленіе человѣка, коего двѣ части суть человѣкъ, а третья—Богъ? «Ибо, говоритъ, не былъ бы онъ въ подобіи человѣка, если бы не былъ умомъ облеченнымъ плотію, какъ человѣкъ». Былъ ли лишенъ ума тотъ, въ которомъ Богъ примирилъ міръ себѣ,—этого сказать не могу; но что пишущій это былъ вѣдущимъ ума въ то время, когда писалъ сіе, объ этомъ если не скажу я, возопіютъ самыя его сочиненія. Какъ можетъ сдѣлаться подобнымъ человѣку тотъ, кто есть нѣчто иное чѣмъ человѣкъ, совершенно отличное отъ нашей природы? Ибо если человѣкъ состоитъ изъ разумной души и тѣла, а въ вымышленномъ имъ человѣкѣ нѣтъ ни онаго тѣла, ни души: то какимъ образомъ приметъ подобіе человѣка то, что чуждо нашей природѣ? Но онъ называетъ Его не человѣкомъ, но говоритъ, что Онъ былъ какъ бы человѣкъ, не имѣющій ума, облеченный плотію. Эти слова и убѣждаютъ меня въ безуміи писавшаго оныя. Какъ можетъ уподобиться какой либо природѣ то, что оной совсѣмъ непричастно? Да и что это за

умъ, облеченный плотію, тѣсно съ нею соединенный, не отдѣляемый отъ нея, но всегда таковымъ пребывающій? Не изъ такого ли же онъ и происходитъ? Пбо плоть не можетъ и родиться иначе, какъ только отъ плоти, какъ говорить нѣгдѣ Спаситель, что *рожденное отъ плоти плоть есть* (Іоан. 3, 6.). Или въ послѣдствіи дѣлается таковымъ? Но въ какую же плоть облекшись, онъ является во плоти? Въ ту ли, которая существуетъ? Но она происходитъ изъ такой же плоти. Или въ несуществующую? Но тогда Его нельзя назвать имѣющимъ плоть (*ἔνσάρχως*), потому что отъ несуществующаго не могъ онъ и заимствовать сего имени.

36. Но посмотримъ на неотразимую силу его силлогизмовъ, которыми онъ убѣждаетъ насъ согласиться на то, что едиnorodный Богъ есть воплощенный умъ. «Если, говорить, Господь не есть умъ воплощенный, то Онъ есть мудрость». Вотъ непреоборимое положеніе! Одно изъ двухъ, думаетъ онъ, непременно есть Господь: или умъ воплощенный, или мудрость: потому, говорить, необходимо Ему быть тѣмъ, если не есть сія послѣдняя, что если Онъ не будетъ умомъ воплощеннымъ, то все, что не есть воплощенный умъ, есть мудрость. Итакъ, что же камень? Что жукъ? Что прочіе предметы, являющіеся намъ? Конечно и относительно ихъ скажетъ одно изъ двухъ, что они

суть или умъ воплощенный, или мудрость; но ни одно изъ нихъ не есть ни умъ, ни мудрость. Слѣдовательно рушилось положеніе нашего сочинителя и все лжеумствованіе распалось, какъ скоро съ разрушеніемъ основанія пало вмѣстѣ и все его умозаключеніе. Ибо ничѣмъ не доказывается, что эти понятія имѣютъ такую рѣзкую противоположность между собою, что гдѣ есть одно, тамъ нѣтъ другаго, или на оборотъ, гдѣ нѣтъ одного, тамъ непременно находится другое; но ничто не препятствуетъ быть обоимъ вмѣстѣ, или ни одному. И съ противоположной стороны мы также увидимъ несостоятельность сего положенія. Если принимается за истину, что если Онъ не умъ воплощенный, то мудрость: то истинно будетъ и то, что вытекаетъ изъ противоположности,—именно если Онъ мудрость, то не есть умъ воплощенный. Но всякій исповѣдающій вѣру признаетъ, что Христосъ есть мудрость; слѣдовательно, по положенію мудреца (сего), надобно признать, что Онъ не есть умъ воплощенный; такъ обѣими сторонами доказательства и первою и второю, и тѣмъ, что онъ теперь сказалъ для подтвержденія своего мнѣнія, самъ сочинитель доказываетъ, что Господь не есть умъ воплощенный. Таково положеніе; таково посредствующее доказательство: достойно того и другаго и заключеніе, которое, говоритъ: «пришествіе къ намъ Христа

было не пришествіе Бога, но рожденіе человека». Пусть смѣются надъ сими словами горделивые; мы же, находя болѣе приличнымъ оплакивать лживость сказаннаго, отказываемся далѣе обличать сіе ученіе, дабы не показаться насмѣхающимися. Ибо кто по справедливости не посмѣется надъ несвязно построеннымъ силлогизмомъ? Но я изложу самыя слова его по порядку; они таковы: «если Господь не есть умъ воплощенный, то Онъ будетъ мудростію, просвѣщающею умъ человека;—но она находится и во всѣхъ людяхъ. Если же это такъ, то пришествіе Христа не есть пришествіе Бога, но рожденіе человека». Что Господь есть мудрость, превосходящая всякій умъ,—никто изъ благочестивыхъ мужей, руководясь въ этомъ словами святыхъ отцевъ и апостоловъ, отвергать не станетъ. Ибо и Павелъ ясно вопіетъ, что Христосъ *бысть намъ премудрость отъ Бога* (1 Кор. 2, 30.); слышимъ также изъ устъ апостола, что *явися намъ благодать спасительная, научающая насъ отвергнуться нечестія, чрезъ святость и праведность ожидать блаженнаго упованія* (Тит. 3, 11. 12. 13.). Но что едиnorodный Богъ, который надъ всѣмъ, чрезъ всѣхъ и во всѣхъ, есть умъ воплощенный,—этого мы ни отъ кого изъ святыхъ не слышали и не допустимъ внести въ божественныя Писанія это странное и новое ученіе, особенно имѣя въ виду

цѣль сего новаго писателя, который при помощи отвратительнаго сего лжеумствованія хочеть ниспровергнуть исповѣданіе премудрости Господней, какъ мы вѣруемъ, умудряющей всякій умъ, а на мѣсто сего внести странное и новое ученіе, что Единородный долженъ называться умомъ воплощеннымъ, а не мудростію. «Ибо если, говоритъ, мы станемъ вѣровать, что Господь есть мудрость,—именно та, которая обрѣтается во всѣхъ приѣмлющихъ благодать: то должны признать, что пришествіе къ намъ Христа уже не есть пришествіе Бога, «какъ будто оно чуждо мудрости Божіей. Итакъ кто не пожалѣетъ о безуміи сего мужа? Если, говоритъ, станемъ вѣрить, что Христосъ есть мудрость, то пришествіе Его, *уже бысть намъ премудрость отъ Бога* (1 Кор. 1, 30.), не будетъ пришествіемъ Бога, но рожденіемъ человека. Если бы Онъ былъ мудростію? Неужели ты не слыхалъ пророка, который возглашаетъ: *Дѣва во чревь прииметъ и родитъ Сына* (Ис. 7, 14.) и: *отроча родися намъ*, и что Сынъ имѣетъ начальство на раи своемъ, что Онъ есть сильный и крѣпкій и отецъ не только прошедшаго, но и будущаго вѣка?» (Ис. 9, 6.).

37. Но опустимъ сіи сноподобныя бредни, въ которыхъ онъ возвѣщаетъ, что Христа должно называть умомъ воплощеннымъ, а не мудростію просвѣщающею, и что явленіе Его въ жизнь нашу совершилось не чрезъ рожде-

ніе. Посмотримъ на другое умозаключеніе. «Если, говоритъ, Слово было не умъ воплощенный, но мудрость»... Здѣсь опять, на какомъ основаніи этотъ мудрецъ умъ противопоставляетъ мудрости, какъ предметы противоположные? Тщательно различающіе вещи говорятъ, что противоположно называемые предметы при взаимномъ присутствіи устраняютъ другъ друга, какъ напримѣръ: жизнь—смерть, и смерть взаимно жизнь, порокъ—добродѣтель, а послѣдняя первый и все другое относящееся такимъ же образомъ. Итакъ какимъ же образомъ онъ, подобно противоположнымъ предметамъ, такъ умъ противопоставляетъ мудрости, какъ будто имъ обоимъ невозможно быть вмѣстѣ въ одномъ и при одномъ предметѣ? Ибо, «если Онъ, говоритъ, не былъ умъ воплощенный, то мудрость»,—все равно какъ бы сказалъ кто нибудь, если нѣтъ здравія, то болѣзнь. Какъ же онъ доказываетъ свою мысль? «Если, говоритъ, въ умѣ была премудрость, то Господь не снисшелъ къ намъ и не истощилъ себя» Доказательство неопровержимое! Какъ на основаніи того, что Господь былъ премудрость, утверждаетъ, что Онъ не сходилъ къ намъ? Итакъ если на основаніи того, что Господь есть мудрость, отвергаетъ Его вѣщество (на землю): то признавая оное, по необходимости, долженъ утверждать, что Онъ не есть премудрость. Но Аполлинарій призна-

еть нисшествіе Госнода. слѣдовательно, долженъ признать вмѣстѣ съ симъ и то, что Онъ не есть премудрость. Таковы мудрые доводы сего славнаго (писателя) противъ истины! Потомъ безъ послѣдовательной связи присовокупляетъ къ сему положенію не вытекающее изъ утвержденныхъ основаній заключеніе такого рода: «посему и былъ человѣкъ; ибо человѣкъ по Павлу есть умъ во плоти». Прошу читателей не думать, будто мы сами отъ лица Аполлинарія сочиняемъ это въ шутку, на смѣхъ: можно изъ самыхъ его сочиненій узнать, что слова сіи произнесены имъ буквально, такъ какъ есть. Итакъ у какого Павла человѣкъ называется воплощеннымъ умомъ? Пусть скажетъ намъ, какого инаго имѣеть сокровеннаго Павла. Ибо *Павелъ рабъ Іисуса Христовъ, званъ апостолъ* (Римл. 1, 1.) во всѣхъ своихъ писаніяхъ ничего такого не сказалъ. Итакъ, если ни требованіе послѣдовательности, ни (какое либо) свидѣтельство не подтверждаютъ сего ученія: то откуда это странное измышленіе догматовъ можетъ имѣть достовѣрность? Къ сказанному присовокупляетъ еще другую мысль: «поелику, говорить, сей земный былъ человѣкомъ и (притомъ) небеснымъ»... Но онъ опять, говорю, забылъ о Маріи, которой благовѣстуетъ Гавріилъ, на которую, какъ вѣруемъ, нисшелъ Духъ Святый. которую осѣняетъ сила Вышняго, отъ которой рождается

Иисусъ, имѣющій начальство на раиъ своемъ, тоестъ въ себѣ носящій Начало. Начало же конечно есть Богъ Слово, сущій въ началѣ и который есть (самъ) начало, какъ говоритъ нѣгдѣ слово Писанія: *Азъ есмь начатокъ* (Апок. 1, 8.). Итакъ, пусть или докажетъ намъ, что Дѣва была не на землѣ, или перестанетъ вымышлять небеснаго человѣка, и не боится за людей простыхъ, что они погрѣшаютъ противъ Божества, — какъ будто принимая (во Христѣ) человѣчество, они не могутъ признавать въ Немъ вмѣстѣ съ тѣмъ Божества. Ибо рожденіе отъ жены есть дѣло человѣческое, Дѣва же, послужившая сему рожденію, явила вышечеловѣческое дѣло; такъ что рожденное отъ нея есть человѣкъ, а сила къ рожденію не отъ человѣка, но отъ Святаго Духа и силы Всевышняго. Итакъ, по истинному разумѣнію Онъ есть и человѣкъ и Богъ, въ видимомъ человѣкѣ, въ умопостигаемомъ Богъ. А онъ въ заключеніи не такъ говоритъ, утверждая, что Божество въ видимомъ, а не въ умозерцаемомъ.

38. Но перейдемъ къ дальнѣйшему его умозаключенію. «Если, говоритъ, съ Богомъ, который есть умъ, былъ во Христѣ и человѣскій умъ»... Вотъ первое положеніе! А мы противопоставляемъ сказанному вотъ что: кто изъ святыхъ опредѣлялъ Божество какъ умъ? Изъ какихъ Писаній мы знаемъ, что Божество

есть тоже, что умъ, чтобы признать за истину сказанное имъ, что человѣкъ во Христѣ не имѣлъ ума, а Богъ бываетъ умомъ для лишеннаго ума? Слѣдовало бы вполне выписать это оскорбительное умозаключеніе, но боюсь, чтобы читатели не почли насъ за какихъ нибудь насмѣшниковъ, какъ будто мы на посмѣяніе выставляемъ безобразіе писателя. Впрочемъ, чтобы сіе положеніе не осталось безъ вывода, считаю нужнымъ привести одно заключеніе, выбросивъ соръ, который помѣщенъ въ срединѣ. «Если, говоритъ, съ Богомъ, который есть умъ, былъ во Христѣ и человѣческій умъ: то дѣло воплощенія въ Немъ не совершается. Если же не совершается дѣло воплощенія въ самодвижимомъ и никѣмъ непринуждаемомъ умѣ, то это дѣло, которое есть разрѣшеніе грѣха, совершается въ движимой другимъ и приводимой въ дѣйствіе Божественнымъ умомъ плоти; участвуетъ же въ семъ разрѣшеніи самодвижный нашъ умъ въ той мѣрѣ, въ какой соединяетъ себя со Христомъ». Смотри, какъ соотвѣтствуютъ первому положенію сіи заключенія! Можетъ быть, для изъясненія сихъ загадочныхъ сновидѣній, нуженъ намъ какой либо ясновидецъ и прорицатель, чтобы сказать намъ, что значать сіи новыя реченія: «самодвижный умъ, и другимъ движимый, плоть, совершающая дѣло разрѣшенія». Но оставимъ и это на посмѣяніе необузданной юности, сами же пе-

рейдемъ къ тому, что у него слѣдуетъ въ сочиненіи далѣе. «Если, говорить, одинъ пріобрѣтасть что нибудь болѣе другаго, то это дѣлается чрезъ упражненіе; а во Христѣ нѣтъ никакого упражненія; слѣдовательно (въ Немъ) нѣтъ и ума человѣческаго». Какъ онъ не помнитъ богодухновеннаго Писанія? Какое упражненіе научило искуству Веселеиля? Откуда знаніе столь многаго у Соломона? Обирая *яодичія* (Ам. 7, 13.) Амосъ, будучи изъ пастуховъ, какъ получилъ столь великую силу въ пророчествѣ? И однакожъ никто изъ упомянутыхъ мужей не сходился небѣ, не былъ въ началѣ и не былъ равенъ Богу.

39. Но умолчимъ и о слѣдующемъ умозаключеніи особенно потому, что оно имѣетъ средство съ предшествующимъ ему заключеніемъ, которое буквально таково: «итакъ не спасается родъ человѣческій воспріятіемъ ума и всего человѣка, но пріятіемъ плоти». Таково его заключеніе; различіе же между воспріятіемъ (*ἀνάληψις*) и пріятіемъ (*πρόβληψις*) пусть изъясняютъ тѣ, которые занимаются изученіемъ грамматическихъ тонкостей, чтобы научить юношей легко распознавать малозначительное различіе между тѣми частицами рѣчи, которыя называются предлогами. Ибо мы думаемъ, что пріятый воспріемлется и воспріятый пріемлется, научившись такому употребленію сихъ словъ изъ Писанія: *со славою пріѣлзъ мя еси*

(Пс. 72, 24.), говоритъ Давидъ, и въ другомъ мѣстѣ: избра Давида раба своего, и воспріятъ ею отъ овецъ отца его (Пс. 77, 70.). Итакъ, и со славою пріятый воспріятъ, и отъ стада воспріятый принять. Объ одномъ и томъ же Аполлинарій употребляетъ два выраженія, такъ что едвали и самъ можетъ сказать, что онъ имѣетъ въ виду, говоря, что не воспріятіемъ, но пріятіемъ Единородный совершилъ таину вочеловѣченія. Я же, опасаясь, чтобы въ тинѣ безсвязныхъ словъ его не погрузить своей рѣчи, большую часть его пустословія опускаю, почитая достаточнымъ для обличенія нелѣпости его ученія самое буквальное изложеніе написаннаго имъ, такъ что и желающій съ особенною силою напасть на сію ересь не столько бы обличилъ нелѣпость оной своими доказательствами, сколько обличаютъ его собственные слова: потому что стараясь доказать ложь, онъ слабостию защиты явно обнаруживаетъ нечестіе своего ученія. «Ибо, говоритъ, если съ челоуѣкомъ совершеннымъ соединился совершенный Богъ: то было бы два». Слѣдовательно несовершенное въ соединеніи съ совершеннымъ не принимается имъ за два. Неужели никогда не видалъ оный знаменитый мужъ дѣтей, которые счисляя пальцы на рукѣ, малый вмѣстѣ съ большимъ, меньшій называютъ однимъ и большій однимъ: однакоже говорятъ, что ихъ два, если считаютъ тотъ и

другой вмѣстѣ. Ибо всякое число есть сложене единицъ, означающее вообще сумму, изъ нихъ составленную. Хотя же число, каково бы оно ни было, отъ соединенія съ другимъ числомъ увеличивается по количеству въ величинѣ предъ меньшимъ: однако и меньшее число будетъ одно, хотя по величинѣ и уступаетъ большому. Итакъ, когда мы беремъ два числа равной величины, то называемъ двумя совершенными; когда же соединяемъ меньшее съ большимъ, то также называемъ двумя, но одно недостаточнымъ, а другое — совершеннымъ. Но этотъ сильный въ ариѳметическихъ свѣдѣнїяхъ мужъ, если имѣетъ предъ собою два совершенныхъ по своей природѣ предмета, говорить, что они такъ и называются, — два; если же одинъ предметъ будетъ съ недостатками, а другой—совершенный: то говорить, что оба составляютъ одно; не знаю, какъ соединяя несовершенное съ совершеннымъ и придумывая единство между предметами несомѣстимыми по своимъ противоположнымъ свойствамъ. Ибо совершенное съ совершеннымъ, а несовершенное съ несовершеннымъ по сходству своему скорѣе соединяется; но какимъ образомъ можетъ быть единство противоположнаго съ противоположнымъ, то есть несовершеннаго съ совершеннымъ, пусть скажетъ намъ составитель правилъ этой новой ариѳметики.

40. Но онъ считаетъ неприличнымъ признавать въ Единородномъ Богѣ умъ человѣческій, и выставляетъ ту причину, что умъ человѣческій измѣнивъ. Но по той же причинѣ не должно приписывать Богу и (воспріятія) плоти: ибо и самъ сочинитель не будетъ противорѣчить тому, что она измѣняема, подобно одеждамъ смѣняется съ различными возрастами отъ юности и до совершеннаго возраста. Да и какъ быть неизмѣняемымъ тому, который сперва былъ носимъ на рукахъ матерью, потомъ былъ въ отроческомъ, дагѣ въ юношескомъ возрастѣ, и такимъ образомъ мало по малу достигая совершенства, пришелъ наконецъ въ мѣру полнаго возраста человѣческаго? Игакъ, если умъ отвергается по причинѣ измѣняемости, то по той же причинѣ не должно быть приписано Ему и (воспріятіе) плоти, и такимъ образомъ по сужденію Аполлинарія оказывается ложнымъ и все Евангеліе, тщетно будетъ проповѣданіе и суетна вѣра наша (1 Кор. 5, 14.). Если же онъ не отвергаетъ вѣры въ явленіе Христа во плоти и притомъ въ сей измѣняемой, то по сей же причинѣ конечно не можетъ отвергнуть и ума (въ Немъ). Но какъ Онъ бывъ во плоти не осквернился, такъ и воспріивъ умъ не измѣнился въ инаго. Я снова буду вести рѣчь объ этомъ предметѣ, изложивъ прежде буквально его слова. «Слѣдовательно, говорить, спасается родъ человѣ-

ческій не чрезъ воспріятіе ума и всего чело-
вѣка, но чрезъ пріятіе плоти, которой по са-
мой природѣ свойственно быть подъ управле-
ніемъ: нуженъ же (для него) умъ неизмѣняе-
мый, который бы не подчинялся ей по сла-
бости вѣдѣнія, но безъ всякаго насилія при-
способлялъ бы ее къ себѣ». Кто не знаетъ,
что нуждающееся въ помощи совершенно от-
лично по природѣ отъ неимѣющаго нужды въ
другомъ, и то, чему по природѣ свойственно
находиться въ управленіи, отлично отъ того,
что по самому естеству имѣетъ власть управ-
лять? Подобнымъ образомъ, по причинѣ раз-
личія сущности установлено, чтобы естество
безсловесныхъ было подчинено естеству че-
ловѣческому,—и человѣкъ имѣетъ сію власть
надъ безсловеснымъ не пріобрѣтенную, но
существенно ему принадлежащую. Итакъ, если
природа плоти такова, что она должна нахо-
диться подъ управленіемъ, какъ говоритъ Апол-
линарій, а власть по естеству принадлежитъ
Божеству: то какимъ образомъ, допуская это,
полагаетъ, что то и другое отъ начала едино
по естеству, когда всѣмъ извѣстно, что иная
сущность у подчиненнаго, и иная у началь-
ствующаго, и что иное есть то, чему есте-
ственно состоять подъ управленіемъ, и иное
то, чему по естеству свойственно управлять?
Итакъ если въ той и другомъ изъ сихъ, то
есть въ плоти и въ Божествѣ усматриваются

противоположныя свойства: то какъ сіи два естества составляютъ одно? Какимъ образомъ онъ облакаетъ Слово какою-то Божественною и небесною плотію? Даже болѣе,—онъ представляетъ сіе Слово съ плотію прежде (воплощенія), какъ будто Оно не въ послѣдніе дни по домостроительству приняло нашъ образъ, но всегда было таковымъ и всегда въ томъ же состояніи пребываетъ. Ибо кто говоритъ, что плоть нуждается въ неизмѣняемомъ и требуетъ руководителя, тотъ указываетъ прямо на нашу плоть, которая по измѣняемости природы пала въ грѣхъ. А если въ Словѣ усматривается какое-то небесное и Божественное (какъ говоритъ) тѣло, то изъ сего конечно слѣдуетъ, что онъ не приписываетъ Ему совершенно ни измѣняемости, ни нужды въ руководителѣ; не наше, но Божественнаго гласа слово, которое говоритъ, что *не требуютъ здравіи врача, но болящій* (Матѳ. 9, 12.). Ибо на небѣ нѣтъ болѣзни, (происшедшей) отъ грѣха. но мы боля грѣхомъ, сражаясь наслѣдственнымъ зломъ,—мы по удобопреклонности ко злу возымѣли нужду въ Неизмѣняемомъ, заблудившись отъ спасительнаго пути потребовали руководителя ко благу; такъ что если сочинитель въ самомъ дѣлѣ приписываетъ плоти Господней то, что ей и по природѣ свойственно быть въ подчиненіи другому и нуждаться въ неизмѣнномъ вождѣ: то онъ въ своей

рѣчи не другое что обозначаетъ, какъ пашъ составъ. Если же онъ плотію ограничиваетъ Божество, а Божество, пока оно есть то, чѣмъ называется, не нуждается въ другомъ руководителѣ, потому что не допускаетъ измѣненія и перемѣны къ худшему: то напрасно разглагольствуетъ о томъ, что сказано имъ теперь о плоти; ибо если она какая либо божественная, то явно, что и неизмѣняема; если же измѣняема, то конечно не божественна.

41. Итакъ, кто можетъ прослѣдить сей запутанный и несостоятельный вымыслъ ученій, никогда не постоянный, но подобно соннымъ мечтаніямъ являющійся то такъ, то иначе? То называетъ онъ плоть Слова божественною и Ему совѣчною, то пріобрѣтенною и воспріятою: то говоритъ, что она имѣетъ естество совершенно отличное отъ нашего, страстнаго и смертнаго, то опять представляетъ оную одержимою немощію измѣненія и перемѣны и нуждающеюся въ руководителѣ, и для того лишаетъ ее ума, чтобы она уврачевалась Божествомъ,—считая умъ какъ бы препятствіемъ Божественному промышленію о людяхъ, и (полагая) что Богу пріятнѣе существо лишенное ума. Итакъ онъ думаетъ, что блаженнѣе не имѣть ума, есль, какъ говоритъ, Богъ воспріимлетъ лишенное ума. Почему же онъ не поправляетъ Соломона, который говоритъ, что *разумный строительство стяжестъ* (Притч. 1, 5.)?

Думаю, что подъ приточнымъ гаданіемъ говорится здѣсь не о другомъ какомъ либо строительствѣ, какъ о нашей природѣ, обуреваемой зломъ и потерпѣвшей кораблекрушеніе, но попеченіемъ истиннаго кормчаго направляемой къ пристани Божественной воли. Итакъ если лишеніемъ ума спасается человѣкъ, то какъ же разумный строительство стяжетъ? Да и къ чему должно быть ближе Божество по естеству? Съ чѣмъ наша мысль предполагаетъ болѣе взаимности въ Божескомъ естествѣ? Плоть есть нѣчто грубое и твердое и имѣетъ сродство съ землею природою, а разумъ есть нѣчто духовное, неосязаемое и не имѣющее очертанія. Чтѣ изъ нихъ оказывается болѣе способнымъ къ соединенію съ Богомъ: то, что грубо и земляно, или что неосязаемо и не имѣетъ очертанія? Да и какимъ образомъ плоть соединяется съ Богомъ, безъ насилія, какъ онъ говоритъ, содѣлываясь участницею чистой добродѣтели? Ибо кто не знаетъ, что добродѣтель есть то, что правильно совершаетъ воля? Плоть же есть орудіе воли, приспособленное къ стремленію разума и направляемое къ тому, къ чему побуждаетъ движущее (оную начало); а воля есть ничто иное, какъ вѣкій умъ и расположеніе къ чему либо. Итакъ если онъ говоритъ, что человѣкъ, въ которомъ нѣтъ ума, участвуетъ въ чистой добродѣтели, то чтѣ же тогда будетъ (въ немъ, добровольно

воспринимать добродѣтель? Развѣ сочинитель то, что дѣйствуетъ по принужденію, понимаетъ нетерпящимъ ни какого принужденія. Ибо если тѣло не въ слѣдствіе благаго стремленія и соизволенія ума бываетъ удалено отъ худыхъ дѣйствій, то правильность дѣйствованія будетъ дѣломъ необходимости, а не свободной воли; а избирающій доброе по обсужденію въ мысли—выше всякой необходимости и насилія, потому что въ самомъ себѣ имѣетъ расположеніе къ лучшему. Итакъ какимъ образомъ сочинитель приписываетъ непринужденность тому, что лишено возможности дѣлать выборъ, въ чемъ нѣтъ никакого собственнаго размышленія, которое руководило бы его къ добру? Ибо безгрѣшность, зависящая не отъ произвола, конечно не заслуживаетъ и похвалы; такъ мы не хвалимъ и тѣхъ, которые узами удерживаются отъ злодѣянія, которыхъ не расположеніе, но узы останавливаютъ отъ совершенія злыхъ дѣлъ. «Но, говоритъ, Божество безъ всякаго насилія усвоетъ себѣ плоть», то есть не насилуемое онъ называетъ добровольнымъ. Но какимъ образомъ то, что не имѣетъ собственной воли, добровольно можетъ усвоить себѣ добродѣтель? Ибо выбирать и желать, избирать полезное и отвергать вредное,—все это дѣло разума, а лишенные ума разсуждать не могутъ. Итакъ, если плоть не насильственно усвоетъ себя Богу; то сочинитель симъ

свидѣтельствуеть, что она не лишена способности дѣлать выборъ и не безъ разсужденія и осмотрительности стремится къ полезному для нея; а такого рода (существо) никто не назоветъ лишеннымъ ума: ибо какъ въ неразумномъ можетъ быть какое либо разуміе? Такимъ образомъ, говоря это, писатель соглашается, что не только въ человѣкѣ есть умъ, но и преимущественно предъ прочими. Ибо произвольное и непринужденное стремленіе къ добру свидѣтельствуеть о совершенствѣ ума; а что усвоеніе лучшаго есть дѣло разума, это лучше всего доказываетъ слѣдующими словами, которыя буквально таковы: «даруя, говорить, всякому подчиненному уму чистую добродѣтель»!... Итакъ, если въ умѣ усматриваетъ чистоту добродѣтели, то какимъ образомъ лишаетъ ума оную плотъ, въ которой видитъ (сію) чистоту? Одно изъ двухъ необходимо должно быть погрѣшительно въ его словѣ: или участвуетъ въ добродѣтели умъ, или плотъ, безъ принужденія усвояющая себѣ добродѣтель, не имѣеть ума.

42. А что присовокупляетъ онъ далѣе безъ послѣдовательности и связи съ предыдущимъ, изслѣдовать подробно я считаю излишнимъ. Слова его такого рода: «и всѣмъ, говорить, которые уподобляются Христу по уму, и не различествуютъ отъ Него по плоти»... Что значить мерзость сихъ словъ, пусть изучають

благоговѣющіе къ сему заблужденію: мы же перейдемъ къ тому, что слѣдуетъ у него далѣе. «И если бы съ человѣкомъ, говорить, соединился Богъ, совершенный съ совершеннымъ: то стало бы два, одинъ Сынъ Божій по естеству, а другой по усыновленію». Съ удовольствіемъ желалъ бы я узнать отъ тѣхъ, кои признають это ученіе: если они человѣка имѣющаго умъ и совершеннаго называютъ сыномъ усыновленнымъ, то какъ назовутъ безумнаго (*ἀνόητον*); ибо такъ конечно называютъ человѣка, не имѣющаго ума? Ибо едиnorodный Богъ, будучи самъ въ себѣ безъ всякаго недостатка и совершенъ, называется Сыномъ потому, что самое естество завѣряетъ истину сего наименованія: какое же имѣетъ названіе прибавокъ полусовершеннаго человѣка? Ибо если, по Аполлинарію, совершенный человѣкъ называется усыновленнымъ сыномъ: полусовершенный человѣкъ, въ какой мѣрѣ онъ человѣкъ, очевидно, будетъ называться полуусыновленнымъ сыномъ, поелику обладаетъ только въ половину названіемъ усыновленнаго; такъ что, сказать точнѣе, усыновленный есть оный совершенный человѣкъ, а сей (полуусыновленный) лишень половины изъ трехъ-частнаго состава, по волѣ тѣхъ, которые дѣлятъ человѣка на такія малыя части. Но если неприлично Богу имѣть усыновленнаго Сына, то конечно это одинаково неприлично, какъ относительно

совершеннаго, такъ и несовершеннаго, особенно же и болѣе всего неприлично имѣть его въ урѣзанномъ (видѣ). Потому что если и самое лучшее въ человѣческомъ естествѣ, въ сравненіи съ Божествомъ, представляется чѣмъ-то ничтожнымъ и далекимъ отъ достойнаго понятія о Богѣ: то гораздо постыднѣе было бы видѣть при немъ естество искаженное. Ибо плоть отъ того не ближе естеству Отца, что она не есть умъ; но что касается до естества, то отъ сущности Отца одинаково далеки какъ весь человѣкъ, такъ и часть его, и ни то ни другое изъ находящагося въ насъ, ни умъ, ни тѣло не имѣютъ соотвѣтствія со все превосходящимъ естествомъ, по самой сущности. Хотя бы баснословіе (Аполлинарія) вымышляло для Божества какой-то небесный видъ плоти: но, тѣмъ не менѣе, никто здравомыслящій не согласится признать и эту плоть единосущною Богу и Отцу. Если же плоть чужда сущности Отца, то какъ чуждое Отцу можетъ быть Сыномъ? Ибо совершенно необходимо, чтобы истинно сущій отъ кого либо—по сущности былъ тоже, что и родившій его. Но Отецъ не есть плоть; посему и происшедшее отъ Него, конечно, не будетъ плотію: ибо рожденное отъ духа называется духомъ, а не плотію. Слѣдовательно, если плоть не отъ Отца, то и не есть Сынъ (Его). Итакъ какъ же назвать (сію плоть)? Какое ни придумаютъ имя для

оной вымышленной сочинителемъ небесной плоти: то самое мы послѣдовательно поступая дадимъ и воспринятой отъ людей плоти, и какимъ именемъ ни назовутъ нашу (плоть), такимъ же точно будетъ называться и та. Земное тѣло не есть Сынъ, не будетъ Сыномъ конечно и оное (небесное): земное есть Сынъ усыновленный: таковымъ же будетъ и небесное; два Сына здѣсь, два конечно и тамъ, одинъ Сынъ въ ономъ (небесномъ)—плоть и Божество: тоже и здѣсь (въ земномъ). Поелику вся тварь одинаково далеко отстоитъ отъ Божеской сущности: то какъ небесное, такъ и земное въ одинаковой степени должно быть признаваемо чуждымъ естеству Отца. Остается. что разумнѣе всего мыслить о Богѣ то, что соотвѣтствуетъ цѣли Его человеколюбія, а особеннаго имени Ему не изыскивать никакого, именовать же по тому (свойству), которое въ Немъ избыточествуетъ и преобладаетъ. Какъ бываетъ на морѣ, если кто каплю уксуса пуститъ въ море, и капля сія дѣлается моремъ, измѣнившись по качеству въ морскую воду: такъ и истинный Сынъ и едиnorodный Богъ, свѣтъ неприступный, самобытная мудрость, и освященіе и сила и все высокое по имени и понятію, пребываетъ тѣмъ же, явившись людямъ во плоти. Поелику же плоть, пребывая плотію по своему естеству, претворилась въ море нетлѣнія (какъ говорить апостолъ,—по-

жертво жертвенное животное—2 Кор. 5, 4.): то вмѣстѣ съ нею и все, что являлось тогда какъ плотское, премѣнилось въ Божеское и безсмертное естество; ни тяжести, ни вида, ни цвѣта, ни твердости, ни мягкости, ни очертанія по величинѣ,—ни другаго чего изъ видимаго въ ней тогда,—ничего не остается; потому что въ слѣдствіе примѣшенія къ Божеству уничтоженность плотскаго естества принята въ общеніе Божескихъ свойствъ. Итакъ для насъ нѣтъ никакой опасности понятіе о Троицѣ расширить до четверицы, какъ говоритъ Аполлинарій. и мы Ангеловъ не порабощаемъ человѣку, какъ онъ баснословилъ о насъ. Ибо не человѣку служатъ они, преклоняясь предъ Владыкою, и не стыдятся поклоняться Явившемуся вселенной во плоти. Ибо говорятъ Писаніе: *егда сводитъ первороднаго во вселенную, млаолетъ: и да поклонятся Ему вси Ангели Его* (Евр. 1, 6.). А во вселенную входъ одинъ,—черезъ рожденіе, и нельзя иначе войти въ жизнь человѣческую, какъ черезъ сей входъ. Посему-то слово (Божіе) и называетъ рожденіе Его во плоти входомъ во вселенную. Итакъ, если Ему вступившему во вселенную поклоняются всѣ Ангелы, а входъ Его есть рожденіе во плоти: то не мы покоряемъ Владыкѣ Его собственное стяжаніе, но сама природа Ангеловъ не остается въ невѣдѣніи о высшемъ владычествѣ. Итакъ да умолкнетъ

говорящій оныя пустыя слова, будто мы горнее дѣлаемъ дольнимъ, богоносныхъ Ангеловъ порабощаемъ богоносному человѣку.

43. Къ сему Аполлинарій присовокупляетъ еще слѣдующее: «если пріявшій Бога есть истинный Богъ: то боговъ было бы много, потому что многіе принимаютъ Бога». Что же мы на это скажемъ? Что *Богъ бже во Христѣ, міръ примиряя себѣ* (2 Кор. 5, 19.), достовѣрный свидѣтель сему великій Павелъ. Если же сочинитель думаетъ, что мы вводимъ въ свое ученіе многихъ боговъ потому, что исповѣдуя, что Богъ во Христѣ примиряетъ міръ себѣ, мы допускаемъ, что и въ другихъ людяхъ былъ Богъ такимъ же образомъ; то мы на это скажемъ слѣдующее: если много было матерей дѣвъ, и ко многимъ было откровеніе тайны (воплощенія) Гавріиломъ, и надъ каждою было наніе Святаго Духа и присутствіе силы Всевышняго; если пророки проповѣдь о благодати относятъ ко многимъ, такъ что во множественномъ числѣ говорятъ: отроки родились намъ и сыны даны намъ, и: дѣвы во чревѣ пріимуть, и имя всѣхъ рожденныхъ ими будетъ^ѣ Еммануилъ; если всѣ ногами ходятъ по волнамъ, и^ѣ несказанною силою питаютъ толикія^ѣ тысячи въ пустынѣ, къ насыщенію умножая хлѣбъ, въ рукахъ учениковъ растущій; если всѣ четверодневныхъ умершихъ воскрешаютъ отъ гробовъ; если всѣ бываютъ

агнцами Божиими и за насъ закалаемою пасхою (1 Кор. 5, 7.), и ко кресту пригвождаютъ грѣхъ, и разрушаютъ державу смерти, и въ виду учениковъ восходятъ на небо и сѣдятъ одесную Отца; если всѣ приидутъ судить вселенную въ правдѣ и о имени всѣхъ исповѣсть языкъ небесныхъ, и земныхъ и преисподнихъ: то мы допускаемъ, что много боговъ, то есть, если признаки сїи будутъ принадлежать многимъ. Но если одинъ есть Господь Иисусъ, чрезъ Котораго все, если *изъ Того и Тьлѣ и въ Немъ всяческая* (Римл. 12, 35.), и къ Нему одному относится столь многое число приличествующихъ Богу понятій: то есть ли какая опасность вымышлять многихъ боговъ, когда говоримъ, что Богъ явился во плоти, имѣя (человѣческую) душу? Ибо что видимое въ Немъ было чловѣкъ,—кто такъ несвѣдушь въ евангельскомъ ученіи, чтобы не знать сказаннаго самимъ Спасителемъ къ іудеямъ: *нынѣ же ищете Мене убити, чловѣка, иже истину вѣлѣ глаголахъ* (Іоан. 8, 40.)? Видишь ли, что въ сихъ словахъ Спаситель указалъ убиваемое, сказавъ: *ищете Мене убити*, не истину, но чловѣка, чрезъ котораго говорила истина? Ибо не чловѣкъ былъ тотъ, кто глаголалъ истину, но явно, что глаголавшій истину былъ Богъ, а чловѣкъ посредствовалъ въ передачѣ сказаннаго имъ людямъ, свойственнымъ ему языкомъ; почему и содѣлался посредникомъ между

Богомъ и людьми, такъ какъ естество человѣческое не можетъ вступить въ непосредственное общеніе съ Богомъ и потому имѣеть нужду въ сродномъ съ Нимъ по природѣ голосѣ, чрезъ который могло бы усвоить себѣ горнюю силу. Но надобно оставить и это, и обратить рѣчь къ слѣдующему далѣе. «Ничто, говоритъ, такъ не соединено съ Богомъ, какъ плоть воспріятая». Вотъ осмотнительное изреченіе! Ничто такъ не соединено съ Богомъ, какъ плоть: ни благодать, ни вѣчность, ни нетлѣніе, ни вседержительство, ни другое какое изъ приличествующихъ Богу понятій, но все это ниже плоти по причинѣ соединенія съ Богомъ и единенія Бога съ плотію, хотя и послѣ пріобрѣтенною. Именно это признаетъ сочинитель: ибо назвавши плоть воспріятою, онъ указалъ тѣмъ на то, что она есть нѣчто послѣ привзошедшее.

44. Но перейдемъ молчаніемъ и то, что слѣдуетъ (у него) далѣе, такъ какъ въ томъ самомъ, что сказано имъ, заключается доказательство несостоятельности баснотворства и оно безвредно для читателей. Ибо предположивъ, что никакое изъ приписываемыхъ Богу свойствъ не соединяется такъ съ Господомъ, какъ соединяется съ Нимъ воспріятая плоть, онъ вывелъ заключеніе, что не такъ соединенное, не такъ должно быть и почитаемо, по томъ присовокупляетъ (окончательный) вы-

водъ: «а ничто недостойно такого поклоненія, какъ плоть Христова». Мы съ намѣреніемъ умолчимъ о сей нелѣпости, какъ очевидной даже дѣтямъ. Ибо даже сидящіе на улицахъ и занимающіеся играми дѣти скажутъ, что если ничто не заслуживаетъ такого поклоненія, какъ плоть: то плоть Христову должно чтить болѣе, нежели самое величіе Отца, Его всемогущую власть и владычество надъ всѣмъ и все другое, что естество наше можетъ изречь о Божеской силѣ; такъ что оставивъ поклоненіе Отцу и Сыну и Святому Духу, мы должны чтить и поклоняться одной, всему прочему предпочтенной имъ плоти, и ей приписывать вседержительство. Подобно предыдущимъ и слѣдующее его умствование: «плоть Господа поклоняема, поколику есть одно лице и одно живое существо съ Нимъ». Упомянувъ о двухъ предметахъ: о Господѣ и плоти Господа, онъ изъ сихъ двухъ (предметовъ) содѣлалъ одно живое существо. Теперь ясно открывается, что означаетъ заглавіе его сочиненія, въ которомъ обѣщаетъ преподать намъ ученіе о Божественномъ бытіи во плоти, по подобію чловѣка. Поелику, при соединеніи души съ тѣломъ, жизнь чловѣческая составляется изъ смѣшенія и общенія сихъ разнородныхъ (сущностей), и никто не можетъ иначе опредѣлить составъ нашъ, какъ соединеніемъ души и тѣла: то вообразивъ тоже самое о Божескомъ есте-

ствѣ, сочинитель тотчасъ въ заглавіи сочиненія обѣщаетъ показать, что и Божество должно умпредставлять по подобію чловѣка, во плоти, и теперь въ этой части сочиненія явно старается доказать, что плоть и Господь, одно лице и одно живое существо,—все равно какъ бы сказать, что видимое въ Павлѣ по тѣсной связи души съ тѣломъ тождественно съ невидимымъ въ немъ. Слѣдуетъ ли подробно изслѣдывать слова его и опровергать оныя? И кто не въ правѣ обвинять насъ въ неразуміи, если мы будемъ останавливаться надъ изобрѣтенными имъ умствованіями? Итакъ перейдемъ къ слѣдующему: «если, говоритъ, никакая тварь недостойна такого поклоненія съ Господомъ, какъ плоть Его....» Кто будетъ въ состояніи рѣшить споръ Аполлинарія съ Евноміемъ о первенствѣ въ нечестіи? Кто изъ нихъ будетъ признанъ достойнымъ наградъ за свои великіе подвиги противъ истины? Можетъ быть, при равныхъ силахъ и одинаковой ихъ ревности къ нечестію побѣда между обоими останется нерѣшенною. Ибо сей, называя Единороднаго Бога тварію, не отвергаетъ того, что Онъ одаренъ умомъ и чуждъ тѣлесной природы: а тотъ, представивъ Его отъ начала сложнымъ изъ двухъ различныхъ природъ, доказываетъ, что Онъ есть одно, изъ плоти и Божества на подобіе чловѣческой природы составленное, живое существо. Итакъ они оба равно покла-

няются твари; но Евномій говоритъ, что она сотворена разумною и безтѣсною по естеству: а сей присовокупляетъ еще, что сія тварь имѣетъ тѣлесную природу, и что сія послѣдняя достойна бѣльшаго поклоненія предъ прочими тварями, какъ бы допуская поклоненіе и другимъ тварямъ, что и ревностные читатели ученія Евномія признають за нечестіе. Итакъ пусть онъ получаетъ награду за побѣду надъ Евноміемъ и пусть торжествуетъ украшенный вѣнцами нечестія. Ибо въ какой мѣрѣ въ природѣ челоѣческой тѣло ниже души, въ такой мѣрѣ между поклоняющимися тварямъ, узаконяющій поклоненіе плоти, въ разсужденіи нечестія безсмысленнѣе почитающихъ разумную тварь,—особенно если онъ считаетъ достойными поклоненія и другія твари, между которыми сравнительно бѣльшаго поклоненія заслуживаетъ плоть. Ибо «никакая, говоритъ, тварь недостойна такого почтенія, какъ плоть Господа». Всѣ существа, признаваемые нами сотворенными, имѣютъ ли они плоть, или безплотны, равно низки предъ силою Божіею: но по отношенію къ самимъ себѣ одні имѣютъ болѣе достоинствъ, а другія менѣе, такъ что естество безплотныхъ существъ имѣетъ первенство предъ природою чувственною и тѣсною. Итакъ, въ какой мѣрѣ Евномій и Аполлинарій считаютъ достойною поклоненія тварь, въ разсужденіи нечестія они равносильны и

равны; но приписывающій преимущество плоти предъ духовною природою больше имѣетъ преимущества въ нечестіи. Пусть же знаютъ ученики сего ложнаго ученія, съ кѣмъ и о чемъ идетъ споръ у ихъ учителя!

45. Но посмотримъ и на дальнѣйшія пути, выражаясь словами самаго учителя Аполлинарія, которыя онъ непрерывною цѣпью силлогизмовъ ставитъ читателямъ. «Если, говорить, кто думаетъ, что человѣкъ соединяется съ Богомъ преимущественно предъ всѣми людьми и ангелами...» Слѣдовало бы и въ этихъ словахъ отыскать смыслъ, но искать въ приведенныхъ реченіяхъ какого нибудь внутренняго значенія, не говорю правильнаго, но хотя сколько нибудь доказывающаго нечестивое ученіе, значило бы все равно, что въ камнѣ искать душу, или въ деревѣ разумъ. Особенно же безсмысліе сказаннаго имъ доказывается связью рѣчи: «тотъ, говоритъ, лишитъ свободной воли Ангеловъ и человѣковъ, какъ лишена оной и плоть. Лишеніе же свободы есть гибель для свободнаго живаго существа; но Творецъ не погубляетъ созданнаго Имъ естества; слѣдовательно человѣкъ не соединяется съ Богомъ». О какая сила доказательствъ! Какія неразрѣшимыя плетения силлогизмовъ! Соединеніе съ Богомъ уничтожаетъ свободную волю человѣковъ и ангеловъ, и лишеніе свободы дѣлается гибелью для одареннаго свободою

живаго существа; а какъ скоро это признано, то доказано, что человѣкъ не соединяется съ Богомъ! Говорятъ ли что подобное чревовѣщатели? Прорекаютъ ли подобное сему возглашающіе отъ земли и научившіеся издавать волшебные звуки извнутри себя? Уничтожается свободная воля у людей и ангеловъ, если природа человѣческая соединяется съ Богомъ. Развѣ не человѣкъ былъ Тотъ, Который сказалъ: *нынѣ же ищите Мене убити, человека, иже истину вамъ глаголахъ* (Іоан. 8, 40.)? Ужели не имѣлъ единенія (*ἀνέκρσθη*) съ Божескимъ естествомъ Тотъ, Кто показалъ въ себѣ Божескую силу, свободно совершая все, что Ему было угодно? Но если сего въ Немъ не было, то будетъ отвергнуто евангельское свидѣтельство, совершенно обличенъ во лжи Павелъ, пророки и всѣ тѣ, кои предвозвѣщали чудеса о Господѣ, а также и тѣ, кои повѣствовали о томъ, что произошло послѣ. Если же это дѣйствительно было, и Богъ явился во плоти, и плоть соединившись съ божескимъ естествомъ содѣлалась одно съ Нимъ: то отсюда, по его пѣтической баснѣ, слѣдуетъ, что погибла въ человѣческой природѣ свобода воли, ангелы сдѣлались рабами, лишившись, оттого что сіе произошло, блага свободы! О неслыханное ученіе! Каково также заключеніе, — сказать: «а потеря самопроизвольнаго дѣйствованія есть гибель свободнаго живаго существа». Не ужели

онъ не считаетъ въ числѣ живыхъ существъ слугъ, потому что они, состоя подъ властію господъ, не самопроизвольно распоряжаются жизнію? Сочинитель опредѣляетъ живое существо самопроизвольностію его дѣятельности; а у кого нѣтъ самостоятельнаго дѣйствованія воли, того не повелѣваетъ считать даже живымъ существомъ. Итакъ (по его мнѣнію) мертвымъ сталъ оный Хаанаъ, когда за непочтительность сдѣлался рабомъ братьевъ; мертвъ былъ слуга Авраамовъ, мертвъ Гіезій отрокъ Елисея, и въ послѣдующія времена,—мертвъ былъ Онисимъ, мертвы всѣ сотники, состоявшіе подъ властію другихъ. Да и что говорить объ этомъ,—мертвы (у него) всѣ подчиненные власти начальниковъ и которыхъ свободная воля встрѣчаетъ препятствія. Даже тѣ, коимъ Павелъ повелѣваетъ повиноваться предержащимъ властямъ (Рим. 13, 1.), конечно мертвы, хотя и имѣютъ душу, потому что не имѣя полной свободы, они погибли и не могутъ быть болѣе живыми существами. Ибо того требуетъ Аполлинаріева басня, вымышленная имъ съ тою цѣлію, чтобы оную бездушную плоть соединить съ Богомъ, который надъ всѣмъ; и будетъ ли эта плоть лишена души или ума,—басня сія имѣетъ одинаковое значеніе въ томъ и другомъ случаѣ. Тѣло безъ души есть мертвецъ, а что имѣетъ душу безъ разума, то есть скотъ,—каковой нелѣпости не

избѣгаетъ и самъ онъ, лишая оную плоть свободной воли; потому что (однимъ) неразумнымъ животнымъ свойственно не владѣть собою, но подчиняться власти человѣка.

46. Но оставимъ и это, а перейдемъ къ тому, что слѣдуетъ далѣе въ его сочиненіи; для краткости же я изложу мнѣніе противника своими словами. Изъ трехъ, говоритъ, частей состоитъ человѣкъ: духа, души и тѣла, какъ учить сему и апостолъ въ посланіи къ Фессалоникійцамъ (1 Сол. 5, 23.); далѣе приводитъ слѣдующую часть пѣснопѣнія трехъ отроковъ: *благословите дуси и души праведныхъ* (Дан. 3, 86.); за тѣмъ выраженіе: *духомъ* служить Господу (Римл. 1, 9.); присовокупляетъ и слова евангелія, которыя научаютъ, что поклоняющимся Богу *духомъ* *достойно* *кланяться* (Іоан. 4, 24.). Изложивъ это, прибавляетъ, что есть нѣчто кромѣ сего,—плоть, противоположащая духу; впрочемъ называетъ ее не бездушною, чтобы этимъ показать, что при душѣ и тѣлѣ духъ есть третье. И такъ, говоритъ, если человѣкъ состоитъ изъ трехъ частей, а Господь человѣкъ; то конечно и Господь состоитъ изъ трехъ частей: духа, души и тѣла. Теперь, чтобы стала очевидною погрѣшительность его пониманія божественныхъ Писаній, кратко рассмотримъ порознь то, что имъ сказано. И сперва изслѣдуемъ то, что у апостола. Ибо по нашему мнѣнію Павелъ не дѣлитъ человѣка

на три части, когда пишетъ Θεссалоникійцамъ оныя слова, моля Господа всецѣло освятить ихъ по тѣлу, душѣ и духу (1 Сол. 5, 23.). Но здѣсь заключается вѣкоторое высшее любомудріе въ разсужденіи нравственнаго устройства сей жизни; и не здѣсь только, но и тамъ, гдѣ онъ обращаетъ рѣчь къ Коринѳянамъ (1 Кор. 2, 14; 3, 1; 15, 44-47.). Ибо тамъ онъ указываетъ вѣ котораго плотскаго человѣка, и опять инаго—духовнаго, а въ срединѣ между обоими—душевнаго; человѣка страстнаго и вещественнаго называетъ плотскимъ; не отягощаемого бременемъ тѣла, а пребывающаго разумомъ въ горнемъ именуетъ духовнымъ; того же, кто не есть вполне ни тотъ ни другой, имѣетъ однакожъ общность съ тѣмъ и другимъ, называетъ душевнымъ. Говоря же это, онъ ни плотскаго не лишаетъ умственной или душевной дѣятельности, ни духовнаго не представляетъ отрѣшеннымъ отъ связи съ тѣломъ и душою, ни душевнаго не выставляетъ лишеннымъ ума или плоти; но прилагаетъ наименованія состояніямъ жизни судя по тому, чего въ нихъ больше. Ибо *вся* возстающій и ни отъ кого не возстауемый (1 Кор. 2, 15.), и есть во плоти и имѣетъ душу, и называется духовнымъ; и въ неистовствѣ плотской страсти посягнувшій на отцовское ложе (1 Кор. 5, 1.) не былъ ни бездушенъ, ни лишенъ разума; равно и ведущій средній между похвальнымъ

и предосудительнымъ образъ жизни не лишень ни того ни другаго,—онъ имѣсть въ себѣ и умъ и обложенъ плотскимъ естествомъ. Но поелику, какъ сказано (у апостола), наименованіе точно принаровлено къ видимымъ признакамъ жизни, то сластолюбцы, любители удовольствій и склонные къ вздорнымъ любовреніямъ называются плотскими; все же судящіе, и сами не представляющіе для желающихъ никакого повода къ осужденію, по высотѣ образа жизни именуются духовными; душевнымъ же называетъ того, кто стоитъ въ срединѣ между ними, кто на столько ниже сего, на сколько превышаетъ того. Итакъ поелику (апостоль) желаетъ, чтобы совершенный въ добродѣтели свидѣтельствовалъ о себѣ не только тѣмъ, что возвышенно въ жизни, но обращалъ бы взоръ къ Богу, хотя бы производилъ что либо имѣющее отношеніе къ тѣлу, и не забывалъ бы Бога, хотя бы творилъ что либо среднее (ибо *еще ясте, говорить, еще ли пиете, еще ли ино что творите, вся во славу Божію творите* (1 Кор. 10, 31.), такъ чтобы и при тѣлесныхъ занятіяхъ не отпасть отъ цѣли—славы Божіей): то и Оессалоникійцамъ, уже во всемъ стремившимся къ совершенству, преподаетъ чрезъ благословеніе всецѣлое освященіе, говоря: *Богъ же да освятитъ васъ всесовершенныхъ: и всесовершенно ваше тѣло и душа и духъ* (да сохранится—

1 Сол. 5, 23.). то есть чтобы всякое тѣлесное, и душевное и духовное занятіе направлено было къ освященію. Вотъ наша мысль. Если же Аполлинарій говоритъ, будто для того благословляется особо умъ, и также отдѣльно—тѣло и душа, чтобы различить силу благословенія въ каждомъ изъ нихъ; то какимъ образомъ всецѣлымъ сохранится тѣло, которое исполнѣ и совершенно разрушается смертію? Какъ будетъ всецѣлымъ то, что отъ воздержанія измождается и худѣетъ, а отъ болѣе строгаго порабощенія истощается? Можетъ ли сказать кто нибудь, что былъ лишенъ благословенія тотъ бѣдный Лазарь, который покрытъ былъ такими ранами и истощался отъ гноя? Но, хотя и странно сказать, въ ономъ распадающемся отъ ранъ тѣлѣ достигалось благословеніе Павлово; ибо тѣло Лазаря сохранилось всецѣлымъ для души, посредствомъ духовнаго сбраза жизни, поелику необходимыми требованіями плоти онъ не былъ отвлеченъ отъ горней надежды къ какимъ либо непристойнымъ помышленіямъ; плоть не развлекала души, и разумъ не былъ возмущаемъ тѣлесными страстями.

47. И псалмопѣніе трехъ отроковъ, призывающее *духи и души праведныхъ* къ участию въ славословіи, не повелѣваетъ душамъ особо пѣть хвалебную пѣснь, и духамъ отдѣльно отъ душъ, какъ думаетъ Аполлинарій. Ибо какая

была бы хвалебная пѣснь одной души, если бы не была восполняема разумомъ? Душа, лишенная разума, какъ уже часто говорили мы, есть скоть, которому чужда дѣятельность мышленія и разумѣнія. Итакъ чтоже? Если (Писаніе), какъ говорить Аполлинарій, отдѣляетъ умъ отъ нашей души, то допустимъ, что исполнять хвалебную пѣснь Богу для духовъ возможно, такъ какъ умомъ онъ называетъ духи. Если же онъ думаетъ, что душа есть нѣчто иное, чѣмъ умъ, то какъ лишенный ума будетъ восхвалять Бога? Будетъ ли пріятно Богу пѣснопѣніе безъ участія мысли? И какая бы при этомъ для души была нужда въ умѣ, если бы для божественнаго славословія достаточно было ея одной, если бы она воспѣвала пѣснь сама по себѣ, нисколько не нуждаясь въ содѣйствіи ума? Но не этому научились мы отъ нашихъ толкователей. Но такъ какъ души, отдѣлившіяся отъ тѣлесныхъ узъ, какъ говорить Господь, *равни суть ангеломъ* (Лук. 20, 36.); то посему соединяя души съ духами слово Божіе показываетъ тѣмъ равночестность душъ съ ангелами; ибо ангелы суть духи, по слову пророка: *творяй ангелы своя души* (Псал. 103, 4.). Съ ними-то воспѣвать хвалебную пѣснь три отрока считаютъ достойными и души праведныхъ. Спаситель же говоря, что Богу *духомъ достоинъ кланяться* (Іоан. 4, 24.), наименованіемъ духа обозначаетъ не умъ, а то,

что не должно имѣть какихъ либо чувственныхъ представленій о Богѣ. Такъ какъ самарянка говоритъ Господу, что Богу должно поклоняться на горѣ, какъ будто ограниченному мѣстому, что не свободно отъ чувственного образа мыслей; то посему Слово говоритъ заблудшей отъ истины, что духъ есть Богъ, то есть безтѣлесенъ, и что поклоняющіеся Ему не могутъ тѣлесно приблизиться къ безтѣлесному, а должны совершать поклоненіе духомъ и истиною. Такимъ образомъ къ исправленію клонящіяся реченія Онъ противопоставляетъ двоякому невѣденію (жены), противопоставляя истину образу, а духъ чувственнымъ представленіямъ. Потому и Павелъ говоритъ, что не образомъ и не тѣломъ, но *духомъ* служитъ Господу (Рим. 1, 9.), слѣдуя истинѣ. А когда говоритъ, что *плоть закону Божию не покарается* (Рим. 8, 7.), то этимъ самымъ обличаетъ лживость ихъ ученія; ибо противоборствовать, плѣнять, не покориться и все тому подобное, суть дѣйствія произволенія; а если нѣтъ ума. не можетъ быть и произволенія. Итакъ Апостолъ ту же самую плоть, о которой говоритъ, какъ объ одаренной душою и способностію произвола, признаетъ не лишленною и ума; хотя она и называется только плотію, содержитъ однакожь въ себѣ все существенно—человѣческое; ибо нельзя назвать человѣкомъ, у кого не достаетъ чего либо та-

кого, безъ чего была бы не полна его природа.

48. Но «изъ трехъ», говоритъ, «частей человѣкъ». Допустимъ сіе, хотя въ его словахъ и нѣтъ ничего, что бы необходимо приводило насъ къ согласію съ этимъ мнѣніемъ. «И Господь, говоритъ, называясь человѣкомъ, состоитъ также, какъ и сей, изъ трехъ частей, — духа, души и тѣла». Не будемъ до времени противорѣчить и сему; ибо не погрѣшимъ, если кто скажетъ, что и у онаго человѣка есть все, что составляетъ нашу природу. «Но Онъ» (говоритъ это о Господѣ) есть вмѣстѣ и небесный человѣкъ, и духъ животворящій». Примемъ и это; такъ какъ и это наша мысль, если бы только онъ понималъ ее какъ должно. Ибо срастворившійся съ небеснымъ, и чрезъ сіе примѣшеніе къ совершенному претворившій земное долженъ быть называемъ не земнымъ уже, а небеснымъ. Тоже должно сказать и о (наименованіи Его) животворящимъ Дуломъ; кто производитъ въ насъ дѣйствіе (жизни), тотъ есть вмѣстѣ и духъ животворящій. Но посмотримъ, для какой цѣли пользуется сочинитель тѣмъ, что сказано. «Если, говоритъ, изъ всѣхъ тѣхъ частей, какія и у насъ земныхъ, состоитъ небесный человѣкъ (такъ что имѣетъ и духъ такой же, какъ у земныхъ), то онъ не есть небесный, но только вмѣстѣ лице небеснаго Бога». Много въ сихъ сло-

вахъ неяснаго и труднаго къ уразумѣнію по нескладности изложенія; но тѣмъ не менѣе, что онъ хочетъ сказать, открыть легко. Ибо, говорить, если оный чловѣкъ лишенъ ума, то онъ есть небесный; а если бы былъ цѣлостнымъ, то былъ бы уже не небеснымъ, но вмѣстилищемъ только небеснаго Бога. Въ этихъ словахъ что болѣе другаго отвратительно? То ли, что цѣлостность служить пренятствіемъ Божеству, какъ будто плотъ, лишенная ума, болѣе способна къ единенію съ Божествомъ; или же убѣжденіе, будто Богъ есть небесный, а воспріявшій въ себя небеснаго Бога существуетъ не тамъ, гдѣ, какъ вѣруемъ, имѣетъ бытіе Богъ, а въ иномъ, отличномъ отъ неба, мѣстѣ, и именуется инымъ чѣмъ-то, а не этимъ? Ибо если, какъ говоритъ Аполлинарій, Онъ есть вмѣстилище небеснаго Бога, а Богъ *на небеси юрь* (Еккл. 5, 1.), какъ говоритъ Екклезіастъ; то слѣдуетъ, что вмѣстившій въ себя Бога существуетъ вмѣстѣ со вмѣщеннымъ, справедливо именуясь вмѣсто земнаго небеснымъ. Такъ и тѣмъ, что говорить этотъ писатель (если бы онъ умѣлъ соблюсти послѣдовательность въ собственныхъ словахъ), явно подтверждается ученіе истины, укрѣпляясь (даже) мудростію противниковъ.

49. Но разсмотримъ, что слѣдуетъ далѣе. «Если же, говоритъ, мы состоимъ изъ трехъ частей, а онъ изъ четырехъ, то онъ не чело-

вѣкъ, а человеко-богъ (*ἀνθρωπόθεος*)». Кому случится прочесть это, пусть не смѣется надъ глупостію и безсмысліемъ сего выраженія,—а лучше восплачетъ о добровольной слѣпотѣ поработавшихъ такому неразумію. Если при вселеніи Божеской силы, человѣческое естество сохранится всецѣло, то Богъ Слово будетъ именоваться человеко-богомъ; и какъ мнѳологія чрезъ сложеніе различныхъ естествъ составляетъ чудовищныхъ животныхъ, ихъ очертанія и названія, измышляя и именуя конеолений, козло-олений и тому подобное,—такъ и этотъ новый мнѳотворецъ, слѣдуя своимъ наставникамъ въ такихъ вымыслахъ, осмѣиваетъ божественное таинство. И тогда какъ апостолъ внятно возглашаетъ, что *человѣкомъ воскресеніе мертвыхъ* (1 Кор. 15, 21.), не половиною человека, или нѣсколько больше чѣмъ половиною, а воспріявшимъ въ полномъ смыслѣ слова всецѣлую природу, обозначаемую наименованіемъ человека; онъ чрезъ постыдный вымыслъ сего имени, вмѣсто таинства, создаетъ чудовищнаго мнѳотавра, подавая своими словами чуждымъ вѣрѣ много поводовъ смѣяться надъ ученіемъ вѣры. Ибо желающему поднять на смѣхъ наше ученіе не возможно не обратитъ вниманія на это, такъ нецѣпо составленное, названіе,—будетъ ли ему казаться преимущество на сторонѣ сочинителя, или на нашей; то ли, другое ли скажешь, не отнимешь

у того слова значенія сложности двухъ естествъ. Такъ и называющій плотъ небесною, тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что она есть плотъ; плотъ же, управляемая одушевленнымъ нѣкоторымъ естествомъ и содержащая въ себѣ самой жизненную силу, какъ хочетъ того Аполлинарій, въ собственномъ смыслѣ именуется человѣкомъ: а воспріявшій оную, и чрезъ нее явившій себя, по естеству есть конечно иной, отличный отъ нея; ибо самое названіе воспріятія показываетъ разность естествъ воспріявшаго съ воспріятымъ. Посему, если бы даже это было такъ, развѣ что послужить препятствіемъ оскорблять во плоти явившагося Бога тѣмъ нелѣпнымъ нарицаніемъ,—то есть когда бы и имѣющаго такой составъ стали называть, слѣдуя дерзкому выраженію Аполлинарія, человѣко-богомъ. Ибо и міѳологія наименовала козла-олена такъ не потому, чтобы къ цѣлому оленю отчасти присоединилось нѣчто козлиное, или наоборотъ чтобы въ этомъ смѣшеніи животныхъ случилось такъ, что къ цѣлому козлу присоединилась часть оленя; напротивъ самое сочетаніе наименованій даетъ разумѣть, что (это животное) имѣетъ столько же то, какъ и другое естество. Посему, если, по мысли сочинителя, одинъ и тотъ же есть человѣкъ и Богъ, то каково бы ни было соединеніе, будетъ ли оно полнымъ соединеніемъ естествъ (того и другаго), или неполнымъ, онъ никакъ

не избѣгнетъ нелѣпости этого составнаго имени. И если еллены, узнавъ это отъ него, обратятъ наше таинство въ предметъ насмѣшки, то онъ какъ подавшій поводъ къ богохульству непременно окажется подъ тѣмъ пророческимъ проклятіемъ, которое говоритъ: горе тому, чрезъ кого *иля Мое хулится во языцехъ* (Ис. 52, 5.).

50. Изслѣдуемъ и то, что онъ еще прибавляетъ къ сказанному. «Если, говоритъ, Онъ состоитъ изъ двухъ совершенныхъ: то гдѣ—Богъ, тамъ нѣтъ человѣка, и гдѣ человѣкъ, тамъ нѣтъ Бога». Но если, по его словамъ, допустить смѣшеніе изъ несовершеннаго и совершеннаго; то дерзающіе говорить подобное, не то же ли самое скажутъ, что гдѣ—Богъ, тамъ нѣтъ человѣка, и гдѣ человѣкъ, тамъ нѣтъ Бога? Ибо во всѣхъ отношеніяхъ понятія Божества и человѣчества различны, и никто не подумаетъ опредѣлять Божество усѣченіемъ человѣчества. Божество не состоитъ въ томъ, что не есть человѣчество, или что оно есть несовершенно, но какъ-то такъ и другое мыслится само по себѣ, и умопредставляется какъ особое понятіе. Кто слышитъ слово: Богъ, тотъ вмѣстѣ съ симъ наименованіемъ принимаетъ все, что прилично мыслить о Богѣ, а кто слышитъ названіе: человѣкъ, вмѣстѣ съ симъ словомъ представляетъ все естество его, и значеніе сихъ именъ не допускаетъ ника-

кого смѣшенія, такъ чтобы въ одномъ изъ нихъ понимать другое; ибо ни тѣмъ это, ни этимъ то не означается, но каждое изъ именъ сохраняетъ свой естественный смыслъ и по значенію они никакимъ образомъ не могутъ быть взаимно замѣняемы. Выраженія: несовершенное и совершенное — возбуждаютъ въ умѣ слушателя различныя понятія: совершеннымъ мы называемъ то, что по отношенію къ своей природѣ полно, несовершеннымъ же противоположное сему. Ни то, ни другое изъ нихъ, произносимое отдѣльно, не означаетъ ни Бога, ни человѣка; но когда соединяется въ названіи съ какимъ либо предметомъ или именемъ, то даетъ разумѣть, что означаемое (сими выраженіями) есть или совершенно, или несовершенно. Итакъ какимъ образомъ, если человѣкъ (онъ) несовершенъ, Аполлинарій доказываетъ, что (сей) несовершенный есть Богъ, какъ будто искаженіе нашей природы болѣе соотвѣтствуетъ понятію Божества?

51. Но, продолжая рѣчь далѣе, онъ опять говоритъ: «не можетъ спасти міръ тотъ, кто есть человѣкъ и подлежитъ тлѣнію, общему людямъ». Это и я утверждаю; ибо если бы природа человѣческая могла сама по себѣ достигнуть совершенства: то таинство (воплощенія) было бы излишнимъ. Но поелику невозможно было ей избѣжать смерти, если бы Богъ не подалъ ей спасенія, то посему свѣтъ чрезъ

плоть возсіяваетъ во тмѣ, дабы плотію истребить происшедшую отъ тмы пагубу. Но, говоритъ, «не спасаемся и Богомъ, если Онъ не примѣшался къ намъ». Въ сихъ словахъ сочинитель, кажется, здраво разсуждаетъ и возводитъ умъ къ правильнымъ мыслямъ; ибо словомъ смѣшеніе (*μῆξις*), означаетъ единеніе различныхъ по естеству предметовъ. «Примѣшивается же (*μίγνται*) къ намъ, когда содѣлывается плотію, то есть, человѣкомъ, какъ говоритъ евангеліе: когда *плоть бысть*, тогда *вселися въ ны* (Іоан. 1, 14.)». И эти слова его не были бы несогласны съ здоровымъ ученіемъ, если бы онъ послѣ нихъ не посѣялъ нѣсколько плевелъ. Ибо наше, или лучше сказать, самой истины слово таково, что Онъ тогда *вселися въ ны*, когда содѣлался плотію, и наоборотъ: тогда содѣлался плотію, когда *вселися въ ны*. Итакъ если Онъ съ того времени плоть, съ котораго вселеніе между нами: то, прежде благовѣстія Гавріиломъ Дѣвѣ, Слово никакъ не было плотію. Слѣдовательно, тотъ лжець, кто говоритъ, что человѣчество Бога Слова снизошло къ намъ съ неба и что прежде принятія естества чловѣческаго человѣкомъ было то, чрезъ что Божество соединилось съ чловѣческою жизнію. «Но, говоритъ, не истребляетъ грѣха людей, не содѣлавшись человѣкомъ безгрѣшнымъ, и не разрушаетъ владычество смерти надъ всѣми людьми, если, не

какъ человѣкъ, Онъ умеръ и воскресъ». О, если бы до конца рѣчи онъ такъ правильно мыслилъ и произносилъ слова, согласныя съ ученіемъ Церкви! Но онъ опять обращается къ своему и осуждая церковное ученіе говорить, что страданіе мы относимъ къ одному человѣчеству (Христа), въ опроверженіе же нашего ученія приводитъ свое доказательство такого рода: «а смерть, говоритъ, человѣка не можетъ истребить смерти». Что имѣетъ въ виду доказать, говоря это? То, что самое Божество Единороднаго, сама истина, сама жизнь, во время крестнаго страданія умирали, такъ что въ продолженіе оныхъ трехъ дней не было ни жизни, ни силы, ни правды, ни свѣта, ни истины, ни самаго Божества. Ибо не говорить, чтобы, во время смерти одного Божества, оставалось другое, такъ какъ, по видимому, часто спорить по сему предмету противъ Арія и доказываетъ, что Божество Троицы одно. которое когда умерло во Христѣ, то другого, какъ самъ своимъ доказательствомъ утверждаетъ, конечно не было. И я не могу представить, какъ можетъ кто либо подумать, что онъ не дѣлаетъ Божества смертнымъ. Ибо смерть въ человѣкѣ есть не иное что, какъ разрѣшеніе сложнаго, и когда тѣло въ насъ разрушается на свои составныя части, душа съ разрушеніемъ тѣла не разрушается; но разрушается сложное, несложное же остается не

разрушеннымъ. Итакъ, если смерть не простирается на душу, то какимъ образомъ можетъ умереть Божество,—пусть скажутъ невѣдущіе, *яже малоумѣ* (1 Тим. 1, 7.).

52. Что же слѣдуетъ за симъ и составляетъ продолженіе того же самаго доказательства, я опущу. Ибо, доказывая въ слѣдующихъ словахъ, что самое Божество Единороднаго умирало, говоритъ, что «смерть человѣка не разрушаетъ смерти, и что не умершій не воскресаетъ; изъ всего этого очевидно, что Самъ Богъ умеръ, почему, говоритъ, и не возможно было смерти удержать Христа». Все это, какъ содержащее явную въ себѣ нелѣпость, я считаю нужнымъ оставить безъ изслѣдованія; потому что всякій, имѣющій умъ, самъ можетъ видѣть нечестіе и глупость того, кто открыто объявляетъ, что Самъ Богъ умиралъ, потерпѣвъ смерть своимъ собственнымъ естествомъ. Впрочемъ, можетъ быть не излишнимъ будетъ замѣтить здѣсь, что даже и то, что онъ говоритъ отъ нашего имени, не чисто отъ (примѣси) лжи, но есть въ этомъ и такое, что онъ коварно выдумываетъ самъ въ поношеніе нашего ученія. Онъ говоритъ, напримѣръ, будто мы утверждаемъ, что Христосъ не былъ отъ начала, такъ что (только) Слово есть Богъ. Но мы того, что сила Божія, и мудрость, и свѣтъ, и жизнь,—что все есть Христосъ,—чрезъ плоть явились въ послѣдніе дни, не

отвергаемъ; сказать же, что сего когда-то не было, что не было когда-то Господа и Христа, Который подъ сими именами намъ является и оными именуется, мы считаемъ столь же вѣтерпимымъ нечестіемъ, какъ и совершенное отверженіе имени (Христова). Ибо кто говорить, что Христосъ не отъ начала (а Христосъ есть Божія сила и Божія мудрость и все, что ни выражаютъ о Немъ высокія и боголѣпныя Его именования), тотъ отвергаетъ и все то, что разумѣется подъ симъ высочайшимъ именемъ. Ибо какъ подъ именемъ человѣка разумѣется способность мыслить и пріобрѣтать свѣдѣнія, и другія отличительныя свойства его природы, а какъ скоро о чемъ либо говоримъ, что это не человѣкъ, вмѣстѣ съ отрицаніемъ этого названія, конечно, отрицаются и прочія особенности (человѣческаго) естества; такимъ же образомъ и Христосъ есть сила, мудрость, образъ и сіяніе, такъ что, кто скажетъ, что Онъ не есть отъ начала, отвергнетъ, конечно, и все то, что разумѣется вмѣстѣ съ онымъ (именемъ). Посему мы, руководимые священнымъ Писаніемъ, говоримъ, что Христосъ есть всегда, и умопредставляется совѣчнымъ Отцу. Ибо какъ Единородный Богъ есть всегда Богъ, а не содѣлывается таковымъ чрезъ причастіе (Божеству), или чрезъ какое либо восхожденіе изъ нисшаго состоянія до божественности; такъ и сила, и мудрость, и всякое боголѣпно

именуемое совершенство совѣчно Его Боже-
 ству, такъ что не прибавилось къ славѣ Его
 естества ничего, чего бы не было въ Немъ
 отъ начала. Имя же: Христось, мы особенно
 почитаемъ приличнымъ прилагать Единород-
 ному отъ вѣчности, будучи приводимы къ та-
 кому мнѣнію самымъ значеніемъ сего имени:
 ибо исповѣданіе сего имени заключаетъ уче-
 ніе о святой Троицѣ, потому что въ семъ на-
 именованіи богоприлично обозначается каждое
 изъ исповѣдуемыхъ нами Лицъ. А чтобы не
 показалось, что мы говоримъ что нибудь отъ
 себя, присовокупимъ пророческія слова: *пре-
 столъ Твой, Боже, въ вѣкъ вѣка: жезлъ право-
 сти, жезлъ царствія Твоего; возлюбилъ еси прав-
 ду и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради по-
 лаза Тя, Боже, Богъ Твой елеелъ радости паче
 причастникъ Твоихъ* (Псал. 44, 7. 8.). Въ
 сихъ словахъ Писанія престолъ указываетъ
 власть Его надъ всѣмъ; жезлъ правости озна-
 чаетъ нелицепріятіе Его суда; елей же радо-
 сти изображаетъ силу Святаго Духа, Кото-
 рымъ помазуется Богъ отъ Бога,—то есть,
 Единородный отъ Отца, поелику возлюбилъ
 правду и возненавидѣлъ беззаконіе. Итакъ,
 если бы было время, когда Онъ не любилъ
 правды и не имѣлъ вражды къ беззаконію, то
 слѣдовало бы сказать, что не былъ нѣкогда и
 помазанъ тотъ, который названъ помазаннымъ
 за то, что возлюбилъ правду и возненавидѣлъ

беззаконіе. Если же Онъ всегда любилъ правду (потому что не могъ имѣть когда нибудь ненависти къ Себѣ, будучи Самъ правдою): то понятно, что Онъ всегда долженъ быть признаваемъ и помазанникомъ. Итакъ, какъ праведный никогда не былъ неправеднымъ: такъ и помазанный никогда не могъ быть безъ помазанія: а никогда не пребывающій не помазаннымъ, конечно, есть всегда помазанный (Χριστός) А что помазующій есть Отецъ, помазаніе же Духъ Святой, съ этимъ согласится всякій, у кого сердце не закрыто покровомъ іудейскимъ.

53. Итакъ, какъ же онъ говоритъ, будто мы не признаемъ бытіе Христа отъ начала? Но исповѣдуя, что Христосъ имѣетъ бытіе вѣчно, мы на этомъ основаніи не думаемъ, чтобы и плоть Его, вымышленная Аполлинаріемъ, была всегда при Немъ; но знаемъ, что Онъ и отъ вѣчности есть Христосъ и Господь, и послѣ страданія исповѣдуемъ Его опять тѣмъ же самымъ, какъ говоритъ Петръ къ іудеямъ, что *Господа и Христа его Богъ сотворилъ есть, сего Иисуса, Еюже вы распяте* (Дѣян. 2, 36.). Такъ говоримъ не потому, чтобы мы въ одномъ лицѣ представляли двухъ Христовъ и Господовъ; но потому что Единородный Богъ, будучи Богомъ по естеству, и Владыкою всего, и Царемъ всей твари и Творцемъ всего сущаго, и возстановителемъ падшихъ, по своему

величайшему человеколюбію, благоволилъ и падшее грѣхомъ естество наше не только не отвергнуть отъ общенія съ Собою, но и опять воспріять въ жизнь. Самъ Онъ есть жизнь; посему, когда родъ человѣческій былъ на краю (погибели), когда зло въ насъ возрасло до крайней степени, тогда Онъ, чтобы не оставить никакого зла не уврачеваннымъ, пріемлетъ примѣшеніе къ уничиженному естеству нашему, и воспріавъ человѣка въ Себя и Самъ бывъ въ человѣкѣ, какъ говоритъ къ ученикамъ: *Азъ въ васъ, и вы во Мнѣ* (Іоан. 14, 20.), чѣмъ былъ Самъ, тѣмъ содѣлалъ и того, съ кѣмъ соединился. Самъ же Онъ былъ вѣчно превышнимъ: посему превознесъ и уничиженное; ибо превознесенный превъше всего не нуждался еще ни въ какомъ возвышеніи Слово было Христомъ и Господомъ; тѣмъ же самымъ содѣлывается и присоединенный и воспріятый въ Божество (человѣкъ); ибо не Тотъ. Кто есть уже Господь, возводится вторично на господство, но образъ раба дѣлается Господомъ. Посему *единъ Господь Іисусъ Христосъ, Иисъ же вся* (1 Кор. 8, 6.); и называется одинаково Христомъ, какъ Тотъ, Кто прежде вѣкъ облеченъ славою Духа (что символически означаетъ помазаніе), такъ и Тотъ, Кто послѣ страданія, соединившагося съ Нимъ человѣка украсивъ тѣмъ же помазаніемъ, содѣлываетъ Христомъ: ибо говоритъ: *прослави Мя*, какъ

бы сказалъ: «помажи» *славою, юже имѣхъ у Тебе, прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5.). Сія же слава, умосозерцаемая прежде міра и прежде всякой твари и прежде всѣхъ вѣковъ, которою прославляется Единородный Богъ, по нашему мнѣнію, не можетъ быть какая либо другая, отличная отъ славы Отца; потому что ученіе благочестія говоритъ намъ, что предвѣчна одна только Святая Троица. *Сый прежде вѣкъ* (Пс. 54, 20.) говоритъ объ Отцѣ пророчество. О Единородномъ же (свидѣтельствуеть) апостолъ, что *Имѣ сотворены вѣки* (Евр. 1, 2.); слава же, которая прежде вѣкъ умопредставляется въ Единородномъ, есть Духъ Святый. Итакъ, что было во Христѣ, сущемъ у Отца прежде бытія міра, то также принадлежитъ и соединившемуся со Христомъ при концѣ вѣковъ (человѣку). Ибо Писаніе говоритъ: *Иисуса, Иже отъ Назарета, Его же помаза Богъ Духомъ Святымъ* (Дѣян. 10, 38.). Итакъ да не клеветаетъ онъ на наше ученіе, будто мы говоримъ, что Единородный Богъ не всегда есть Христосъ. Онъ всегда есть Христосъ и прежде домостроительства и послѣ; человѣкъ же Онъ ни прежде, ни послѣ сего, но только во время домостроительства. Ибо ни прежде рожденія отъ Дѣвы Онъ не былъ человѣкомъ, ни послѣ восхожденія на небеса не остается плотію съ ся свойствами; потому что, *еще и разумѣхомъ*, говоритъ апостолъ, нѣкогда по

плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣмъ (2 Кор. 10, 16.). Ибо плоть не осталась не измѣнною оттого, что Богъ явился во плоти, но поелику человѣчество измѣняемо, а Божество не подлежитъ никакому измѣненію, то Божество ни въ какомъ отношеніи не измѣняется; оно не можетъ измѣниться ни въ худшее, потому что худшаго не допускаетъ; ни въ лучшее, потому что лучшаго (себя) не имѣетъ; а человѣческое естество во Христѣ пріемлетъ измѣненіе въ лучшее, изъ тлѣннаго премѣнившись въ нетлѣнное, изъ преходящаго въ постоянно-пребывающее, изъ кратковременнаго въ вѣчное, изъ тѣлеснаго и имѣющаго очертаніе въ безтѣлесное и безвидное.

54. Поелику же они утверждаютъ, будто мы говоримъ, что страдалъ человѣкъ, а не Богъ: то пусть выслушаютъ отъ насъ вотъ что: мы исповѣдуемъ, что Божество находилось въ Страждущемъ, но что безстрастное естество не подвергалось страданіямъ. Чтобы яснѣ представить сказанное, мы разумѣмъ это такъ, что человѣческое естество состоитъ изъ соединенія разумной души и тѣла; сочетаніе же того и другаго происходитъ отъ нѣкотораго вещественнаго начала, предшествующаго образованію человѣка. Оное вещество дѣлается человѣкомъ тогда, когда оживотворяется божескою силою, такъ что если допустить, по предположенію, что зиждительная сила Божія

не привходитъ къ образованію состава (человѣческаго), то вещество остается совершенно безъ дѣйствія и движенія, не возбуждаясь къ жизни творческою силою. И какъ у насъ, въ веществѣ усматривается нѣкоторая животворная сила, которою образуется состоящій изъ души и тѣла человѣкъ: такъ и при рожденіи отъ Дѣвы, сила Вышняго, посредствомъ животворящаго Духа вселившись невещественно въ пречистое тѣло, и чистоту Дѣвы содѣлавъ веществомъ плоти, взятое отъ дѣвическаго тѣла воспріяла для зиждаемаго; и такимъ образомъ созданъ былъ новый по истинѣ человѣкъ, который первый и одинъ показалъ на себѣ такой способъ явленія въ бытіе, который былъ созданъ божественно, а не человѣчески; потому что божеская сила одинаково проникала весь составъ Его естества, такъ что ни то ни другое не было лишено Божества, но въ обоихъ, то есть, въ тѣлѣ и душѣ, Оно, какъ и должно, пребывало приличнымъ и соотвѣтствующимъ природѣ каждаго образомъ. И какъ, во время рожденія (сего) человѣка, Божество, прежде всѣхъ вѣковъ существующее и во вѣкъ пребывающее, не имѣло нужды въ рожденіи, но при образованіи человѣка вдругъ ставъ едино съ нимъ, является вмѣстѣ съ нимъ и при рожденіи: такъ Оно, какъ вѣчно живущее, не имѣетъ нужды и въ воскрешеніи, но въ томъ, кто божескою силою

возводится къ жизни, возстаетъ, не Само будучи воскрешаемо (ибо Оно и не падало), но въ Себѣ воскрешая падшаго. Итакъ если Божество не имѣетъ нужды ни въ рожденіи, ни въ воскресеніи: то очевидно, что и страданіе Христа совершалось не такъ, какъ будто бы страдало Само Божество, но такъ, что Оно находилось въ Страждущемъ и по единенію съ Нимъ усвояло себѣ Его страданія. Ибо естество Божеское, какъ сказано, соотвѣтственно соединившись какъ съ тѣломъ, такъ и съ душою и содѣлавшись одно съ каждымъ изъ нихъ, поелику *нераскаинни*, какъ говоритъ Писаніе, *дарованія* Божіи (1 Кор. 11. 29.), ни отъ котораго изъ нихъ не отдѣляется, но всегда пребываетъ въ неразрывной связи съ ними; потому что ничто не можетъ отдѣлится (человѣка) отъ соединенія съ Богомъ, кромѣ грѣха: а чья жизнь безгрѣшна, у того единеніе съ Богомъ совершенно неразрывно.

55. Итакъ, поелику грѣхъ не имѣлъ мѣста ни въ томъ, ни въ другомъ, то есть, ни въ душѣ, ни въ тѣлѣ: то въ каждомъ изъ нихъ, какъ и слѣдуетъ, присуще было Божеское естество. Когда же смерть разлучила душу отъ тѣла, тогда сложное раздѣлилось, а несложное (а) не отлучилось, но неразрывно пребыло съ тѣмъ и другимъ. Что Божество при-

(а) То есть, Божество.

существовало въ тѣлѣ, сему свидѣтельствомъ служить то, что плоть по смерти сохранилась нетлѣнною, нетлѣніе же конечно принадлежитъ Богу; а что Божество не отдѣлялось отъ души, видно изъ того, что чрезъ оную отверзся разбойнику входъ въ рай. Итакъ послѣ того, какъ совершилась тайна, когда сила Божеская соединилась съ обоими частями человѣческаго естества и чрезъ ту и другую сообщила животворную силу каждой сродной части, чрезъ плоть—тѣлу, а чрезъ душу душѣ, то есть разумной, а не безсловесной (ибо неразумное есть скоть, а не человѣкъ): тогда отъ начала срастворенное съ душою и тѣломъ Божество и доселѣ всегда пребывавшее, въ возстаніи лежащаго (во гробѣ) воскресаетъ, и такимъ образомъ говорится, что Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, сый Христосъ и явился Имъ: былъ Христомъ по (своему) предвѣчному царству, а содѣлался тогда, когда Ангелы возвѣстили пастырямъ *велию радость, яже будетъ вслѣдъ людскъ* о рожденіи Спасителя, *Иже есть*, говорить Писаніе, *Христосъ*, прилично именуемый Господомъ (Лук. 2, 10.), по слову Гавріила, возвѣстившаго, что Духъ Святый найдетъ на Дѣву и сила Вышняго осѣнитъ ее (Лук. 1, 35.). Итакъ, рожденный такимъ образомъ, по справедливости, называется и Христомъ и Господомъ: Господомъ по силѣ Вышняго, а Христомъ по помазанію Духомъ. Ибо не предвѣч-

ный тогда помазуется, но тотъ, о которомъ говорится: *Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесь родихъ Тя* (Псал. 2, 7.). Слово: *днесь* означаетъ средину между двумя частями времени,—между прошедшимъ и будущимъ: Творецъ же вѣковъ какъ можетъ быть рожденъ и помазанъ въ извѣстный моментъ времени? Посему Божество, хотя не умерло, однако воскресло: не умерло, потому что не имѣющее сложности не разрушается; а воскресло, потому что, находясь въ разрѣшившемся, подвергшемся, по закону естества человѣческаго, паденію дало возможность востать вмѣстѣ съ собою, такъ что своимъ пребываніемъ въ той и другой части, имѣющей свои особыя свойства, у врачевала чрезъ тѣло тѣлесное естество, а чрезъ душу—духовное; и опять соединивъ собою раздѣленное, въ возставшею и само воскресаеъ. И какъ въ трости (ничто не препятствуетъ тайну домостроительства Божія, совершившуюся чрезъ воскресеніе, изъяснить при помощи вѣщественнаго подобія), разсѣченной пополамъ, если ктонибудь станетъ соединять верхушки обѣихъ половинъ на одномъ концѣ: то, по необходимости, и вся раздѣленная трость всецѣло соединится вмѣстѣ, потому что когда будетъ складываться и скрѣпляться въ одномъ концѣ, вмѣстѣ съ симъ сама собою будетъ происходить связь и въ другомъ: такъ и во Христѣ, совершившееся чрезъ воскресеніе со-

единеніе души съ тѣломъ, все въ цѣлости человѣческое естество, смертію раздѣленное на двѣ части—душу и тѣло, опять приводитъ въ единство, надеждою воскресенія устроая связь между раздѣленными (сущностями). Сіе-то и означаютъ слова Павла: *Христосъ воста отъ мертвыхъ начатокъ умершихъ* и *якоже о Адамы вси умираемъ, такожде о Христѣ вси оживемъ* (1 Кор. 15, 20. 22.). Ибо по примѣру, взятому отъ трости, въ одномъ концѣ, который отъ Адама, естество наше чрезъ грѣхъ разсѣклось, такъ какъ въ смерти душа отдѣлилась отъ тѣла; въ другомъ же, который отъ Христа, естество наше опять возвращается въ свое прежнее состояніе, такъ какъ происшедшій въ насъ разрывъ, чрезъ воскресеніе человека во Христѣ сросся совершенно. Посему-то мы умираемъ вмѣстѣ съ умершимъ за насъ: говорю не о смерти необходимой и свойственной вообще естеству нашему; она постигнетъ насъ и безъ нашего желанія. Но поелику съ умершимъ за насъ добровольно нужно умирать по своей волѣ: то посему мы сами себѣ должны примышлять смерть по своему желанію; ибо по необходимости совершаемое не есть подражаніе произвольному. Итакъ поелику смерть, подлежащая каждому изъ насъ по закону природы, постигаетъ насъ всегда и непремѣнно, желаемъ ли мы того или нѣтъ, а того, что бываетъ непремѣнно никто не назо-

ветъ произвольнымъ: то съ добровольно умершимъ за насъ мы умираемъ инымъ образомъ, именно: погребаясь въ таинственной водѣ чрезъ крещеніе; ибо *спотребохомся Ену*, говоритъ Писаніе, *крещеніе нѣ въ смерть* (Римл. 6, 4.), дабы въ слѣдъ за уподобленіемъ смерти, послѣдовало и уподобленіе воскресенію.

56. Но перейдемъ къ тому, что слѣдуетъ въ сочиненіи Аполлинарія далѣе. «Какъ, говоритъ, Богъ содѣлывается человѣкомъ, не переставая быть Богомъ, если (Богъ) не заступаетъ мѣсто ума въ человѣкѣ»? Понимаетъ ли онъ, что говоритъ? Называетъ Бога неизмѣняемымъ, и это говоритъ справедливо; ибо что всегда само себѣ равно, то, естественно, не можетъ быть чѣмъ либо инымъ, нежели что оно есть; въ иномъ быть можетъ, но само инымъ не бываетъ. Итакъ что же былъ оный умъ, находившійся въ человѣкѣ, какъ говоритъ Аполлинарій? Удержалъ ли онъ за собою величіе неизмѣняемаго естества, или перешелъ въ нисшее состояніе, заключивъ себя въ границы человѣческой малости, такъ что какова она, такимъ же сдѣлался и онъ? Но въ такомъ случаѣ человѣческій умъ равенъ Божеству,—если, то есть, какъ говоритъ Аполлинарій, Божеское естество стало умомъ. Ибо если человѣческое естество одинаково принимаетъ умъ ли нашъ, или, вмѣсто ума, Бога: то, по величію и по значенію, они будутъ равны между собою,

такъ какъ въ чемъ вмѣщается умъ, въ томъ же можетъ заключаться и Божество. Если кто какимъ нибудь пустымъ сосудомъ станетъ измѣрять пшеницу или другія какія либо зерна, то никто не скажетъ, чтобы измѣряемое одною и тою же мѣрою, по количеству было различно отъ другаго; потому что мѣра пшеницы будетъ равна мѣрѣ овса, когда, по высыпаніи этихъ зеренъ, сосудъ будетъ наполненъ другими. Такъ если Божество замѣняетъ умъ, то никто не можетъ сказать, что Оно превосходитъ ума, потому что и Божество, также какъ и умъ, вмѣщается въ человѣческомъ естествѣ. Итакъ, умъ или равенъ Божеству, какъ хочетъ того Аполлинарій, и, замѣнивъ собою умъ, Оно не измѣнилось; или онъ ниже Божества, и Божество, ставъ умомъ, измѣнилось въ худшее состояніе. Но кто не знаетъ, что всё, почитаемое сотвореннымъ, равно низко въ сравненіи съ недоступнымъ и непостижимымъ естествомъ, такъ что одинаковое допустить измѣненіе въ Божествѣ, скажетъ ли кто, что Оно измѣнилось въ умъ или въ тварь? Такимъ образомъ, если Аполлинарій не допускаетъ, что Божество измѣнилось, заступивъ мѣсто ума, то этимъ онъ не признаетъ измѣняемости въ соединившемся, когда онъ срастворился съ человѣкомъ лишеннымъ разума. Но если Божество не измѣнилось, ставъ плотію, то тѣмъ болѣе осталось неизмѣннымъ, сраство-

рившись съ умомъ. Если же бытіе (Божества) вмѣсто ума, доказываетъ Его измѣненіе, то и обитаніе во плоти не избѣжитъ, конечно, обвиненія въ измѣненіи.

57. Еще говорить (что заключается у него въ срединѣ рѣчи, я опускаю): «если Онъ по воскресеніи содѣлался Богомъ и уже не есть человѣкъ, то какъ Сынъ человѣческой пошлетъ ангеловъ Своихъ? И какъ мы узримъ Сына человѣческаго, грядущаго на облацѣхъ? Какъ и прежде, нежели соединился съ Богомъ и Самъ содѣлался Богомъ, говоритъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.)»? Это все онъ приводитъ въ доказательство того, что тѣлесная природа нисколько не измѣнилась во что либо болѣе Божественное, но что волосы, ногти, видъ, образъ, объемъ тѣла и всѣ прочія какъ внутреннія, такъ и внѣшнія части тѣла во Христѣ (остаются неизмѣнными). Я излишнимъ считаю разсуждать о томъ, что не должно имѣть такія низкія и грубыя понятія о Богѣ, потому что рѣчь противниковъ и сама по себѣ ясно проповѣдуетъ нелѣпость сего мнѣнія. Впрочемъ дабы кто нибудь не подумалъ, что Божественныя реченія сами подають ему поводъ вымышлять такія нелѣпыя басни, я кратко прослѣжу каждое изъ вышеупомянутыхъ изреченій. Поелику, говорить, при концѣ міра посылающій ангеловъ называется Сыномъ человѣческимъ, то, думаетъ онъ, должно вѣрить,

что и всегда будетъ имѣть человѣческія свойства. Но онъ не помнитъ евангельскихъ словъ, гдѣ часто Самъ Господь Бога, надъ всѣмъ сущаго, именуетъ человѣкомъ. *Человѣкъ бы* домовладыка, отдавшій виноградникъ *дѣлатели* и по убіеніи рабовъ пославшій и единокровнаго сына своего, котораго дѣлатели, изведши вонъ изъ виноградника, убиваютъ (Матѳ. 21, 33—40.). Кто это былъ онъ *человѣкъ*, пославшій Единороднаго? Кто Сынъ, убитый въ виноградника? Не Онъ ли также представленъ въ Писаніи человѣкообразно, устрояющимъ бракъ Сыну (Матѳ. 22, 2.)? Должно сказать и то, что Господь, желая помочь немощи тѣхъ, которые, мало цѣня видимое въ Немъ, подобное себѣ, человѣческое естество, не могли посему увѣровать въ Его Божество, говорить, что при (последнемъ) судѣ Сынъ человѣческій пошлетъ ангеловъ, съ тою цѣлю, чтобы, поразивъ страхомъ, укрѣпить въ вѣрѣ слабые умы ихъ и ожиданіемъ страшныхъ (явленій) уврачевать ихъ невѣріе относительно того, что они видѣли: и узрите, говорить, *Сына человеческого, грядущаго на облацяхъ небесныхъ съ силою и славою мноюю* (Матѳ. 24, 30.). И это совершенно согласно какъ съ тѣмъ, что мы выше говорили о человѣкѣ, насадившемъ виноградъ и устроившемъ брачный пиръ для сына, такъ и съ даннымъ нами прежде изъясненіемъ. А что сіи слова Писанія нисколько не благоприятствуютъ уничижительному мнѣ-

нію Аполлинарія. и указанное изреченіе не подасть никакого повода представлять во Христѣ что нибудь тѣлесное, это ясно доказывається тѣмъ, что къ словамъ, въ которыхъ указывается на явленіе Его при концѣ вѣковъ, присовокупляется, что Господь явится твари *во славу Отца Своего* (Матѣ. 16, 27.), такъ что изъ сихъ словъ необходимо слѣдуетъ заключить, что или и Отецъ также имѣетъ человѣческій видъ, если имѣющій явиться въ человѣческомъ видѣ Сынъ явится во славу Отца; или, если величіе славы Отчей чуждо всякаго образа умопредставляемаго видимо, то и Тотъ, Который общается явиться во славу Отца, также не долженъ быть представляемъ въ человѣческихъ чертахъ; ибо иная есть слава человѣка, и иная слава надъ всѣмъ сущаго Бога. «Но, говоритъ, бесѣдуя съ людьми во плоти, сказалъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.)». О, безуміе — почитать доказательствомъ явленія Господа при концѣ міра въ человѣческомъ видѣ то, что Онъ, находясь во плоти, говорилъ: *Азъ и Отецъ едино есма!* Итакъ симъ своимъ умозаключеніемъ онъ конечно утверждаетъ, что и Отецъ точно также живетъ во плоти. Ибо если сказавшій, что Онъ и Отецъ едино, даетъ разумѣть о единствѣ не по духу, но по плоти, какъ думаетъ Аполлинарій: то посему Отецъ есть тоже самое, чѣмъ являлся тогда по человечеству Сынъ. Но Божество мы разумѣемъ чуждымъ всякой

тѣлесности; посему единство Сына съ Отцемъ было не по человѣческому виду, но по общенію Божескаго естества и могущества. А что это подлинно такъ, особенно видно изъ словъ, которыя Христосъ говорилъ Филиппу: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан, 14, 9.): ибо точнымъ уразумѣніемъ величія Сына открывается намъ, какъ въ образѣ, Первообразъ.

58. Чтобы напрасно не терять времени надъ пустяками, я опушу слѣдующія за симъ безсвязныя и не вполне понятныя его рѣчи, въ которыхъ даже внимательно слѣдящимъ за его сочиненіемъ не ясно, что онъ хочетъ сказать. Какимъ образомъ (напримѣръ) служатъ у него доказательствомъ его мнѣнія слова: «что никто не можетъ похитить изъ рукъ Его овецъ, данныхъ Ему Отцемъ», я не могу понять. Также слѣдующее: «отческимъ Божествомъ привлекаетъ къ Себѣ овецъ»; и еще: «если Христосъ прежде воскресенія былъ соединенъ съ Отцемъ: то какъ Онъ не былъ соединенъ съ Богомъ, Который въ Немъ»? Сіе послѣднее онъ какъ бы съ намѣреніемъ въ обличеніе своего вымышленнаго ученія помѣщаетъ между своими разсужденіями, которыми доказываетъ и раздѣленіе человѣка съ Богомъ и соединеніе съ Нимъ. Ибо онъ говоритъ, что «если Христосъ былъ соединенъ съ Отцемъ, то какъ не былъ соединенъ съ Богомъ, Который въ Немъ»? Такимъ образомъ человѣкъ Христосъ, будучи инымъ, соединенъ былъ съ Богомъ, Который

въ Немъ. Это, какъ само собою чрезъ одно чтеніе показывающее ложь и несостоятельность его ученія, я опускаю. Упомяну только о слѣдующемъ: «Спаситель, говоритъ, терпѣлъ голодъ, жажду, трудъ, томленіе и скорбь». Кто же сей Спаситель? Богъ, говорилъ онъ предъ симъ, не два лица, какъ бы одно было Богъ, а другое—человѣкъ. Итакъ Богъ терпѣлъ все то, что, по его словамъ, терпѣлъ Онъій (Спаситель). «И страдаетъ то, что недоступно страданію, не по необходимости (*ἀνάγκη*) естества невольнаго, какъ человѣкъ, но по слѣдствію (*ἀκολουθία*) естества». Достанетъ ли у кого охоты опровергать сію нелѣпность? Въ чемъ находить онъ различіе между необходимостію естества и слѣдствіемъ естества? На самомъ дѣлѣ оба эти понятія имѣютъ одинаковое значеніе. Если, напримѣръ, я скажу: такой-то имѣетъ слабое зрѣніе, слѣдовательно онъ боленъ глазами, или иначе выражу тоже самое: такой-то имѣетъ слабое зрѣніе, итакъ необходимо онъ страдаетъ глазами: не одинаковій ли смыслъ будетъ въ обонхъ сихъ выраженіяхъ? Указавшій на необходимость указываетъ на то, что вытекаетъ по слѣдствію: и упомянувшій о слѣдствіи показываетъ необходимость. Итакъ, чтò значитъ мудрованіе нашего сочинителя, по которому онъ страданія (нашего) естества хочетъ приписать Спасителю «не по необходимости естества, но по слѣдствію естества»? «Должно было, говоритъ,

подвигнуться на страданія по подобію людей». Сказавшій: *должно было*, не ясно ли указалъ необходимость? Не такъ ли употребляетъ сіе слово и Писаніе? Даже у самихъ евангелистовъ можно найти доказательство сего: *нужда есть прійти соблазномъ* (Матѳ. 18, 7.); *подобаетъ бо силъ быти* (Матѳ. 24, 6.). Не одинъ ли смыслъ заключается въ томъ и другомъ изреченіи? Сказавшій, что *нужда есть прійти соблазномъ* выразилъ симъ, что соблазны должны прійти; и кто сказалъ, что *подобаетъ силъ быти*, далъ знать, что долженствующее быть необходимо осуществится на дѣлѣ.

59. Опущу опять и даѣе слѣдующую его болтовню, безъ связи, какъ пошло, изъ глупыхъ разсужденій составленную. Къ концу же сочиненія онъ говоритъ слѣдующее: «и тогда какъ тѣло на небѣ, съ нами есть до скончанія вѣка». Кто это съ нами есть, сочинитель, раздѣляя явно недѣлимое, не знаетъ. Ибо если тѣло онъ помѣщаетъ на небѣ, а Господь какъ говоритъ, присутствуетъ съ нами: то таковымъ различеніемъ онъ дѣлаетъ какое-то расторженіе и раздѣленіе. Ибо не сказалъ, что тѣло Его и на небѣ пребываетъ и съ нами находится, но сказалъ: «тогда какъ тѣло на небѣ». Мы же не на небѣ находимся, слѣдовательно съ нами, думаетъ онъ, живущими на землѣ, присутствуетъ другое какое-то, отличное отъ находящагося на небѣ. тѣло. Таково высокое ученіе Аполлинарія! Мы же говоримъ. что Гос-

подъ *сія рекъ взятыя* (Дѣян. 1, 9.) и по вознесеніи Своемъ съ нами пребываетъ и никакого раздѣленія въ Немъ нѣтъ; но какъ въ насъ находится, присутствуя въ каждомъ отдѣльно и пребывая среди насъ, такъ проникаетъ и всѣ концы творенія. равно являясь во всѣхъ частяхъ міра. Если въ насъ тѣлесныхъ присутствуетъ безтѣлесно, то и въ премірныхъ (существахъ) также не тѣлеснымъ образомъ. А онъ говоритъ, что, раздѣленный такимъ образомъ Господь присутствуетъ въ подчиненныхъ тваряхъ не одинаково,—но противоположно ихъ природѣ: въ тѣлесныхъ безтѣлесно, а въ безтѣлесныхъ тѣлесно. Ибо помѣстивъ плоть на небѣ, Онъ съ людьми соединяется духовно. Что же касается до несостоятельныхъ мнѣній, гдѣ онъ, чувствуя свое безсиліе, въ защиту своихъ басней призываетъ еллиновъ, — мнѣній, которыя онъ, какъ бы выпуская духъ, выдыхаетъ на самомъ концѣ сочиненія, какъ нѣкоторые послѣдніе вздохи, то, я думаю, должно оставить ихъ безъ изслѣдованія. (Опущу также) и все другое сему подобное. Кто хочетъ узнать вполнѣ безсиліе сей ереси, тотъ пусть прочитаетъ самыя его сочиненія. Мы же не имѣемъ столько свободнаго времени, чтобы много заниматься изслѣдованіемъ такого рода сужденій, которыя явно сами собою, и безъ изслѣдованія, обнаруживаютъ свою нелѣпость.

ПРОТІВЪ АПОЛІНАРІЯ,

КЪ ТЕОФИЛУ ЕПИСКОПУ АЛЕКСАНДРІЙСКОМУ.

Не одною мірскою мудростію обилуетъ великое гражданство александрійское; и потоки истинной и подлинной мудрости также изливаются отъ васъ изначала. Посему мнѣ кажется справедливымъ, чтобы тѣ, которымъ дано больше силъ къ добру, больше оказывали помощи въ защищеніи таинства истины: ибо и само высокое Евангеліе говоритъ нѣгдѣ: *ему же дано много, болѣе и взыщется съ того* (Лук. 12, 40.). Итакъ ты поступишь справедливо, если всю присущую по благодати Божіей тебѣ и твоей церкви силу, противопоставишь лжеименному знанію тѣхъ, которые всегда измышляютъ нѣчто новое противъ истины, которые разрываютъ союзъ по Богѣ, великое и почтенное имя христіанъ предають молчанію, а раздѣляютъ церковь по именованіямъ человѣческимъ; и, что всего хуже, люди ра-

дуются, что называются по именамъ своихъ руководителей въ заблужденіи. Если бы повсюду и до конца исполнилось пророческое желаніе, исчезли бы *тѣлѣнницы отъ земли и беззаконницы, яко не быти имъ* (Пс. 103, 35.): это очевидно было бы всего лучше. Поелику же слова беззаконниковъ превозмогають, приобрѣтая силу противъ истины въ содѣйствіи противника: то желательно было бы уменьшить зло и воспрепятствовать болѣе и болѣе распространяющемуся возрастанію нечестія. О чемъ я говорю? Послѣдователи мнѣній Аполлинарія, при помощи порицаній (направленныхъ) противъ насъ, стараются дать (большую) силу своимъ заблужденіямъ, утверждая, что Слово плотяно (*σάρκινος*), что Сынъ человѣческій есть Творецъ вѣковъ и что Божество Сына смертно. Разглашаютъ, будто бы въ католической церкви нѣкоторые признають въ (своемъ) ученіи двухъ сыновъ: одного по естеству, а другаго по усыновленію, послѣ привзошедшаго. Не знаю, отъ кого они это слышали, и на какое лицо направляютъ удары: ибо я доселѣ не знаю, кто бы говорилъ это.

Однакоже, поелику приписывающіе намъ такое ученіе подъ видомъ опроверженія сей нечѣпости усиливають свои мнѣнія: то хорошо было бы, если бы твое совершенство во Христѣ, какъ вразумить тебя Духъ Святый, от-

сѣкло всѣ поводы для ищущихъ поводовъ обвинять насъ и убѣдило возносящихъ оную клевету на церковь Божию, что у христіанъ такого ученія нѣтъ и не проповѣдуется. Ибо на томъ основаніи, что Творецъ вѣковъ въ послѣдніе дни явился на землѣ и обращался между людьми, въ церкви не считаются два сына: одинъ Творецъ вѣковъ, а другой при скончаніи вѣковъ явившійся во плоти роду человѣческому. Если же кто, по домостроительству бывшее явленіе во плоти Единороднаго Сына Божія приметъ за доказательство бытія другаго сына: тотъ исчисливъ и всѣ богоявленія, бывшія святымъ прежде явленія Единороднаго Сына Божія во плоти, а также и послѣ онаго, по числу божественныхъ явленій призываетъ множество сыновъ: будетъ у него одинъ сынъ, бесѣдовавшій съ Авраамомъ, а другой явившійся Исааку; боровшійся съ Іаковомъ—также иный, а другой являвшійся Моисею въ различныхъ видахъ: во свѣтѣ, во мракѣ, въ столпѣ облачномъ, лицемъ къ лицу и созади; другой опять будетъ сынъ, ратовавшій вмѣстѣ съ преемникомъ Моисея, и иной—бесѣдовавшій въ вихрѣ съ Іовомъ; также явившійся Исаи на высокомъ престолѣ и начертанный словомъ Іезекіиля въ человѣческомъ видѣ; и тотъ, который послѣ сего свѣтомъ облисталъ Павла, и тотъ, который прежде сего явился на горѣ въ высочайшей славѣ Петру и бывшимъ съ нимъ.

Если же нелѣпо и вполне нечестиво, по числу различныхъ богоявленій Единороднаго Сына Божія, считать отдѣльныхъ сыновъ: то равно нелѣпо и явленіе во плоти дѣлать поводомъ къ признанію другаго сына. Мы думаемъ, что видѣніе превысшаго естества было всегда по мѣрѣ силы каждаго изъ пріемлющихъ божественное явленіе, большее и достойнѣйшее Бога для тѣхъ, которые могли достигнуть высоты, меньшее же и менѣе достойное для тѣхъ, которые неспособны вмѣстить большаго. Посему не такъ, какъ въ предшествовавшихъ явленіяхъ, является Господь роду человѣческому въ домостроительствѣ пришествія во плоти. Но поелику всѣ люди, какъ говоритъ пророкъ, *уклонихася и вкуупъ неключими быша* (Пс. 13, 3.), и не было, какъ написано, никого, кто бы могъ уразумѣть и постигнуть высоту Божества (Ис. 40, 13.): то посему явившійся болѣе плотяному роду, Единородный Сынъ содѣлывается плотию, умаливъ себя соотвѣтственно малости пріемлющаго, или лучше, какъ говоритъ Писаніе, *истощивъ* себя (Филип. 2, 7.), дабы естество наше приняло столько, сколько вмѣщаетъ. Что оный родъ болѣе предшествовавшихъ былъ повиненъ осужденію, это ясно мы знаемъ изъ словъ Господа, въ которыхъ Онъ говоритъ, что содомлянамъ отрадиѣ будетъ, нежели имъ (Матѣ. 10, 15.); что ниневитяне и царица южская

осудять при воскресеніи родъ оный, возвѣстилъ (также) Господь (Матѣ. 12, 41. 42.). И такъ если бы всѣ, подобно Моисею, могли войти во мракъ, въ которомъ онъ видѣлъ Незримаго; или, подобно высокому Павлу, — вознестись превыше третьяго неба и въ раю научиться неизреченному о предметахъ, превышающихъ слово; или съ ревнителемъ Іліею на огнѣ вознестись въ эфирное пространство, не чувствуя тяжести тѣла, или съ Іезекіилемъ и Исаіею видѣть на престолѣ славы или подъемлемаго Херувимами, или прославляемаго Серафимами: тогда, конечно, не было бы нужды въ явленіи Бога нашего во плоти, если бы всѣ были таковыми. Поелику же, какъ говоритъ Господь, родъ оный былъ *родъ лукавъ и прелюбодѣй* (Матѣ. 12, 39.), лукавъ потому, какъ говоритъ Евангеліе, что весь міръ тогда лежалъ во злѣ (1 Іоан. 5, 19); прелюбодѣй же потому, что онъ оставилъ благаго жениха и соединился съ тѣмъ, кто чрезъ порокъ осквернилъ души прелюбодѣйствомъ: то посему истинный врачъ, исцѣляющій больныхъ, какого болѣзнь требовала врачеванія, такое и приложилъ попеченіе къ больному; самъ нѣкоторымъ образомъ воспріятъ на себя болѣзнь нашего естества и содѣлался плотію, которая по самой сущности своего естества немощна, какъ учить слово Божіе: *духъ убо бодръ, плоть же немощна* (Матѣ. 26, 41.). Если бы Божество, бывшее

въ человѣческомъ ествѣ, въ смертномъ безсмертное, въ слабомъ сильное, въ измѣняемомъ и тѣлесномъ неизмѣняемое и нетлѣнное, допустило остаться въ смертномъ смертности, въ тлѣнномъ тлѣнію и другимъ свойствамъ такимъ же образомъ: тогда по справедливости всякій усмотрѣлъ бы двойственность въ Сынѣ Божіемъ, счисляя каждое изъ разсматриваемыхъ по противоположности (свойствъ) особо, само по себѣ. Но если смертное, соединившись съ бессмертнымъ, содѣлалось бессмертнымъ; подобнымъ образомъ и тлѣнное измѣнилось въ нетлѣніе, и все прочее также измѣнилось въ безстрастное и божественное: то какой остается поводъ раздѣлять одно, на два отличія? Ибо Слово и прежде воплощенія и послѣ домостроительства во плоти было и есть Слово: также Богъ и прежде вопріятія образа раба и послѣ сего есть Богъ и есть свѣтъ истинный, какъ прежде, нежели возсіялъ во тьмѣ, такъ и послѣ сего.

Итакъ, если всякое приличное Богу понятіе всегда постоянно и неизмѣнно усвоится Единородному, и Онъ есть всегда одинъ и тотъ же, будучи всегда себѣ равенъ: то кто насъ принудить Его явленіе во плоти именовать двоицею сыновъ, какъ будто одинъ есть предвѣчный Сынъ, а родившійся во плоти Богъ другой Сынъ? Ибо мы отъ таинства научились и вѣруемъ, что естество человѣческое спасено

чрезъ единеніе съ Словомъ; но что Сынъ Божій во плоти долженъ быть умопредставляемъ отдѣльно, этому не научились и никакой послѣдовательный выводъ не приводитъ насъ къ такой мысли. Ибо содѣлавшійся по насъ грѣхомъ (2 Кор. 5. 21.) и клятвою (Гал. 3, 13., какъ говорить апостолъ, и подъявшій немощи наши, по слову Исаи (Ис. 53, 4.), не оставилъ при себѣ безъ исцѣленія грѣха, и клятву и немощь: но *жертвенное пожертво животомъ* (2 Кор. 5, 4.); распятый *отъ немощи живъ* есть *отъ силы Божіей* (2 Кор. 13, 4.); клятва измѣнилась въ благословеніе и все вообще, что ни есть въ естествѣ нашемъ немощнаго и тлѣннаго, срастворившись съ Божествомъ, содѣлалось тѣмъ, чѣмъ есть Божество. Игакъ откуда можетъ придти кому либо мысль о двоицѣ сыновъ, какъ будто бы домостроительство спасенія нашего плотию, необходимо приводитъ къ такому предположенію? Сущій всегда во Отцѣ и всегда нѣбующій въ себѣ Отца и составляющій едино съ Нимъ, каковъ былъ прежде, таковъ есть и будетъ, и инымъ чѣмъ либо отъ Него (отличнымъ), Сынъ не былъ, не есть и не будетъ. Начатокъ же естества человѣческаго, воспріятый всемогущимъ Божествомъ, если можно употребить сравненіе, какъ бы нѣкая каша оцта, срастворившаяся съ безпредѣльнымъ моремъ, хотя находится въ Божествѣ, но не съ своими уже отличитель-

ными, свойствами Ибо тогда бы можно было заключать о двоицѣ сыновѣ, если бы въ неизреченномъ Божествѣ Сына открывалось какое либо иного рода естество съ особыми своими признаками такъ что въ Немъ одно было бы слабое, жалкое, тѣлесное и скоропреходящее, а другое сильное, великое, вѣдѣнное и вѣчное.

Поелику же, по измѣненіи всего усматриваемаго въ смертномъ въ божественныя свойства, различія ни въ чемъ не замѣчается; ибо что ни видимъ въ Сынѣ есть Божество, мудрость, сила, освященіе, безстрастіе: то на какомъ же основаніи раздѣлять въ двоичномъ значеніи единицу, когда никакое различіе нераздѣляетъ сего числа? Ибо Божество презошлось уничиженное и наименованному человѣческому именемъ дѣрзавало имя, *еже нче всякаю имени* (Филип. 2, 9.). находящееся въ подчиненіи и рабствѣ сѣдѣвало Господомъ и Царемъ, какъ говоритъ *Беттл: Господа Ею и Христа Бгъ сотворилъ есть* (Дѣян. 2, 36.). Ибо при (имени) Христа мы разумѣемъ царство, и по причинѣ совершеннаго единенія воспріятой плоти и воспріемающаго Божества имена взаимно замѣняются, такъ что и человѣческое называется Божескимъ и Божеское человѣческимъ (именемъ) Иисусу и распятый у Павла называется Господомъ славы (1 Кор. 2, 8.) и поклоняемыи отъ всей твари небесныхъ, земныхъ и пре-

исподнихъ именуется Иисусомъ (Фил. 2, 10.). Симъ дается разумѣть о истинномъ и нераздѣльномъ единствѣ, — именно тѣмъ, что неизреченная слава Божества означается именемъ Сына, когда всякая плоть и языкъ исповѣсть, яко *Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога* (ст. 11.), такъ что воспріявшій крестныя страданія, пригвожденный гвоздями и копіемъ прободенный называется у Павла Господомъ славы. Итакъ если и человѣческое (естество) не въ своихъ естественныхъ свойствахъ является, но есть Господь славы, а никто не осмѣлится сказать, что два Господа славы, зная, что *единъ* есть *Господь Иисусъ Христосъ*, *Имъ же* *вся* (1 Кор. 8, 6.): то откуда же приписываютъ намъ двоицу сыновъ взводящіе на насъ клевету сію, дабы имѣть благовидный предлогъ къ утвержденію своихъ мнѣній. Вотъ что мы можемъ представить въ защиту нашу; отъ твоего же совершенства во Христѣ желаемъ большаго и совершеннѣйшаго содѣйствія истинѣ, чтобы утверждающіе свои мнѣнія клеветою на насъ не имѣли никакого повода порицать истину.

КЪ АРМОНИЮ,

О ТОМЪ, ЧТО ЗНАЧИТЪ ИМЯ И НАЗВАНІЕ: ХРИСТИАНИНЪ.

Какъ поступаютъ въ отношеніи къ правительству обязанные платить ежедневно подати, если не внесутъ деньги за многіе дни, такъ поступлю и я по отношенію къ твоей святости. Они, какъ скоро представится кому удобный случай, выплачиваютъ, что были должны по частямъ, вдругъ, соединивъ долгъ въ одну сумму: и я, будучи долженъ посылать тебѣ письма непрерывно (потому что у христіанъ общаніе есть долгъ), невольное опущеніе переписки за прошедшее время хочу восполнить теперь, распространивъ мѣру посланія на столько, что если бы раздѣлить его на письма обыкновенной мѣры, оно могло считаться вмѣсто многихъ. Но, чтобы длиннота письма не была пустымъ препровожденіемъ времени, думаю, что хорошо будетъ въ этой письменной рѣчи поцражать личному нашему собесѣдованію. Конечно помнишь, что предметомъ всегдашнихъ нашихъ взаимныхъ бесѣдъ были заботы о добродѣтели и упражненія въ богопочтеніи, при чемъ ты, настойчиво, всегда предлагалъ во-

просы касательно того, о чемъ шла рѣчь, и ничего изъ сказаннаго не принималъ безъ изслѣдованія; а я, какъ старшій возрастомъ, каждый возникающій по ходу рѣчи вопросъ разрѣшалъ. Если бы возможно было и теперь быть сему, такъ чтобы твое разумѣніе давало направленіе слову, то это было бы всего лучше; ибо для обоихъ насъ была бы двойная польза, какъ отъ взаимнаго лицезрѣнія (что пріятнѣе сего для меня въ жизни?), такъ и отъ того, что твое благоразуміе, на подобіе музыкальной палочки, привело бы въ движеніе нашу ветхую цитру. Поелику же обстоятельства жизни дѣлають то, что мы разъединены по тѣлу, хотя и соединены душами, то необходимо будетъ—говорить и отъ твоего лица, какъ скоро по ходу рѣчи возникнетъ у насъ возраженіе противъ сказаннаго. Хорошо также будетъ предложить сперва какой либо душеполезный предметъ, какъ цѣль письма, а затѣмъ уже заняться изслѣдованіемъ того, что предложено. Итакъ, предметомъ нашихъ изысканій будетъ вопросъ: что значитъ названіе: христіанинъ?

Можетъ быть, не бесполезно будетъ изслѣдованіе о семъ. Ибо, если бы мы въ точности открыли, что значитъ это имя, то получили бы большое содѣйствіе къ добродѣтельной жизни, стараясь посредствомъ высокаго образа жизни по истинѣ и быть тѣмъ, чѣмъ именуемся.

Ибо, если кто пожелаетъ назваться врачомъ или риторомъ или геометромъ, тотъ не допустить, чтобы его невѣжествомъ обличилась живость названія, если на дѣлѣ не окажется тѣмъ, кѣмъ именуется; но желающій назваться кѣмъ либо таковымъ, по истинѣ, постарается оправдать названіе знаніемъ самаго дѣла, чтобы наименованіе его не оказалось лжеименнымъ. Такимъ же точно образомъ и мы, если, изслѣдуя, найдемъ истинную цѣль названія: христіанинъ, не рѣшимся не быть тѣмъ, что возвѣщаетъ о насъ это имя, чтобы и къ намъ не могъ быть примѣненъ извѣстный у язычниковъ рассказъ объ обезьянѣ. Говорятъ, что въ городѣ Александріи, одинъ искусникъ выучилъ обезьяну съ извѣстною ловкостію принимать видъ танцовщицы, надѣвалъ на нее личину танцовщицы и одежду приличную сему занятію. Посѣтители театра хвалили обезьяну, плясавшую подъ тактъ музыки, и во всемъ, что ни дѣлала и представляла, скрывавшую свою природу. Когда же зрители были заняты новостію зрѣлища, одинъ находившійся тамъ остроумецъ, посредствомъ шутки, показалъ увлеченнымъ зрѣлищемъ, что обезьяна есть не болѣе, какъ обезьяна. Когда всѣ восклицали и рукоплескали ловкости обезьяны, стройно плясавшей подъ тактъ пѣнія и музыки, онъ, говорятъ, бросилъ на сцену тѣ лакомства, которыя привлекаютъ жадность этихъ животныхъ. Обезьяна, какъ

скоро увидѣла разбросанный впереди сцены миндаль, ни на что не обращая вниманія, забывъ и пляску и рукоплесканія и нарядную одежду, подбѣжала къ нему и горстями начала собирать то, что находила; а чтобы личина не мѣшала рту, старалась сбросить ее, разрывая своими когтями обманчиво принятый образъ, такъ что, вмѣсто похвалъ и удивленія, внезапно возбудила между зрителями смѣхъ, когда изъ-за обрывковъ личины показалась ея безобразная и смѣшная наружность. Итакъ, какъ обезьянѣ недостаточно было ложно принятаго вида, чтобы сочли ее за человѣка, какъ скоро жадность къ лакомствамъ изобличила ея природу: такъ и тѣ, кои не истинно образовали свое естество вѣрою, посредствомъ лакомствъ, предлагаемыхъ отъ діавола, легко изобличаются въ томъ, что они нѣчто иное, отличное отъ того, за что выдають себя. Ибо, вмѣсто смоквъ и миндаля и тому подобнаго, тщеславіе, честолюбіе, любостяжаніе, страсть къ удовольствіямъ и другіе такого же рода злые принасы діавольскіе, будучи вмѣсто лакомствъ предложены жадности людей, легко изобличаютъ подобныя обезьянамъ души, которыя посредствомъ подражанія принимаютъ на себя лицемѣрный видъ христіанства, а въ пору страстей свергаютъ съ себя личину цѣломудрія, кротости, или другой какой добродѣтели. Итакъ необходимо разсудить о значеніи названія: христіан-

ство. Можетъ быть мы станемъ тѣмъ, чего требуетъ это имя, дабы, имѣя видъ (христіанъ), по одному только исповѣданію и покрову имени не оказаться чѣмъ либо инымъ, а не тѣмъ, чѣмъ кажемся, предъ Видящимъ тайное (Матѳ. 6, 6.).

Итакъ, во-первыхъ рассмотримъ, какой смыслъ заключается въ самомъ названіи: христіанство. Болѣе мудрые конечно могутъ найти какой либо болѣе высокій и величественный смыслъ, соотвѣтствующій высотѣ сего имени; а что доступно нашему разумѣнію о семъ имени, таково. Имя Христосъ, если замѣнить оное болѣе яснымъ и понятнымъ реченіемъ, значить царь, такъ какъ священное Писаніе преимущественно употребляетъ это имя для обозначенія царскаго достоинства. Но поелику, какъ говоритъ Писаніе, Божество неизреченно и непостижимо и превышаетъ всякаго уразумѣнія мыслію, то движимые Святымъ Духомъ пророки и апостолы по необходимости руководятъ насъ къ уразумѣнію нетлѣннаго Естества многими именами и понятіями. Каждое изъ боголѣпныхъ понятій направляетъ насъ къ какой либо мысли, такъ что власть надъ всѣмъ означается именемъ царства, а чистота и свобода отъ всякой страсти и всякаго зла именуется именами добродѣтелей, изъ которыхъ каждая разумѣется въ Совершенномъ и изрекается о Немъ, такъ что одно и тоже (Божество) есть и правда и мудрость и сила

и истина, благость и жизнь и спасеніе и нетлѣніе и непрелагаемость и неизмѣняемость; а все, что ни разумѣется высокаго чрезъ обозначеніе таковыми именами, все это и есть Христосъ и изрекается о Немъ. Итакъ, если въ имени Христосъ разумѣется совокупность всего высокаго (ибо въ высочайшемъ изъ значеній содержатся и прочія, такъ что каждое изъ нихъ умопредставляется въ понятіи царства), то, выводя отсюда слѣдствіе, мы можетъ быть уразумѣемъ, что значитъ христіанство. Ибо если именемъ, превосходящимъ (всѣ) имена служащія для изъясненія нетлѣннаго естества, именуемся также и мы, соединившіеся съ Нимъ чрезъ вѣру въ Него, то вполне необходимо, чтобы вслѣдствіе сего мы имѣли общность именъ и относительно тѣхъ понятій, которыя вмѣстѣ съ симъ именемъ усматриваются въ ономъ нетлѣнномъ еществѣ. Ибо какъ по частию ко Христу мы получили названіе: христіане, такъ въ слѣдствіе сего самаго необходимо, чтобы это (имя) влекло за собою общеніе насъ со всѣми высокими именами. И какъ въ сѣти, потянувшій за крайнюю петлю посредствомъ одной потянулъ бы и всѣ соединенныя одна съ другою; такъ, поелику съ именемъ Христосъ соединяются и прочія имена изъясняющія оное неизреченное и многовидное блаженство, то необходимо, воспріявъ одно (имя), вмѣстѣ съ однимъ привлечь и прочія.

Итакъ, если кто принимаетъ на себя имя Христово, а того, что умопредставляется съ нимъ именемъ, не являетъ въ жизни, тотъ ложно носить сіе имя; по представленному нами примѣру, оно бездушная личина, съ чертами человѣческаго образа, наложенная на обезьяну. Ибо какъ Христосъ не можетъ быть Христомъ, если Онъ не есть правда и чистота и истина и отчужденіе отъ всякаго зла; такъ не можетъ быть и христіаниномъ (то есть истиннымъ христіаниномъ) тотъ, кто не обнаруживаетъ въ себѣ общенія и съ этими именами. Итакъ, если бы нужно было кому либо истолковать смыслъ слова: христіанство посредствомъ опредѣленія, то мы скажемъ такъ: христіанство есть подражаніе божескому естеству. И никто пусть не порицаетъ этого опредѣленія, какъ чрезмѣрнаго и превышающаго смиреніе нашего естества; ибо опредѣленіе это не выходитъ за предѣлы естества. Если кто размыслитъ о первомъ состояніи человѣка, тотъ изъ ученія Писаній найдетъ, что опредѣленіе не вышло изъ мѣры нашего естества. Ибо первое устроеніе человѣка было по подражанію подобія Божія (такъ любомудрствуетъ о человѣкѣ Моисей, когда говоритъ, что: *сотвори Богъ человека, по образу Божію сотвори его.* Быт. 1, 27.), а названіе: христіанство выражаетъ возведеніе человѣка въ древнее благополучіе.

Если же древле человекъ былъ подобіе Божіе, то можетъ быть мы сдѣлали не безцѣльное опредѣленіе, сказавъ, что христіанство есть подражаніе божескому естеству. Значеніе названія такимъ образомъ велико. Теперь время рассмотреть, безопасно ли тому, кто носить это имя, жить несоотвѣтственно ему? То, о чемъ мы спрашиваемъ, будетъ яснѣе посредствомъ примѣра. Предположимъ, что кто нибудь объявляетъ себя искуснымъ въ живописи, и что отъ начальника ему дается приказаніе начертать для далеко живущихъ образъ царя. Если теперь онъ, начертавъ на доскѣ какой либо неблаговидный и безобразный видъ, это непристойное изображеніе назоветъ образомъ царя, то не приведетъ ли онъ въ справедливое негодованіе начальство тѣмъ, что оное дурное изображеніе будетъ причиною оскорбительнаго мнѣнія о красотѣ первообраза, между незнающими его. Ибо какимъ представляется видъ на картинѣ, такимъ по необходимости будетъ почитаемъ и первоначальный образъ. Итакъ, если опредѣленіе говоритъ, что христіанство подражаніе Богу, то не пріавшій еще слова таинства, какою увидитъ у насъ жизнь проводимую, какъ онъ увѣренъ, по подражанію Богу, таковымъ будетъ почитать и наше Божество. Такъ что, если онъ увидитъ примѣры всего благаго, то увѣруеть, что Божество нами чтимое, благо. Если же кто будетъ пре-

данъ страстямъ и звѣрообразенъ, и въ своихъ нравахъ сообразно различнымъ страстямъ будетъ отображать виды различныхъ звѣрей (ибо въ извращеніяхъ нашего естества должно видѣть именно отображенія звѣрей), и за тѣмъ станетъ именовать себя христіаниномъ, тотъ, поелику его имя общаетъ и возвѣщаетъ подражаніе Богу, своею жизнію подаетъ невѣрнымъ поводъ порицать Божество, въ которое мы вѣруемъ. Посему и Писаніе возвѣщаетъ таковымъ страшнѣйшую грозу, говоря: горе тѣмъ, ради кого *имя Мое хулится во языцехъ* (Ис. 32, 5.). И мнѣ кажется, что къ этой преимущественно мысли руководя насъ, Господь сказалъ могущимъ слышать: *будите совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѣ. 5, 48.). Ибо, наименовавъ истиннаго Отца отцемъ вѣрующихъ, хочетъ, чтобы и рожденные отъ Него имѣли подобіе съ созерцаемымъ въ Немъ совершенствомъ благъ.

Скажешь мнѣ: но какъ для человѣческаго смиренія возможно простираť стремленіе къ блаженству усматриваемому въ Богѣ, когда въ семъ самомъ повелѣніи какъ будто выказывается неудобноисполнимость его? Ибо какъ возможно земному уподобиться Тому, Кто на небесахъ, когда самое различіе по естеству показываетъ недостижимость подражанія? Ибо, какъ невозможно лицомъ достать до величія небесъ и содержащихся въ нихъ красотъ, такъ

и земному человѣку равно невозможно уподобиться небесному Богу. Но слово (Писанія) о семъ ясно: не приравнивать естество человѣческое естеству Божескому повелѣваетъ оно, но (Его) благимъ дѣйствіямъ, сколько возможно, подражать въ жизни. Итакъ, какого рода наши дѣйствія могутъ быть подобны дѣйствіямъ Божиимъ? Отчуждаться всякаго зла, сколько возможно, дѣломъ, словомъ и помышленіемъ стараясь быть чистыми отъ оскверненія имъ. Въ этомъ состоитъ истинное подражаніе божескому и свойственному небесному Богу, совершенству.

Ибо не думаю, чтобы Евангеліе въ словахъ, которыми повелѣваетъ быть намъ совершенными какъ небесный Отецъ, говорило о стихіѣ неба, какъ объ отдѣльномъ какомъ-то жилищѣ Божества, потому что Божество равно находится во всемъ и одинаково проникаетъ все твореніе; нѣтъ ничего, чтобы пребывало въ бытіи внѣ Сущаго, но божеское естество соприкасается каждому существу, все содержа въ себѣ всеобъемлющею силою, какъ и пророкъ поучаетъ сему, говоря, что перенесусь ли мыслію на небо, изслѣдую ли, нисходя мысленно, то, что подъ землею, простру ли разумную силу души къ предѣламъ существующаго,—во всемъ увижу всевластующую Твою десницу. Подлинное же изреченіе его таково: *аще възду на небо, Ты тало еси: аще*

спиду во адъ, тамо еси; аще возму крыль мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя (Пс. 137, 8—10.). Итакъ изъ сихъ словъ можно видѣть, что не отдѣлено для Бога, по преимуществу, небесное жилище. Но поелику горній удѣлъ признается чистымъ отъ зла (на это во многихъ мѣстахъ загадочно указываетъ намъ Писаніе), а въ сей дольней, болѣе вещественной жизни совершаются злыя страсти, такъ какъ здѣсь, въ земной жизни, извивается и ползаетъ изобрѣтатель зла,—змій, о которомъ приточно говоритъ Писаніе, что онъ на персѣхъ и чревѣ ходитъ и землю питается всегда (Быт. 3, 14.); а этотъ образъ движенія и видъ пищи указываетъ намъ на то, что земная именно и дольная жизнь допускаетъ въ себя поползновенія многообразнаго зла и дѣлается пищею ползающаго по ней звѣря: то повелѣвающій подражать небесному Отцу повелѣваетъ быть чистыми отъ земныхъ страстей, отдаленіе отъ которыхъ совершается не посредствомъ мѣстнаго переходенія, но однимъ движеніемъ воли. Итакъ, если отчужденіе отъ зла естественно совершается однимъ устремленіемъ разумнія, то евангельское слово не повелѣваетъ намъ ничего затруднительнаго. Ибо съ устремленіемъ разумнія не соединено даже и труда, но можно для насъ безъ усилія, посредствомъ желаній быть тамъ, гдѣ бы ни

пожелали. Такъ что, желающему, и на землѣ удобно вести небесный образъ жизни, какъ скоро, по руководству Евангелія, будемъ мудрствовать небесная и слагать въ тамошнихъ сокровищницахъ богатство добродѣтели; ибо, *не скрывайте, говорить, сокровищъ на земли, но скрывайте сокровище на небеси, и дѣже ни червь ни тля тлитъ и дѣже татѣ не подкапываютъ ни крадутъ* (Матѣ. 6, 19. 20.). Сіи слова показываютъ, что въ горней жизни не обитаетъ никакой тлетворной для блаженства силы. Ибо многоразлично дѣйствующій своею разнообразною злобою на гибель сей жизни, то на подобіе моли проникаетъ въ разумъ, дѣлая непригодною ту часть (души), въ которую вѣдрится; то, если въ скорости не будетъ изгнанъ изъ одной части, посредствомъ поядоющей и истребляющей силы, переползая къ близъ лежащимъ частямъ, какъ знакъ своего движенія, оставляетъ слѣдъ поврежденія вездѣ, куда ни приблизится. Если же внутреннее непоколебимо, строить ковы посредствомъ внѣшнихъ обстоятельствъ; онъ или посредствомъ удовольствія проламываетъ стѣну къ сокровищницѣ сердца или другою страстію опустошаетъ хранилище души, гнѣвомъ или печалію или иною подобною страстію окрадывая разумъ. Итакъ поелику въ горнихъ сокровищницахъ, какъ говоритъ Господь, нѣтъ ни моли ни тли ни хищнической злобы, обучающей тому, о чемъ мы упомянули; то туда должно

переносить наше дѣланіе, гдѣ собранныя сокровища, недоступныя хищенію и умаленію не только навсегда остаются, но и на подобіе сѣмянъ производятъ многоразличное приращеніе. Ибо конечно необходимо, чтобы воздаяніе было велико, соотвѣтственно естеству пріѣвшаго сокровище на храненіе. И какъ мы, дѣйствуя сообразно своему естеству, приносимъ мало, потому что такова наша природа; такъ прилично, чтобы Тотъ, Кто во всемъ богатъ, за вѣренное Ему малое воздалъ тѣмъ, что имѣеть по естеству. Итакъ ни кто да не унываетъ, внося въ божественныя сокровищницы по своимъ силамъ, какъ будто онъ получить по мѣрѣ того, что онъ далъ; но пусть пребываетъ въ надеждѣ (исполненія) обѣщанія сказавшимъ, что Онъ малое замѣнитъ великимъ, воздавъ небеснымъ за земное, вѣчнымъ за временное; сіи же блага такого рода, что ихъ ни мыслию нельзя постичь, ни словомъ изъяснить; о нихъ учить богодухновенное Писаніе: *ниже око видѣ, ниже ухо слыша, ниже на сердце чловѣку въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9.). Написавъ сіе тебѣ, о честная глава, мы не только восполнили опущенныя нами письма, но и предварили могущія быть послѣ сего опущенія. Ты же трудись о Господѣ, по сердцу; по сердцу же да будетъ тебѣ всегда то, что и Господу благоугодно и намъ по сердцу.

О СОВЕРШЕНСТВѢ,

И О ТОМЪ, КАКИМЪ ДОЛЖНО БЫТЬ ХРИСТИАНИНУ.

КЪ ОЛИМПІО МОНАХУ

Избранному тобою образу жизни вполне прилично стараніе узнать, какъ достигнуть совершенства путемъ добродѣтели, чтобы жизнь твоя во всѣхъ отношеніяхъ была безупречною. Я же, всего бы лучше сдѣлалъ, если бы въ собственной жизни могъ найти примѣры того, къ чему ты стремишься, такъ чтобы вмѣсто словъ, на дѣлѣ представить тебѣ ученіе, котораго ты ищешь. Ибо наставленіе въ добродѣтели тогда было бы достойнымъ вѣры, когда бы жизнь согласовалась съ словами. Поелику же я хотя желаю быть когда либо въ такомъ положеніи, но нынѣ еще не нахожу себя таковымъ, чтобы вмѣсто слова, указывать на жизнь, то, дабы не показаться тебѣ совершенно бесполезнымъ и непригоднымъ для твоей цѣли, я разсудилъ изложить, въ чемъ должна состоять строгая жизнь, положивъ симъ начало слову.

Благій Владыка нашъ Иисусъ Христосъ, даровалъ намъ быть общниками Его поклоняемаго имени, такъ чтобъ намъ не именоваться ни по чему иному, что принадлежитъ намъ, богатымъ ли кому случится быть и благороднымъ или неблагороднымъ и бѣднымъ, или имѣть извѣстность по какимъ либо занятіямъ и достоинствамъ: но при отстраненіи всѣхъ таковыхъ именъ, даровано увѣровавшимъ въ Него одно главное названіе,—именованіе христіанами. Если такая дарована намъ свыше благодать, то необходимо, во первыхъ, размыслить о величій дара, чтобы по достоинству возблагодарить даровавшаго столько Бога; затѣмъ показать себя такими въ жизни, какими требуетъ, чтобы мы были, значеніе сего великаго имени. Величіе дара, котораго удостоились чрезъ именование однимъ со Владыкою нашей жизни именемъ, будетъ ясно для насъ, если узнаемъ самое значеніе имени, которое отъ Христа, такъ чтобы разумѣть, какое возникаетъ въ душахъ нашихъ понятіе, когда симъ реченіемъ призываемъ въ молитвахъ Господа всяческихъ, или что разумѣемъ подъ симъ именемъ, когда благочестиво, какъ вѣруемъ, призываемъ Его. Когда же уразумѣемъ это, тогда, пользуясь симъ именемъ, какъ учителемъ и руководителемъ для жизни, и выводя отсюда слѣдствія, ясно узнаемъ, какими должны стараться быть въ жизни и мы. Сдѣлавъ

же святаго Павла путеводителемъ въ сихъ двухъ изслѣдованіяхъ, будемъ имѣть самое вѣрное руководство къ уясненію искомаго. Ибо онъ гораздо точнѣе всѣхъ, и уразумѣлъ что есть Христосъ, и своими дѣлами указалъ, каковымъ долженъ быть именующійся Его именемъ. Онъ такъ живо подражалъ Ему, что въ себѣ самомъ показалъ отображеніе своего Владыки, посредствомъ самаго точнаго подражанія измѣнивъ видъ своей души на подобіе Первообразу, такъ что уже не Павелъ, казалось, жилъ и говорилъ, но жилъ въ немъ самъ Христосъ, какъ говоритъ самъ, хорошо чувствуя собственные совершенства: *если искушенія ищете глаголющую во мнѣ Христа* (2 Кор. 13, 3.), и: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20.).

Апостолъ Павелъ указалъ намъ значеніе имени: Христосъ, сказавъ, что Христосъ есть Божія сила и Божія премудрость; назвалъ онъ также Его и миромъ и неприступнымъ свѣтомъ, въ которомъ обитаетъ Богъ, освященіемъ и избавленіемъ, великимъ Архіереемъ и пасхою, очищеніемъ душъ, сіяніемъ славы, образомъ Упостаси и творцемъ вѣковъ, духовною пищею и пиѣмъ, камнемъ, водою, основаніемъ вѣры, главою угла, образомъ невидимаго Бога, великимъ Богомъ, главою тѣла церкви, перворожденнымъ новой твари, начаткомъ

умершихъ, перворожденнымъ изъ мертвыхъ, первороднымъ во многихъ братіяхъ, посредникомъ Бога и людей, Единороднымъ Сыномъ вѣнчаннымъ славою и честію, Господомъ славы и начаткомъ сущаго (такъ говоря о Немъ: *иже есть начатокъ*. Колос. 1, 18.); сверхъ сего: царемъ правды, царемъ мира и царемъ всяческихъ, имѣющимъ неограниченную державу царства, и многими другими такими же именами, которыя по множеству ихъ исчислять неудобно. Взаимное сопоставленіе всѣхъ сихъ наименованій, изъ коихъ каждое привноситъ свою мысль для указанія обозначаемаго имъ, даетъ намъ нѣкоторое понятіе о значеніи имени Христось, на столько указывая намъ неизреченное величіе, на сколько въ состояніи уразумѣть наша душа. Поелику же достоинство царское превышаетъ всякое достоинство и власть и властительство, названіе же Христось собственно и первоначально означаетъ державу царскую (ибо какъ знаемъ изъ бытописанія, помазаніе предшествуетъ царству), а въ царствѣ заключается вся сила прочихъ наименованій; то посему, кто уразумѣлъ частныя, заключающіяся въ понятіи царства, имена, тотъ вмѣстѣ съ симъ уразумѣетъ и силу имени, объемлющаго прочія. А названіе: Христось, есть имя означающее царство. Итакъ поелику благимъ Владыкою дано намъ быть общниками величайшаго, самаго божественнаго и перваго

изъ именъ, такъ что будучи почтены именемъ Христа, мы называемся христіанами: то необходимо, чтобы усматривались въ насъ и всѣ прочія, изъясняющія это реченіе, имена, чтобы это названіе не было у насъ лжеименнымъ, но свидѣтельствовалось жизнію. Ибо не отъ названія что либо получаетъ бытіе, но подлежащее естество, какимъ оно есть, такимъ и признается посредствомъ обозначенія соотвѣственнымъ именемъ. Напримѣръ, если кто дереву или камню придастъ названіе: человѣкъ; станетъ ли отъ этого названія дерево или камень человѣкомъ? Не будетъ имъ; нужно прежде быть человѣкомъ, а за тѣмъ уже называться именемъ принадлежащимъ сему естеству. Потому что и при уподобленіяхъ, названія не имѣютъ собственнаго значенія, если, напримѣръ, кто статую называетъ человѣкомъ, или лошадыю изображеніе ея. Если что либо именуется нами въ собственномъ и истинномъ смыслѣ, то конечно самое естество (предмета) должно показать истину названія, а служащее для подражательныхъ изображеній вещество, чѣмъ есть по природѣ, тѣмъ и именуется,—мѣдью, камнемъ и тому подобнымъ, чему искусство придало видъ, изобразивъ что ему угодно. Итакъ тѣмъ, кои именуютъ себя именемъ Христовымъ, прежде необходимо быть тѣмъ, чего требуетъ имя, а за симъ уже усвоивать себѣ сіе названіе. И какъ, если бы кто

захотѣлъ различить дѣйствительнаго человѣка, отъ называемаго также человѣкомъ изображенія его, тотъ сдѣлалъ бы различіе на основаніи свойства того и другаго; ибо первымъ назоветь живое существо, одаренное разумомъ и умомъ, а вторымъ—вещество бездушное, принявшее видъ человѣка при помощи подражанія: такъ и христіанина, истиннаго и кажущагося, разпознаемъ изъ открывающихся въ каждомъ характеристическихъ свойствъ. Свойства подлиннаго христіанина всѣ тѣ, какія мы нашли во Христѣ; изъ нихъ доступнымъ для насъ подражаемъ, а тѣ, подражаніе коимъ не доступно нашему естеству, чтимъ и покланяемся имъ.

Итакъ, если *Божій человекъ* долженъ быть совершенъ, по слову апостола (2 Тим. 2, 17.), безъ всякаго искаженія совершенства со стороны зла, то нужно, чтобы въ жизни христіанской одни чрезъ подражаніе, другія чрезъ поклоненіе просіявали всѣ имена, изъясняющія значеніе имени: Христось. И какъ создающіе словеснымъ или живописнымъ искусствомъ мифическія чудовища, наиримѣръ, людей съ бычачьими или лошадиными или драконовыми ногами, или составляя иное что подобное изъ различныхъ живогныхъ, подражаютъ не какому либо образцу въ природѣ, но посредствомъ такого чудовищнаго вымысла искажая природу, создаютъ вѣчто иное, а не человѣка,

изображая по своему произволу не существующее; и какъ никто не назоветъ человѣкомъ изображеніе составленное такъ чудовищно, хотя бы часть его и была подобна какой либо части человѣческаго тѣла: такъ не можетъ быть названъ и христіаниномъ въ точномъ смыслѣ слова ни тотъ, кто имѣетъ главу безъ разума (*ἄλογον*), то есть не имѣющій въ вѣрѣ главы всего, которая есть Слово (*ὁ Λόγος*), ни тотъ, кто имѣя главу вѣры не являетъ соотвѣтственнаго ей тѣла, — образа жизни, когда или при гнѣвливости свойственной драконамъ, по звѣрству подобится этимъ пресмыкающимся, или къ свойствамъ человѣческимъ присоединяетъ женоненство коней и становится какимъ-то иппокентавромъ, составленнымъ изъ двухъ природъ: разумной и неразумной. Много можно видѣть такихъ людей: одни, имѣя голову тельца, то есть признавая ученіе идолопоклонства, проводятъ благовидную жизнь (они изображаютъ какъ бы минотавра); другіе, имѣя христіанское лице, своею жизнію присоединяютъ къ нему звѣроподобное тѣло (они представляютъ собою какъ бы кентавровъ и чудовищъ съ драконовыми ногами). Итакъ, чтобы христіанина узнавать, какъ другаго узнаемъ по тѣлу, нужно, чтобы вѣрующій въ своей жизни являлъ черты всѣхъ совершенствъ, разумныхъ во Христѣ. Ибо въ одномъ быть тѣмъ, чего требуетъ это имя, а въ другомъ скло-

няться къ противоположному, значить не что иное, какъ враждебно раздѣлять самаго себя, и возбуждая внутреннюю брань между добродѣтелью и порокомъ, производить въ своей жизни раздѣленіе и несогласіе съ самимъ собою; ибо *кое общеніе свѣту ко тмѣ*, говоритъ апостолъ (2 Кор. 6, 14.).

Итакъ поелику мракъ противоположенъ свѣту, не смѣшивается съ нимъ и не допускаетъ посредства, то держащійся того и другого и не удаляющійся отъ одного изъ нихъ, по необходимости и самъ раздѣляется при взаимной борьбѣ сихъ противоположныхъ началъ, становясь въ тоже время и свѣтомъ и тмою въ своей смѣшанной жизни; вѣра привноситъ озареніе, а темная жизнь помрачаетъ сіяніе отъ слова (вѣры). Итакъ поелику нѣтъ общенія, смѣшенія и согласія между свѣтомъ и тмою, то держащійся той и другой изъ противоположностей, дѣлается врагомъ самому себѣ, раздѣлившись на двое и противопоставивъ въ себѣ, подобно враждебному строю, добродѣтель и порокъ. И какъ при борьбѣ двухъ враговъ невозможно, чтобы оба были побѣдителями другъ друга, потому что побѣда одного конечно влечетъ смерть противника: такъ и въ этой междуусобной борьбѣ, происходящей въ смѣшанной жизни, не иначе можетъ побѣдить лучшій строй, какъ погубивъ совершенно и уничтоживъ другой. Ибо, какъ

благочестивая рать одолѣеть зло, когда выступаетъ противъ нея лукавый строй противниковъ ея? Если должно побѣдить совершенное, то конечно будетъ умерщвлено противоположное. Такимъ образомъ и добродѣтель тогда будетъ торжествовать побѣду надъ зломъ, когда все враждебное ей, при содѣйствіи разума, обратится въ ничто. И тогда исполнится сказанное пророкомъ отъ лица Божія: *Азъ убію и жизни сотворю* (Втор. 32, 39.); ибо благое во мнѣ не иначе можетъ жить, какъ будучи оживотворено смертію противника. А пока будемъ держаться обоихъ, одною рукою придерживаясь одного, другою другаго противника, не возможно въ тоже время быть на сторонѣ того и другаго; ибо кто объемлетъ зло, тотъ выпускаетъ изъ рукъ добро. Итакъ возвратимся опять къ сказанному сначала, что для любителей добродѣтели одинъ путь къ чистой и божественной жизни, — знаніе, что значить имя: Христось, съ коимъ должно сообразовать и нашу жизнь, по значенію прочихъ именъ, стройно направляя ее къ добродѣтели. Итакъ, предложивъ въ предстоящемъ намъ изслѣдованіи тѣ собранныя нами въ предисловіи реченія и имена, посредствомъ которыхъ святыми устами Павла изъясняется значеніе слова: Христось, мы дадимъ самое незыблемое руководство для добродѣтельной жизни, подражая, какъ сказано выше, однимъ, покланяясь и

почитай другія. Будемъ говорить о нихъ по тому порядку, какъ они исчислены нами. Итакъ начнемъ съ первыхъ.

Христось, говоритъ апостоль, есть *Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.). Сія слова указываютъ намъ, во-первыхъ, на означаемыя именемъ Христось богомѣпныя понятія, которыя дѣлають для насъ досточтимымъ сіе имя. Поелику вся тварь, какъ познаваемая чувственно, такъ и превышающая чувственное уразумѣніе, чрезъ Него произошла, и въ Немъ получила бытіе, то для опредѣленія явленія Христа, какъ все сотворившаго, необходимо съ силою соединяется и премудрость. Сочетаніе сихъ реченій: премудрости и силы, даетъ намъ разумѣть, что великія и неизреченныя чудеса творенія не могли бы явиться, если бы премудрость не примыслила ихъ происхожденія, а сила, которая осуществляетъ мысли въ дѣлѣ, не сопровождала бы мудрость для совершенія призываемаго ею. Итакъ значеніе имени: Христось, даетъ намъ два раздѣльныя понятія: премудрости и силы, дабы, когда мы обратимъ взоръ на величіе состава всего, уразумѣли, при помощи усматриваемаго нами, неизреченную Его силу, а когда размыслимъ о томъ, что въ бытіе явилось несуществовавшее прежде, что многообразное естество существъ осуществлено божескимъ мановеніемъ, то увѣровали бы, что Христось есть непости-

жимая мудрость. Ибо, что призываетъ молящійся и къ чему обращаетъ око души, то и привлекаетъ къ себѣ молитвою; и такимъ образомъ обращающій взоръ къ силѣ (а сила есть Христосъ) *силою* утверждается *во внутреннемъ человѣкѣ*, какъ говоритъ апостолъ (Ефес. 3, 16.), а призывающій премудрость (подъ которою опять разумѣется Господь) содѣлывается премудрымъ, какъ говоритъ книга Притчей (Притч. 2, 3. 5.). Итакъ, именуемый по имени Христа, который есть сила и премудрость, долженъ также сообразно съ сими именами являть въ себѣ силу, — осиливъ грѣхъ, — и премудрость, — избирая лучшее. А чрезъ проявленіе въ насъ премудрости и силы, первой въ избраніи добродѣтели, а силы въ утвержденіи въ томъ, что разумно избрано, достигается совершенство жизни, слагаясь при помощи того и другаго.

Такъ и разумѣя, что Христосъ *есть миръ* (Еф. 2, 14.), тогда покажемъ, что истинно называемся именемъ Христовымъ, когда чрезъ нашъ внутренній миръ явимъ своею жизнію Христа. Онъ *вражду* убилъ, какъ говоритъ апостолъ (ст. 16.). Итакъ и мы не станемъ *оживлять въ себѣ сію вражду*, но нашею жизнію покажемъ, что она мертва, дабы намъ ее, хорошо умерщвленную Богомъ при спасеніи нашемъ, уже не воскрешать въ себѣ, на гибель душъ нашихъ, гнѣвомъ и памятозлобіемъ,

совершая злое воскресеніе того, что вполнѣ умерло. Но если имѣемъ Христа, который есть миръ, то и мы должны умерщвлять въ себѣ вражду, дабы того, что, какъ вѣруемъ, находится въ Немъ, достигать и въ своей жизни. Ибо какъ Онъ, разоривъ *средостѣнныя ограды*, *обоя создалъ собою во единого новаго чловѣка, творя миръ* (Ефес. 2, 14. 15.), такъ и мы должны примирить (съ собою) не только виѣшнихъ враговъ нашихъ, но и тѣхъ, кои враждуютъ въ насъ самихъ, такъ чтобы плоть уже не желала противнаго духу, а духъ противнаго плоти, но чтобы подчинивъ плотяный образъ мыслей божественному закону, мы имѣли миръ сами съ собою, преобразовавшись *во единого новаго и мирнаго чловѣка*, и изъ обоихъ ставъ единымъ. Ибо миръ можно опредѣлить, какъ согласіе враждующихъ. Итакъ когда уничтожится междоусобная брань въ нашемъ естествѣ, тогда мы станемъ миромъ и покажемъ, что истинно и дѣйствительно носимъ на себѣ сіе имя Христово.

Разумѣя же, что Христосъ есть *святъ истинный* (Іоан. 1, 9.) и недоступный жи, научаемся тому, что и наша жизнь должна быть озаряема лучами истиннаго Отца. Лучи же солнца правды, истекающіе для освященія нашего, суть добродѣтели, посредствомъ которыхъ мы отлагаемъ дѣла тмы и *яко во дни, благообразно ходимъ* (Рим. 13, 13.) и отвергаемъ

потаенныя студныя дѣла и все совершаемъ во свѣтѣ и сами становимся свѣтомъ, такъ что и другихъ просвѣщаемъ дѣлами, какъ свойственно свѣту.

Разумѣя, что Христосъ есть *освященіе* (1 Кор. 1, 30.), мы должны исповѣдать силу освященія не словами, но жизнью, свободною отъ всякаго сквернаго и нечистаго дѣла и мысли.

Зная же, что Христосъ есть *избавленіе* (1 Кор. 1, 30.), что Онъ предалъ Себя для искупленія нашего, научаемся симъ реченіемъ тому, что поелику Онъ даровалъ намъ безсмертіе, какъ бы какую цѣну за каждую душу, то симъ Онъ всѣхъ искупленныхъ Имъ отъ смерти чрезъ жизнь, содѣлалъ собственнымъ стяжаніемъ. Итакъ, если мы стали рабами Искупившаго, то конечно должны обращать взоры къ Господствующему, чтобы намъ жить уже не для себя самихъ, но для стяжавшаго насъ цѣною жизни, ибо мы уже не господа самимъ себѣ, но купившій насъ Господь (1 Кор. 6, 20.), мы же Его стяжаніе; и такъ закономъ для нашей жизни да будетъ воля Господствующаго. Ибо, какъ при владычествѣ надъ нами смерти, дѣйствовалъ въ нашей жизни законъ грѣха; такъ, когда мы стали стяжаніемъ жизни, необходимо согласоваться съ закономъ Обладающаго нами, дабы отвратившись отъ подчиненія волѣ жизни, опять не попасть намъ чрезъ грѣхъ

подъ власть злаго мучителя душъ нашихъ, — говорю о смерти.

То же самое уподобленіе Христу даетъ разумѣть намъ Павелъ, когда говоритъ, что Онъ есть *пасха* (1 Кор. 5, 6.) и *Архіерей* (Евр. 7, 11.). Ибо по истинѣ за ны *пожренъ бысть пасха Христосъ*; священникъ же, приносящій Богу жертву, не иной кто есть, какъ тотъ же Христосъ. Ибо *себе*, говоритъ, *принесъ приношеніе и жертву* за насъ (Ефес. 5, 2.). Итакъ отсюда научаемся, что послѣдующій Оному, принесшему себя въ приношеніе и жертву, содѣлавшемуся пасхою, и самъ долженъ представить себя Богу въ *жертву живу, святу, богоугодну*, ставъ словеснымъ служеніемъ (Рим. 12, 1.). Образъ же служенія, — не сообразоваться *вѣку сему*, но преобразоваться *обновленіемъ ума* своего, *во еже искушати*, что есть *воля Божія, благая и угодная и совершенная* (ст. 2.). Ибо во плоти, пока она живетъ, не можетъ проявляться благая воля Божія, если она не освятится по закону духовному, потому что *удровоуе плотское вражда на Бога и закону Божію не покаряется, ниже бо можетъ* (Рим. 8, 7.), пока жива плоть; если же чрезъ священнодѣйствіе животворной жертвы умертвятся *уды яже на земли*, чрезъ Xкоторыя дѣйствуютъ страсти, то благоугодная и совершенная воля Божія, безпрепятственно совершится въ жизни вѣрующихъ въ Него.

Такъ, и разумѣя о Христѣ, что Онъ есть *очищеніе въ собственной крови* (Рим. 3, 25.), научаемся тому, что каждый долженъ самъ быть себѣ *очищеніемъ*, чрезъ умерщвленіе членовъ очищая душу.

Когда же Христосъ называется *сіяніемъ славы* и *образомъ гипостаси* (Евр. 1, 3.), то эти реченія даютъ намъ мысль о достопоклоняемомъ Его величіи. Ибо по истинѣ богодухновенный и Богомъ наученный Павелъ, во глубинѣ богатства премудрости и разума Божія (Рим. 11, 33.) испытуюя недоступныя и сокровенныя божественныя тайны, бывшія ему отъ Бога озаренія относительно уразумѣнія недоступнаго испытанію и изслѣдованію, поелику языкъ у него былъ безсильнѣе мысли, сообразно тому, какъ вмѣщаль слухъ пріемлющихъ его таинственное разумѣніе, представилъ при помощи нѣкоторыхъ гаданій, говоря столько, сколько могло выразить слово, служащее мысли. Ибо уразумѣвъ (о Богѣ) все, сколько можетъ вмѣстить человѣческая сила, говорить, что понятіе о превысшей Сущности не доступно и не постижимо для человѣческой мысли. По сему хотя и говорить объ усматриваемыхъ въ ней свойствахъ, мирѣ, силѣ, жизни, свѣтѣ, истинѣ и тому подобныхъ, но понятіе о ней самой почитаетъ совершенно непостижимымъ, утверждая, что Бога никто и не видѣлъ никогда, и видѣть не можетъ; ибо *Егоже, говорить, никтоже видѣлъ есть, ниже*

видѣти можетъ (1 Тим. 6, 16.). По сему, когда ища, какъ наименовать то, что не можетъ быть понято мыслию, не нашелъ соотвѣтствующаго имени для изъясненія непостижимаго; то превышающаго всякое благо, ни мыслимаго, ни выражаемаго достойно, наименовалъ Славою и Упостасію. Итакъ, превышающую все сущее сущность оставилъ безъ наименованія; а изъясняя родственность и нераздѣльность Сына со Отцемъ, и то, что Онъ безпредѣльно и вѣчно созерцается вмѣстѣ съ безпредѣльнымъ и вѣчнымъ Отцемъ, называетъ Его сіяніемъ славы и образомъ упостаси,—сіяніемъ указывая на родственность, а образомъ на равенство. Ибо мысль не допускаетъ никакой среды между сіяющимъ и изсіяваемымъ, ни какого либо уменьшенія въ образѣ, въ сравненіи съ упостасію имъ отображаемою. Но кто разумѣетъ естество сіяющее, конечно разумѣетъ при немъ и сіяніе его, и представляющій въ умѣ величіе упостаси, конечно соразмѣряетъ упостась съ являющимъ оную образомъ. По сему и называетъ Господа образомъ Божіимъ не съ тѣмъ, чтобы понятіемъ образа умалить Господа, но чтобы показать тѣмъ величіе Сына. такъ какъ усматриваемое величіе Отца нигдѣ не выходитъ за предѣлы собственнаго образа и не обрѣтается внѣ своего образа. Ибо нѣтъ въ Отцѣ ничего безобразнаго (*ἄμορφον*) и не-прекраснаго, чтобы не отражалось въ красотѣ

Осподъ: видѣвый Ме-
9.), означая симъ,

Какого либо, ни пре-

сать всяческая мало-

разрѣшаетъ симъ не-

отивыхъ изслѣдова-

которые стараясь рѣ-

тъ, нигдѣ не пола-

обопытству. Какъ, го-

овещнаго веществен-

нественнаго количе-

образъ, отъ невиди-

ельнаго ограничивае-

если въ простомъ и

ого качества, то откуда

своими качествами?

вопросы разрѣшаетъ

Слово всяческая носитъ

многа) изъ небытія въ

называютъ насъ обращать

какого происходить все

все приведено въ бытіе

то вполне необходимо

не сокрыго отъ знанія

существуемъ, отъ Кото-

Которому отходимъ. А

требуетъ, чтобы жизнь

бо, кто вѣруя, что

и въ Немъ (Рим.

сему

и Отца

ь ни у

тва.

ря же,

илы (Б

іе тѣ

непос

вопр

ь пред

ть он

ь? Ка

о, отъ

о пвѣ

е свои

сложн

сorget

зсѣ эт

апостол

11, 36.), осмѣлится сдѣлать свидѣтелемъ непристойной жизни Того, кто содержитъ въ себѣ жизнь каждаго?

Именуя же Господа *духовнымъ брашномъ и питіемъ* (1 Кор. 10, 16—21.), божественный апостолъ сказаннымъ даетъ разумѣть, что не единовидно человѣческое естество, но поелику (въ насъ) соединена разумность съ чувственностію, то для каждой изъ усматриваемыхъ въ насъ (сторонъ) есть особенная пища: чувственнымъ брашномъ поддерживается тѣло, а духовная пища даетъ намъ душевное здравіе. Но какъ въ тѣлѣ, твердая и жидкая пища взаимно смѣшанныя, сохраняютъ нашу природу, и та и другая растворившись вмѣстѣ, смѣшиваются съ каждою составленною изъ стихій частию тѣла; такимъ же образомъ, соотвѣтственно сему, раздѣляетъ Павелъ и разумную пищу, именуя брашномъ и питіемъ тотъ же самый предметъ, измѣняющійся соотвѣтственно нуждѣ пріемлющихъ. Ибо немощнымъ и слабымъ Онъ бываетъ хлѣбомъ, укрѣпляющимъ сердце человѣка: а истомленнымъ бѣдствіями сей жизни и отъ того содѣлавшимся жаждущимъ бываетъ виномъ веселящимъ сердце (Пс. 103, 15.). Подъ сказаннымъ же нужно разумѣть силу слова, которымъ питается душа соотвѣтственно потребностямъ, пріемля (проистекающую) отъ Него благодать, по загадочному изреченію пророка, который мѣстомъ злачнымъ

и водою покойною (Пс. 22, 2.) означаетъ утѣшеніе, словомъ подаваемое труждающимся. Если же кто, обращая вниманіе на таинство, скажетъ, что брашномъ и питіемъ собственно называется Господь, то и это не чуждо подлиннаго значенія; ибо *плоть Его истинно есть брашно и кровь Его истинно есть пиво* (Іоан. 6, 55.). Но при вышеизложенномъ разумѣніи, всѣмъ доступно пріобщеніе Слову, которое, будучи пріемлемо ищущими его, бываетъ брашномъ и питіемъ, предлагаемыми безразлично всѣмъ. А при другомъ разумѣніи, пріобщеніе этой пищѣ и питію бываетъ не безъ испытанія и различенія, послѣку апостолъ опредѣлилъ: *да искушаетъ каждый себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да пьетъ; ядый же и пійй недостойнъ, судъ себѣ ястъ и пьетъ* (1 Кор. 11, 28. 29.). Мнѣ кажется, что это именно имѣетъ въ виду евангелистъ, когда съ особеннымъ значеніемъ указываетъ на то, что во время таинственного страданія онъй благообразный совѣтникъ, обвинивъ тѣло Господа нескверною и чистою плащаницею, положилъ оное въ новомъ и чистомъ гробѣ (Лук. 23, 53.). Такимъ образомъ и повелѣніе апостола и замѣчаніе евангелиста служатъ для всѣхъ насъ закономъ, принимать святое тѣло чистою совѣстію; если же на насъ есть какое-либо пятно грѣха, то должно омыть его водою слезъ.

Христосъ именуется также *камнемъ* (1 Кор. 10, 4.); сіе имя требуетъ отъ насъ твердости и неуклонности въ добродѣтельной жизни, чтобы мы твердо переносили страданія и являли духъ крѣпкій и недоступный всякому прираженію грѣха. Чрезъ это и подобное и мы станемъ камнемъ, подражая сколько возможно, въ измѣнчивомъ естествѣ, неизмѣняемости и непрелагаемости Владыки.

Если же тотъ же Христосъ премудрымъ архитекторомъ (1 Кор. 3, 10.) именуется *основаніемъ въры и главою угла* (Еф. 2, 20. Лук. 20, 17.), то и это окажется не безцѣльнымъ для содѣйствія добродѣтельной жизни. Отсюда научаемся, что всякаго благаго рода жизни, всякой доброй науки и занятія, и начало и конецъ есть Господь. Ибо Онъ есть также, какъ и именуетъ его Павелъ, *упованіе* (1 Кор. 1, 7. 2 Кор. 1, 9. 10.), которое разумѣмъ какъ вершину, къ которой направляются всѣ усилія добродѣтельной жизни. И началомъ высокаго столпотворенія сей жизни бываетъ вѣра въ Него; на ней, какъ бы основаніе какое, полагаемъ начала жизни нашей и ежедневными упражненіями въ добрѣ дѣлаемъ себѣ закономъ чистыя мысли и дѣйствія; такимъ образомъ глава всего содѣлывается и нашею главою, стройно, какъ бы углами, соединяющею въ себѣ благообразно и въ чистотѣ возведенныя двѣ стѣны нашей жизни, — тѣлесную и духов-

ную. Если же въ какой-либо части зданія окажется недостатокъ, если напримѣръ съ чистотою души не будетъ соединяться благообразіе вѣшнихъ дѣлъ, или съ вѣшнею не будетъ совпадать душевная добродѣтель, то такой нецѣлостной жизни не будетъ главою Христосъ, который содѣлывается главою только зданія имѣющаго обѣ стѣны и угла, ибо не возможно быть углу безъ соединенія двухъ стѣнъ. Потому что тогда наше зданіе украсится красотою углового свода, когда наша двойственная жизнь, по той и другой сторонѣ слѣдуя образцу правильной жизни, будетъ стройно воздвигаться по прямой линіи, правильно и неуклонно, не имѣя въ себѣ ничего косога или искривленнаго.

Именуеть также Павелъ Христа *образомъ Бога невидимаго* (Колос. 1, 15.), *Богомъ надъ всеми и великимъ Богомъ*; ибо и такими названіями возвѣщаетъ величіе истиннаго Владыки, говоря: *великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. 2, 13) и: *отъ нѣхъ Христосъ по плоти, сый надъ всеми Богъ благословенъ во вѣки* (Рим. 9, 5.). Говоря это, сказаннымъ научаеть насъ, что Сущій всегда тѣмъ, что есть (а есть Онъ то, что знаетъ одинъ Сущій), хотя бы и вѣчно приближался къ Нему посредствомъ преуспѣянія мудрствующій горняя, навсегда въ той же степени (останется) превыше чловѣческаго уразумѣ-

нія. Итакъ сей, превысшій всякаго познанія и пониманія, неизреченный, неизглаголанный и невыразимый, чтобы снова содѣлать тебя образомъ Божиимъ и самъ по челоуѣколюбію содѣлывается образомъ Бога невидимаго. Своимъ образомъ, который принялъ, Онъ воображается въ тебѣ, чтобы чрезъ себя и тебя снова облечь красотою свойственною первообразу, дабы тебѣ быть тѣмъ, что былъ отъ начала. Такъ и мы, если желаемъ быть образомъ Бога невидимаго, должны видъ своей жизни сообразовать съ подлежащимъ намъ образцомъ жизни. Что же это значить? Живя во плоти, не жить по плоти (Рим. 8, 12.). Ибо и оный первообразный образъ невидимаго Бога, содѣлавшійся близкимъ къ намъ чрезъ рожденіе отъ Дѣвы, хотя искушенъ былъ по всяческому, по подобію челоуѣческаго естества, но не пріялъ одного только искушенія, — грѣха (Евр. 4, 15.); *иже, говоритъ Писаніе, грѣха не сотвори, ни обрѣтесе лѣсть во устъхъ Ею* (1 Петр. 2, 22). Такъ, если бы мы учились искусству живописи и учитель предложилъ намъ на картинѣ какой-либо прекрасно начертанный образъ, то конечно каждый бы (изъ насъ) долженъ былъ въ своемъ живописаніи подражать оному прекрасному (изображенію), чтобы картины всѣхъ украсились по подлежащему образцу красоты. Такимъ же точно образомъ, поелику каждый есть живо-

писецъ собственной жизни, а художникъ дѣла жизни есть свободная воля, краски же для воспроизведенія образа — добродѣтели, то не малая опасность, вмѣсто подражанія первообразной красотѣ, начертать какое-либо гнусное и безобразное лице, вмѣсто вида Владычняго грязными красками изобразивъ образъ порока. Но для изображенія красоты мы должны брать, сколько возможно, чистыя краски добродѣтелей, смѣшанныя между собою по правилу искусства, такъ, чтобы быть намъ образомъ Образа, чрезъ дѣятельное, сколь возможно, подражаніе отпечатлѣвая первообразную красоту, какъ дѣлалъ Павелъ, въ добродѣтельной жизни бывшій подражателемъ Христу (1 Кор. 11, 1.). А если нужно точно различить въ (нашемъ) словѣ, чѣмъ мы должны подражать образу, то первая краска—смирениомудріе; ибо *научитесь, говорить, отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѣ. 11, 29.). Вторая краска долготерпѣніе; что же изображаетъ оное въ образѣ невидимаго Бога? Мечъ и древо (креста), узы и бичеваніе, заушеніе ланитъ и оплеваніе лица, плечи предаваемые ранамъ, нечестивое судилище, жестокій приговоръ, войны поруганіемъ, насмѣшками и ударами тростию выражающіе радость о безчеловѣчномъ приговорѣ, гвозди, желчь и оцетъ и всѣ тяжкія муки, наносимыя Ему безъ вины, или лучше, воздаваемыя за многоразличныя

благодѣянія. Какое же мщеніе содѣлавшимъ это? *Отче, отпусти иль: не вѣдѣтъ бо что творятъ* (Лук. 23, 34.)! Развѣ невозможно было Ему низринуть на нихъ самое небо, или уничтожить оскорбителей зіяніемъ земли, или низринуть море изъ его предѣловъ и потопить землю пучиною, или наслать на нихъ содомскій огненный дождь, или своимъ повелѣніемъ совершить что либо иное жестокое? Но все это кротно и долготерпѣливо перенесъ, своимъ (примѣромъ) узаконившій долготерпѣніе для твоей жизни. Такъ и все прочее можно видѣть въ первообразномъ образѣ Бога, взирающій на который и по оному явственно украшающій свой образъ и самъ содѣлывается образомъ Бога невидимаго, живописуемымъ терпѣніемъ.

А кто знаетъ, что Христосъ есть глава церкви (Еф. 5, 23.), тотъ прежде всего пусть размыслить о томъ, что всякая глава имѣетъ одно естество и сущность съ подчиненнымъ ей тѣломъ, и что какъ бы сродство какое соединяетъ частные члены въ одно цѣлое, производя сочувствіе и согласіе цѣлаго съ частями. Поелику, если что нибудь находится внѣ тѣла, то это конечно чуждо и главѣ. Итакъ, сими словами Писаніе учитъ насъ, что чѣмъ есть по естеству Глава, тѣмъ должны быть и отдѣльные члены, чтобы быть родственными Главѣ. Мы же члены, составляющіе тѣло

Христово; ¹ итакъ, если кто, отъявъ членъ у Христа, сдѣлаетъ его членомъ блудницы (1 Кор. 6, 15.), тотъ взявъ необузданную похоть какъ бы какой мечъ, посредствомъ этой злой страсти, совершенно отдѣлитъ членъ отъ Главы. Такъ и прочія орудія зла бываютъ мечами, которыми отсѣкаются члены отъ тѣла, коему принадлежать, и всѣ отдѣляются отъ Главы, при чемъ страсти совершаютъ какъ бы отсѣченіе. Итакъ, чтобы тѣло пребывало цѣлымъ по своему естеству, необходимо, чтобы и отдѣльные члены были соединены съ Главою, будучи по существу своему вполне тѣмъ же, что и Глава. Если Главу разумѣемъ безсмертною и нетлѣнною, то конечно и члены должны сохраняться въ нетлѣніи. Такъ и другія понятія, которыя разумѣемъ о Главѣ, миръ, освященіе, истину и всѣ подобныя, какъ и слѣдуетъ, должны быть усматриваемы и въ членахъ. Ибо чрезъ Сына все это и подобное является въ членахъ, поелику апостолъ свидѣтельствуешь, что они имѣютъ естественную связь съ Главою, говоря такъ: *Онъ есть глава: изъ него же все тѣло составляемо и счиасно причинъ, всяцѣмъ осязаніемъ, по дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части, возвращеніе тѣла творитъ* (Ефес. 4, 15. 16.). Наименованіе главы должно научить насъ и тому еще, что какъ у животныхъ глава возбуждаетъ къ дѣятельности тѣло, чрезъ глазъ и слухъ сообщая направление

частнымъ движеніямъ, какъ-то движенію ногами и дѣйствованію руками (ибо если глазъ не будетъ надзирать за дѣйствіями или слухъ не будетъ принимать руководства, то не можетъ быть, какъ слѣдуетъ, исполнено какое либо подлежащее дѣло): такъ и въ насъ, — тѣмъ, всякое устремленіе и дѣйствіе должно направляться соотвѣтственно (указанію) истинной Главы, туда, куда укажетъ *Создавый око и Насажденъ ухо* (Пс. 93, 9.). Итакъ поелику глава зрѣтъ горѣ, то и члены конечно, соединенные съ главою, должны слѣдовать путеводительству главы и устремляться къ горнему.

Когда же слышимъ, что Христосъ есть *перворожденъ твари* (Кол. 1, 16.), *перворожденъ изъ мертвыхъ* (ст. 18.) и первородный во многихъ братіяхъ (Рим. 8, 29.), то во-первыхъ должны опровергнуть еретическія мнѣнія, такъ какъ въ вышеприведенныхъ реченіяхъ нѣтъ ничего, что бы говорило въ пользу ихъ превратнаго ученія. За симъ обратимъ вниманіе и на то, что сіи слова даютъ намъ пригоднаго для нравственной жизни. Поелику богоборцы говорятъ, что Единородный Богъ, Зиждатель всего, изъ Него же и Имъ же и въ Немъ же *всяческая* (Рим. 11, 36.), есть дѣло, тварь и созданіе Божіе, и посему полагають, онъ и называется перворожденнымъ всея твари, какъ бы собратомъ твари, имѣющимъ первенство предъ нею только по времени, какъ напримѣръ Рувимъ

не по естеству имѣть предпочтеніе предъ своими братьями, но первенствуетъ предъ ними старѣйшинствомъ по времени: то во-первыхъ на это должно сказать имъ, что одного и того же нельзя признавать и едиnorodнымъ и перворожденнымъ; ибо ни едиnorodнаго нельзя представлять съ братьями, ни первороднаго безъ братьевъ; (первородный) конечно и не есть едиnorodный и не называется имъ. Итакъ эти понятія несоединимы и несовмѣстимы взаимно въ одномъ и томъ же (лицѣ), такъ что невозможно одному и тому же именоваться двояко: и едиnorodнымъ и первороднымъ. Но Писаніе говоритъ о сущемъ въ началѣ Словъ, что Едиnorodный Богъ *перворожденъ* *всѣхъ твари*. Итакъ чтобы въ таинствахъ истины благочестиво отличить каждое изъ сихъ именъ, нужно сдѣлать такое различіе: предвѣчное Слово есть Едиnorodный, а Слово ставшее плотію—Первородный въ произшедшей послѣ сего во Христѣ, твари. И если мы узнаемъ, какая мысль соединяется съ названіемъ его перворожденнымъ изъ мертвыхъ и первороднымъ во многихъ братіяхъ, то по связи понятій поймемъ и то, почему онъ называется перворожденнымъ твари. Господь становится перворожденнымъ изъ мертвыхъ, содѣлавшись начаткомъ умершихъ (1 Кор. 15, 20.), чтобы плоти открыть путь къ воскресенію (1 Сол. 4, 14.). И намѣреваясь насъ, прежде бывшихъ

по естеству чадами гнѣва, чрезъ рожденіе свѣше водою и духомъ, содѣлать сынами дня и сынами свѣта, самъ предшествуетъ намъ въ таковомъ рожденіи, привлекая въ рѣкѣ Іорданѣ на начатокъ нашего естества благодать Духа, такъ чтобы всѣхъ родившихся въ жизнь чрезъ духовное возрожденіе содѣлать братіями Перворожденнаго водою и Духомъ. Такимъ же точно образомъ, и разумѣя Христа перворожденнымъ произшедшей въ Немъ твари, не будемъ далеки отъ благочестиваго пониманія. Поелику древняя тварь прешла, содѣлавшись непотребною чрезъ грѣхъ; то, по прошествіи того, что уничтожено, необходимо явилась новая живая тварь, образующаяся чрезъ возрожденіе и воскресеніе изъ мертвыхъ, Начало-вождь которой, положившій начало жизни, содѣлывается и именуется перворожденнымъ жизни. Въ немногомъ сказанномъ нами, внимательные удобно найдутъ все, что нужно для опроверженія противниковъ и для защиты истины. А сколько сіи реченія оказываются пригодными для добродѣтельной жизни, объ этомъ коротко разсудимъ.

Рувимъ былъ первороднымъ между родившимися послѣ него; о родствѣ съ нимъ родившихся послѣ него, свидѣтельствовали внѣшнія ихъ черты и сходство съ первороднымъ, такъ что братство ихъ, о которомъ свидѣтельствовало подобіе по виду, не могло быть не

признаннымъ. Итакъ если и мы, чрезъ однородное возрожденіе водою и духомъ, содѣлались братіями Господа, ради насъ ставшаго перворожденнымъ во многихъ братіяхъ, то слѣдуетъ и намъ, въ чертахъ своей жизни выражать родство съ Нимъ, поелику Первороденный твари пріялъ на себя образъ нашей жизни. Какія же черты въ ономъ образѣ указываетъ Писаніе? Они состоятъ, какъ многократно говорили мы, въ томъ, что Онъ *чръха не сотвори, ниже обрътесе лествъ во устьѣхъ его* (1 Петр. 2, 22.).

Итакъ если мы намѣрены принять на себя званіе братій Предшественника нашего въ рожденіи, то должны завѣрять о своемъ родствѣ съ Нимъ безгрѣшностію нашей жизни, такъ чтобы никакая скверна не отдѣляла насъ отъ единенія съ чистотою. Но перворожденный есть и правда и освященіе и любовь и избавленіе и тому подобное; итакъ если и всего сего черты будутъ выражаться въ нашей жизни, то мы представимъ ясные признаки нашего высокаго рода, такъ что каждый, видя эти черты въ нашей жизни, засвидѣтельствуетъ наше братство со Христомъ. Ибо Онъ отверзъ намъ дверь воскресенія и тѣмъ содѣлался начаткомъ умершихъ (1 Кор. 15, 20.); а что всѣ мы возстанемъ *вскорѣ, во линовеніи ока, въ послѣдней трубѣ* (1 Кор. 15, 52.), это Онъ доказалъ тѣмъ, что содѣлалъ какъ съ самимъ собою,

такъ и съ прочими, надъ коими владычествовала смерть.

Въ будущей же жизни не одинаковое состояніе ожидаетъ всѣхъ возставшихъ изъ праха земнаго, но пойдѣмъ, говоритъ Писаніе, *сотвориши блага въ воскресеніи живота: а сотвориши зла въ воскресеніи суда* (Іоан. 5, 29.). Посему, если чья жизнь ведетъ къ оному страшному осужденію; таковой, хотя бы ему и случилось быть причисленнымъ чрезъ рожденіе свыше къ братіямъ Господа, ложно носить это имя, чрезъ отображеніе въ себѣ зла отрицаясь родства съ Перворожденнымъ. Ибо Посредникъ между Богомъ и людьми (1 Тим. 2, 5.), соединившій собою съ Богомъ человѣчество, соединяетъ только то, что достойно соединенія съ Богомъ. Потому что, какъ Онъ въ себѣ силою Божества соединилъ съ собою человѣка, хотя и принадлежащаго какъ часть къ естеству общему всѣмъ, но не подпавшаго влекущимъ ко грѣху страстямъ (ибо *грѣха*, говоритъ Писаніе, *не сотвори, ниже обрѣтѣся лѣсть во устѣхъ его* (1 Петр. 2, 22.)), такъ и въ единеніе съ Божествомъ приведетъ каждого, кто только не привнесетъ ничего недостойнаго соединенія съ Божествомъ. Но если кто будетъ истинно храмомъ Божиимъ, не заключающимъ въ себѣ никакого идола и изваянія зла; тотъ будетъ принять Посредникомъ въ общеніе съ Божествомъ, будучи чистымъ для

воспріятія Его чистоты. Ибо, ни въ *злочудожную душу* не *внидетъ премудрость*, какъ говоритъ слово Божіе (Прем. 1, 4), ни чистый сердцемъ не увидитъ въ себѣ чего либо инаго кромѣ Бога; онъ, прильпившись къ Богу нетлѣніемъ, воспріять внутрь себя все благое царство. Наши слова будутъ яснѣе, если мы для объясненія сказаннаго будемъ имѣть также въ виду слова Господа, обращенныя къ апостоламъ чрезъ Марію: *восхожду, говоритъ Онъ, ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17.). Такъ говоритъ Посредникъ между Отцемъ и отверженными Имъ, примирившій собою враговъ Божіихъ съ истиннымъ и единымъ Божествомъ. Такъ какъ, по слову пророческому, люди чрезъ грѣхъ *отчуждишася отъ ложеснъ и заблудиша отъ чрева*, въ которомъ образовались, и вмѣсто истины *многолаша лжу* (Пс. 57, 4.), то посему (Господь) воспріять начатокъ общаго намъ естества, по душѣ и тѣлу, содѣлавъ оный святымъ, сохранивъ его въ себѣ чистымъ и недоступнымъ всякому злу, дабы чрезъ нетлѣніе вознести оный ко Отцу нетлѣнія, чрезъ оный привлечь вмѣстѣ и все сродное и родственное ему по естеству, отверженныхъ пріять въ усыновленіе и враговъ Божіихъ въ общеніе съ Его Божествомъ. Посему какъ начатокъ примѣшенія (Рим. 11, 16.) чистотою и безстрастіемъ соединился съ истиннымъ Отцемъ

и Богомъ; такъ и мы, смѣшеніе, подобными же путями прилѣпимся къ Отцу нетлѣнія, подражая сколько возможно безстрастію и неизмѣняемости Посредника. Такимъ образомъ мы будемъ для Единороднаго Бога вѣнцемъ изъ драгоцѣнныхъ камней, ставъ посредствомъ (нашей) жизни (Его) честію и славою. Ибо Павелъ говоритъ, по причинѣ страданія смертнаго, *умалил еси его малымъ ничимъ отъ Ангелъ* (Евр. 2, 7.). Измѣнившихъ древле чрезъ грѣхъ свое естество въ тернъ, по домостроительству смерти содѣлалъ себѣ вѣнцемъ, чрезъ страданіе претворивъ тернъ въ честь и славу. Итакъ поелику (Господь) единожды взявъ грѣхъ міра и воспріялъ на главу вѣнецъ изъ терній, дабы содѣлать его вѣнцемъ соплетеннымъ изъ чести и славы, то не малая опасность для того, кто худою жизнію окажется волчцемъ и терніемъ, вставленнымъ, по причинѣ общности съ Нимъ по тѣлу, въ средину Владычняго вѣнца. Таковый конечно услышитъ справедливый гласъ: *како вшелъ еси съмо не илий одѣянїя брачна* (Матѣ. 22, 12.). Какъ будучи терномъ впелся въ среду тѣхъ, кои славою и честію слагають мой вѣнецъ? *Кое согласіе Христови съ Веліаромъ? Кая часть вѣрну съ неврныи? Кое общеніе свѣту ко тмѣ?* (2 Кор. 6, 14—16.).

Итакъ, чтобы наша жизнь не призвала нѣкогда на насъ сихъ словъ, должно во все

продолженіе жизни нашей стараться отвергать всякое терноподобное дѣло, слово и мысль, дабы, по чистотѣ и безстрастности жизни ставъ честію и славою, увѣнчать собою Главу всего, будучи для Владыки какъ бы какою драгоценностію и сокровищемъ. Ибо Господь славы (1 Кор. 2, 8.) не можетъ быть и именоваться Господомъ чего-либо безславнаго. Итакъ, чуждый всего гнуснаго и сквернаго, какъ по сокровенному такъ и по виѣшнему человѣку, содѣлаетъ своимъ Владыкою того, кто есть и называется Господомъ славы, а не безславія.

Христосъ есть также *начатокъ* (Колос. 1, 18.). Начало всякаго предмета не чуждо тому, что слѣдуетъ за нимъ. Если кто сталъ бы утверждать, что начало есть жизнь, то конечно жизнию будетъ и то, что разумѣется слѣдующимъ за началомъ; и если начало свѣтъ, то свѣтомъ будетъ признаваемо и то, что за нимъ. Итакъ, чему полезному научаетъ насъ вѣра, что Онъ есть *начатокъ*? Быть намъ такими, каковъ, какъ вѣруемъ, есть нашъ Начатокъ. Ибо свѣтъ не именуется началомъ тмы и когда въ началѣ стоитъ жизнь, продолженіе жизни нельзя представлять смертію. Посему, если кто не имѣетъ сродства съ тѣмъ, что въ началѣ, не соединяясь съ Начаткомъ безстрастіемъ и добродѣтелью, для того не бываетъ началомъ Начатокъ сущаго. Для темной

жизни начало — міродержитель тмы; для смертоносного грѣха — имѣющій державу смерти. Итакъ порочною жизнію подчинившій себя началу тмы не можетъ называть своимъ начаткомъ Начало всякаго блага.

Изслѣдующіе божественныя реченія для собственнаго блага, ту же самую мысль найдутъ и въ именованіи Христа *Царемъ правды и мира* (Евр. 2, 7.). Ибо молящійся по ученію молитвы: *да прійдетъ* на него *царствіе* Божіе (Матѣ. 6, 10.), зная, что истинный царь есть Царь правды и мира, конечно въ собственной жизни явитъ правду и миръ, чтобы воцарился, какъ проситъ онъ, Царь правды и мира. Всѣ добродѣтели должно почитать воинствомъ сего Царя; ибо подъ именемъ правды и мира, думаю, должно разумѣть всѣ добродѣтели. Итакъ, если кто, бѣжавъ изъ воинства царя, помѣстится въ строй иноплеменниковъ, ставъ ратникомъ изобрѣтателя зла, совлекши съ себя панцырь правды и все вооруженіе мира; то какъ такой будетъ считаться въ рядахъ Царя мира, ставъ бѣглецомъ отъ истины? Очевидно, знакъ на его вооруженіи покажетъ, кто царствуетъ надъ нимъ; какъ бы въ изображеніи, начертанномъ на оружіи его, вождь отобразится въ свойствахъ его жизни. Посему блаженъ тотъ, кто стоитъ въ рядахъ божественнаго воинства и находится въ стрѣхъ исчисляемыхъ тысящами (Апок. 7, 4—9.) и вооружился

противъ зла добродѣтелями, которыя знаменуютъ образъ царя на томъ, кто облекся ими.

Но нужно ли простираť слово наше далѣе, по порядку предлагая для изслѣдованія, всѣ реченія, коими изъясняется имя: Христось, и которыя могутъ руководить насъ къ добродѣтельной жизни, такъ какъ каждое имя собственнымъ себѣ значеніемъ конечно содѣйствуетъ къ усовершенствованію жизни? Думаю, хорошо будетъ припомнить и совокупить въ памяти все сказанное нами, чтобы оно было для насъ нѣкоторымъ руководствомъ для той цѣли слова, которую въ началѣ предположили, спрашивая: какъ можно достигнуть своего совершенства? Думаю, если кто всегда будетъ имѣть въ мысли, что онъ есть общникъ достойнаго имени, нося по ученію апостоловъ названіе: христіанинъ, тотъ по необходимости выразитъ въ себѣ силу и всѣхъ именъ, подъ коими разумѣется Христось, ставъ своею жизнію общникомъ cadaго наименованія.

Скажу такъ: три характеристическихъ принадлежности жизни христіанина: дѣйствіе, слово, образъ мыслей. Началомъ всякаго слова служить мысль; второе же мѣсто послѣ образа мыслей занимаетъ слово, выражающее звукомъ напечатлѣнную въ душѣ мысль; третіе же мѣсто послѣ ума и слова принадлежитъ дѣятельности, которая мыслимое переводитъ въ дѣло. Итакъ, поелику жизнь наша послѣдовательно

дымъ изъ сихъ преступленій измѣняя свою жизнью Тому, Кто заключаетъ въ себѣ всѣ сѣи совершенства. Итакъ, что должно дѣлать тому, кто удостоенъ именоваться великимъ именемъ Христовымъ? Что иное, какъ не тщательно различать въ себѣ мысли и слова и дѣла, относится ли каждое изъ нихъ ко Христу или чуждо Христу? А такое различіе очень удобно. Ибо что совершается или мыслится или говорится подъ вліяніемъ какой-либо страсти, то совершенно чуждо Христу и носитъ на себѣ черты противника, который страстями, какъ бы грязью пачкая жемчужину души, портитъ блескъ драгоцѣннаго камня. А чистое отъ всякаго страстнаго расположенія имѣетъ отношеніе къ Началовождю безстрастія, который есть Христосъ; кто изъ Него, какъ изъ чистаго и открытаго источника почерпаетъ для себя мысли, у того окажется такое сходство съ первообразомъ, какое у воды струящейся въ источникѣ, съ водою, которая оттуда налита въ сосудъ. Ибо одинакова по естеству чистота, усматривается ли она во Христѣ или въ томъ, кто пріобщается Ему. Христосъ источаетъ, а пріобщающійся почерпаетъ, переводя въ жизнь красоту (заключающуюся) въ мысляхъ; такъ что происходитъ согласіе внутренняго чловѣка со внѣшнимъ, какъ скоро благовидность жизни совпадаетъ съ направлениемъ мыслей по Христу. !

Итакъ въ томъ состоитъ, по моему сужде-
 нію, совершенство христіанской жизни, чтобы
 со всѣми именами, выражающими значеніе
 имени Христось, имѣть общеніе душею и
 словомъ и образомъ жизни, такъ чтобы, по
 благожеланію Павла, на насъ постоянно сохра-
 нялось во всей полнотѣ, безъ всякой примѣси
 зла, освященіе во всецѣломъ тѣлѣ и душѣ и
 духѣ (1 Сол. 5, 23.). Если же кто скажетъ, что
 это неудобоисполнимо, поелику одинъ Господь
 твари неизмѣняемъ, а человѣческое естество
 измѣнчиво и склонно къ переменамъ; посему,
 едвали возможно въ измѣнчивомъ ествѣ до-
 стиженіе твердости и неизмѣнности въ добрѣ;
 то на эти слова мы скажемъ, что никто не мо-
 жетъ быть увѣнчанъ, если не законно будетъ
 подвизаться (2 Тим. 2, 9.); а не можетъ быть
 законнаго подвига, если нѣтъ противоборству-
 ющаго. Итакъ если бы не было противника,
 не было бы и вѣнца; побѣда сама собою не
 существуетъ, если нѣтъ побѣждаемаго. Итакъ,
 мы подвизаемся противъ самой измѣнчивости
 нашего естества, мысленно борясь съ нею
 какъ бы съ какимъ противникомъ, не ниспро-
 верженіемъ ея достигая побѣды, но не попу-
 щеніемъ ей пастъ. Ибо не къ одному только
 злу направлена измѣняемость человѣка (невоз-
 можно было бы ему пребывать въ добрѣ, если
 бы по природѣ онъ имѣлъ склонность къ одно-
 му только тому, что противно добру); но из-

мѣняемость производить и прекраснѣйшее дѣло, — возрастаніе въ добрѣ, когда хорошо измѣняющагося измѣняемость къ лучшему постоянно приближаетъ къ Божеству. Итакъ, слова наши показываютъ, что кажущееся страшнымъ (говорю о измѣнчивости нашего естества) есть какъ бы нѣкоторое крыло для воспаренія къ большому и большому, такъ что было бы даже вредомъ для насъ, если бы наша природа не допускала измѣняемости къ лучшему. Итакъ не скорби, видя въ своей природѣ склонность къ измѣненію; но непременно измѣняясь къ лучшему и преобразуясь отъ славы въ славу, такъ перемѣняйся, чтобы посредствомъ всегдашняго приращенія постоянно становиться лучшимъ, всегда усовершеншаться и никогда не доходить до предѣла въ совершенствѣ. Ибо истинное совершенство и состоитъ въ томъ, чтобы никогда не останавливаться въ приращеніи къ лучшему и не ограничивать совершенства какимъ либо предѣломъ.

О ЦѢЛИ (ЖИЗНИ) ПО БОГѢ; ОБЪ ИСТИННОМЪ
ПОДВИЖНИЧЕСТВѢ; ОТВѢТЪ ПОДВИЖНИКАМЪ,
СПРАШИВАВШИМЪ О ЦѢЛИ БЛАГОЧЕСТІЯ, И
НАЧЕРТАНІЕ, КАКЪ ЖИТЬ И ПОДВИЗАТЬСЯ ВЪ
ОБЩЕСТВѢ.

Если кто, хотя немного, отрѣшивъ свой разумъ отъ тѣла и ставъ чуждъ рабству страстямъ и неразсудительности, ясною и проникающею мыслию взглянетъ на свою душу, тотъ въ естествѣ ея во всей чистотѣ увидитъ любовь Божію къ намъ и намѣреніе, какое Онъ имѣлъ при созданіи ея. Ибо разсматривая ее такимъ образомъ, онъ найдетъ, что съ самою сущностію и природою челоуѣка соединено стремленіе желанія къ добру и совершенству, и что съ самымъ естествомъ его сопряжена безстрастная и блаженная любовь къ тому умопостигаемому и блаженному Образу, котораго челоуѣкъ есть подобіе. Но нѣкое блужданіе сихъ видимыхъ и вѣчно текущихъ вещей, посредствомъ неразумной страсти и горькаго удовольствія обольщая и очаровывая небрежную и нерадивую отъ безпечности душу,

влечетъ ее къ тяжкому пороку, раждающемуся отъ удовольствій жизни и раждающему смерть для своихъ любителей. По сему, благодать Спасителя нашего даровала любовію приѣмлющимъ, познаніе истины, какъ спасительное врачество душамъ, имъ разрушается обольщеніе чарующее челоѡка, угашается безчестное мудрованіе плоти, когда душа пріѣвшая единеніе, свѣтомъ истины путеводится къ Божеству и собственному спасенію! Итакъ, кто намѣренъ душу и тѣло по закону благочестія привести Богу и воздавать Ему непорочное и чистое служеніе, тотъ, содѣлавъ руководительницею жизни благочестивую вѣру, которую возглашаютъ по всему Писанію уста святыхъ, съ довѣрчивою и послушною душею, долженъ предаться теченію добродѣтели, отрѣшивъ себя отъ узъ жизни, всецѣло и единственно предавъ себя вѣрѣ и жизни Божіей, ясно зная, что въ комъ благочестивая вѣра и непорочная жизнь, тому присуща и сила Христова, а въ комъ Христова сила, отъ того бѣжитъ зло. Велико, истинно велико святое крещеніе для приѣмлющихъ оное со страхомъ, въ дѣлѣ стяжанія умопостигаемыхъ благъ. Ибо богатый и независтный Духъ, присно текущій для всѣхъ пріѣвшихъ благодать, исполненные которою святые апостолы явили Христовымъ церквамъ плоды полноты,—сей Духъ, для всѣхъ искренно пріѣвшихъ даръ, по мѣрѣ вѣры каждого изъ

пріемлющихъ , пребываетъ помощникомъ и сожителемъ, создавая въ каждомъ все благое для споспѣшествованія душѣ въ дѣлахъ вѣры. Итакъ, каждый изъ насъ, чрезъ преуспѣяніе въ добродѣтели, долженъ доводить себя до мѣры возраста мужа совершеннаго, по слову апостола: *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе въпри и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13.). Приращеніе тѣла въ его возрастаніи нисколько не зависитъ отъ насъ; ибо природа не соразмѣряетъ величины (тѣла) съ мыслию и желаніемъ человѣка, но съ своими стремленіями и необходимыми законами. А въ обновленномъ рожденіи, мѣра и красота души, даруемая благодатію Духа по мѣрѣ заботы о томъ воспріемлющихъ оную, зависятъ отъ нашего желанія; ибо до какой мѣры простираемъ подвиги благочестивой жизни, до такой мѣры вмѣстѣ съ ними простирается и величіе души. И вѣчную жизнь и неизреченную радость на небесахъ даетъ благодать Духа ; а достоинство принять даръ и вкусить благодать получаетъ любовь по вѣрѣ трудами.

Достигнувъ до сего, правда дѣлъ и благодать Духа взаимно исполняютъ блаженною жизнію душу, въ коей стеклись; находясь же въ разъединеніи другъ съ другомъ, не доставляютъ никакой пользы душѣ. Ибо какъ благодать Божія не можетъ привитъ въ душахъ бѣгущихъ

спасенія; такъ и сила человѣческой добродѣтели сама по себѣ недостаточна, чтобы души непричастныя благодати возвести къ (совершенному) виду жизни: *еще не Господь созидаетъ домъ и сохранитъ градъ, все* (Пс. 126, 1.) трудятся (заботящіеся) о томъ; отсюда научаемся, что не должно думать, будто вѣнecъ всецѣло зависить отъ человѣческихъ стараній, но надежду достигнуть онаго должно возлагать на волю Божию. А воля Божія состоитъ въ томъ, чтобы очистить душу благодатию, и чистою привести ее къ Богу; ибо такихъ ублажаетъ Господь, говоря: *блаженн чистѣи сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8.). Видишь ли награду за чистоту? Видѣть Бога, въ какой мѣрѣ доступно намъ,—что можетъ быть лучше сего? Посему и Давидъ проситъ сего, говоря: *буди сердце мое непорочно во оправданіихъ Твоихъ, яко да не постыжуся* (Пс. 118, 80.); повелѣваетъ бояться постыднаго и отлагать оное какъ оскверненную одежду. Еще говорить: *тогда не постыжуся, внида призрѣти ми на вся заповѣди Твоя* (ст. 4.); ибо въ исполненіи заповѣдей Духъ полагаетъ дерзновеніе. И опять: *сердце чисто созиди во мнѣ Боже, и: духомъ владычнмъ утверди мя* (Пс. 50, 12. 14.). А въ другомъ мѣстѣ спрашиваетъ: *кто въздетъ на гору Господню?* За тѣмъ отвѣчаетъ: *неповиненъ руками и чистъ сердцемъ* (Пс. 23, 3. 4.). Желаящему сблизиться съ кѣмъ нибудь, должно подражать

его нраву; такъ и душѣ желающей быть невѣстою Христа необходимо уподобляться по возможности красотѣ Христовой. Душа, намѣревающаяся возлетѣть къ Божеству и прилѣпиться Христу, должна изгнать изъ себя всякій грѣхъ,—разумѣю кражу и хищничество, прелюбодѣяніе и корыстолюбіе и блудъ и болѣзнь языка и всѣ роды прегрѣшеній, какъ явныхъ такъ и тайныхъ, каковы напримѣръ: зависть, невѣріе, злонавіе, обманъ и весь потаенный рой пороковъ, которые какъ и явный родъ грѣховъ равно ненавидитъ Писаніе и гнушается ими. Чьи кости *разсыпа* Господь? не *человѣкоугодниковъ* ли (Пс. 52, 6.)? Кѣмъ гнушается Господь, какъ преступникомъ и убійцею? не можемъ ли лживымъ и коварнымъ? Ибо *мужа кровей и лстива гнушается Господь* (Пс. 5, 7.). Не явно ли Давидъ предаетъ проклятію глаголющихъ *лиръ съ ближними своими, злая же въ сердцахъ своихъ* (Пс. 27, 3.)? Посему и заповѣдано намъ не гонягся за похвалами людей и не стыдиться безчестія отъ нихъ: ибо всѣхъ дѣлающихъ какое либо доброе дѣло напоказъ Писаніе лишаетъ награды на небесахъ, какъ получающихъ хвалу здѣсь, отъ людей (Матѹ. 6, 1.).

Но скажешь: какъ же Господь говоритъ: *такѡ да просвѣтитсѧ свѣтъ вашъ предъ челоѡвѣки, яко да видѧтъ ваша добрая дѣла, и прославѧтъ Отца вашего, иже на небесехъ* (Матѹ. 5, 16.)? На это

отвѣчу тебѣ: слово Божіе повелѣваетъ послѣдующему заповѣдямъ Божиимъ все, что бы онъ ни дѣлалъ, дѣлать имѣя въ виду Его одного и Ему единому угождать, не гоняясь ни за какою славою отъ людей, но бѣгая похвалъ отъ нихъ и тщеславія, всего себя являть жизнію и дѣлами, дабы зрители ихъ,—не сказалъ Господь: подивились старающемуся выказать себя, но—прославили *Отца вашего, иже на небесахъ*. Ибо къ Тому повелѣваетъ относить всякую славу, и по Того волѣ совершать всякое дѣло, у котораго отложена и награда за добрыя дѣла. Стремись къ горнимъ похваламъ, говоря съ Давидомъ: *отъ Тебе похвала моя* (Пс. 21, 26.), и: *о Господь похвалится душа моя* (Пс. 33, 3.). Желаящаго чести здѣсь, Господь причисляетъ къ невѣрнымъ: *како, говоритъ, вы можете въровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единого Бога, не ищите* (Іоан. 5, 44.).

Къ неявнымъ грѣхамъ принадлежитъ и ненависть. Послушай Господа, который говоритъ: *ненавидѣй брата своего челоѡькоубійца есть; и: въсте, яко всякъ челоѡькоубійца не имать живота вѣчнаго* (1 Іоан. 3, 15.). Итакъ того, кто ненавидитъ брата, извергаетъ изъ жизни, какъ челоѡькоубійцу. А о томъ, что нѣтъ никакого различія между внутри сокрытыми и явными пороками, послушай апостола, который говоритъ: *якоже не искусиша ильти Бога въ разумъ,*

*предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная, исполненныхъ всякія неправды, блужденія, лукавства, лихоиманія, злобы: исполненныхъ зависти, убійства, рвенія, лсти, злонравія: шепотники, клеветники, богомерзки, досадители, величавы, горды, обрътатели злыхъ, родителемъ непокоривы, неразумны, непримирительны, нелюбовны, неклетвохранительны, немилостивы. Нпыи же и оправданіе Божіе разумѣше, яко таковая творящїи достойни смерти суть.... (Рим. 1, 28—32.). Видишь, какъ злонравіе и самохвальство и обманъ и прочіе тайные пороки (апостолъ) поставилъ на ряду съ убійствомъ и корыстолюбіемъ и тому подобнымъ. Сокрытые въ душѣ пороки столь злы и неудобоищѣлимы, что однимъ человѣческимъ стараніемъ и добродѣтелью, безъ прїятія на помощь силы Духа, уничтожить и изгнать ихъ невозможно. Посему и Давидъ говоритъ: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждыхъ пощуди раба Твоего* (Пс. 18, 13. 14.). Ибо изъ двухъ частей состоитъ единый человѣкъ, изъ души и тѣла; тѣло внѣ его, а жизнь души есть внутренняя. Итакъ человѣку нужно бодрствовать надъ тѣмъ, что внѣ его, наблюдая, чтобы какое либо опасное прегрѣшеніе прившедши въ душу, не поколебало и не растлило ея. Таковому угрожаетъ и апостолъ, говоря: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Кор. 3, 5). Внутренняго*

же (человѣка) должно охранять со всею бдительностію, чтобы какая нибудь злая мысль, возникнувъ откуда-то изъ глубины и растливъ помыслъ благочестія, не поработила душу, исполнивъ оную тайно расторгающими ее страстями. Не сопрягай, говоритъ блаженный Моисей, на гунѣ твоемъ животныхъ различныхъ вмѣстѣ, какъ-то вола и осла, и не соединяй въ ткани одежды шерсти со льномъ (Втор. 22, 10. 11.); не воздѣлывай на полѣ земли твоей двухъ родовъ хлѣба вмѣстѣ и дважды въ тотъ же годъ (Левит. 19, 19.); не совокупляй инородное животное съ другимъ для приплода (Втор. 22, 9.).

Что значать сіи загадочныя реченія? Что не должно въ той же душѣ насаждать вмѣстѣ порока и добродѣтели. Какая дружба можетъ быть между цѣломудріемъ и невоздержаніемъ? Какое единомысліе между правдою и неправдою? Одно всегда должно уступать другому. И такъ мудрый землѣделецъ долженъ, какъ бы изъ годнаго для питья и благаго источника, источать чистыя струи жизни, зная одно земледѣланіе Божіе, и надъ нимъ трудясь всю жизнь, дабы, если и прорастетъ въ тайникѣ добродѣтели какой либо чуждый помыслъ, Всевидящій видя твои труды, своею силою въ скорости истребилъ сокрытый корень помысловъ прежде произрастанія. Ибо не можетъ обмануться въ надеждѣ или остаться безъ отмщенія тотъ,

кто постоянно прибѣгаетъ къ Богу. Если евангельская вдовица, которую привела къ нечеловѣколюбивому судѣ великость обиды, посредствомъ великаго труда и постоянства въ прошеніи побѣдивъ нравъ судьи, вызвала отмщеніе обидѣвшему ее (Лук. 18, 2—9); то и ты молясь, не получишь отказа. Если ея неотступность въ прошеніи, склонила немпостиваго начальника, то какъ можемъ мы отказываться отъ жизни по Богѣ, коего милость, какъ знаешь, часто предваряетъ прошеніе. *Реснуйте, говоритъ апостолъ, дарованій большихъ; и еще по превосхожденію путь вамъ показую. Аще языки человѣческими малою и ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко плѣть звѣящая, или кимвалъ звѣчающій (1 Кор. 12, 31; 13, 1.). А въ чемъ состоитъ преимущество любви, объясняетъ такъ: любви не завидитъ: любви не превозносятся, не юрдится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся покрываетъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ; любви никоимъ же отпадаетъ (1 Кор. 13, 4—9.).* Что это значитъ? Если кто, хотя и получилъ другія дарованія, которыя сообщаетъ Духъ (говорю о иностранныхъ языкахъ, пророчествѣ, знаніи и дарованіяхъ исцѣленій), но еще не освободился чисто, помощію Духа, отъ внутреннихъ удручающихъ его страстей, тотъ еще не принялъ

окончательнаго врачевства спасенія; онъ находится еще въ опасности паденія, не имѣя любви укрѣпляющей и утверждающей въ постоянствѣ добродѣтели. Итакъ, когда низойдетъ къ тебѣ оное богатство просимаго, тогда будь нищъ мыслию, всегда припадая и ожидая для души блага любви, какъ бы какого украшенія сокровищу благодати, и подвизаясь противъ всякой страсти, пока не достигнешь цѣли благочестія. Опять апостолъ говоритъ: *аще кто во Христѣ нова тварь: древняя мимоидоша* (2 Кор. 5, 17.). Новою тварію называетъ вселеніе Святаго Духа въ чистомъ и непорочномъ сердцѣ, свободномъ отъ всякаго зла, лукавства и всего постыднаго. Ибо какъ скоро душа возненавидитъ грѣхъ, усвоитъ себѣ по возможности добродѣтельный образъ жизни и приметъ въ себя благодать Духа, претворивъ оную въ жизнь, то она станетъ всецѣло новою и возсозданною. И слова апостола: *очистите ветхій квасъ, да будете ново смѣшеніе; и да празднуемъ не въ квасъ ветсъ, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. 5, 7. 8.), согласны съ сказаннымъ о новой твари. Много сѣтей ставитъ душѣ искушитель; человѣческая же природа сама по себѣ слаба для побѣды надъ нимъ. Посему апостолъ и повелѣваетъ намъ вооружить члены небеснымъ оружіемъ, бронею правды, говоря: *облекитесь и обуйте нозы во уготованіе мира и препояшьте чресла исти-*

ною; надѣ всѣми же воспріимше цитѣ вѣры, въ немъ же возможете вся стрѣлы лукаваго разженныя (то есть необузданныя страсти) *угасити* (Еф. 6, 13—17.). Повелѣваетъ также воспріять и шлемъ спасенія и святыи мечъ Духа (ст. 18.); мечемъ именуется слово въ силѣ Божіей, коимъ вооруживъ десницу души, должно сокрушать козни врага. Видишь, сколько способовъ спасенія, направленныхъ къ одному предмету и къ одной цѣли, указалъ тебѣ апостолъ; при помощи ихъ удобно совершается теченіе жизни къ вершинѣ заповѣдей Божіихъ.

Такова цѣль благочестія. Посвятившимъ себя любомудрію должно точно знать ее, чтобы всѣмъ отвергнуть высокомѣріе и не думать много о своихъ успѣхахъ, но отвергшись своей души съ жизнію, взирать на единое богатство, которое какъ награду за любовь во Христѣ даровалъ Богъ любящимъ, какъ говорить тотъ же апостолъ: *терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвижъ: взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса* (Евр. 12, 1.). Итакъ не станемъ превозноситься дарованіями Духа и какой либо успѣхъ въ добродѣтели дѣлать поводомъ къ самомнѣнію и гордости, прежде достиженія конца уповаемаго, дабы не лишиться того, къ чему стремимся, высокомеріемъ сдѣлавъ бесполезнымъ для себя предыдущій трудъ и оказавшись недостойными того совершенства, къ которому влекла насъ

благодать Духа. Въ томъ состоитъ великое совершенство любомудрія, чтобы будучи великимъ.... (смиряться).... ^(а) сердцемъ и осуждать свою жизнь, не полагая въ своей совѣсти, будто содѣлали что либо достойное Бога.

Думаю, что для рѣшившихся жить по правиламъ любомудрія, въ надеждѣ (достиженія) цѣли, сказано достаточно. Къ сказанному наконецъ должно присовокупить (наставленіе) и о томъ, какъ таковымъ должно жить вмѣстѣ другъ съ другомъ, какъ вмѣстѣ стремиться, пока не достигнутъ горняго града. Итакъ искренно презрѣвшій все цѣнимое въ сей жизни и отвергшійся всякой дольней славы долженъ вмѣстѣ съ жизнію отвергнуться и собственной души. Отверженіе же души состоитъ въ томъ, чтобы никакъ не искать своей воли, но воли Божіей, и подчиняться ей какъ благому кормчему, который общую совокупность братства съ единомысліемъ направляетъ къ пристани божественной воли, и не имѣть никакой собственности кромѣ общей, исключая одежды покрывающей тѣло. Ибо при этомъ будетъ больше готовности, усердно съ удовольствіемъ и надеждою исполнять приказанія предстоятелей, какъ (слѣдуетъ) рабу Христову и искупленному для служенія всѣмъ братіямъ. Сего хочетъ и

(а) Здѣсь въ изданіи твореній св. Григорія находится пропускъ.

Господь, говоря: кто хочет быть между вами первымъ и великимъ, *да будетъ всъмъ меньшій и всъмъ рабъ* (Марк. 9, 34.). Рабство же это должно быть безмезднымъ у людей, и таковой долженъ подчиняться всъмъ и служить братіи какъ заложившій себя должникъ. А предстоятели сего духовнаго лнка, имѣя въ виду величіе (лежащей на нихъ) заботы и силу зла, замышляющаго ковы противъ вѣры, должны достойно нести подвигъ настоятельства и не надмѣваться властію. Ибо въ настоятельствѣ предстоятели должны трудиться больше другихъ, начальники думать о себѣ смиреннѣе (другихъ), и представлять свою жизнь какъ образецъ служенія другимъ, почитая ввѣренныхъ имъ залогомъ Божиимъ. Итакъ, предстоятели должны пеиись о братіяхъ какъ способные воспитатели нѣжныхъ дѣтей, ввѣренныхъ ихъ отцами. Тѣ, наблюдая нравы дѣтей, на одного дѣйствуютъ ударами, на другаго увѣщаніемъ, на инаго похвалою, на инаго чѣмъ либо инымъ тому подобнымъ, не дѣлая ничего, что имъ по нраву, или не нравится; такъ должны поступать и духовные предстоятели. Если въ такомъ отношеніи будете другъ къ другу, ученики и наставники, первые съ радостію довѣря приказаніямъ, а послѣдніе съ удовольствіемъ руководствуя братій къ совершенству, и если въ почтительности станете предупреждать другъ друга (Рим. 12, 10.), то

на землѣ будете жить жизнью ангельскою. Пусть каждый убѣдитъ себя, что онъ ничтожнѣе не только брата живущаго съ нимъ, но и всякаго человѣка; ибо сознавая сіе, онъ будетъ подлинно ученикомъ Христовымъ. Итакъ зная плоды смиренія и вредъ гордости, подражайте Владыкѣ и единымъ тѣломъ и одною душою теките къ горнему званію, любя Бога и другъ друга. Ибо любовь и страхъ къ Господу есть первое исполненіе закона. Только любовь къ Богу обыкновенно возникаетъ въ насъ не просто и самопроизвольно, но посредствомъ многихъ трудовъ и великихъ заботъ и при содѣйствіи Христовомъ, какъ говоритъ премудрость: *аще възвѣщаеши ея яко сребра и якоже сокровища испытаети ю: тогда уразумѣеши страхъ Господень и познаніе Божіе обрящеши* (Притч. 2, 4. 5.). А обрѣвши познаніе Божіе, съ тѣмъ вмѣстѣ удобно уразумѣешь и страхъ, и успѣешь въ слѣдующемъ за тѣмъ, — говорю о любви къ ближнему. Ибо когда трудомъ пріобрѣтено первое и великое, второе, какъ меньшее, менѣе трудно. Поелику не возлюбившій Бога всѣмъ сердцемъ и всею мыслию можетъ ли искренно и безъ обмана заботиться о томъ, чтобы любить братій?

А виновникъ зла нашедши кого либо не всецѣло отдавшимъ душу Богу и не вполне отверзшимъ ее для любви къ Нему, овладѣваетъ имъ, удобно обольщая лукавыми по-

мыслими, то представляя трудными заповѣди писанія и тягостнымъ служеніе братіямъ, то посредствомъ самаго служенія сослужителямъ надѣвая высокомѣріемъ и гордостію, какъ бы (внушая) искать славы у людей и требовать чести отъ братій, и такимъ образомъ поступать и дѣйствовать подобно невѣрнымъ. Ибо кто гонится за человѣческими почестями, вмѣсто небесныхъ, тотъ есть невѣрный, какъ говоритъ нѣгдѣ самъ Господь: *како вы можете впровати, славу другъ отъ друга приѣмлюще, и славы, яже отъ единого Бога, не ищуще* (Іоан. 5, 44)? Итакъ если намъ присуща любовь Божія, то необходимо, чтобы за нею слѣдовало и прочее: и братолюбіе, кротость, величїемѣріе, постоянство и тщаніе въ молитвахъ и, вообще, всѣ добродѣтели. Такъ какъ сокровище велико, то велики должны быть и труды для пріобрѣтенія его, предпринимаемые не напоказъ людямъ, но для угожденія Богу, вѣдущему тайное. Для любящихъ же Бога, трудъ (исполненія) заповѣдей удобенъ и пріятенъ, поелику любовь къ Нему дѣлаетъ для насъ подвигъ нетруднымъ и любезнымъ. Посему и лукавый, всѣми способами усиливается изгнать изъ нашихъ душъ страхъ Господень и преступными удовольствіями разрушить любовь къ Нему. Ибо онъ обладаетъ большимъ искусствомъ, какъ скоро найдетъ стражей безпечными, улучшить время и вторгнуться въ труды добродѣтели и всѣять

въ пшеницу свои плевелы: — разумѣю злословіе, гордость, тщеславіе, желаніе почести и прочія произведенія зла. Итакъ нужно бодрствовать и отовсюду наблюдать за врагомъ, дабы, если по своему безстыдству и устроить какой-либо ковъ, сокрушить его, прежде чѣмъ коснется души. Помните также постоянно и то, что Авель принесъ Богу жертву отъ первородныхъ овецъ и отъ тука, а Каинъ отъ плодовъ земныхъ, но не отъ овецъ: *и призрѣ Богъ* на жертвы Авеля, на дары же Каина *не вникъ* (Быт. 4, 4. 5.). Изъ сего повѣствованія можно видѣть, что Богу благоугодно все совершаемое со страхомъ и вѣрою, а не то, что хотя и многоцѣнно, но безъ любви. Ибо и Авраамъ не иначе пріялъ благословеніе отъ Мельхиседека, какъ принесши священнику Божію начатки и лучшее (Быт. 14, 19. 20.). Первою же и лучшею частію добычи называетъ самую душу и умъ, повелѣвая намъ не скупно приносить Богу въ жертву хвалы и молитвы, и не предлагать Владыкѣ что ни случится, но посвящать Ему что ни есть лучшаго въ душѣ, или лучше сказать всю ее всецѣло. А какую изъ частныхъ добродѣтелей почитать совершеннѣйшею и достойною заботы прежде прочихъ, и какую за симъ второю, и какія остальными дальнѣйшими,—сказать нельзя. Ибо онѣ одинаково зависятъ одна отъ другой и обладающихъ ими, одна посредствомъ другой

ведутъ на высоту (совершенства), ибо простота отсылаетъ къ послушанію, послушаніе къ вѣрѣ, вѣра къ надеждѣ, а надежда къ правдѣ; послѣдняя къ служенію, а это къ смиренію; смиреніемъ объемлется кротость, которая ведетъ къ радости; радость же къ любви, любовь къ молитвѣ; и такимъ образомъ взаимно завися и поставляя въ зависимость отъ себя обладающаго ими, возводятъ его на самую вершину желаемаго; также наоборотъ и зло своихъ друзей, свойственными себѣ мѣрами, низводитъ до крайней порочности. Но болѣе всего должно намъ прилежать къ молитвѣ; ибо она есть какъ бы нѣкій предводитель лика добродѣтелей, и посредствомъ таинственной святости и духовнаго дѣйствія и неизреченнаго расположенія, прилежнаго въ молитвѣ вводитъ въ единеніе съ Богомъ. Кто пламенѣетъ любовію, никогда не находитъ насыщенія въ молитвѣ, но всегда сгараетъ желаніемъ блага, по написанному: *ядущіи мя еще взыщутъ, и піющіи мя еще възжаждутся* (Сирах. 24, 23.); и въ другомъ мѣстѣ: *далѣ еси веселіе въ сердцѣ моемъ* (Пс. 4, 8.); и Господь говоритъ: *царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17, 21.). Царствіемъ же назвалъ раждаемую въ душахъ Духомъ радость, коею будутъ наслаждаться тогда души святыхъ.

Итакъ, поелику показано, въ чемъ состоитъ цѣль благочестія, которую должны предполо-

жить себѣ избравшіе боголюбиву южизнь,— что она есть очищеніе души и вселеніе Духа чрезъ преуспѣяніе въ добрыхъ дѣлахъ, то каждый изъ васъ, устройвъ душу указаннымъ способомъ и исполнивъ ее божественной любви, пусть посвятитъ себя молитвамъ и постамъ, помня увѣщаніе *непрестанно* (Сол. 5, 16.) *молитися и не стужати си* (Лук. 18, 1.). Ибо тщательность въ молитвѣ много намъ даруетъ; только каждый пусть дѣлаетъ это съ внимательною и правою совѣстію, никакъ не блуждая мыслию по произволу и не воздавая (молитву) какъ бы необходимый, невольный долгъ, но исполняя ею любовь и желаніе души. Но и самъ Господь внушитъ просящимъ какъ молиться, по сказанному: дай молитву молящемуся.

Итакъ, прилежный къ молитвѣ долженъ просить (овой) и знать, что въ столь важномъ дѣлѣ онъ со многими стараніемъ и усиліемъ долженъ выдержать тяжкую борьбу. Поелику съ особенною силою нападаетъ на таковыхъ злоба, отовсюду стараясь ниспровергнуть наше стараніе. Тамъ ослабленіе тѣла и души: здѣсь изнѣженность, беззаботность, нерадѣніе, и все прочее, что губить душу, терзаемую по частямъ и предающуюся врагу своему. Итакъ должно, чтобы душею, какъ бы мудрый кормчій, управлялъ разумъ, указывая прямой путь къ горней пристани и предавая душу неповрежденною ввѣрившему оную Богу. И настоятели должны

также приходит на помощь къ таковому, и при помощи всякой старательности и увѣщанія, питать въ молящемся любовь къ предлежащему (ему дѣлу). Ибо плодъ добродѣтелей у истинно молящихся, явный для разумѣющихъ, приносить пользу не одному только преуспѣвающему, но и младенцамъ еще и нуждающимся въ наставленіи, возбуждая ихъ къ подражанію тому, что видятъ. Плоды же искренней молитвы: простота, любовь, смиренномудріе, терпѣніе, незлобіе и тому подобное; все это, и прежде (принесенія) вѣчныхъ плодовъ, здѣсь произращаетъ (плодъ) въ жизни старательнаго. Таковы плоды украшающіе молитву; если недостаетъ ихъ, то напрасенъ ея трудъ.

И не одна только молитва, но и вся жизнь любомудрія, возрастая такимъ образомъ, есть подлинно путь правды и ведетъ къ прямой цѣли; лишенный же сего остается при одномъ пустомъ имени. Какая польза отъ насажденной съ трудомъ виноградной лозы, если нѣтъ на ней плодовъ, ради которыхъ земледѣлецъ понесъ трудъ? Какая выгода отъ поста и молитвы и бодрствованія, если нѣтъ мира и радости и любви и прочихъ плодовъ благодати Духа? Итакъ должно, чтобы труды поста и молитвы и прочихъ дѣлъ сопровождались большимъ удовольствіемъ и радостію; цвѣты же и плоды трудовъ происходятъ, какъ слѣдуетъ вѣровать, отъ дѣйствія Духа.

Если же кто припишетъ ихъ самому себѣ и отнесетъ все къ своимъ трудамъ, то у такового, вмѣсто оныхъ нетлѣнныхъ плодовъ, рождается высокоумный образъ мыслей. Посему, подвиги добродѣтели должно нести съ удовольствіемъ, а освобожденіе души отъ страстей относить къ Богу, дабы такимъ образомъ душа, ставъ превыше самой себя и сильнѣйшей злобы врага, представила себя благимъ жилищемъ покланяемому и Святому Духу, пріавъ отъ котораго безсмертный миръ Христовъ, чрезъ оный соединяется съ Господомъ и прилѣпляется Ему. Если же нѣкоторые, еще не имѣя ни напряженности совершенной молитвы, ни приличной этому дѣлу старательности и силы, лишены этой добродѣтели; то пусть исполняютъ послушаніе въ иномъ родѣ, по силѣ служить (другимъ), усердно дѣлая, работая тщательно съ удовольствіемъ, не за какую-либо награду и не ради славы человѣческой, служа другимъ не какъ чужимъ тѣламъ и душамъ, но какъ рабамъ Христовымъ, какъ нашимъ роднымъ, чтобы наше дѣло явилось предъ Господомъ чистымъ и безъ обмана. И никто пусть не извиняетъ себя безсиліемъ для подвига добродѣтели; ибо Господь не повелѣваетъ ничего невозможнаго; *иже аще, говоритъ, напоитъ чашею студены воды, во имя ученика, аминь илаюлю вамъ, не погубитъ мзды своея* (Матѣ. 10, 42.). Что удобоисполнимѣе сей за-

повѣди? А награда за удобоисполнимое дѣло— небесная. И опять: что *единому сихъ сотвористе, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 40.). Заповѣдь мала; а польза отъ послушанія велика. Такимъ образомъ ничего не требуетъ сверхъ силы, во малое ли, великое ли сдѣлаешь, послѣдуетъ тебѣ награда, какую пожелаешь избрать. Ибо если (станешь творить добрыя дѣла) во имя Божіе и по страху Божію, получишь неотъемлемый даръ; а если напоказъ, то послушай Господа, съ клятвою утверждающаго: *аминь, глаголю вамъ, воспріиметъ лзду свою* (Матѳ. 6, 2.). А чтобы кто не испыталъ сего, заповѣдуетъ ученикамъ, а чрезъ нихъ намъ: *внемлите, не творите милостыни вашей, или молитвы или поста предъ людьми; аще ли же ни, лзды не имате отъ Отца вашего, иже есть на небесехъ* (ст. 1—9.); Ему слава во вѣки. Аминь.

О ДѢВСТВѢ.

ПИСЬМО, СОДЕРЖАЩЕЕ УВѢЩАНІЕ КЪ ДОБРОДѢТЕЛЬНОЙ
ЖИЗНИ.

Цѣль сего слова,—возбудить въ читателяхъ стремленіе къ добродѣтельной жизни. Такъ какъ брачная жизнь, по словамъ божественнаго апостола, окружена множествомъ развлеченій (1 Кор. 7, 32—35.): то не безъ причины слово сіе представляетъ жизнь дѣвственную, какъ нѣкую дверь и входъ къ болѣе святому роду жизни, потому что вступившимъ въ жизнь брачную неудобно съ душевнымъ спокойствіемъ посвящать себя жизни божественной, а тѣмъ, которые совершенно удалились отъ сей бурной жизни, очень легко безъ всякаго развлеченія предаваться высочайшимъ упражненіямъ. Но поелику совѣтъ самъ по себѣ не имѣетъ достаточной силы къ убѣжденію, и никто одними только словами увѣщанія не склонить легко кого либо къ полезному, если напередъ не превознесетъ похвалами того, къ чему склоняетъ слушателя: то слово сіе начинается похвалами дѣвству, и за тѣмъ переходитъ къ увѣщанію. Далѣе, такъ какъ хорошія

качества въ каждомъ предметѣ болѣе бываютъ видны отъ сопоставленія его съ предметами противоположными: то необходимо здѣсь упоминается о трудностяхъ брачной жизни. Поэтому, какъ требуетъ того добрый порядокъ, предложено нѣкоторое начертаніе любомудренной жизни и доказано, что преданный мірскимъ заботамъ не можетъ оной достигнуть. Но такъ какъ въ отрѣшившихся отъ міра плотское вожденіе не дѣйствуетъ; то естественно возникаетъ вопросъ: въ чемъ состоитъ истинное вождѣнное благо, ради коего мы и получили отъ Зиждителя нашей природы желательную силу? По возможномъ раскрытіи сего, оказывается, какъ и слѣдуетъ, нужнымъ поискать, какой путь ведетъ къ достиженію онаго блага. Такимъ образомъ открывается, что истинное дѣство, чистое отъ всякой грѣхонной скверны, вполне соотвѣтствуетъ тому, чего мы ищемъ, такъ что слово сіе, хотя въ срединѣ, повидимому, касается нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, все обращено на похвалу дѣвству. Частныя же правила, которыя выполняются тщательно подвижающимися въ сей благочестивой жизни, во избѣжаніе длинноты слова, опущены: но предлагая убѣжденіе вообще, въ болѣе общихъ правилахъ заключили мы нѣкоторымъ образомъ и частныя, такъ чтобы и не опустить чего-либо необходимаго и избѣжать излишества. А такъ какъ всѣ при-

выкли охотѣе приниматься за какое-либо занятіе, когда видятъ, что нѣкоторые прежде достигли въ немъ славнаго успѣха; то мы по необходимости упомянули и о святыхъ, просіявшихъ въ безбрачїи. Поелику же примѣры, заключающіеся въ повѣствованїяхъ, не столько имѣютъ силы (возбуждать) къ преспѣванію въ добродѣтели, сколько живой голосъ и оправдываемые на опытѣ примѣры добрыхъ дѣлъ: то мы въ концѣ слова по необходимости упомянули о благочестивѣйшемъ епископѣ и отцѣ нашемъ, который одинъ только можетъ научить насъ сему ^(а). Упомянутое о немъ сдѣлано не по имени, но нѣкоторыми чертами слово наше даетъ знать, что онъ есть тотъ самый, на кого указываемъ,—чтобы послѣдующіе читатели сего слова не сочли за бесполезный совѣтъ повелѣніе вступившимъ въ сію жизнь относиться за наставленїями къ молодымъ; но чтобы они, взирая только на то одно, каковъ долженъ быть руководитель въ сей жизни, избирали себѣ путеводителями всегда такихъ мужей, на которыхъ благодать Божїя всегда указываетъ какъ на вождей въ добродѣтельной жизни: (такимъ образомъ) они или найдутъ искомое благо, или не останутся въ невѣдѣніи касательно того, каковымъ оно должно быть.

(а) Разумѣетъ Василїя великаго.

ГЛАВА 1.

О томъ, что дѣвство выше похвалъ.

Священный образъ дѣвства, который уважается всѣми, полагающими совершенство въ чистотѣ, но усвоается одними тѣми, коимъ по благоволенію содѣйствуетъ благодать Божія въ семъ благомъ стремленіи, имѣетъ самъ въ себѣ подобающую ему похвалу,—въ синонимическомъ ему названіи: потому что слово — нерастлѣнность, употребляемое, обыкновенно, многими вмѣсто: дѣвство, указываетъ на чистоту его. Такъ изъ равнозначущаго имени можно уразумѣть превосходство такого дара: поелику хотя есть много дѣйствій добродѣтели, но одно только оно почтено названіемъ нерастлѣнности. Если же нужно и похвальными рѣчами почитать сей даръ великаго Бога, то для сего достаточно божественнаго апостола, который въ немногихъ словахъ заключилъ все превосходство похвалъ, когда украшенную симъ даромъ называлъ святою и непорочною (1 Кор. 7, 34.). Ибо если цѣль, которую имѣетъ въ виду это священное дѣвство, состоитъ въ томъ, чтобы быть непорочнымъ и святымъ, а сіи имена собственно и преимущественно употребляются для прославленія нетлѣннаго Бога: то какая можетъ быть похвала дѣвству выше той, что

оно для тѣхъ, которые приобщились его чистыхъ тайнъ, оказывается нѣкоторымъ образомъ боготворящимъ, содѣлывая общниками славы единого истинно-святого и непорочнаго Бога соединившихся съ Нимъ чистотою и нетлѣніемъ. Тѣ же, которые распространяютъ длинныя похвалы (дѣвству) въ продолжительныхъ рѣчахъ, думая чрезъ то придать нѣчто къ красотѣ дѣвства, по моему сужденію, обманываютъ сами себя и поступаютъ вопреки своей цѣли, тѣми самыми похвалами, которыми думаютъ возвысить величіе дѣвства, дѣлая подозрительною истинную славу онаго. Ибо все, что величественно по своей природѣ, само собою возбуждаетъ удивленіе, нисколько не нуждаясь въ содѣйствіи слова, какъ наприкладъ: небо, солнце и все другое чудное въ мірѣ; а болѣе низкимъ предметамъ слово, будучи какъ бы подмостками, искусственными похвалами придаетъ нѣкоторый видъ мнимаго величія. Посему-то, часто удивленіе, возбуждаемое похвалами, становится подозрительно для людей, какъ поддѣльное. Итакъ дѣвству достаточно одной похвалы, — объявить его добродѣтелию выше всякихъ похвалъ, и выражать удивленіе къ его чистотѣ болѣе жизнію, нежели словомъ. Если же кто, по ревности къ прославленію, дѣлаетъ предметомъ похвалы дѣвство, тотъ, какъ кажется, думаетъ, что можетъ каплею своего пота увеличить безпре-

дѣльное море, полагая, что человѣческимъ словомъ можно возвеличить такой даръ: онъ или не знаетъ своихъ силъ, или не понимаетъ того, что хвалить.

ГЛАВА 2.

О томъ, что дѣвство есть совершенство, свойственно Божескому и безтѣлесному естеству.

Нужно намъ много проницательности, чтобы понять превосходство такого дара, который мы разумѣть принадлежащимъ также нетлѣнному Отцу. То удивительно, что дѣвство обрѣтается и въ Отцѣ, Который и Сына имѣетъ, и родилъ Его безстрастно; усматривается также и въ Единородномъ Богѣ, — податель нетлѣнія, какъ возсіявшее вмѣстѣ съ чистотою и безстрастіемъ Его рожденія; и опять равно удивительно, — мыслить о Сынѣ отъ дѣвства. Равнымъ образомъ усматривается дѣвство и въ естественной нетлѣнной чистотѣ Святаго Духа: ибо наименовавъ Его нетлѣннымъ и чистымъ, ты иными словами обозначилъ дѣвство. Оно сожителствуетъ со всякимъ премірнымъ естествомъ, какъ безстрастіе, составляя принадлежность горнихъ силъ, не отдѣляясь ни отъ чего Божественнаго и не сближаясь ни съ чѣмъ противнымъ. Ибо все, что по природѣ и расположенію склонно къ добро-

дѣтели, непремѣнно украшается чистотою нетлѣнія: а все, что уклоняется въ противоположную сторону, и есть и именуется отпаденіемъ отъ чистоты. Итакъ, какая сила краснорѣчія сравнится съ величіемъ сего дара? Не должно ли нѣкоторымъ образомъ опасаться, чтобы чрезмѣрными похвалами не повредить его великому достоинству, возбудивъ въ слушателяхъ мнѣніе объ немъ менѣе высокое, нежели какое имѣли прежде? Итакъ хорошо будетъ, въ отношеніи къ дѣйствию, оставить похвальные рѣчи, поелику слово не можетъ соотвѣтствовать превосходству предмета; между тѣмъ легко и всегда помнить объ ономъ божественномъ дарѣ, и имѣть въ устахъ то благо, которое особенно и преимущественно принадлежитъ безтѣлесному естеству, но, по чловѣколюбію Божию, даровано и тѣмъ, которые получили жизнь отъ плоти и крови, дабы павшее отъ страстнаго расположенія естество чловѣческое, опять возставить и возвести къ горнему созерцанію, простерши оному причастіе чистоты, какъ бы нѣкую руку. Ибо потому, я думаю, и источникъ нетлѣнія,—Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ не чрезъ бракъ вошелъ въ сей міръ, чтобы образомъ своего вочловѣченія открыть ту великую тайну, что входъ и пришествіе Божіе можетъ и способна явить одна только чистота, которой не иначе можно кому-либо совершен-

нѣйшимъ образомъ достигнуть, какъ отрѣшившись всецѣло отъ плотскихъ страстей. Поелику что было съ непорочною Маріею тѣлеснымъ образомъ, когда полнота Божества во Христѣ возсіяла чрезъ Дѣву: то же бываетъ и со всякою душою ведущею дѣвственную жизнь по разуму; такъ какъ Господь не приходитъ болѣе въ тѣлесномъ видѣ (ибо *не разумѣемъ ктому по плоти Христа* (2 Кор. 5, 16.), говоритъ Писаніе), но духовно вселяется и вводитъ съ Собою Отца, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ (Іоан. 14, 23.) Евангеліе. Итакъ, поелику такова сила дѣвства, что оно и на небесахъ у Отца духовъ пребываетъ, и съ премірными силами торжествуетъ и къ человѣческому спасенію имѣетъ отношеніе, — потому что собою вводитъ Бога въ общеніе съ человѣческою жизнію, а человѣка окриляетъ желаніемъ небснаго и дѣлается какъ бы нѣкоторою связью содружества человѣка съ Богомъ, приводя своимъ посредствомъ столь далеко отстоящее другъ отъ друга по естеству въ согласіе, — то какая сила слова будетъ въ состояніи объять величіе столь чуднаго предмета? Но такъ какъ нелѣпо совершенно уподобиться безсловеснымъ и безчувственнымъ (животнымъ), и оказаться однимъ изъ двухъ: или не понимающимъ красотъ дѣвства, или нечувствительнымъ и равнодушнымъ къ ощущенію сихъ красотъ: то мы готовы охотно

сказать объ немъ немногое, потому что во всемъ надо повиноваться власти того, кто далъ приказаніе. Впрочемъ никто не долженъ требовать отъ насъ высокопарныхъ рѣчей: если бы мы и желали того, не могли бы, потому что не приготовлены къ такого рода рѣчамъ. Да если бы и могли говорить напыщенно, то предпочли бы краткую рѣчь предъ тѣмъ, что вообще не приноситъ пользы. Ибо разумный человѣкъ долженъ во всемъ искать не того, что бы возбуждало къ нему удивленіе преимущественно предъ другими, но того, что могло бы принести пользу какъ ему самому, такъ и прочимъ.

ГЛАВА 3.

Воспоминаніе трудностей брачной жизни и указаніе на то, что писатель сего слова не безбраченъ.

О, если бы возможно было и мнѣ отъ сего занятія получить какую-либо пользу! Съ большимъ усердіемъ предался бы я сему труду, если бы, при составленіи сего слова, трудился съ надеждою, по слову Писанія, вкусить плода отъ своего оранія и молотѣбы (1 Кор. 9, 10.). Но теперь нѣкоторымъ образомъ знаніе красотъ дѣвства для меня напрасно и бесполезно, какъ плоды для вола, съ намордникомъ идущаго на гумно; или какъ для жажду-

шаго — со скалъ текущая вода, когда она для него недостижима. Блаженны тѣ, во власти коихъ избирать лучшее, и кои не заключили себя какъ бы въ стѣнахъ, вступивъ въ брачную жизнь, подобно намъ, которые какъ бы нѣкоторою бездною отдѣлены отъ славы дѣвства, къ которому не можетъ возвратиться никто, кто хотя однажды сдѣлалъ шагъ въ мірскую жизнь. Посему, мы только зрители чужихъ совершенствъ и свидѣтели блаженства другихъ. Если мы даже и правильно судимъ о дѣвствѣ, то испытываемъ тоже, что повара и слуги, которые для стола богатыхъ готовятъ роскошную пищу другимъ, но сами ни къ одному изъ приготовленныхъ яствъ не прикасаются. Какое было бы блаженство, если бы случилось не такъ, и мы не опоздали узнать сіе благо! Подлинно ревнуютъ о семъ благѣ и дѣлаютъ больше всякаго требованія и желанія тѣ, коимъ не заграждена возможность наслаждаться сими благами! Мы же, подобно тѣмъ, которые, сопоставляя свою бѣдность съ жизнью богатыхъ, болѣе тяготятся своимъ настоящимъ положеніемъ и труднѣе переносятъ оное, — чѣмъ больше познаемъ богатство дѣвственной жизни, тѣмъ больше оплакиваемъ иную жизнь, чрезъ сравненіе съ лучшимъ ясно видя, сколько и какихъ благъ не достаетъ у насъ. Не говорю о тѣхъ только благахъ, которыя ожидаютъ въ послѣдствіи ведущихъ

жизнь добродѣтельную, но и о тѣхъ, которыя относятся къ настоящей жизни; ибо если кто захочетъ тщательно изслѣдовать различіе сей жизни отъ жизни дѣвственной, то найдетъ почти столь же великое между ними различіе, какое находится между предметами небесными и земными. Истину сихъ словъ могутъ знать всѣ, которые внимательно всматривались въ самое дѣло. Но откуда приличнѣе начать повѣствованіе о сей скорбной жизни? Или какъ представить на видъ обыкновенныя слѣдствія оной, которыя извѣстны всѣмъ людямъ по опыту, но которыя природа, не знаю, какъ сумѣла скрыть отъ самихъ извѣдавшихъ оныя, такъ что люди, у которыхъ они есть, добровольно не знаютъ ихъ? Хочешь, чтобы мы начали съ пріятнѣйшей стороны? Итакъ главное, чего особенно ищутъ въ бракѣ, — это пріятное сожителство. Пусть будетъ такъ; и мы опишемъ бракъ счастливѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ: знатный родъ, достаточное богатство, возрастъ взаимно соотвѣтствующій, самый цвѣтъ красоты, нѣжную любовь и притомъ такую, какую только можно представить у одного лица къ другому, пріятное оное соревнованіе, по которому одинъ старается превзойти другаго въ любви: присоединимъ ко всему этому славу, власть, знатность и все, что угодно. Но посмотри и на скорбь, которая по необходимости соединена съ исчис-

ленными удовольствіями и мало-по-малу по-
ядаеть онѣя.

Не говорю о зависти, которая преслѣдуетъ живущихъ счастливо, также—о томъ, что видимое благополучіе въ жизни легко подвергается коварству людей,—и что всякій, не получившій такой же счастливой доли, питаетъ естественную какую-то ненависть къ тому, кто больше его имѣетъ; и что чрезъ это самое, въ слѣдствіе подозрительности, жизнь доставляетъ болѣе печали, нежели удовольствія тѣмъ, которые представляются намъ благоденствующими. Но допустимъ, что и зависть не дѣйствуетъ противъ нихъ, — хотя трудно найти человѣка, который бы достигалъ вмѣстѣ того и другаго: чтобы и счастливъ былъ преимущественно предъ другими и избѣгалъ зависти. Предположимъ, если угодно, что жизнь ихъ свободна отъ всѣхъ такого рода непріятностей, и посмотримъ, могутъ ли быть счастливыми живущіе и въ такомъ благополучіи. Какая же, скажешь, еще можетъ быть печаль, когда даже и зависть не касается сихъ счастливцевъ? То самое, говорю, что они наслаждаются счастіемъ во всемъ въ жизни, и есть побужденіе къ скорби. Ибо, доколѣ они суть люди, — сін смертныя и тлѣнныя созданія, доколѣ видятъ гробы тѣхъ, отъ коихъ родились, съ ихъ жизнію, если хотя немного способны размыслить о ней, неразрывно соединена печаль; ибо не-

престанное ожиданіе смерти, никакими вѣрными признаками неопредѣленной, но по неизвѣстности будущаго всегда также страшной, какъ бы и наступающая, всегда возмущаетъ настоящую радость, страхомъ ожидаемаго отравляя всякое благополучіе. Если бы возможно было прежде испытанія знать испытанное, если бы можно было другимъ какимъ-либо образомъ проникнуть въ сію жизнь и увидѣть, что она такое; то какъ бы сильно было бѣгство отъ брака къ дѣвству? Какая бдительность и осторожность, чтобы не впасть какъ нибудь въ сіи неизбѣжныя сѣти, трудности которыхъ невозможно точно знать никому, кто самъ не былъ въ этихъ тенетахъ! Ибо ты увидалъ бы, если бы можно было видѣть безопасно, большое смѣшеніе противоположностей: смѣхъ растворенъ слезами, печаль смѣшена съ радостію; повсюду сопутствуетъ ожиданіе смерти и отравляетъ каждое удовольствіе. Когда женихъ смотритъ на любимое лицо, тотчасъ же непременно является у него и страхъ разлуки; когда слышитъ пріятнѣйшій голосъ, представляетъ въ умѣ, что нѣкогда его не услышитъ; когда радуется при взглядѣ на красоту, тогда особенно дрожитъ въ ожиданіи плача. Если обратимъ вниманіе на то, что цѣнять юноши и чѣмъ увлекаются неразумные, какъ-то: на глазъ, украшенный рѣсницами, на бровь, облегающую глазъ, на нѣжную и

изящную форму щекъ, на губы, естественнымъ румянцемъ окрашенныя, на волосы, золотистые и густые, различными плетеніями украшающіе голову, и на всю вообще оную временную красоту: то, если въ комъ есть хотя сколько нибудь разсудка, непремѣнно представить въ душѣ своей и то, что оная красота нѣкогда разрушившись погнѣбнетъ, обратится въ ничто, вмѣсто видимаго теперь сдѣлается гнусными и безобразными костями, не оставивъ никакого ни слѣда, ни памятника, ни остатка настоящаго цвѣтушаго вида.

Если кто размыслить объ этомъ и подобномъ сему, тотъ можетъ ли жить въ веселіи? Не ужели онъ будетъ довѣрять настоящимъ своимъ благамъ какъ всегда пребывающимъ? Не ясно ли изъ сего открывается, что таковой будетъ какъ бы гоняться за обманчивыми сновидѣніями и недовѣрчиво относиться къ сей жизни, взирая на видимое какъ на чуждое? Конечно понимаешь, если только можешь сколько нибудь судить о существующихъ предметахъ, что ничто изъ являющагося намъ въ жизни не является такимъ, каково есть, но по обманчивому представленію показывается одно вмѣсто другаго, обманывая обращающихся къ нему съ надеждами и укрываясь подъ ложнымъ видомъ являемаго, пока чрезъ внезапное измѣненіе не окажется чѣмъ-то другимъ вопреки человѣческой надеждѣ, ко-

торая по ошибкѣ раждается у неразумныхъ. И такъ, какого наслажденія окажутся достойными пріятности сей жизни для того, кто полагаетъ объ этомъ? Будетъ ли на самомъ дѣлѣ ощущать (сіи пріятности) такъ разсуждающій, и будетъ ли увеселяться кажущимися ему благами? Всегда возмущаемый страхомъ перемѣны не будетъ ли пользоваться настоящими благами, безъ ощущенія удовольствія? Опускаю предзнаменованія, сны, предвѣщанія и прочія подобнаго рода нелѣпости, что все по суетному обычаю наблюдается и принимается въ худую сторону. Но вотъ наступаетъ время родовъ для молодой женщины; — и это дѣло считается не рожденіемъ дитяти, но приближеніемъ смерти; потому что въ родахъ грозитъ смерть беременной, и часто это худое предзнаменованіе не обманываетъ ихъ; прежде нежели они отпраздновали день рожденія, прежде нежели вкусили какое нибудь изъ ожидаемыхъ благъ, вдругъ радость измѣнилась въ плачь. Еще пылая любовію и желаніями, еще будучи въ цвѣтѣ лѣтъ, не испытавъ еще удовольствій сей жизни, они, какъ будто въ какой-то сонной мечтѣ, вдругъ лишаются всего, что имѣли въ рукахъ. Что же далѣе? Брачное ложе опустошается домашними, какъ врагами, и вмѣсто постели красуется гробъ и смерть. При этомъ бесполезныя вопли, напрасныя всплескиванія рукъ, воспоминанія о прежней

жизни, проклятія тѣмъ, которыя совѣтовали вступить въ бракъ, жалобы на друзей, которые не воспрепятствовали; въ большой винѣ родители, если находятся въ живыхъ; если же нѣтъ, то негодованіе на жизнь человѣческую, обвиненіе всей природы, великій ропотъ и негодованіе на самое божественное Провидѣніе; борьба съ самимъ собою, война съ тѣми, которые увѣщаютъ; ничто не сдерживаетъ глупѣйшихъ рѣчей и дѣлъ. А часто у тѣхъ, у которыхъ страсть беретъ перевѣсъ, и отъ излишней печали теряется разсудокъ, эта сцена оканчивается еще прискорбнѣйшимъ концемъ,—когда несчастный не въ состояніи пережить своего несчастія. ✓

Но оставимъ это; предположимъ лучшее: опасность родовъ миновалась, и у супруговъ родился сынъ,—это отображеніе красоты родителей. Что же? Уменьшилась ли чрезъ это причина печали? Не болѣе ли увеличилась? Ибо и прежній страхъ имѣетъ еще силу и прибавился новый,—за дитя, чтобы не случилось чего-либо непріятнаго во время его воспитанія, чтобы какой-нибудь несчастный случай, какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство не причинили или болѣзни, или уродства или другой какой бѣды. Это одинаково относится къ обоимъ родителямъ: но кто исчислить принадлежащее собственно супругѣ? Мы опустимъ обыкновенное и всѣмъ извѣстное,

какъ-то: тяжесть беременности, опасность во время родовъ, труды при воспитаніи, и, — что сердце ея соединено неразрывно съ рожденнымъ дитятею, такъ что если она мать многихъ дѣтей, то душа ея разрывается на столько, сколько ихъ находится числомъ; случившіяся съ ними несчастія она чувствуетъ своимъ сердцемъ. Все сіе и подобное, вѣмъ извѣстное, кто можетъ выразить? Но поелику, по божественному опредѣленію, жена не госпожа себѣ, но имѣетъ *обращеніе* къ тому, кто обладаетъ ею посредствомъ брака (Быт. 3, 16.): то если она хотя на короткое время разлучится съ нимъ, какъ бы отторгшись отъ главы, не выносить одиночества; и малѣйшее удаленіе отъ мужа кажется ей нѣкоторымъ ожиданіемъ вдовьей жизни. Тотчасъ страхъ отчаянія замѣняетъ самыя лучшія надежды, и потому глазъ ея, полный смущенія и опасенія, прикованъ къ двери дома; слухъ наблюдаетъ за шепотомъ людей; сокрушается сердце раздираемое страхомъ, и прежде нежели получено какое нибудь извѣстіе, одинъ шорохъ у дверей, или воображаемый или на самомъ дѣлѣ случившійся, какъ какой нибудь вѣстникъ злополучія, вдругъ приводитъ въ смущеніе душу. Можетъ быть вѣ дома все благополучно и не случилось ничего, достойнаго страха: но душевное уныніе предваряетъ сіе извѣстіе и отъ пріятныхъ ожиданій обращаетъ мысль къ противополож-

нымъ. Такая жизнь счастливыхъ людей далеко не можетъ сравниться съ свободою дѣвства. / Но много еще болѣе тяжкаго слово наше прошло молчаніемъ. Ибо часто также она, еще юная лѣтами, еще сіяющая красотою невѣсты, еще можетъ быть краснѣющая при входѣ жениха и стыдливо взирающая на него, когда и страсть, сдерживаемая стыдомъ въ своемъ обнаруженіи, обыкновенно бываетъ пламеннѣе, — вдругъ дѣлается вдовою, несчастною, одинокою и оправдываетъ на себѣ всѣ эти страшныя названія; и вотъ ее, одѣтую доселѣ въ свѣтлую, блестящую и нарядную одежду, случившееся внезапно несчастіе облакаетъ въ черное платье и повергаетъ въ скорбь, со- влекши брачныя украшенія. За тѣмъ вмѣсто свѣтлости мракъ въ спальнѣй комнатѣ, жалобныя вопли и рыданія, ненависть къ тѣмъ, которые хотятъ утишить скорбь; лишеніе себя пищи, изнеможеніе тѣла, упадокъ духа, желаніе смерти, часто сильное довести до самой смерти. Если же со временемъ несчастіе сіе нѣсколько смягчается; то опять другая бѣда: остаются ли дѣти, или нѣтъ. Если остаются, то они конечно сироты, и потому жалки, и чрезъ нихъ скорбь снова оживаетъ; если же ихъ не осталось, то совершенно исчезаетъ напоминаніе объ умершемъ, и это несчастіе выше всякаго утѣшенія. Опускаю другія бѣдствія вдовства: ибо кто можетъ всѣ оныя подробно

исчислить? Не говорю о врагахъ домашнихъ; одни обижаютъ несчастную, другіе радуются ея одиночеству и съ удовольствіемъ злымъ окомъ взираютъ на разрушающійся домъ, на слугъ, ни о чемъ не заботящихся, и на все прочее, чего такъ много можно видѣть при подобныхъ несчастіяхъ. Отъ этого многія, по необходимости, рѣшаются вторично испытать подобныя бѣдствія, не вынося ядовитаго смѣха людей и какъ бы думая своими несчастіями отмстить ихъ огорчившимъ. Многія же помня, что случилось прежде, лучше соглашаются все сіе переносить, нежели въ другой разъ подвергнуться подобнымъ несчастіямъ. И если хочешь знать трудности брачной жизни, послушай, что говорятъ опытомъ узнавшія сію жизнь: какъ онѣ ублажаютъ жизнь тѣхъ, кои съ начала избрали дѣвственную жизнь, а не какимъ-либо несчастіемъ узнали, что лучше; потому что дѣвство недоступно всѣмъ этимъ бѣдствіямъ: оно не плачетъ о сиротствѣ; оно всегда вмѣстѣ съ нетлѣннымъ Женихомъ; всегда радуется порожденіямъ благочестія; по истинѣ въ домѣ своемъ видитъ постоянно изобиліе всего, что ни есть самаго прекраснаго, потому что въ немъ всегда присутствуетъ и обитаетъ Владыка дома; смерть причиняетъ не разлуку, но соединеніе съ Любимымъ; ибо когда разрѣшается, тогда бываетъ со Христомъ, какъ говоритъ апостолъ (Филип. 1, 23.).

Такъ какъ мы отчасти изслѣдовали состояніе людей, счастливыхъ въ брачной жизни, то время коснуться нашимъ словомъ и другихъ сторонъ жизни, гдѣ гнѣздится и бѣдность, и невзгоды и другія несчастія человѣческихъ скорбей, какъ-то: уродства, болѣзни и другое, что составляетъ удѣлъ человѣческой жизни. Всѣхъ таковыхъ злополучій живущій самъ по себѣ или избѣгаетъ не испытать ихъ, или равнодушно переносить оныя; такъ какъ вниманіе его сосредоточено на самомъ себѣ и не отвлекается заботами ни къ чему другому. А у кого вниманіе раздѣлено между собою и дѣтьми, тотъ часто и досуга не имѣетъ оплакивать свои несчастія, потому что забота о любимыхъ имъ наполняетъ все его сердце. Но не лишнее ли дѣло подробно говорить о томъ, что само по себѣ ясно? Ибо если такія затрудненія и бѣдствія сопряжены съ тѣмъ, что кажется намъ благополучіемъ, то что же заключить о противномъ? Всякое описаніе словами, которое рѣшается представить на лицо жизнь таковыхъ людей, ниже истины. Можно впрочемъ немногими словами выразить многія бѣдствія сей жизни: потому что тѣ, которые въ жизни получили жребій, противоположный кажущимся счастливыми, имѣютъ скорби противоположныя. У счастливыхъ жизнь возмущаетъ ожидаемая или уже наступающая смерть; а для сихъ отдаленіе отъ смерти есть несчастіе,

и хотя жизнь ихъ расходится въ противоположныя стороны, но уныніе сопровождается тѣхъ и другихъ къ тому же концу. Такимъ образомъ бракъ влечетъ за собою разнообразныя и различныя бѣдствія: ибо одинаково скорбятъ люди, имѣютъ ли дѣтей или не имѣютъ, и дѣются имѣть ихъ, и опять живы ли они или умерли. Одинъ утѣшается дѣтьми, но не имѣетъ средствъ къ ихъ пропитанію: у другого недостаетъ наслѣдника имѣнію, надъ увеличеніемъ котораго онъ много трудился,—и то, что составляетъ благополучіе для одного, есть несчастіе для другого; каждый изъ нихъ желаетъ имѣть то, чѣмъ, какъ видишь, тяготится другой. У одного умеръ любимый сынъ, у другого живъ, но распутный. Оба жалки: одинъ плачетъ о смерти сына, другой — о жизни. Опускаю зависть и ссоры, отъ истинныхъ или мнимыхъ причинъ происходящія; какими скорбями и бѣдствіями онѣ кончаются! Кто все это въ точности можетъ исчислить? Если же хочешь знать, что (дѣйствительно) такихъ золъ полна жизнь человѣческая, не требуй отъ меня древнихъ повѣствованій, которыя поэтамъ дали содержаніе для трагедій; ибо онѣ по крайней нелѣпости считаются баснями: въ нихъ (заключаются) дѣтоубійства, пожиранія чадъ, убійства мужей, убійства матерей, закланія братьевъ, незаконныя смѣшенія и всякаго рода нарушеніе естественныхъ законовъ. Повѣство-

ватели древностей начинают свой рассказъ объ этомъ (нарушеніи) съ браковъ и заключаютъ оный такого рода бѣдствіями.

Но оставивъ все это, посмотри на печальныя явленія, совершающіяся на сценѣ настоящей жизни, которыхъ виновникомъ для людей служить бракъ. Поди въ судилища, прочитай законы, относящіеся сюда: въ нихъ ты найдешь неслыханныя дѣла, совершающіяся въ брачной жизни. Когда ты слышишь врачей, разсуждающихъ о различныхъ болѣзняхъ, то узнаешь о слабости человѣческаго тѣла; понимаешь, сколько и къ какимъ болѣзнямъ оно расположено: такъ когда ты читаешь законы и видишь многоразличныя преступленія брачной жизни, за которыя они опредѣляютъ наказанія, тогда вѣрно узнаешь особенности, принадлежащія браку; ибо ни врачъ не лечитъ болѣзней несуществующихъ, ни законъ не наказываетъ преступленій не совершаемыхъ.

Г л а в а 4.

О томъ, что все нестроеніе въ сей жизни получаетъ начало отъ брака; здѣсь же (разсуждается) и о томъ, каковъ долженъ быть тотъ, кто отрѣшился отъ брачной жизни.

Скажу болѣе, для чего немногими словами обличить нелѣпость сей жизни, ограничивъ исчисленіе бѣдствій одними прелюбодѣянiями,

раздорами и коварствами? Ибо мнѣ кажется по высшему и истинному разумѣнію, что всякое зло въ жизни, усматриваемое во всѣхъ дѣлахъ и занятіяхъ, не можетъ имѣть никакой власти надъ человѣческою жизнію, если кто самъ себя не подчинитъ неволѣ брачной жизни. Истину сихъ словъ можно объяснить такимъ образомъ. Кто чистымъ окомъ душевнымъ уразумѣлъ обманчивость сей жизни и возвысился надъ тѣмъ, къ чему здѣсь стремятся; кто, какъ говоритъ апостолъ, все презрѣлъ какъ зловонный соръ (Филип. 3, 8.), и чрезъ удаленіе отъ брака отрѣшился нѣкоторымъ образомъ отъ всей жизни: тотъ не имѣетъ никакого общенія съ пороками человѣческими,—разумѣю любостяжаніе и зависть, гнѣвъ и ненависть, желаніе суетной славы и все другое подобнаго рода. Кто всего такого чуждъ и совершенно свободенъ и проводитъ жизнь мирную, тотъ не имѣетъ ничего, за что бы могъ спорить съ ближними по зависти. потому что онъ ничего такого не касается, отъ чего рождается въ жизни зависть. Возвысившись своею жизнію надъ всѣмъ міромъ и почитая одну только добродѣтель безцѣннымъ для себя стяжаніемъ, онъ проводитъ жизнь мирную, безъ печалей и борьбы. Потому что сокровище добродѣтели, хотя въ немъ принимаютъ участіе всѣ люди, каждый по своимъ силамъ, вполне удовлетворяетъ ищущихъ его; не таково земное сокро-

вище, которое когда дѣлятъ его на части, сколько прибавляютъ къ одной части, столько же отнимаютъ у другой, и избытокъ у одного сопровождается уменьшеніемъ участвующаго въ долѣ: отсюда борьба за большую часть, отсюда въ слѣдствіе уменьшенія возникаетъ между людьми ненависть. А въ ономъ сокровищѣ, стремленіе пріобрѣсть больше не возбуждаетъ зависти; и восхитившій больше не наноситъ никакого ущерба тому, кто считаетъ себя достойнымъ равной части: но по мѣрѣ того, какъ кто вмѣщаетъ, и самъ удовлетворяется въ своемъ благомъ желаніи и богатство добродѣтелей не оскудѣваетъ у имѣвшихъ оное прежде. Итакъ кто имѣетъ въ виду такого рода жизнь, и сокровище свое полагаетъ въ добродѣтели, которая никакимъ предѣломъ человѣческимъ не ограничивается: тотъ допустить ли когда нибудь своей душѣ увлечься чѣмъ нибудь низкимъ и презрѣннымъ? Будетъ ли съ удивленіемъ смотрѣть на земное богатство, или на могущество человѣческое, или на другое что нибудь, къ чему по неразумію стремятся люди? Если кто по низости духа расположенъ еще къ таковымъ предметамъ, тотъ внѣ сего лика, и о немъ будетъ наша рѣчь. Но кто мудрствуетъ о горнемъ и возносится къ Богу, тотъ конечно выше всего этого, и у него нѣтъ обыкновенно повода увлечься въ обманъ относительно сихъ пред-

метовъ, — я говорю о бракѣ. Ибо желаніе быть выше другихъ, гордость — эта тяжкая страсть, которую если кто назоветъ корнемъ всякаго грѣховнаго терна, не погрѣшнѣ въ истинѣ, получаетъ начало болѣе всего отъ брака. Потому что большею частію бываетъ, что причиною любостяжанія родные, а въ славолубіи и честолюбіи вина сего порока въ породѣ, когда честолюбецъ хочетъ показаться не ниже своихъ предковъ и считаться великимъ у потомковъ, желая, чтобы говорило о немъ его потомство дѣтямъ. Точно также и прочіе, какіе ни есть, недуги душевные: зависть, злопамятство, ненависть и другіе того же рода, зависятъ отъ той же причины. Всѣ таковыя пороки неразлучны съ тѣми, которые привязаны къ брачной жизни. Отрѣшившійся отъ оныхъ, какъ бы съ нѣкотораго возвышеннаго мѣста издали взирая на человѣческія страсти, оплакиваетъ слѣпоту тѣхъ, которые поработили себя такой суетѣ и за великое почитаютъ благополучіе тѣлесное; ибо когда видитъ какого нибудь человѣка знаменитаго чѣмъ либо въ жизни, славящагося почестями, или богатствомъ, или властью, посмѣвается безумію гордящихся этимъ, и исчисляетъ кратковременность человѣческой жизни, опредѣляя срокъ ея согласно съ словами псалмопѣвца (Пс. 80, 10.); потомъ сравнивая малое сіе продолженіе (жизни) съ безконечными вѣками, сожалеетъ о глу-

пости того, кто предается своею душою такимъ презрѣннымъ, низкимъ и скоропреходящимъ предметамъ. Ибо что изъ здѣшняго стоить названія блага? Честь ли, которой многіе домогаются? Развѣ придаетъ она что нибудь большее почетнымъ лицамъ? Смертный остается смертнымъ, воздаютъ ли ему почеть, или нѣтъ. Или,—обладаніе многими десятинами земли? Приведетъ ли это обладателя къ какому благодѣтельному концу, кромѣ того, что сей безумецъ будетъ считать своею собственностію нисколько ему непринадлежащее; отъ великой жадности онъ, какъ видно, не знаетъ, что по истинѣ *Господня есть земля, и исполненіе ея* (Пс. 23, 1.); ибо *Царь всея земли Богъ* (Пс. 46, 8.): людямъ же, страсть къ любостыжательности, ложно приписываетъ имя господства надъ тѣмъ, что никакъ не принадлежитъ имъ. Ибо земля, какъ говоритъ мудрый Екклесіастъ, *во вѣкъ стоитъ* (Екклес. 1, 4.), служа всѣмъ поколѣніямъ попеременно и питая раждающихся на ней: а люди, не имѣя даже власти сами надъ собой, но завися во всемъ отъ воли Міроправителя, входя въ жизнь, когда не вѣдаютъ о томъ, и опять уходя изъ нея, когда не желаютъ, по великой суетности почитаютъ себя обладателями земли, которая всегда пребываетъ, тогда какъ они попеременно то являются, то погибаютъ. Итакъ кто видитъ все это и потому презираетъ все,

что считается почетнымъ у людей и къ одной только божественной жизни имѣть любовь, тотъ, зная, что *всяка плоть сѣно и всяка слава человѣческа яко цвѣтъ травный* (Ис. 40, 6.), сочтетъ ли когда нибудь достойнымъ заботы сѣно, *днесь сущее* (Матѳ. 6, 30.), и котораго завтра не будетъ? Правильно понимающій божественные предметы знаетъ, что не только дѣла человѣческія не имѣютъ постоянства, но даже и весь міръ не останется навсегда такимъ же, а потому смотреть на жизнь сію, какъ на чуждую и временную: поелику *небо и земля, по слову Спасителя, прейдутъ* (Матѳ. 24, 35.), и все по необходимости потерпитъ измѣненіе. Посему онъ, доколѣ находится въ сей хижинѣ, какъ говоритъ апостолъ (о тѣлѣ) указывая на его кратковременность (2 Кор. 5, 1.), тяготясь настоящею жизнію, скорбитъ о томъ, что пребываніе сіе у него продолжается (ст. 2—4.). Также поступаетъ и псалмопѣвецъ въ своихъ божественныхъ пѣсняхъ; ибо по истинѣ, обитающіе на время жизни въ сихъ храминахъ живутъ во тмѣ: посему пророкъ въ скорби о продолженіи сего обитанія говоритъ: *увы мнѣ, яко пришествіе мое продолжися* (Пс. 119, 5.). Причиною же такой скорби онъ полагаетъ тму, потому что мы знаемъ, что тма на еврейскомъ языкѣ именуется *кидаръ*. Ибо, по истинѣ, люди, какъ бы одержимые какимъ либо ночнымъ мракомъ, до

того слѣпы въ различіи обмана, что не знаютъ, что все, почитаемое почтеннымъ въ сей жизни, или противоположнымъ тому, существуетъ только въ одномъ представленіи неразумныхъ, но само по себѣ не имѣетъ никакого значенія: ни низкое происхожденіе, ни благородство рода, ни слава, ни знатность, ни подвиги предковъ, ни надменность настоящимъ, ни власть надъ другими, ни подчиненіе власти другихъ. Богатство и роскошь, бѣдность и нужда и всѣ несоотвѣтствія жизни, людямъ неопытнымъ, которые измѣряютъ предметы чувствомъ удовольствія, представляются имѣющими великое различіе; но для человѣка съ умомъ возвышеннымъ все представляется совершенно равнымъ, и ничто не предпочтительнѣе другаго; потому что цѣль жизни одинаково достигается при противоположныхъ состояніяхъ, и каждый изъ удѣловъ жизни имѣетъ одинаковую силу и къ добродѣтельной и къ порочной жизни: *оружіи десными и шуйми, славою и безчестіемъ*, какъ говоритъ апостолъ (2 Кор. 6, 7. 8.). Посредствомъ ихъ человѣкъ съ очищеннымъ умомъ и понимающій истину вещей правильно совершаетъ путь, проходя отъ рожденія до конца жизни опредѣленное ему время, и по обычаю путешественниковъ, простираясь все далѣе, мало обращаетъ вниманія на представляющіеся ему предметы. Ибо у путешественниковъ обычай,—

одинаково спѣшить къ цѣли путешествія, проходятъ ли они дугами и обработанными полями, или пустынными и дикими мѣстами; ни пріятное ихъ не задерживаетъ, ни непріятное не останавливаетъ. Такъ и онъ неуклонно будетъ стремиться къ предположенной себѣ цѣли, не отвлекаясь ничѣмъ встрѣчающимся на пути, но взирая только на небо пройдетъ теченіе жизни, подобно какому нибудь искусному кормчему направляя корабль ея къ высшей цѣли. Напротивъ, кто имѣетъ грубый умъ, и смотритъ долу и преклонился душею къ тѣлеснымъ удовольствіямъ, какъ животныя къ корму, живетъ только для чрева и для того, что въ связи съ чревомъ, удаленъ отъ жизни Божіей, чуждъ обѣтованія завѣтовъ и ничего другаго не считаетъ благомъ, кромѣ тѣлесныхъ наслажденій: тотъ, и всякій таковой во тьмѣ ходитъ, какъ говоритъ Писаніе (Іоан. 12, 35.); потому что дѣлается изобрѣтателемъ золъ въ сей жизни, въ числѣ которыхъ заключается и любостяжаніе, и необузданность страстей, и неумѣренность въ удовольствіяхъ, всякое любобачаліе и стремленіе къ суетной славѣ и прочее скопище страстей, живущихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ; потому что въ сихъ порокахъ одинъ какъ бы держится за другой и въ, кого входитъ одинъ, въ того, какъ бы влекомые какою-то естественною необходимостію, входятъ непременно и прочіе. Какъ въ цѣпи,

когда потянуть первое звѣно, прочія не могутъ оставаться въ покоѣ внѣ круговаго сцѣпленія, но звѣно, находящееся на другомъ концѣ цѣпи, движется вмѣстѣ съ первымъ, потому что движеніе по порядку и связи отъ перваго звѣна проходитъ чрезъ лежащія * близъ него: такъ переплетены и соединены между собою и страсти человѣческія; когда одна изъ нихъ возымѣетъ силу, и все прочее скопище пороковъ входитъ въ душу. И если нужно описать тебѣ это злое сцѣпленіе, представь, что кто нибудь по чувству какого-то удовольствія побѣжденъ страстію тщеславія; но за тщеславіемъ слѣдуетъ вмѣстѣ желаніе пріобрѣсть большее: ибо невозможно быть любостяжательнымъ, если не руководитъ этою страстію тщеславіе. Далѣе желаніе пріобрѣтать больше и имѣть преимущество предъ другими, влечетъ за собою или гнѣвъ къ равнымъ, или гордость въ отношеніи къ низшимъ, или зависть къ высшимъ; за завистью слѣдуетъ притворство, за нимъ озлобленіе; а за послѣднимъ ненависть къ людямъ; конецъ всего этого—осужденіе, оканчивающееся геенною, тмою и огнемъ.

Видишь ли связь пороковъ, какъ отъ одной страсти удовольствія исходятъ всѣ прочія? И такъ поелику послѣдовательность такихъ страстей однажды уже вошла въ сію жизнь: то мы, по совѣту богодухновенныхъ писаній, находимъ

одинъ выходъ изъ нихъ, именно: удаленіе отъ сей жизни, заключающей въ себѣ такое сочетаніе влекущихъ другъ друга недуговъ. Ибо невозможно тому, кто любитъ жить въ Содомѣ, избѣгнуть огненнаго дождя, ни тому, кто вышелъ изъ Содома, но опять обратился къ сему заустѣнію, не обратиться въ славный столпъ; не освободится также отъ рабства египетскаго тотъ, кто не оставитъ Египта, разумѣю сію бурную жизнь, и не перейдетъ не чрезъ оное Чермное, но черное сіе и мрачное море жизни. Если же, какъ говоритъ Господь, доколѣ истина не освободитъ насъ (Іоан. 8, 32.), мы останемся въ рабствѣ злу: то какъ можетъ быть въ истинѣ тотъ, кто ищетъ лжи и вращается въ обманчивости жизни? Какъ можетъ избѣгнуть рабства тотъ, кто жизнь свою отдалъ въ рабство нуждамъ природы? Но рѣчь объ этомъ будетъ понятнѣе намъ посредствомъ нѣкотораго примѣра. Какъ какая нибудь разлившаяся отъ дождей рѣка, которая бурнымъ теченіемъ, соотвѣтственно своей природѣ, уноситъ въ свое русло деревья, камни и все, что попадаетъ, страшна и опасна только для тѣхъ, которые живутъ вблизи ея: для тѣхъ же, которые берегутся ея, находясь вдали, она бушуетъ напрасно: такъ и смятенію сей жизни подвергается одинъ тотъ, кто увлекается имъ; онъ одинъ подвергаетъ себя страстямъ, въ которыя природа, совершающая

теченіе своимъ порядкомъ, необходимо вовлекаетъ тѣхъ, которые идутъ ея путемъ, потопля ихъ волнами житейскихъ золь. Но если кто оставитъ этотъ *потокъ*, какъ говоритъ Писаніе, и *воду непостоянную* (Пс. 123, 5. 6.): тотъ непремѣнно уйдетъ, какъ говорится въ псалмѣ въ слѣдъ за симъ, отъ *ловитвы зубовъ* жизни, какъ птица, крыльями добродѣтели, избавившись отъ сѣти (ст. 7.). Ибо, по приведенному нами сравненію рѣки, жизнь человѣческая, полная различными смутами и несообразностями, несется постоянно впередъ, стремясь по склону естества; ни надъ чѣмъ, что составляетъ въ ней предметъ желаній, не останавливается, и не ждетъ, пока насытятся ими желающіе: но ко всему встрѣчающемуся вмѣстѣ и приближается, и прикоснувшись пробѣгаетъ мимо, и вѣчно присущее отъ быстроты теченія ея ускользаетъ отъ чувства, такъ какъ глаза увлекаются тѣмъ, что потокъ представляетъ далѣе. Посему полезно было бы держать себя вдали отъ этого потока, чтобы увлекшись непостояннымъ, не упустить изъ виду вѣчно пребывающаго. Ибо можетъ ли пристрастившійся къ чему либо въ сей жизни, до конца имѣть то, что желаетъ? Какое изъ особенно вождѣленныхъ благъ, навсегда пребываетъ таковымъ? Каковъ цвѣтъ юности? Каковы счастливые дары силы и красоты? Каково богатство? Какова слава? Каково вла-

дычество? Все это, разцвѣтши на короткое время, не проходить ли опять и не смѣняется ли тѣмъ, что носить противное ему названіе? Кто прожилъ постоянно юнымъ? У кого навсегда сохранились силы? А цвѣтъ красоты, не сдѣлала ли природа кратковременнѣе даже тѣхъ цвѣтовъ, которые появляются весною? Ибо эти растутъ всегда въ извѣстное время, и отцвѣтши на короткое время, опять оживаютъ; потомъ снова опадаютъ и снова разцвѣтаютъ, и раскрываютъ свою красоту въ обновленномъ видѣ; а цвѣтъ человѣческой красоты природа, раскрывъ однажды въ весну юности, за тѣмъ истребляетъ и уничтожаетъ зимою старости. Равнымъ образомъ и все прочее, на время польстивъ плотскому чувству, за тѣмъ проходить и покрывается забвеніемъ. Итакъ, поелику таковыя перемѣны, случающіяся по нѣкоторой естественной необходимости, непременно удручаютъ печалію того, кто пристрастенъ (къ нимъ), то единственное спасеніе отъ таковыхъ золъ, — ни къ чему изъ того, что подвержено перемѣнѣ, не прилѣпляться душою, но сколько возможно удаляться общенія со всею страшною и плотскою жизнію, особенно же отрѣшиться отъ пристрастія къ своему тѣлу, чтобъ, живя по плоти, не быть повиннымъ и бѣдствіямъ, происходящимъ отъ плоти; то есть, — жить одною душою и по возможности подражать жизни безплотныхъ силъ,

✓ въ которой они ни женятся, ни посягаютъ (Марк. 12, 25.), но занимаются и упражняются созерцаніемъ неслѣннаго Отца и украшеніемъ своего образа по подобію первобытной красоты чрезъ возможное подражаніе оной.

Г л а в а 5.

О томъ, что безстрастіе души должно предшествовать чистотѣ тѣлесной.

Итакъ вотъ въ какомъ образѣ мыслей и высококомъ стремленіи содѣйствуетъ, говоримъ мы согласно съ писаніемъ, и помогаетъ человѣку дѣвство. Ибо какъ въ прочихъ занятіяхъ придуманы нѣкоторыя искусства для того, чтобы совершеннѣе выполнить то дѣло, о которомъ заботимся: такъ мнѣ кажется, и подвигъ дѣвства составляетъ нѣкоторое искусство и способность къ достиженію болѣе божественной жизни, содѣйствуя живущимъ во плоти уподобляться естеству безплотному. Ибо вся забота настоящей жизни состоитъ въ томъ, чтобы высота души не унизилась напоромъ удовольствій, и чтобы разумъ нашъ, вмѣсто того, чтобы воспарять къ небу и созерцать горняя, не палъ низвергшись къ страстямъ плоти и крови. Ибо какъ можетъ свободнымъ окомъ взирать на сродный себѣ и умный свѣтъ душа, прилѣпившаяся къ дольнымъ плотскимъ удо-

вольствіямъ и устремившая все желаніе къ чело-
вѣческимъ страстямъ, когда по какому-то
худому и невѣжественному представленію скло-
няется къ предметамъ вещественнымъ? Какъ
глаза свиней, по природѣ обращенные внизъ,
не могутъ видѣть чуждыхъ красотъ небесныхъ:
такъ душа, привязавшись къ тѣлу, не можетъ
созерцать горнихъ красотъ, потому что пре-
клонилась къ грубому и скотоподобному по
природѣ. Итакъ чтобы душа наша могла сво-
бодно и безпрепятственно взирать на оное
божественное и блаженное удовольствіе, она
не должна обращаться ни къ чему земному и
принимать участія въ тѣхъ мнимыхъ удоволь-
ствіяхъ, которыя дозволяются брачною жизнью,
но всю силу любви отъ плотскихъ предметовъ
должна обратить къ созерцанію умственной и
невещественной красоты. Къ такому располо-
женію души содѣйствуетъ намъ тѣлесное дѣв-
ство: оно производитъ то, что душа совер-
шенно забываетъ о естественныхъ страст-
ныхъ движеніяхъ и не помнитъ ихъ, не имѣя
никакой необходимости заниматься удовлетво-
реніемъ низкихъ потребностей плоти. Ибо
освободившись однажды отъ сихъ обязанно-
стей, она уже не подвергается опасности, по
привычкѣ мало по малу снисходя къ удоволь-
ствіямъ, кажушимся дозволенными закономъ
природы, отвратиться и не познать того
божественнаго и нетлѣннаго удовольствія, ко-

тораго, обыкновенно, достигаетъ одно только чистое сердце (при содѣйствіи) господственнаго начала въ насъ, — ума.

ГЛАВА 6.

О томъ, что Ілія и Іоаннъ тщательно заботились о таковой
жизни.

Посему, мнѣ кажется, и великій между про-
роками Ілія, и тотъ, кто въ духъ и силъ Іліи
послѣ него явился и жилъ на землѣ, больше
котораго нѣтъ никого изъ рожденныхъ жена-
ми, (хотя исторія нѣчто и другое повѣствуетъ
объ нихъ иносказательно), жизнью своею осо-
бенно учать тому, чтобы удалялся міра, не
слѣдуя ему, тотъ, кто упражняется въ созер-
цаніи невидимаго, дабы увлекшись какъ нибудь
обольщеніями, происходящими отъ чувствъ, не
испытать какой нибудь запутанности и обма-
на въ сужденіи объ истинномъ благѣ. Ибо
они оба съ ранней юности стали чужды чело-
вѣческой жизни и поставили себя какъ бы выше
природы, презрѣвъ обычную и дозволенную
заботливость о пищѣ и питіи и проводя жизнь
въ пустынѣ, такъ что и слухъ ихъ былъ уда-
ленъ отъ шума, и зрѣніе отъ обольщенія, и
вкусъ остался простымъ и непрехотливымъ;
потому что потребность (пищи и питія) оба
удовлетворяли чѣмъ ни случалось. Отъ того

вдали отъ мірскаго шума они и достигли великой тишины и спокойствія и вознеслись на ту высоту божественныхъ дарованій, о какой относительно того и другаго изъ нихъ упоминаетъ Писаніе. Ибо Ілія, будучи поставленъ какъ бы какимъ раздаятелемъ даровъ Божіихъ, имѣлъ во власти управленіе небомъ и могъ затворять оное для согрѣшающихъ и отверзать для кающихся; объ Іоаннѣ же исторія не говоритъ, чтобы онъ сотворилъ какое нибудь подобное чудо, но Видящій сокровенное засвидѣтельствовалъ, что у него было дарованіе большее, чѣмъ у всѣхъ прочихъ пророковъ. Можетъ быть (потому они оба достигли такой высоты), что чистую и отрѣшенную отъ всякаго вещественнаго пристрастія любовь свою, отъ начала и до конца жизни посвятили Господу, не отвлекаясь ни любовію къ дѣтямъ, ни заботою о женѣ, ни другими какими либо человѣческими дѣлами; даже заботу о ежедневномъ необходимомъ пропитаніи считали неприличною для себя, и отвергнувъ всякую роскошь въ одеждѣ, удовлетворяли свои потребности чѣмъ случится, одѣваясь, — однимъ козими кожами, а другой верблюжьимъ волосомъ. Такого величія, думаю, не достигли бы они, если бы допустили разслабить себя страстными плотскими удовольствіями брака. Это не безъ причины, но, какъ говоритъ апостоль, *вз наше наказаніе преднаписашася* (Римл. 15. 4),

дабы мы по ихъ образу жизни направляли и свою жизнь. Итакъ, чему же научаемся отъ нихъ? Тому, чтобы желающій единенія съ Богомъ, по подобію сихъ святыхъ мужей, ни къ какимъ житейскимъ предметамъ не привязывался мыслію: ибо тому, чей разумъ развлекается многимъ, невозможно преусиѣть въ познаніи Бога и въ любви къ Нему.

Г л а в а 7.

О томъ, что развлекающійся многимъ не можетъ быть совершеннымъ по душѣ.

Мнѣ кажется, что ученіе о семъ яснѣе можно представить при помощи примѣра. Положимъ, что вода, изливаясь изъ источника, случайно раздѣлилась на различные потоки. Дотоле она течетъ такимъ образомъ, не принесетъ никакой пользы для потребностей земледѣлія; потому что при разлитіи воды на много потоковъ, въ каждомъ останется мало воды, и она по своей незначительности сдѣлается стоячею и неподвижною. Если же кто всѣ безпорядочно текущіе потоки соединить, и разливавшуюся дотоле по многимъ мѣстамъ воду заключить въ одно русло: тотъ можетъ собранную и сосредоточенную воду употребить съ великою для жизни пользою и выгодною. Такъ, мнѣ кажется, и умъ человѣческій, если

постоянно растекается и разсѣявается къ тому, что нравится чувствамъ, не имѣетъ нисколько достаточной силы къ достиженію истиннаго блага; если же отрѣшившись отъ всего и сосредоточившись въ самомъ себѣ, собранно и неразсѣянно будеть стремиться къ свойственной ему по природѣ дѣятельности, то не будетъ для него никакого препятствія къ тому, чтобы возноситься къ горнему и достигать существенной истины. Ибо какъ сдерживаемая водопроводомъ вода, встрѣтивъ препятствіе, отъ сильнаго напора поднимается вверхъ, не имѣя мѣста, куда разлиться,—и это бываетъ, не смотря на то, что вода по природѣ имѣетъ свойство стремиться внизъ: такъ и умъ человѣческій, когда воздержаніе, какъ нѣкоторый каналъ, со всѣхъ сторонъ будеть сдерживать его, не имѣя мѣста, куда разсѣяться, по самому свойству движенія устремится вверхъ, вождѣлевая высшихъ благъ, ибо не можетъ когда нибудь остановиться тотъ, кто получилъ отъ Творца постоянно-движущееся естество, и если употребленію сего движенія на суетные предметы положена преграда, онъ не можетъ конечно стремиться къ чему либо кромѣ истины, будучи со всѣхъ сторонъ огражденъ отъ того, что для него неприлично. И какъ мы видимъ, что путешественники при множествѣ дорогъ тогда преимущественно не заблуждаются отъ настоящаго пути, когда

узнавъ напередъ невѣрность другихъ путей, уклоняются отъ нихъ, такъ что чѣмъ болѣе кто во время путешествія удаляется отъ невѣрныхъ путей, тѣмъ вѣрнѣе сохранить себя на истинномъ пути: такъ и разумъ нашъ познаетъ истину сущаго только тогда, когда отвратится отъ суетныхъ предметовъ. Итакъ, мнѣ кажется, что воспоминаніе объ оныхъ великихъ пророкахъ учить насъ тому, чтобы мы не привязывались ни къ чему, что составляетъ предметъ заботы въ семъ мірѣ; а въ числѣ таковыхъ предметовъ находится бракъ; лучше сказать, онъ есть начало и корень суетныхъ попеченій.

Г л а в а 8.

О томъ, что и бракъ не подлежитъ осужденію.

Никто впрочемъ изъ сказаннаго нами не долженъ заключать, что мы отвергаемъ установленіе брака: ибо не безызвѣстно намъ, что и онъ не лишенъ благословенія Божія. Но поелику въ защиту его достаточно говорить общая природа человѣческая, вложившая самопроизвольное стремленіе къ нему во всѣхъ, которые путемъ брака раждаютъ дѣтей, а дѣвство какъ бы противорѣчить природѣ: то излишенъ былъ бы трудъ писать совѣты и увѣщанія относительно брака, когда само удо-

вольствіе служить непреодолимымъ его защитникомъ. Нужна можетъ быть такая рѣчь о бракъ для тѣхъ, которые искажаютъ догматы Церкви, которыхъ апостолъ именуетъ *сожже-
ными своею совѣстію* (1 Тим. 4, 2.), и именуетъ справедливо: потому что, оставивъ водительство Святаго Духа, они, наученные демонами, на сердцахъ своихъ выжигаютъ нѣкоторыя язвы и знаки, гнушаясь твореніями Божиими какъ бы нечистыми, называя ихъ и влекущими ко злу и причиною зла и другими подобными именами. Но что *ми вышнихъ судити*, говоритъ апостолъ (1 Кор. 5, 12.)? Ибо они по истинѣ находятся внѣ двора словесныхъ таинствъ; не во дворѣ Божіемъ, но въ загонѣ лукаваго обитаютъ, *живи уловленн въ свою его волю* (2 Тим. 2, 26.), какъ говоритъ апостолъ, и потому не понимаютъ, что, такъ какъ на всякую добродѣтель должно смотрѣть какъ на средину (между крайностями), то уклоненіе въ ту или другую отъ нея сторону есть порокъ. Ибо кто во всемъ наблюдаетъ средину между недостаткомъ и чрезмѣрностію, тотъ отличаетъ добродѣтель отъ порока. Но яснѣе можно представить понятіе объ этомъ самымъ дѣломъ: робость и дерзость — два противоположные порока, происходящіе одинъ отъ недостатка, другой отъ излишества самоувѣренности; въ срединѣ же ихъ заключается добродѣтель — мужество. Еще: человекъ благоче-

стивый не есть ни безбожникъ, ни суевѣръ: потому что равно нечестиво и то и другое,— и не признавать никакого Бога, и признавать многихъ боговъ. Хочешь ли и изъ другихъ (примѣровъ) узнать истину сего ученія? Избѣгнувшій скупости и расточительности чрезъ удаленіе отъ сихъ противоположныхъ страстей достигъ бережливости: ибо бережливость состоитъ въ томъ, чтобы безъ расчета не тратиться на неумѣренныя и бесполезныя издержки и не быть скупымъ на предметы необходимые. Такимъ образомъ и во всемъ прочемъ, (дабы намъ не изслѣдовать все порознь), разумъ составляетъ добродѣтель въ срединѣ между двумя крайностями. Итакъ и цѣломудріе есть средина, и кто удалился отъ него на ту ли, другую ли сторону, очевидно уклоняется къ пороку; ибо кто по недостатку душевной твердости легко побѣждается страстію похоти и не вступилъ еще на путь добродѣтельной и воздержной жизни, тотъ впадаетъ въ безчестныя страсти; а кто переступаетъ границы того, что доступно цѣломудрію и отдаляется отъ середины, — добродѣтели, въ другую сторону, тотъ, какъ въ какую стремнину, впадаетъ въ ученіе бѣсовское, сожигая свою совѣсть, какъ говорить апостолъ. Ибо считая бракъ дѣломъ гнуснымъ, своими поношеніями брака клеймить самаго себя. Если *древо зло*, какъ говорить въ одномъ мѣстѣ Евангеліе (Матѣ. 7, 18.),

то и плодъ его конечно такой же, — достойный древа; а если произрастеніе и плодъ брачнаго древа есть человѣкъ; то, конечно, поношеніе брака падаетъ на того, кто произноситъ его.

Это служить обличеніемъ для тѣхъ, кои какъ бы язвами заклеили свою совѣсть нелѣпнымъ ученіемъ. Мы же относительно брака думаемъ такъ, что должно предпочитать (оному) заботу и попеченіе о божественномъ, но и не презирать того, кто можетъ воздержно и умѣренно пользоваться учрежденіемъ брака. Таковъ былъ патриархъ Исаакъ; онъ не во цвѣтѣ лѣтъ, дабы бракъ не былъ дѣломъ страсти, но уже, по прошествіи юности, беретъ себѣ въ сожителство Ревекку для благословенія Божія въ сѣмени, и послуживъ браку до перваго дѣторожденія, опять всецѣло обратился къ невидимому, заключивъ тѣлесныя чувства: ибо на это, кажется, указываетъ исторія, когда повѣствуется о болѣзненности очей патриарха. Но объ этомъ пусть думаютъ какъ угодно умѣющіе понимать такого рода предметы яснѣе: мы же обратимся къ продолженію рѣчи. Итакъ, что же значитъ сказанное нами? То, что, если возможно, и не отступать отъ стремленія къ божественному, и не бѣжать отъ брака: ни на какомъ основаніи нельзя отвергать требованія природы и осуждать честное, какъ безчестное. Какъ въ приведенномъ нами примѣрѣ воды и источника, когда земледѣльцу, который про-

водить воду на какое нибудь поле для орошенія, бываетъ нужно провести небольшой потокъ въ срединѣ: то онъ допустить водѣ разлиться только въ такой мѣрѣ, какая требуется для удовлетворенія предстоящей нужды, такъ чтобы она могла опять легко соединиться со всею водою; если же откроетъ для воды безмѣрный и широкій протокъ: то будетъ угрожать опасность, что оставивъ прямой путь, вся она разольется, образуя рытвины по сторонамъ. Такимъ же точно образомъ (поелику для жизни необходимо и преемство рожденій), если кто такъ будетъ пользоваться супружествомъ, что предпочитая дѣла духовныя, естественное (вожделеніе) ограничить умѣренностію, по причинѣ краткости времени (1 Кор. 7, 29.): тотъ будетъ мудрымъ земледѣльцемъ, который, по заповѣди апостола (ст. 5.), не постоянно бываетъ занятъ исполненіемъ грубыхъ оныхъ обязанностей, но по согласію сохраняетъ чистоту душъ, для упражненія въ молитвѣ, опасаясь, чтобы пристрастившись къ нимъ, не сдѣлаться совершенно плотію и кровію, въ которыхъ не пребываетъ Духъ Божій. Если же кто такъ немогущъ, что не можетъ мужественно устоять противъ влеченія природы, тому гораздо лучше далѣе держать себя отъ таковыхъ предметовъ, нежели рѣшиться на подвигъ, превышающій его силы; ибо угрожаетъ немалая опасность, что увлекшись

испытаннымъ удовольствіемъ, онъ не будетъ ничего инаго почитать благомъ, кромѣ того, которое съ нѣкоторымъ наслажденіемъ получаетъ чрезъ тѣло, и отвративъ совершенно умъ свой отъ стремленія къ благамъ безтѣлеснымъ, весь сдѣлается плотскимъ, гоняясь постоянно за плотскими лишь наслажденіями, такъ что будетъ болѣе любить удовольствіе, нежели Бога. Итакъ, поелику по немощи природы не всякій можетъ соблюсти умѣренность въ такого рода вещахъ, а вышедшій изъ границъ умѣренности находится въ опасности погрязнуть, по псалмопѣвцу, *въ тиньніи глубины* (Пс. 68, 3.): то весьма полезно было бы, какъ учить сіе слово, прожить не испытывая таковыхъ удовольствій, дабы подъ предлогомъ дозволеннаго, страсти не получили доступа къ душѣ.

Г л а в а 9.

О томъ, что во всемъ трудно перемѣнять привычку.

Во всемъ трудно побѣждать привычку: потому что она имѣетъ великую силу увлекать и поработать себѣ душу и выставять на видъ нѣкоторую хорошую сторону; отъ чего каждый привычкою пріобрѣтаетъ извѣстный нравъ и пристрастіе. Но по самой природѣ ничего не должно такъ остерегаться, какъ

того, чтобы совершаемаго по привычкѣ не счесть заслуживающимъ заботы и предпочтенія. Доказательствомъ сей мысли служить жизнь человѣческая: при такомъ множествѣ живущихъ народовъ, не у всѣхъ проявляются одинаковыя стремленія; но у разныхъ народовъ понятія о добромъ и честномъ различны и зависятъ отъ привычки, которая въ каждомъ производитъ къ чему нибудь стремленіе и расположеніе. И не между народами только можно замѣтить такое разногласіе, что однѣ и тѣ же занятія одними уважаются, а другими охуждаются; даже въ одномъ и томъ же народѣ, одномъ и томъ же городѣ и семействѣ можно видѣть великое различіе, происходящее отъ привычки каждаго. Такъ одновременно родившіеся на свѣтъ братья образомъ жизни далеко различаются другъ отъ друга. И это еще не удивительно: даже каждый порознь человекъ часто объ одномъ и томъ же предметѣ судить не одинаково, а какъ расположенъ бываетъ привычкою. И не говоря о томъ, что далеко отъ нашего предмета, мы знали многихъ, которые уже въ первой молодости были сильными любителями цѣломудрія; начало же порочной жизни положили тѣмъ, что приняли участіе въ удовольствіяхъ повидимому законныхъ и дозволенныхъ. Послѣ же того, какъ однажды испытали ихъ, по приведенному нами примѣру о ручьѣ, обративъ къ нимъ

всещло желательную силу души и отвративъ ея стремленіе отъ предметовъ божественныхъ къ предметамъ низкимъ и вещественнымъ, открыли въ себѣ широкое поле страстямъ, такъ что совершенно исчезло въ нихъ стремленіе къ горнему и изсохло желаніе онаго, все обратившись на страсти. Поэтому мы находимъ полезнымъ для болѣе немощныхъ, чтобы они прибѣгали къ дѣвству, какъ къ безопасной какой крѣпости, и не вызывали противъ себя искушеній, нисходя къ обычаю сей жизни; не привязывались къ тому, что противовоюетъ закону ума нашего чрезъ плотскія страсти, и не волновались заботами о границахъ земель, о потерѣ денегъ, и о другомъ чемъ либо, о чемъ пекутся въ сей жизни, но заботились о превосходящей все надеждѣ. Ибо тому, кто разумомъ своимъ обратился къ этому міру и занимаетъ душу свою тѣмъ, чтобы угодить людямъ, невозможно быть исполнителемъ первой и великой заповѣди Господней, которая повелѣваетъ любить Бога *всѣмъ сердцемъ* и *всею силою* (Марк. 29, 30.). Ибо какъ можетъ любить Бога *всѣмъ сердцемъ* и *силою* тотъ, кто раздѣлилъ свое сердце между Богомъ и міромъ и нѣкоторымъ образомъ похищая любовь, одному Богу принадлежащую, иждиваетъ оную на человѣческія страсти? Ибо *не оженившись печется о Господнихъ, а оженившись печется о мірскихъ* (1. Кор. 7, 32. 33.). Хотя

и кажется трудною борьба противъ удовольствій, но не должно никому терять бодрости; ибо привычка не малую имѣетъ силу къ тому, чтобы при помощи постоянства доставлять нѣкоторое удовольствіе даже въ предметахъ, кажущихся самыми трудными, и притомъ удовольствіе самое прекрасное и чистое, которымъ наслаждаться разумному существу прилично болѣе, нежели, малодушно увлекаясь низкимъ, удаляться отъ того, что по истинѣ велико и превосходитъ всякій умъ.

Г л а в а 10.

Въ чемъ состоитъ истинно-вождедѣнное благо?

Ибо какое слово можетъ представить, сколь велика потеря лишиться обладанія истиннымъ благомъ? Какимъ бы превосходнымъ умомъ ни владѣлъ кто, будетъ ли онъ въ силахъ изъяснить и описать то, что невыразимо для слова и непостижимо для ума? Потому что, если кто на столько очистилъ душевное око, что нѣкоторымъ образомъ можетъ созерцать обѣщанное намъ Господомъ блаженство: тотъ презреть всякій голосъ человѣческій, какъ немѣющій никакой силы для выраженія умопостигаемаго. Если же кто, будучи обуреваемъ страстями, страстнымъ вождедѣніемъ, какъ бы грязью

какою ослѣпилъ душевное зрѣніе, для того всякая сила словъ напрасна; потому что для не имѣющихъ чувствъ все равно, будетъ ли слово твое умалять или превозносить достойное удивленія. Какъ относительно солнечныхъ лучей, кто не видѣлъ свѣта отъ перваго дня рожденія, для того напрасно и бесполезно толковать на словахъ о свѣтѣ: потому что сіяніе лучей нельзя ощутить посредствомъ слуха: такъ и касательно истиннаго и умнаго свѣта, каждый долженъ имѣть свои глаза, чтобы усмотрѣть оную красоту; кто узрѣлъ ее, по нѣкому божественному дару и вдохновенію, тотъ хранитъ неизъяснимое изумленіе въ тайнѣ сознанія; а кто не видѣлъ оной, тотъ не будетъ чувствовать и того лишенія, которое терпитъ. Ибо какъ можетъ кто изъяснить ему сіе чуждое для него благо? Какъ представить его взорамъ невыразимое? Собственныхъ словъ для означенія красоты его мы не знаемъ; примѣра искомому благу между существующими предметами нѣтъ никакого; сравненіемъ изъяснить оное невозможно. Кто станетъ уподоблять солнце малой искрѣ? Или малую каплю—сравнивать съ безпредѣльнымъ океаномъ? Ибо, какое имѣетъ отношеніе малая капля къ океану, или малая искра къ великимъ лучамъ солнца: такое же и все, считаемое достойнымъ удивленія у людей, какъ прекрасное, имѣетъ отношеніе къ оной красотѣ, которая

усматривается въ высочайшемъ благѣ, превышемъ всякаго блага. Итакъ, какая сила ума можетъ изъяснить великость сего лишенія тому, кто терпитъ оное? Мнѣ кажется, сію невозможность хорошо объяснилъ великій Давидъ: онъ нѣкогда силою Духа вознесшись умомъ и бывъ какъ бы внѣ себя, видѣлъ оную невыразимую и непостижимую красоту въ блаженномъ изступленіи, и видѣлъ на столько, конечно, на сколько возможно видѣть человѣку, когда онъ отрѣшится отъ покрововъ плоти и однимъ разумомъ войдетъ въ созерцаніе безтѣлеснаго и умопостигаемаго; когда же захотѣлъ сказать нѣчто достойное видѣннаго имъ, произнесъ всѣмъ извѣстныя онія слова: *всякъ человекъ лжесть* (Пс. 115, 2.). Это значитъ тоже, что и я говорю, — что всякій человѣкъ, позволяющій себѣ объяснять словами этотъ неизреченный свѣтъ, подлинно есть лжець: не потому, чтобы ненавидѣлъ (истину), но потому, что не въ состояніи изъяснить умопостигаемое. Ибо чувственную красоту, которая находится здѣсь въ нашемъ мірѣ, такъ какъ она въ веществахъ ли то бездушныхъ, или въ тѣлахъ одушевленныхъ, изображается нѣкоторыми красивыми цвѣтами, мы силою чувствъ нашихъ самихъ по себѣ можемъ и рассмотреть, и понять, и передать другому чрезъ словесное описаніе, изображая словомъ сію красоту какъ бы на какой картинѣ. Но

какъ слово можетъ изобразить предъ нашими взорами то, первообразная красота чего недоступна уразумѣнію, что описать оно не имѣетъ никакой возможности, ибо не можетъ сказать ни о цвѣтѣ, ни о формѣ, ни о величинѣ, ни о внѣшнемъ благообразіи, ни о другихъ такого рода мелочахъ? Ибо что вполнѣ невидимо, безформенно, чуждо всякой количественности и далеко поставлено отъ всего, что усматривается въ тѣлѣ и чувствахъ, то, какъ можно передать посредствомъ того, что постигается однимъ только чувствами? Впрочемъ не должно отказываться отъ стремленія къ сему благу на основаніи того, что оно выше нашего разумѣнія: напротивъ чѣмъ выше искомый предметъ представляется намъ, тѣмъ болѣе мы должны возноситься умомъ и возвышаться вмѣстѣ съ величіемъ искомага, дабы совершенно не лишиться участія въ семъ благѣ. Ибо не мало должно опасаться, чтобы по причинѣ великой высоты и неизреченности предмета, не потерять совершенно понятія о немъ, какъ скоро въ своемъ разумѣніи не станемъ опираться на что либо доступное нашему познанію. Итакъ ради сей самой немощи, къ невидимому должны руководить нашъ умъ предметы, чувствами познаваемые. Разсудимъ же объ этомъ такимъ образомъ.

ГЛАВА 11.

Какъ должно поступать въ сужденіи объ истинной красотѣ?

Смотрящіе на предметы поверхностно, безъ вниманія, когда видятъ человѣка, или другое, какое случится, явленіе, ничего болѣе въ немъ не изслѣдуютъ, какъ только то, что видятъ; для нихъ достаточно увидѣть объемъ тѣла, чтобы подумать, что они составили полное понятіе о человѣкѣ: человѣкъ же, одаренный умомъ проницательнымъ и образованный, не ввѣряетъ разсматриваніе предметовъ одному чувству зрѣнія, не останавливается на одномъ только видимомъ, и невидимаго не почитаетъ не существующимъ, но наблюдаетъ какъ природу души, такъ и природныя качества тѣла, и разсматриваетъ ихъ какъ вообще, такъ и каждое отдѣльно; потомъ каждое изъ нихъ отличаетъ отъ другаго особымъ понятіемъ, и снова смотритъ на общій ихъ строй и соединеніе въ составъ предмета. Такъ и при изслѣдованіи красоты, несовершенный по уму, какъ скоро увидитъ какой нибудь предметъ, имѣющій видъ нѣкоторой красоты, то самое (въ немъ) сочтетъ прекраснымъ по своей природѣ, что привлекаетъ удовольствіемъ его чувство; больше сего не старается ничего изслѣдовать: а кто имѣетъ чистое око души и можетъ со-

зерцать такого рода предметы, тотъ оставивъ восхищаться веществомъ, подчиненнымъ идеѣ красоты, пользуется видимымъ, какъ нѣкото-рою ступенью къ умосозерцанію красоты разумной, по общенію съ коею и все прочее есть и называется прекраснымъ. Но при такой грубости ума, составляющей принадлежность большей части людей, мнѣ кажется труднымъ дѣломъ, чтобы тѣ, кои въ своихъ понятіяхъ отдѣляютъ и разъединяютъ вещество отъ созерцаемой при немъ красоты, могли понять сущность прекраснаго самаго по себѣ; и если кто захочетъ внимательно изслѣдовать причину превратныхъ и ложныхъ представлений, то, мнѣ кажется, не найдетъ никакой другой, кромѣ той, что чувства души нашей не обучены тщательно различать, что добро и что не таково. Посему уклонившіеся отъ стремленія къ истинному благу люди, одни ниспали въ любовь плотскую, другіе увлеклись страстію къ бездушному веществу денегъ; иные поставили для себя благо въ чести, славѣ и господствѣ; нѣкоторые страстно предались искусствамъ и наукамъ: а болѣе грубые, цѣнителями прекраснаго сдѣлали гортань и чрево. Отрѣшившіеся же отъ грубыхъ понятій и пристрастія къ предметамъ видимымъ взыскали простое, невещественное и не имѣющее вида естество красоты; они не обманулись въ избраніи вожелѣннаго блага, и не увлеклись

преlestiю подобнаго рода (предметовъ) на столько, чтобы видя кратковременность заключающагося въ нихъ удовольствiя, не придти къ презрѣнiю оныхъ. Итакъ вотъ путь, ведущiй насъ къ обрѣтенiю истинно прекраснаго: все прочее, что влечетъ къ себѣ расположенiе людей, что считается прекраснымъ, а потому удостоивается заботы и вниманiя, презирать, какъ низкое и кратковременное, и ни на что таковое не тратить своей желательной силы; но и не оставлять оной въ праздности и неподвижности, заключивъ ее въ самихъ себѣ; а очистивъ отъ пристрастiя къ предметамъ низкимъ, возводить туда, куда не достигаетъ чувство; такъ чтобы ни красота неба, ни сiянiе свѣтилъ, ни другое что изъ видимыхъ красотъ не приводило насъ въ удивленiе: но чтобы созерцаемая во всѣхъ сихъ предметахъ красота руководила насъ къ желанiю той красоты, которой славу повѣдаютъ небеса, и вѣдѣнiе о которой возвѣщаетъ твердь и все творенiе (Пс. 18, 2.). Когда душа возвысится до такой высоты, и все ею понимаемое оставитъ позади себя, какъ низшее искомаго предмета: тогда достигнетъ уразумѣнiя того величiя, которое превознесено превыше небесъ. Но какъ можетъ взойти на такую высоту тотъ, чьи заботы обращены къ предметамъ низкимъ? Какъ можетъ взлетѣть на небо тотъ, кто не окрылилъ себя небес-

ными крыльями и посредством высокой жизни не сдѣлался легкимъ и способнымъ подниматься къверху? Кто такъ чуждъ таинствъ евангельскихъ, что не знаетъ, что одна есть колесница для подъятія души человѣческой на небо, — уподобиться видомъ летающей голубицѣ, которой крылевъ возжелалъ себѣ пророкъ Давидъ (Пс. 54, 6.). Симъ иносказаніемъ Писаніе, обыкновенно, именуетъ силу Духа, потому ли, что птица сія не имѣетъ злобы, или потому, что она гнушается зловонія, какъ говорятъ наблюдатели. Итакъ кто отдалился отъ всякой гнѣвливости и зловонія плотской нечистоты и возвысился надъ всѣми низкими и земными предметами, или лучше, вышеуказанными крыльями возлетѣлъ выше всего міра; тотъ найдетъ то, что единственно достойно желанія, сдѣлается и самъ прекраснымъ, приблизившись къ красотѣ, и пребывая въ оной, станетъ чистымъ и свѣтовиднымъ по общенію съ истиннымъ свѣтомъ. Такъ замѣчаемая часто ночью вспышки свѣта въ воздухѣ, которыя нѣкоторые называютъ падающими звѣздами, по словамъ занимающихся изслѣдованіемъ такого рода предметовъ, суть не что иное, какъ паръ силою воздуха поднятый и разлитый въ эфирномъ пространствѣ: ибо, говорятъ, огненная оная полоса отображается на небѣ отъ воспламененнаго въ эфирѣ воздуха. Итакъ, какъ этотъ земной паръ, силою

воздуха поднятый въ высоту, дѣлается свѣтовиднымъ, измѣняясь въ чистоту эира: такъ и умъ человѣческій, оставивъ сію нечистую и грязную жизнь, когда очистившись силою Духа, сдѣлается свѣтовиднымъ и соединится съ истинною и высочайшею чистотою, и самъ нѣкоторымъ образомъ является въ оной, проникается лучами и дѣлается свѣтомъ, по общанію Господа, который общалъ, что праведники возсіяютъ подобно солнцу (Матѣ. 13, 45.). И это, мы видимъ, бываетъ и на землѣ въ зеркалѣ, водѣ и во всемъ, что по своей прозрачности способно къ отраженію. Когда какойнибудь изъ таковыхъ предметовъ принимаетъ лучъ солнца, отражаетъ другой лучъ отъ себя; но сего отраженія не произойдетъ, если чистая и свѣтлая поверхность онаго будетъ покрыта какоюнибудь нечистотою. Итакъ или мы, оставивъ сію земную тму, вознесемъ горѣ, и тамъ сдѣлаемся свѣтовидными, соединившись съ истиннымъ свѣтомъ Христовымъ, или сей истинный свѣтъ, и во тмѣ сіяющій, снизойдетъ и къ намъ,—и мы будемъ свѣтомъ, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Господь ученикамъ (Матѣ. 5, 14.), если только какаянибудь нечистота порока, приставъ къ душѣ, не помрачитъ красоту нашего свѣта.

Итакъ, рѣчь сія примѣрами можетъ быть мало по малу привела насъ къ мысли объ измѣненіи къ лучшему и показала, что душа не

иначе можетъ соединиться съ нетлѣннымъ Богомъ, какъ содѣлавшись и сама сколько возможно чистою чрезъ цѣломудріе, чтобы подобнымъ воспріять подобное, ставъ какъ бы зеркаломъ для чистоты Божіей, такъ чтобы, чрезъ участіе въ первообразной красотѣ и чрезъ отраженіе ея, и самой получить ея видъ. Если же кто достигъ до того, что сѣумѣлъ оставить все человѣческое: рабовъ ли, деньги ли, или занятія науками и искусствами, и все прочее, что по обычаямъ и законамъ считается прекраснымъ (поелику погрѣшность въ понятіи о прекрасномъ бываетъ относительно тѣхъ предметовъ, въ основу сужденія о которыхъ полагается чувство): тотъ будетъ съ любовію и желаніемъ стремиться къ тому только одному, что не заимствуетъ своей красоты отъ никуда, что не временно и относительно, но прекрасно отъ себя и чрезъ себя и имѣетъ само въ себѣ красоту не такую, которая когда-то не была красотою или не будетъ ею, но всегда себѣ равную, выше приращенія и умноженія, и недоступную никакой перемѣнѣ и измѣненію. Итакъ кто всѣ свои душевныя силы очистилъ отъ всякаго вида зла, для того, смѣло говорю, становится ясною единое по естеству прекрасное, которое есть причина всякой красоты и блага. Ибо какъ чистый отъ гноя глазъ ясно видитъ все, что находится на небѣ; такъ и душа чрезъ нерастлѣніе получаетъ способъ

ность созерцать оный свѣтъ: и истинное дѣвство и стремленіе къ неразгаѣнности ведутъ къ той цѣли, чтобы при помощи ихъ можно было видѣть Бога. Ибо нѣтъ такого слѣпца по уму, который бы самъ собою не понималъ, что главная, первая и единственная красота и благо и чистота есть Богъ всего. Но это, вѣроятно, не безъизвѣстно каждому; а надобно поискать, чтобы кто либо открылъ намъ, если то возможно, нѣкоторый способъ и путь, руководящій насъ къ Нему. Сего рода наставленіями полны божественныя книги; многіе изъ святыхъ представляютъ жизнь свою, какъ нѣкій свѣтильникъ, идущимъ по Богъ. Изъ богодухновеннаго Писанія обоихъ завѣтовъ каждый можетъ извлечь въ обиліи правила, относящіеся къ настоящему предмету: ибо многое можно обильно почерпнуть изъ пророковъ и закона, многое также изъ Евангелій и апостольскихъ преданій; а что мы, слѣдуя словамъ божественнымъ, придумали, состоитъ въ слѣдующемъ.

Г л а в а 12.

О томъ, что страсти въ человѣкѣ не отъ начала и неврождены ему по природѣ, но происходятъ отъ его свободной воли.

Словесное сіе и разумное животное,—человѣкъ есть дѣло и подобіе Божескаго и чистаго

естества: ибо въ повѣствованіи о твореніи, объ немъ написано такъ: *по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 27.). Итакъ въ этомъ животномъ,—человѣкѣ, страстность и поврежденность не по природѣ и не соединена съ его существомъ первоначально: потому что невозможно было бы сказать о немъ, что онъ созданъ по образу (Божію), если бы отображенная красота была противоположна красотѣ первообразной. Но страсть привзошла въ него въ послѣдствіи послѣ сотворенія, и вошла такимъ образомъ: онъ былъ образомъ и подобіемъ, какъ сказано, Силы, царствующей надъ всѣмъ существующимъ, а потому и въ своей свободной волѣ имѣлъ подобіе съ свободно властвующимъ надъ всѣмъ, не подчиняясь никакой внѣшней необходимости, но самъ по своему собственному усмотрѣнію дѣйствуя, какъ кажется ему лучше и произвольно избирая, что ему угодно; (носему и) то несчастіе, которое терпитъ теперь человѣчество, навлекъ онъ самъ по своей волѣ, увлекшись лестію, самъ сталъ виновникомъ сего зла, а не у Бога обрѣлъ оное: ибо Богъ не сотворилъ смерти, но нѣкоторымъ образомъ творцемъ и создателемъ зла содѣлался самъ человѣкъ. Солнечный свѣтъ хотя доступенъ для всѣхъ, кто имѣетъ способность видѣть: однако жъ, если кто захочетъ, можетъ, закрывъ глаза, не ощущать его, не потому чтобы солнце куда

нибудь удалялось и такимъ образомъ наводило тму: но потому что человекъ закрывъ свои вѣки, заградилъ глазу доступъ лучей; ибо такъ какъ зрительная сила, по закрытіи глазъ, не можетъ быть бездѣйственной, то необходимо, что дѣйствіе зрѣнія будетъ дѣйствіемъ, производящимъ тму въ человекѣ, въ слѣдствіе его добровольнаго ослѣпленія. Какъ тотъ, кто, строя себѣ домъ, не сдѣлалъ окна для входа въ оный свѣта отъ внѣ, по необходимости будетъ жить во тмѣ, заградивъ добровольно доступъ лучамъ свѣта; такъ и первый человекъ на землѣ, или лучше, тотъ, кто породилъ зло въ человекѣ, имѣлъ во власти повсюду окружающее его доброе и благое по природѣ; но самъ по себѣ добровольно измыслилъ противное природѣ, положивъ первый опытъ зла самопроизвольнымъ удаленіемъ отъ добродѣтели; ибо зла, независящаго отъ воли, имѣющаго свое самостоятельное бытіе, во всей природѣ существъ нѣтъ никакого: *всякое созданіе Божіе добро и ничтоже отъ него* (1 Тим. 4, 4.); *вся, елика сотвори Богъ, добра злы* (Быт. 1, 31.). Но когда указаннымъ путемъ на погибель вошла въ жизнь человѣческую привычка ко грѣху и отъ малаго начала проистекло необъятное зло въ человекѣ, и боговидная она красота души, созданная по подобію первообразной, какъ какое желѣзо, покрылась ржавчиною грѣха; тогда уже не могла болѣе сохраниться въ

дѣлости красота принадлежащаго душѣ по природѣ образа, но измѣнилась въ гнусный видъ грѣха. Такимъ образомъ человѣкъ, это великое и драгоцѣнное созданіе, какъ названъ онъ въ Писаніи, лишившись собственнаго достоинства, подобно тѣмъ, которые по неосторожности попавъ въ тину и загрязнивъ лице свое, не узнаются даже знакомыми,—упавъ въ тину грѣха, потерявъ образъ нетлѣннаго Бога и чрезъ грѣхъ облекся въ образъ тлѣнный и перстный, который Писаніе совѣтуетъ отложить, омывшись чистою жизнію, какъ бы какою водою (1 Кор. 15, 49.), чтобы, по отъятіи земной оболочки, опять возсіяла красота души. Сложить же чуждое значить опять возвратиться къ свойственному ему и естественному состоянію, чего не иначе можно достигнуть какъ содѣлавшись опять таковымъ, каковымъ былъ сотворенъ въ началѣ. Ибо не наше дѣло и не силою человѣческою достигается подобіе Божеству, но оно есть великій даръ Бога, который вмѣстѣ съ первымъ рожденіемъ тотчасъ же даетъ естеству нашему свое подобіе; человѣческому труду предстоитъ только очистить наросшую отъ грѣха нечистоту и извести на свѣтъ сокрытую въ душѣ красоту. Сему, думаю, учить и Господь въ Евангеліи, когда могущимъ понимать мудрость, глаголемую въ тайнѣ, говорить, что *царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17, 21.): ибо, думаю,

сіе изреченіе показываетъ, что благо Божіе нераздѣльно отъ нашего естества и не далеко гдѣ нибудь отстоитъ отъ тѣхъ, которые желаютъ искать оное: но есть въ каждомъ, невѣдомое и сокрытое, когда бываетъ заглушено заботами и удовольствіями жизни, и опять обрѣтаемое, коль скоро обратимъ къ нему свой разумъ. А если нужно подтвердить сіе ученіе и другими мѣстами, то, я думаю, тоже даетъ видѣть намъ Господь и въ исканіи потерянной драхмы (Лук. 15, 8—10.). Такъ какъ нѣтъ никакой пользы отъ прочихъ добродѣтелей (которыя Писаніе именуетъ драхмами), хотя бы онѣ и всѣ были, коль скоро душа сиротствуетъ, лишившись той одной; то посему Онъ во-первыхъ повелѣваетъ зажечь свѣтильникъ съ елеемъ, которымъ вѣроятно обозначаетъ слово (Божіе), освѣщающее сокровенное; за тѣмъ въ собственномъ домѣ, то есть, въ самой себѣ искать потерянную драхму. Сею искомою драхмою конечно означается образъ царя, не совсѣмъ еще потерянный, но скрытый подъ грязью; подъ грязью же, думаю, должно разумѣть плотскую нечистоту, когда сія грязь выметется и вычистится тщательнымъ образомъ жизни, искомое станетъ виднымъ и душѣ, нашедшей оное, по истинѣ должно радоваться и приглашать къ общенію въ сей радости сосѣдей. Ибо подлинно, какъ скоро откроется и возсіяетъ оный образъ

великаго Царя, Который отъ начала напечатлѣлъ на драхмѣ нашей Тотъ, Кто образовалъ всѣ сердца наши, всѣ сожителямъ въ душѣ силы, которыя Писаніе именуетъ сосѣдями, обратятся къ оной божественной радости и веселію, пристально взирая на неизреченную красоту найденнаго; *радуйтесь*, говорить, *со мною, яко обрѣтохъ драхму погибшую* (ст. 9.). Сосѣди или сожители души, — это ея силы, радующіяся обрѣтенію божественной драхмы; способности мыслительная, желательная, свойственное душѣ расположеніе къ печали и гнѣву и всѣ другія силы, какія усматриваются въ ней, по справедливости называются другинями, которымъ всѣмъ должно радоваться о Господѣ, какъ скоро всѣ онѣ обращаются къ прекрасному и благому и во всемъ дѣйствуютъ во славу Божию, переставъ быть орудіями грѣха.

Итакъ, если смыслъ обрѣтенія искомаго есть возстановленіе въ первобытное состояніе божественнаго образа, который теперь сокрытъ въ плотской нечистотѣ; то мы должны быть тѣмъ, чѣмъ былъ первозданный чловѣкъ въ началѣ своей жизни. Чѣмъ же онъ былъ? Онъ былъ нагъ отъ одѣянія мертвыми кожами,* дерзновенно взирая на лице Божіе, еще не поставляя судьбою красоты зрѣніе и вкусъ, но наслаждаясь только Господомъ и при томъ въ согласіи съ данною ему на сіе по-

мощницею, какъ даетъ то разумѣть божественное Писаніе, потому что не прежде позналъ ее, какъ былъ изгнанъ изъ рая и она осуждена была на болѣзни дѣторожденія за грѣхъ, который сотворила, увлекшись лестію (Быт. 4, 1.). Итакъ, какимъ путемъ мы оказались внѣ рая, будучи изгнаны въ лицѣ прародителя: такимъ же и теперь можемъ опять, если пойдемъ, возвратиться въ первобытное блаженство. Какой же это путь? Удовольствіе, внушенное лестію, было началомъ паденія; потомъ за страстію удовольствія послѣдовали стыдъ и страхъ и то, что они уже не смѣютъ явиться предъ взоры Создателя, но скрываются въ листьяхъ и тѣни; послѣ сего облекаются мертвыми кожами, и такимъ образомъ посылаются для жительства въ это полное болѣзней и трудовъ мѣсто, гдѣ бракъ изобрѣтенъ какъ утѣшеніе для смертныхъ. Итакъ, если мы хотимъ здѣсь разрѣшиться и быть со Христомъ, то должны начать свое отрѣшеніе съ брака. Какъ странствующие вдали отъ своего отечества, когда возвращаются туда, откуда отиравились, сперва оставляютъ то мѣсто, на которомъ послѣднемъ случилось имъ быть на пути: такъ и тѣмъ, которые возвращаются ко Христу, сіе слово совѣтуетъ оставить прежде всего, какъ бы послѣдній какой ночлегъ, бракъ, поелику онъ оказывается послѣднимъ предѣломъ нашего удаленія отъ райской жизни; потомъ удалиться

отъ тяжелой заботы о земномъ, на которую осужденъ челоѣкъ послѣ грѣхопаденія; затѣмъ — сбросить покровы плоти, совлечься кожаныхъ одеждъ, то есть мудрованія плоти, и отрекшись отъ всѣхъ сокровенныхъ постыдныхъ дѣлъ, не укрываться уже болѣе подѣтнѣю смоковницы, то есть горестной жизни, но отбросивъ покровы, сдѣланные изъ скоропреходящихъ листьевъ сей временной жизни, опять предстать предъ очи Создателя; удаляться отъ обманчивыхъ удовольствій вкуса и зрѣнія; держаться совѣтовъ уже не ядовитаго змія, но одной только заповѣди Божіей. А она состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ одному добру и удаляться отъ вкушенія зла; такъ какъ все дальнѣйшее зло получило у насъ начало отъ того, что мы не захотѣли оставаться въ невѣдѣніи зла. Посему-то и повелѣно было прародителямъ не пріобрѣтать познанія ни о добрѣ, ни о томъ, что противоположно ему, но удаляясь отъ познанія какъ добра, такъ и зла, наслаждаться чистымъ, несмѣшаннымъ и непричастнымъ злу благомъ. А это благо, говорю я, состоитъ не въ иномъ чемъ, какъ въ пребываніи только съ Богомъ, дабы наслаждаться симъ постоянно и непрестанно, не примѣшивая къ сему наслажденію ничего, влекущаго къ противоположному. И если позволено будетъ сказать дерзновенно, можетъ быть, такимъ образомъ кто либо будетъ восхищенъ

отъ сего міра, который во злѣ лежитъ, въ рай, гдѣ восхищенный Павелъ слышалъ и видѣлъ неизреченное и незримое, о чемъ *нельзя* есть человеку *малолати* (2 Кор. 12, 4.).

ГЛАВА 13.

О томъ, что дѣвство выше владычества смерти

Но поелику рай есть жилище живыхъ и не принимаетъ мертвыхъ грѣхѣмъ, мы же плотяны и смертны и проданы *подъ грѣхъ* (Рим. 7, 14.): то какъ можетъ быть въ странѣ живыхъ тотъ, кто находится подѣ владычествомъ смерти? Какой путь и способъ можно придумать, чтобы освободиться отъ сего владычества? Евангельское ученіе и для этого предлагаетъ вполнѣ достаточное руководство. Мы слышали слова Господа къ Никодиму, что *рожденное отъ плоти плоть есть: а рожденное отъ духа духъ есть* (Іоан. 3, 6.); знаемъ также, что плоть подпала за грѣхъ смерти, Духъ же Божій не-тлѣнень, животворящъ и безсмертенъ. Посему, какъ съ рожденіемъ по плоти непремѣнно раждается вмѣстѣ и сила, разрушающая раждаемое: такъ очевидно и Духъ рожденнымъ отъ Него влагаетъ животворящую силу. Итакъ, что же вытекаетъ изъ сказаннаго нами? Чтобы мы, отложивъ плотскую жизнь, за которую

непремѣнно слѣдуетъ смерть, стремились къ такой жизни, которая не влечетъ за собою смерти: а такая жизнь заключается въ дѣвствѣ. Истина сего будетъ яснаѣе, если мы присовокупимъ немногое. Кто не знаетъ, что дѣло плотскаго сочетанія есть устроеніе смертныхъ тѣлъ, отъ духовнаго же общенія, вмѣсто чадъ, раждается для сочетавающихся жизнь и безсмертіе? И справедливо примѣнить къ сему апостольское изреченіе, что спасается *чадо-родія ради* (1 Тим. 2, 25.) мать, веселящаяся о таковыхъ чадахъ, какъ въ божественныхъ псалмахъ возгласилъ псалмопѣвецъ, говоря: *вселяя неплодовъ въ доль, мать о чадехъ веселящуся* (Пс. 112, 9.). Ибо по истинѣ веселится, какъ мать, дѣва мать, Духомъ породившая безсмертныхъ чадъ, названная у пророка неплодною по причинѣ цѣломудрія. Посему таковую жизнь, какъ высшую владычества смерти, должны предпочитать разумные; ибо плотское дѣторожденіе (никто да не оскорбится сими словами) бываетъ причиною не столько жизни, сколько смерти, поелику отъ рожденія получаетъ начало тлѣніе; положившіе оному конецъ чрезъ дѣвство поставили въ себѣ предѣлъ смерти, воспретивъ ей чрезъ себя идти далѣе, и представивъ собою какъ бы нѣкую границу между жизнію и смертію, удержали послѣднюю отъ дальнѣйшаго стремленія. Итакъ еѣли смерть не можетъ перейти

чрезъ дѣвство, но въ немъ исчезаетъ и пре-
 кращается; то ясно видно, что дѣвство сильнѣе
 смерти; почему справедливо именуется нерас-
 тлѣннымъ тѣло, не поработившееся сопряженію
 тлѣнной жизни и не допустившее себя стать
 орудіемъ къ продолженію смертнаго потомства,
 такъ какъ въ немъ прервалась постоянная
 послѣдовательность тлѣнія и смерти, которая
 непрерывно продолжалась отъ прародителя до
 жизни дѣвственника. Ибо невозможно было
 смерти когда либо прекратить свое дѣйствіе, по-
 ка чрезъ бракъ происходило рожденіе людей: но
 сопровождая всѣ предшествовавшія поколѣнія,
 и всегда вступая вмѣстѣ съ являющимися въ
 жизнь, обрѣла она въ дѣвствѣ предѣлъ своему
 дѣйствію, далѣе коего идти ей невозможно.
 Ибо какъ въ Богородицѣ Маріѣ, царствовав-
 шая отъ Адама до нея смерть, когда присту-
 пила и къ ней, то приразившись къ плоду
 дѣвства, какъ бы къ какому камню, сокруши-
 лась о нее: такъ и во всякой душѣ, ведущей
 дѣвственную жизнь во плоти, держава смерти
 какъ бы сокрушается и разрушается, не на-
 ходя во что вонзить свое жало. Ибо и огонь,
 если не подкладывать дровъ, соломы, сѣна,
 или чего другаго изъ сгораемыхъ веществъ,
 не можетъ являть своей природной силы: такъ
 и сила смерти не можетъ дѣйствовать, если
 бракъ не подложитъ ему вещества, не приго-
 товить существъ, которыя должны подверг-

нуться смерти, какъ бы какіе осужденные. Если сомнѣваешься, посмотри на всѣ виды несчастій, какія приключаются людямъ отъ смерти, какъ уже было сказано въ началѣ слова: откуда получаютъ онѣ начало? Скорбь о вдовствѣ, сиротствѣ, или несчастіе потери дѣтей могли ли быть, если бы не было предѣтъ брака? Ибо желанныя утѣхи, радости и удовольствія и все, что почитается вождельнымъ въ супружествѣ, оканчивается таковыми скорбями. Какъ у меча рукоять бываетъ гладка, пріятна для осязанія и держанія, блестяща и приспособлена къ рукѣ, все же прочее есть желѣзо, орудіе смерти, страшное на видъ и еще болѣе страшное, когда употребляется въ дѣло: такъ нѣчто подобное сему есть и бракъ; какъ нѣкую художественно выточенную красивую рукоять, онъ представляетъ для чувственнаго ощущенія наружный видъ и блескъ удовольствія; но какъ скоро эта рукоять окажется въ рукахъ прикоснушагося къ ней, она влечетъ за собою и соединенныя съ нею скорби, и бракъ дѣлается виновникомъ плача и несчастій для людей. Онъ производитъ сіе жалостное и достойное слезъ зрѣлище: дѣтей въ раннемъ возрастѣ осиротѣвшихъ и преданныхъ въ добычу сильнымъ людямъ,— дѣтей, которые часто смѣются своему несчастію, не понимая его зла. А какая другая причина вдовства, какъ не бракъ?

Итакъ, уклоненіе отъ онаго разомъ освобождаетъ отъ всѣхъ подобнаго рода бѣдствій. И это справедливо: ибо какъ скоро осужденіе, опредѣленное въ началѣ согрѣшившимъ, уничтожается; скорби матерей, какъ писано, болѣе не умножаются (Быт. 3, 16.) и болѣзнь не предшествуетъ человѣческому рожденію; то вмѣстѣ съ симъ конечно уничтожаются и несчастія жизни и отнимается слеза отъ лица, какъ говоритъ пророкъ (Иса. 25, 8.). Ибо тогда не въ беззаконіяхъ бываетъ зачатіе и не во грѣхахъ рожденіе, и не отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ одной воли Божіей происходитъ сіе рожденіе. А происходитъ оно тогда, когда кто живымъ сердцемъ воспринимаетъ нетлѣніе Духа; раждаетъ же онъ мудрость, правду, освященіе, равно какъ и избавленіе; ибо каждому можно быть матерію Того, Кто есть все это, какъ говоритъ нѣгдѣ Господь: *творящій волю Мою—и братъ, и сестра и мати Ми есть* (Матѳ. 12, 49.). Какое имѣетъ мѣсто при такого рода рожденіяхъ смерть? Такъ смерть поглощена въ нихъ жизнію! И мнѣ кажется, что дѣйственная жизнь есть нѣкоторый образъ блаженной жизни въ будущемъ вѣкѣ, заключая въ себѣ много признаковъ тѣхъ благъ, которыя, какъ надѣемся, отложены намъ. Истину сказаннаго можно видѣть, если изслѣдуемъ оное подробнѣе. Во-первыхъ умершій совер-

шенно грѣху, живетъ только уже для Бога и не приноситъ болѣе плодовъ смерти; но, полагая, сколь возможно, конецъ плотской жизни, ожидаетъ за тѣмъ блаженной награды и явленія великаго Бога, не поставляя чрезъ произведеніе посредствующихъ поколѣній никакого промежутка между собою и пришествіемъ Божиимъ. Потомъ, въ настоящей жизни онъ пользуется превосходнѣйшимъ изъ благъ по воскресеніи; ибо если праведнымъ послѣ воскресенія обѣщана Господомъ жизнь равноангельная, а ангельскому естеству свойственно безбрачіе: то обѣщанныя блага уже получить тотъ, кто пріобщается свѣтлостямъ святыхъ и непорочною жизнію подражаетъ чистотѣ безплотныхъ. Итакъ, если дѣвство доставляетъ намъ такія и столь великія блага, то какое слово можетъ достойно восхвалить таковой даръ? Какое изъ прочихъ душевныхъ благъ окажется столь великимъ и драгоцѣннымъ, чтобы могло сравниться съ симъ совершенствомъ?

Г л а в а 14.

О томъ, что истинное дѣвство усматривается во всякомъ образѣ жизни.

Но если мы понимаемъ превосходство сего дара, то нужно также знать и послѣдствіе

онаго: потому что дѣвство есть не простое дѣло, какъ можетъ быть кто нибудь думаетъ, и не къ одному только тѣлу относится, но мысленно простирается и проникаетъ во всё, признаваемыя правильными, дѣйствія души. Ибо, прилѣпившаяся посредствомъ дѣвства къ истинному Жениху душа не только будетъ удаляться отъ плотскихъ нечистотъ, но положивъ отсюда начало своей чи стотѣ, во всемъ поступаетъ также съ одинаковою непоколебимостію, боясь, чтобы склонившись сердцемъ къ чему либо сверхъ должнаго, чрезъ общеніе съ какимъ либо зломъ, не допустить въ сію часть души какой нибудь прелюбодѣйной страсти. Возвращаюсь опять къ сказанному мною прежде. Душа, прилѣпившаяся къ Господу, чтобы быть съ Нимъ единымъ духомъ, заключивъ какъ бы нѣкоторый договоръ совмѣстной жизни, — Его одного любить всѣмъ сердцемъ и душею, не будетъ уже прилѣпляться къ блуду, чтобы не быть однимъ съ нимъ тѣломъ; также не допуститъ ничего другаго, что противно спасенію, такъ какъ всё нечистыя дѣла тѣсно связаны между собою, и душа, осквернивъ себя однимъ какимъ либо изъ нихъ, не можетъ уже болѣе сохранить въ себѣ непорочности. Эти слова можно подтвердить примѣрами. Такъ, вода въ озерѣ дотолѣ остается чистою и спокойною, доколѣ что нибудь брошенное отъ внѣ, не возмутитъ

и не приведетъ въ движеніе ея ровную поверхность; если же бросить въ озеро камень, то движеніе отъ одного мѣста распространится на цѣлое озеро; потому что камень отъ тяжести погружается въ глубину, а отъ волнъ кругообразно расходящихся отъ него и имъ произведенныхъ и отъ движенія, отъ середины распространяющагося до краевъ воды, вся поверхность озера приходитъ въ круговидное колебаніе, соотвѣтственно глубинѣ. Точно также тихое и спокойное состояніе души, отъ прираженія одной какой нибудь страсти, все приходитъ въ колебаніе и сочувствуетъ поврежденію оной части. Ибо изслѣдователи этого рода предметовъ говорятъ, что добродѣтели нераздѣльны между собою, и что невозможно составить точное понятіе объ одной какой либо добродѣтели, не коснувшись и прочихъ: но въ комъ рождается одна добродѣтель, за нею необходимо слѣдуютъ и прочія. Также и наоборотъ: вкравшееся въ насъ какое либо зло простирается на всю добродѣтельную жизнь; и подлинно, какъ говорить апостолъ, цѣлое состраждетъ своимъ частямъ, такъ что если страждетъ одинъ членъ, страждетъ вмѣстѣ съ нимъ все тѣло, и если прославляется одинъ, радуется вмѣстѣ съ нимъ и цѣлое тѣло (1 Кор. 12, 26.).

ГЛАВА 15.

О томъ, что и малѣйшее уклоненіе отъ добродѣтели также опасно.

Но есть въ жизни нашей безчисленное множество уклоненій ко грѣху, и это множество Писаніе многообразно именуеть: ибо *мнози*, говоритъ, *изгоняющіи мя и стужающіи ми* (Пс. 118, 157.) и: *мнози борющіи мя съ высоты* (Пс. 55, 4.); много и другихъ подобныхъ реченій. Итакъ можно прямо сказать, что много прелюбодѣйственно строящихъ ковы, чтобы растлить сей воистину честный бракъ и нескверное ложе. Если же нужно исчислить ихъ поимянно, то: гнѣвъ прелюбодѣй, любостязаніе прелюбодѣй, зависть прелюбодѣй, злопамятство, вражда, злословіе, ненависть, словомъ все, что апостолъ (Рим. 1, 29. 30.) исчисляетъ какъ противное здравому ученію, есть перечень прелюбодѣевъ. Представимъ себѣ какуюнибудь женщину благообразную, достойную любви и потому сочетававшуюся бракомъ съ царемъ, но которая по причинѣ своей красоты подвергается кознямъ нѣкоторыхъ безстыдныхъ людей. Доколѣ она враждебно относится ко всѣмъ старающимся обольстить ее, и обвиняетъ ихъ предъ законнымъ мужемъ: дотолѣ она—женщина цѣломудренная, преданная одно-

му только своему мужу. и коварства наглыхъ людей тогда не имѣютъ надъ ней никакой силы. Если же она склонится къ одному кому либо изъ обольстителей: то цѣломудріе по отношенію къ прочимъ, не освобождаетъ ее отъ наказанія; ибо для осужденія ея достаточно, если и однимъ осквернено было ложе. Такъ для Бога живущая душа не будетъ увлекаться ни однимъ изъ благъ, которыя представляютъ ей въ обольстительномъ видѣ: если же она чрезъ какую нибудь страсть допустить въ сердце нечистоту, то сама нарушитъ права духовнаго брака. И какъ говоритъ Писаніе, *отъ злохудожну душу не видетъ премудрость* (Прем. 1, 4.): такъ поистинѣ можно сказать, и въ душу, исполненную гнѣва и зависти, или имѣющую въ себѣ другой какой порокъ, не можетъ вселиться благой Женихъ: ибо кто найдетъ способъ согласить между собою то, что по естеству чуждо и не имѣетъ ничего общаго? Послушай апостола, который учитъ, что нѣтъ никакого общенія свѣта со тмою, или правды съ беззаконіемъ (2 Кор. 6, 14.), или сказать кратко, — всего того, чѣмъ представляется нами и именуется Господь по различію усматриваемыхъ въ Немъ совершенствъ, — со всѣмъ тѣмъ, что по противоположности почитается зломъ. Итакъ если невозможно общеніе несовмѣстныхъ между собою по природѣ предметовъ, то конечно чужда и неспо-

собна къ сожителству съ добромъ душа одержимаа какимъ либо порокомъ. Итакъ чему же мы отсюда научаемся? Тому, что цѣломудренная и разумная дѣва должна всячески удалаться отъ прираженія всякой душевной страсти и блюсти себя чистою для сочетавшаго ее съ собою Жениха, не имѣющею скверны, или порока, или ничто отъ таковыхъ (Еф. 5, 27.).

Г л а в а 16.

О томъ, что несовершенъ въ добръ тотъ, кто хотя въ чемъ нибудь отступаетъ отъ добродѣтели.

Одинъ есть прямой путь, по истинѣ тѣсный и скорбный, который не допускаетъ уклоненій ни въ ту, ни въ другую сторону, и отъ котораго даже малѣйшее уклоненіе равно угрожаетъ опасностію паденія. Если это такъ, то мы, сколько возможно, должны искоренять привычку многихъ, которые сильно вооружаются противъ болѣе гнусныхъ удовольствій, но гоняются за удовольствіями, заключающимися въ почестяхъ и любоначаліи. Они поступаютъ подобно какому нибудь рабу, который, хотя и желаетъ свободы, но не спѣша скорѣе освободиться отъ рабства, довольствуется только смѣною господъ, почитая свободою перемѣну владѣльцевъ; ибо всѣ

равно рабы, хотя бы не одни и тѣ же господа управляли ими, доколѣ чья нибудь власть и начальство тяготѣеть надъ ними. А бываютъ и такіе, кои сильно враждуя противъ удовольствій, удобно одолѣваются противоположною страстію, и при строгомъ и правильномъ образѣ жизни, печалію, вспышками гнѣва, злопамятствомъ и всѣмъ прочимъ, что противоположно страсти удовольствія, легко уловляются и съ трудомъ освобождаются. Это бываетъ тогда, когда не стремленіе къ добродѣтели, но какая либо страсть руководитъ насъ на пути жизни. Ибо заповѣдь Господня столь свѣтлая, что просвѣщаетъ очи даже младенцевъ (Пс. 18, 9.), говоритъ, что *благое есть прильпятся* единому Богу (Пс. 72, 28.); Богъ же не есть ни печаль, ни удовольствіе, ни боязнь, ни дерзость, или страхъ, или гнѣвъ, или иная какая нибудь подобнаго рода страсть, которая господствуетъ надъ невѣжественною душею; но, какъ говоритъ апостолъ (1 Кор. 1, 30.), самосушая мудрость и освященіе, истина и радость и миръ и все такое. Итакъ, какимъ образомъ можетъ прильпиться къ имѣющему таковыя совершенства тотъ, кто одержимъ противоположными (страстями)? Или, какъ не безразсудно, стараясь о томъ, чтобы не подчиниться одной какой либо страсти, полагать добродѣтель въ противоположномъ оной состояніи духа, напримѣръ:

избѣгая удовольствія предаваться скорби, уклоняясь дерзости и безразсудства ослаблять духъ робостію, или стараясь быть недоступнымъ гнѣву, впасть въ боязливость? Ибо какое различіе, такъ или иначе отпасть отъ добродѣтели, или лучше отдалиться отъ самаго Бога, который есть всецѣлая добродѣтель? И въ тѣлесныхъ болѣзняхъ никто не думаетъ различать, отъ чрезмѣрнаго ли голода, или отъ неумѣреннаго пресыщенія пришло въ разстройство тѣло, потому что неумѣренность въ томъ и другомъ случаѣ приводитъ къ тому же концу. Итакъ заботящійся о жизни и здравіи своей души будетъ держать себя въ срединѣ истины, не склоняясь и не пріобщаясь ни къ одной изъ противоположныхъ крайностей, лежащихъ по ту и другую сторону добродѣтели. Не мои это слова, но самаго божественнаго гласа: ибо это правило ясно вытекаетъ изъ ученія Господа, когда Онъ учениковъ своихъ, обращающихся въ семъ мірѣ какъ овцы среди волковъ, учитъ быть не голубями только, но имѣть въ своихъ нравахъ нѣкоторыя свойства змій (Матѣ. 10, 16. 17.). Это значить, чтобы они ни считающейся похвальною у людей простоты не простирали до крайности, потому что такое свойство недалеко отъ крайняго безумія: ни восхваляемыхъ многими хитрости и лукавства, самихъ по себѣ безъ примѣси противоположныхъ ка-

чествъ, не почитали за добродѣтель; но чтобы изъ видимыхъ противоположностей составили одинъ нѣкоторый смѣшанный образъ дѣйствования, отсѣкши отъ одной неразуміе, а отъ другой мудрость коварства, такъ чтобы изъ обѣихъ противоположностей образовался одинъ прекрасный образъ жизни, состоящей изъ простоты души и мудрости: ибо, *будите, говорите, мудри яко змѣя, и цѣли яко юлудіе* (Матѳ. 10, 16.).

ГЛАВА 17.

О томъ, что всѣ силы души должно направлять къ добродѣтели.

Итакъ сказанное въ семъ мѣстѣ Господомъ да будетъ общимъ правиломъ для жизни каждаго, въ особенности же для тѣхъ, которые приступаютъ къ Богу чрезъ дѣвство, чтобы они, обращая вниманіе на одно какое нибудь доброе дѣло, не только береглись противоположнаго, но отовсюду извлекали для себя доброе, такъ чтобы жизнь ихъ со всѣхъ сторонъ была безопасна. Ибо и воинъ, покрывшій доспѣхами нѣкоторыя только части тѣла, подвергаетъ опасности прочее обнаженное тѣло. Ибо что пользы для него отъ защиты доспѣхами какой либо части тѣла, когда у него доступны ранамъ нагія части? Кто назоветъ красивымъ того, въ комъ какая либо изъ со-

ставныхъ частей красоты изуродована какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ? Безобразіе сей изуродованной части отнимаетъ красоту и у неповрежденной. Если смѣшнымъ оказывается, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Евангеліе, тотъ, кто рѣшившись строить башню и употребивъ все свое стараніе на основаніе оной, не достигъ конца (Лук. 14, 28—30.): то чему другому учить насъ сія притча, какъ не тому, чтобы мы, предположивъ себѣ какое либо высокое занятіе, старались довести оное до конца, совершая сіе дѣло Божіе различными строеніями заповѣдей. Не одинъ камень составляетъ все строеніе башни: не одна также заповѣдь возводитъ и совершенство души нашей до желаемой мѣры; но должно непременно сперва положить основаніе, какъ говоритъ апостолъ (1 Кор. 3, 10.); за тѣмъ строить зданіе изъ золота и драгоцѣнныхъ камней: ибо такъ называются дѣла заповѣдей, по слову пророка: *возлюбихъ заповѣди Твоя паче злата и камене многоцѣнна* (Пс. 118, 127.). Итакъ упражненіе въ дѣвствѣ пусть будетъ положено какъ бы нѣкоторое основаніе для добродѣтельной жизни; и на семъ основаніи пусть зиждутся всѣ дѣла добродѣтели. Ибо хотя дѣвство признается дѣломъ весьма почитеннымъ и богоугоднымъ (оно и дѣйствительно таково, каковымъ почитается): но если и вся жизнь не будетъ согласоваться съ симъ

благимъ дѣломъ, если будутъ осквернены нестроениемъ прочія силы души, то оно будетъ не что иное, какъ серьга въ носу свиньи, или жемчужина попираемая ногами свиней. Но довольно о семъ.

Г л а в а 18.

Одна добродѣтель, хогі и совершенная, не приноситъ никакой пользы тому, кто не заботится достигнуть добродѣтели во всемъ.

Если же кто за ничто считаетъ приводить все въ жизни во взаимную стройность, тотъ пусть научится сему правилу, посмотрѣвъ на то, что бываетъ въ его домѣ. Мнѣ кажется, хозяинъ дома не допуститъ видѣть въ своемъ жилищѣ чего либо неприличнаго или безобразнаго: или кровать неубранную, или столъ покрытый грязью, или того, чтобы дорогіе сосуды были брошены въ какое либо нечистое мѣсто, а назначенные для низкаго употребленія лежали на виду входящихъ въ домъ: но расположивъ все благообразно и въ должномъ порядкѣ, и назначивъ каждой вещи приличное мѣсто, онъ смѣло принимаетъ гостей, нисколько не боясь стыда, если сдѣлается извѣстнымъ, какъ ведутся дѣла у него по дому. Такъ, я думаю, долженъ распоряжаться хозяинъ и распорядитель и нашего дома,—я разумью умъ: все, что есть въ насъ,

онъ долженъ расположить стройно; каждую изъ силъ души, которыя Зиждатель далъ намъ вмѣсто утвари и сосудовъ, долженъ употреблять сообразно съ ея природою и во благо. Если никто не обвинить насъ въ говорливости и многословіи, то мы объяснимъ и все порознь, дабы пользуясь (какъ примѣромъ) тѣмъ, что у насъ есть, каждый могъ устроить жизнь свою на пользу. Итакъ мы говоримъ, что желательную силу должно утвердить въ чистотѣ души, отдѣливъ какъ вѣкій даръ и начатокъ своихъ благъ Богу, и посвятить оную однажды, блюсти неприкосновенною, чистою и неоскверненною никакою нечистотою въ жизни. Раздраженіе же и гнѣвъ и ненависть употреблять какъ нѣкоторыхъ привратныхъ псовъ, чтобы они бодрствовали для противодѣйствія одному только грѣху и направляли свое естественное свойство противъ того вора и разбойника, который тайно проникаетъ на пагубу божественнаго сокровища и входитъ для того, чтобы украсть, умертвить и погубить. Мужество и смѣлость, должно держать въ рукахъ, какъ бы какой щитъ, чтобы не упасть духомъ, когда находятъ уныніе и устремляются (на насъ) нечестивые: надежду и терпѣніе,— какъ жезлъ, чтобы опираться, когда приводятъ насъ въ изнеможеніе искушенія. Къ печали благовременно прибѣгать въ случаѣ раскаянія во грѣхахъ, такъ

какъ она ни на что другое не полезна, какъ только на это одно употребленіе. Справедливость, да будетъ вѣрнымъ правиломъ при опредѣленіи того, что непогрѣшительно во всякомъ словѣ и дѣлѣ, какъ должно располагать силами душевными, и какъ воздавать каждому свое по достоинству. А желаніе ббльшаго, которое въ душѣ каждаго велико и безгранично, если кто примѣнитъ къ желанію божественнаго, тотъ будетъ блаженъ въ своемъ исканіи ббльшаго, усиленно стремясь къ приобрѣтенію того, къ чему стремиться похвально. Мудрость же и благоразуміе пусть имѣетъ совѣтниками касательно того, что ему полезно и сообщниками въ своей жизни, чтобъ никогда не впасть въ обманъ отъ неопытности, или неразумія. Если же кто вышеупомянутыя силы (душевные) употребляетъ несоотвѣтственно ихъ природѣ, но обращаетъ не къ тому, къ чему слѣдуетъ: желаніе обращаетъ на предметы постыдные, ненависть направляетъ противъ единоплеменниковъ; любить неправду, возстаетъ на родителей, дерзаетъ на гнусные поступки, надѣется на суетное, отдаливъ отъ сожителства съ собою мудрость и благоразуміе, дружится съ жадностію и нецѣломудріемъ, и такъ же во всемъ прочемъ поступаетъ: тотъ до такой степени глупъ и смѣшенъ, что даже и выразить нельзя его глупости, сколько она того заслуживаетъ.

Представимъ, что кто нибудь, надѣвъ доспѣхи навыворотъ, оборотить шлемъ такъ, что закроетъ опымъ лице, а сзади откроетъ шею; ноги помѣститъ въ латы, а наножики приладить къ груди, и что изъ вооруженія прилажено къ лѣвой сторонѣ обратить на правую, а что къ правой—на лѣвую: что долженъ потерпѣть на сраженіи такъ вооруженный воинъ, тоже самое необходимо потерпѣть въ жизни и тотъ, кто допускаетъ смѣшеніе въ мысляхъ и извращеніе въ употребленіи душевныхъ силъ.

Итакъ мы должны стараться о водвореніи между ними стройности, которую обыкновенно производитъ въ душахъ нашихъ истинное цѣломудріе. Если же нужно пріискать самое полное опредѣленіе цѣломудрія, то быть можетъ, въ точномъ смыслѣ, цѣломудріемъ должно называть благоустроенный порядокъ всѣхъ душевныхъ движеній, соединенный съ мудростію и благоразуміемъ. При такомъ настроеніи души не будетъ нужды въ какомъ либо трудѣ и дѣятельности для достиженія высочайшихъ и небесныхъ благъ; при ономъ душа весьма легко достигнетъ того, что безъ того представляется неудободостижимымъ; самымъ удаленіемъ отъ противнаго она естественно достигаетъ искомаго блага: ибо кто не во тмѣ, тотъ конечно по необходимости находится во свѣтѣ; и кто не умеръ, тотъ живъ. Итакъ, кто не обратитъ свою душу къ суетѣ, тотъ не-

премѣнно будетъ на пути истины: потому что предусмотрительность и благоразуміе въ разсужденіи того, чтобы не совратиться съ истиннаго пути, служатъ вѣрнѣйшимъ руководствомъ къ прямому пути. Какъ слуги, освободившіеся отъ рабства, когда, переставъ служить господамъ, дѣлаются сами себѣ господами, обращаютъ все вниманіе на самихъ себя: такъ, я думаю, и душа, освободившись отъ служенія тѣлу, обращается къ познанію свойственной и естественной ей дѣятельности. Свобода же, какъ мы знаемъ и отъ апостола, состоитъ въ томъ, чтобы не подвергаться игу рабства (Гал. 5, 1.), и подобно бѣглому рабу или злодѣю не быть оковану узами брака. Но я опять обращаю слово къ самому началу, — къ тому, что совершенство свободы состоитъ не въ одномъ только удавленіи отъ брака (да не сочтетъ кто нибудь обязанность дѣвства столь малою и незначительною, чтобы поставлять исполненіе такого дѣла въ небольшомъ храненіи чистоты плоти); но поелику *всякъ, творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоан. 8, 34.), то во всякомъ дѣлѣ или занятіи уклоненіе къ злу подвергаетъ человѣка рабству и кладетъ печать, причиняя ему ударами грѣха рубцы и клейма. Такимъ образомъ кто предположилъ себѣ великую цѣль, — дѣвственную жизнь, тотъ во всемъ долженъ быть равенъ себѣ и проявлять чистоту во всей жизни. Если же

нужно подтвердить сіи слова и чѣмъ либо изъ божественныхъ писаній, то достаточно подтверждаетъ сію истину сама Истина, которая въ Евангеліи (Матѣ. 13, 47—49.) приточно и иносказательно учитъ насъ тому же. Рыболовное искусство отдѣляетъ полезныхъ и съѣдомыхъ рыбъ отъ негодныхъ и вредныхъ, чтобы какая нибудь изъ сихъ послѣднихъ, попавъ въ сосудъ, употребленіе и полезныхъ не сдѣлала вреднымъ: и дѣло истиннаго цѣломудрія также состоитъ въ томъ, чтобы изъ всѣхъ занятій избирая одно чистое и полезное, неприличнаго избѣгать во всемъ, какъ безполезнаго, и предоставлять оное обыкновенной и мірской жизни, которая иносказательно въ притчѣ названа моремъ. И псалмопѣвецъ также въ одномъ изъ псалмовъ, излагая намъ ученіе исповѣданія, сію непостоянную, страстями одержимую и мятежную жизнь, именуетъ водами доходящими до души (Псал. 68, 1. 15. 16.), бурей и глубиною морскою, въ которой всякій неустойчивый умъ, подобно египтянамъ, какъ камень погружается въ глубину; а что любезно Богу и имѣетъ способность провищать истину, что въ исторіи названо Израилемъ,—то одно только проходитъ море, какъ бы по суху, не испытывая нисколько горечи и солёности житейскихъ волнъ. Такъ образно, подъ руководствомъ закона (ибо Моисей былъ прообразомъ закона) и израиль-

тяне перешли чрезъ море, не омочивъ ногъ, египтяне же, вслѣдъ за ними вступивъ въ оное, потонули; каждый по своей собственной природѣ: одинъ легко переходитъ, а другой тонетъ въ глубинѣ. Ибо добродѣтель есть нѣчто легкое и вверхъ поднимающееся, потому что всѣ, по правиламъ оной живущіе, *яко облацы летятъ, по словамъ Исаи, и яко голуби со ттенцы* (Иса. 60, 8.): грѣхъ же, какъ говоритъ одинъ изъ пророковъ, *тяжелъ на талантъ оловянь съдѣицъ* (Зах. 5. 6.). Если же кому таковое изъясненіе исторіи представляется насильственнымъ и принужденнымъ, и онъ не допускаетъ, чтобы чудо, совершенное при переходѣ чрезъ море, описано было для нашей пользы: тотъ пусть послушаетъ апостола, что происходившее съ ними было прообразованіемъ и написано намъ въ наставленіе (Рим. 15, 4.).

Г л а в а 19.

Воспоминаніе о Маріамъ, сестрѣ Лароновой, какъ положившей начало сему совершенству.

Намъ же подаетъ поводъ такъ думать пророчица Маріамъ, которая тотчасъ по изсушеніи моря, взявъ благозвучный тимпанъ, предначала пѣснь въ ликѣ женщинъ. Ибо, мнѣ кажется, тимпаномъ Писаніе гадательно указываетъ

на дѣвство, въ которомъ первая преуспѣла Маріамъ, чѣмъ, думаю, и прообразовала Богородицу Марію. Ибо какъ тимпанъ, свободный отъ всякой влаги и совершенно сухой, издаетъ громкій звукъ: такъ и дѣвство, недопуская въ сей жизни никакой житейской влаги, бываетъ свѣтло и знаменито. Если тимпанъ, который имѣла въ рукахъ Маріамъ, былъ мертвымъ тѣломъ, а дѣвство есть умерщвленіе тѣла: то этимъ, быть можетъ, прилично указывается на дѣвство пророчицы. Что касается до того, что пророчица Маріамъ была первою въ ликѣ дѣвъ, то это мнѣніе мы основываемъ на нѣкоторыхъ предположеніяхъ и догадкахъ, а не на ясномъ указаніи (Писаніи), хотя и многіе изслѣдователи прямо объявляютъ ее безбрачною: потому что исторія нигдѣ не упоминаетъ ни о бракѣ ея, ни о рожденіи отъ нея дѣтей; притомъ если бы у ней былъ мужъ, то именовалась бы и была извѣстна не по брату своему Аарону, но по мужу: потому что не братья, но мужъ называется главою жены. Итакъ если и у тѣхъ, между которыми чадородіе почиталось благословеніемъ и было дѣломъ законнымъ, даръ дѣвства являлся достойнымъ уваженія: то какъ должны относиться къ оному мы, кои не слышимъ уже благословеній Божіихъ по плоти? Божественныя писанія открываютъ намъ, когда плодоношеніе и рожденіе бываетъ спасительно, и о какомъ видѣ мно-

гочадія заботились святые Божіи. Ибо и пророкъ Исаія и божественный апостолъ ясно и мудро указали на это, одинъ говоря такъ: *страха ради Твоего, Господи, во чревъ пріяхомъ* (Иса. 26, 18.); а другой, хвалясь, что сталъ родителемъ болѣе всѣхъ многочаднымъ; потому что носилъ въ утробѣ своей цѣлые города и народы, не только коринѳянъ и галатовъ собственными муками рожденія изведши на свѣтъ и образовавъ о Господѣ (Гал. 4, 19.), но всю страну *отъ Иерусалима окрестъ и даже до Иллирика* (Рим. 15, 19) наполнивъ своими чадами, которыхъ породилъ во Христѣ чрезъ Евангеліе. За сіе ублажается въ Евангеліи и утроба пресвятой Дѣвы, послужившая непорочному рожденію; поелику ни рожденіе не нарушило дѣвства, ни дѣвство не послужило препятствіемъ къ такому рожденію: ибо гдѣ раждается *духъ спасенія*, какъ говоритъ Исаія (Иса. 26, 18.), тамъ совершенно ненужны хотѣнія плоти. Есть также и у апостола (2 Кор. 4, 16.) подобнаго рода выраженіе, что каждый изъ насъ — двоякій человѣкъ: одинъ ведомый совнѣ, которому по природѣ свойственно тлѣніе: другой — разумѣмый какъ *потаянный сердца человѣкъ* (1 Петр. 3, 4.), который воспріимлетъ обновленіе. Если это слово истинно (а оно непременно истинно, потому что въ немъ говоритъ сама Истина): то не будетъ неприлично и бракъ разумѣть двоякій, примѣнительно и

соотвѣтственно каждому изъ находящихся въ насъ челоуѣковъ; и быть можетъ дерзнувшій сказать, что тѣлесное дѣйство содѣйствуетъ и помогаетъ внутреннему и духовному браку, въ своемъ дерзновеніи не уклонится далеко отъ истины.

Г л а в а 20.

О томъ, что невозможно вмѣстѣ служить тѣлеснымъ удовольствіямъ и наслаждаться плодами божественной радости.

Какъ невозможно въ одно и тоже время служить дѣятельностію своихъ рукъ двумъ какимъ либо занятіямъ, напримѣръ: заниматься земледѣліемъ и вмѣстѣ мореплаваніемъ, или кузнечною работою и въ тоже время плотничною; но если кто хочетъ хорошо успѣть въ одномъ дѣлѣ, долженъ оставить другое: такъ поелику и намъ предстоятъ два брака, изъ которыхъ одинъ совершается посредствомъ плоти, а другой посредствомъ духа, то стремленіе къ одному изъ нихъ, по необходимости отдаляетъ насъ отъ другаго. Ибо и глазъ не можетъ хорошо разсмотрѣть двухъ предметовъ вмѣстѣ, если не будетъ обращенъ на каждый поочередно и въ отдѣльности; языкъ также не можетъ въ одно и тоже время служить различнымъ языкамъ, произносить, напримѣръ, въ тоже время реченія греческія и еврейскія;

и слухъ не можетъ въ то же время воспринимать повѣствованія о дѣлахъ и нравоучительныхъ словъ: ибо разнаго содержанія рѣчи, если станутъ слушать ихъ отдѣльно, производятъ въ слушателяхъ извѣстное представленіе; если же обѣ смѣшавшись въ одно и то же время будутъ оглашать слухъ, то содержаніе ихъ сливаясь вмѣстѣ произведетъ въ разумѣ какое-то неопредѣленное смѣшеніе. Такимъ же образомъ и наша желательная способность не въ состояніи вмѣстѣ служить и тѣлеснымъ удовольствіямъ и стремиться къ духовному браку; ибо невозможно одинаковымъ образомъ жизни достигнуть предположенной цѣли того и другаго: потому что съ духовнымъ бракомъ соединяется воздержаніе, умерщвленіе тѣла и презрѣніе всего плотскаго, а съ плотскимъ супружествомъ — все сему противное. Когда намъ предлежитъ избрать между двумя господами, то поелику невозможно въ одно и то же время быть послушными обоимъ (ибо никто не можетъ работать двумъ господамъ), — благо-разумный человѣкъ изберетъ болѣе полезнаго изъ нихъ: такъ и намъ, когда предлежатъ два брака, поелику невозможно вступить въ тотъ и другой вмѣстѣ (ибо *не оженивыйся печется о Господнихъ, а оженивыйся печется о мірскихъ*. 1 Кор. 7, 32. 33.), не должно, — я говорю о благоразумныхъ, — ошибаться въ выборѣ полезнѣйшаго изъ нихъ; не должно также оста-

ваться въ невѣдѣніи относительно пути, ведущаго къ нему и который не иначе можно узнать, какъ при помощи нѣкотораго сравненія. Какъ въ тѣлесномъ супружествѣ, не желающій быть отвергнутымъ много приложить заботъ о здоровьи тѣла, о приличномъ украшеніи, о изобиліи богатства и о томъ, чтобы не имѣть никакого пятна ни въ своей жизни, ни въ своемъ родѣ; ибо этимъ обыкновенно достигаютъ желанной цѣли: такимъ же образомъ и желающій вступить въ духовное супружество пусть прежде всего покажетъ себя юнымъ, отрѣшившимся чрезъ обновленіе ума всякой ветхости; потомъ пусть представитъ богатый родъ, который имѣетъ вождельное богатство, и славится не земнымъ имуществомъ, но украшается сокровищами небесными; пусть поревнуетъ пріобрѣсть и знаменитость рода, не ту, которая сама собою случайно можетъ принадлежать и дурнымъ людямъ, но которая достигается трудомъ и стараніемъ, собственными добрыми дѣлами, которою величаются одни только сыны свѣта и чада Божіи и именующіеся благороднѣйшими *отъ востока солнца* (Іов. 1, 3.) за свои свѣтлыя дѣла; крѣпость же и здравіе пусть пріобрѣтаетъ не попеченіемъ о тѣлѣ или утучненіемъ плоти, но совершенно напротивъ,—чрезъ немощь тѣлесную усовершенствовавшая силу духа. Знаю и брачныя дары, приличные сему браку, которые не изъ тлѣнныхъ иму-

ществъ приготавлиются, но отъ собственного богатства души приносятся въ даръ. Хочешь ли знать имена сихъ даровъ? Послушай Павла, прекраснаго брачнаго распорядителя у нѣкоторыхъ богачей, которые во всемъ состоятельны: говоря о другихъ многихъ и великихъ дарахъ онъ присовокупляетъ также: и *во очищеніи* (2 Кор. 6, 6); и опять, все что онъ въ другомъ мѣстѣ (Гал. 5, 22. 23.) исчисляетъ какъ плоды духовные, все это — дары сего брака. И если кто хочетъ послѣдовать Соломону и принять къ себѣ въ сожительницы и общины жизни истинную мудрость, о которой онъ говоритъ: *возжелый ея, и соблюдетъ тя, почти ю, да тя обыметъ* (Притч. 4, 6. 8.): тотъ сообразно съ достоинствомъ сего желанія, пусть приготовитъ себѣ чистую одежду, для участія въ семъ брачномъ торжествѣ вмѣстѣ съ веселящимися: дабы не быть ему отверженнымъ, какъ призванному къ участию въ семъ празднествѣ, но необлеченному въ брачное одѣяніе. Очевидно, что сей способъ приготовления къ такого рода браку есть общій какъ для мужей, такъ и для женъ; поелику, какъ говоритъ апостолъ, *нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. 3, 28.), *но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3, 11.). По справедливости любитель мудрости имѣетъ божественную цѣль желанія, которая есть истинная мудрость: и душа, прилѣпившаяся къ нетлѣнному Жениху,

пылаетъ любовію къ истинной мудрости, которая есть Богъ. Но что такое духовный бракъ и къ какой цѣли ведетъ чистая и небесная любовь, довольно раскрыто нами въ сказанномъ.

Г л а в а 21.

О томъ, что избравшій для себя строгій образъ жизни, долженъ удалиться отъ всякаго тѣлеснаго удовольствія.

Поелику оказалось, что никто не можетъ приблизиться къ божественной чистотѣ, не сдѣлавшись прежде самъ чистымъ; то намъ необходимо оградить себя отъ удовольствій нѣкоторою великою и крѣпкою стѣною, чтобы чистота сердца никакъ не могла оскверниться чрезъ приближеніе къ нимъ. Крѣпкая же стѣна есть совершенное удаленіе отъ всего, въ чемъ заключается страсть: ибо удовольствіе по роду своему будучи однимъ, по словамъ мудрыхъ, какъ вода какая изъ одного потока разливающаяся на разные ручьи, входитъ чрезъ каждое чувство въ душу людей, преданныхъ удовольствіямъ. Итакъ, побѣжденный удовольствіемъ проникшимъ въ него чрезъ одно какое либо чувство, отъ него терпитъ пораженіе въ самомъ сердцѣ; какъ и слово Божіе учитъ, что воспріавшій вожделѣніе чувствомъ зрѣнія получилъ язву въ сердце (Матѳ. 5, 28.). Думаю,

что Господь, говоря здѣсь объ одномъ чувствѣ, разумѣлъ всѣ, такъ что послѣдуя сказанному, правильно можетъ присовокупить: кто услышалъ *ко ежѣ возжелати*, кто коснулся, и кто всю свою силу подчинилъ служенію удовольствію, согрѣшилъ сердцемъ. Итакъ, чтобы сего съ нами не случилось, мы должны пользоваться тѣмъ мудрымъ правиломъ въ своей жизни, чтобъ не прилѣпляться душою своею ни къ чему, въ чемъ заключается какая либо приманка удовольствія; преимущественно же и болѣе всего блюстись отъ удовольствія вкуса, потому что оно повидимому упорнѣе другихъ и есть какъ бы матеръ запрещеннаго; ибо удовольствія, происходящія отъ пищи и питія, производя неумѣренность въ употребленіи свѣдей, по необходимости причиняютъ въ тѣлѣ множество неизбѣжныхъ золъ, поражаютъ въ людяхъ много болѣзней. Итакъ, чтобы тѣло всегда пребывало въ полномъ спокойствіи и не возмущалось никакою происходящею отъ пресыщенія страстію, мы должны вести строжайшій образъ жизни и опредѣлять мѣру и предѣлъ наслажденія не удовольствіемъ, но нуждою чего либо. Хотя нужда и удовольствіе часто соединяются между собою (потому что голодъ, обыкновенно, все дѣлаетъ пріятнымъ, услаждая сильнымъ желаніемъ пищи все, что ни случится употреблять въ пищу); но мы не должны ни отказываться отъ удовлетворенія

необходимости по причинѣ слѣдующаго за нимъ удовольствія, ни преимущественно гоняться за удовольствіемъ: но избирая изъ всего полезное, должны презирать то, что тѣшитъ чувства.

Г л а в а 22.

О томъ, что не должно сверхъ надлежащей мѣры предаваться воздержанію и что равно препятствуетъ душѣ въ достиженіи ея совершенства какъ утучненіе плоти, такъ и чрезмѣрное ея удрученіе.

Мы видимъ, что земледѣльцы искусно отдѣляютъ смѣшанную съ зерномъ мякину, такъ что каждое изъ нихъ назначается для надлежащаго употребленія: зерно для поддержанія человѣческой жизни, мякина для сожженія, также на кормъ животнымъ. Такъ и любитель цѣломудрія, отдѣляя нужду отъ удовольствія, какъ зерно отъ мякины, послѣднюю оставляетъ неразумнымъ, которыхъ *кончина въ пожженіе*, какъ говоритъ апостолъ (Евр. 6, 8.), а изъ того, что необходимо, беретъ себѣ сколько нужно съ благодареніемъ. Но поелику многіе, впадши въ другой видъ неумѣренности, отъ излишней строгости жизни, не замѣтно увлеклись въ сторону, противную предположенной ими цѣли, и инымъ образомъ отдаливъ душу свою отъ высшихъ и божественныхъ предме-

товъ, низвели оную въ кругъ мелочныхъ заботъ и попеченій, обративъ умъ свой къ наблюденію за тѣломъ, такъ что не въ состояніи свободно возноситься умомъ и созерцать горнее, будучи погружены въ заботу о томъ, чтобы удручать и сокрушать свою плоть: то хорошо было бы позаботиться и объ этомъ и равно избѣгнуть неумѣренности, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, — чтобы ни утучненіемъ плоти не подавить ума, ни опять, излишнимъ истощеніемъ оной не сдѣлать его слабымъ и презрѣннымъ и занимающимся только тѣлесными трудами; но всегда помнить мудрое правило, которое равно воспрещаетъ уклоненіе какъ въ правую, такъ и въ лѣвую сторону. Я слышалъ отъ одного врача, который говорилъ на основаніи своей науки, что тѣло наше состоитъ изъ четырехъ не одинаковаго свойства, но совершенно противоположныхъ между собою стихій: въ немъ срастворены жаръ и холодъ, и влага удивительнымъ образомъ смѣшана съ сухостію, причемъ противоположное соединяется вмѣстѣ сродствомъ посредствующихъ связей. И эту мысль естественноты испытатель доказывалъ довольно остроумно, говоря, что каждая изъ этихъ стихій по природѣ будучи діаметрально противоположна другой и отдѣльна отъ нея, соединяется съ противоположными чрезъ нѣкоторое сродство близъ лежащихъ свойствъ; ибо такъ какъ хо-

лодь и жаръ одинаково могутъ находиться во влагѣ и сухости, и опять влага и сухость равнымъ образомъ могутъ соединяться съ жаромъ и холодомъ: то тождество свойствъ одинаково являющееся въ противоположностяхъ, само собою производитъ связь между противоположными стихіями. Но для чего мнѣ входить въ изслѣдованіе частныхъ, какъ одно и то же и раздѣляется взаимно по естественной противоположности и опять соединяется, сближаясь другъ съ другомъ посредствомъ сродства свойствъ? Мы упомянули о сказанномъ потому только, что излагавшій такую теорію о природѣ тѣла, совѣтовалъ, чтобы мы сколько возможно старались соблюдать равновѣсіе свойствъ: поелику въ томъ состоитъ здравіе тѣла, чтобы ничто въ насъ не получало перевѣса надъ другимъ. Итакъ, если слова его сколько нибудь истинны, для поддержанія своего здоровья мы должны сохранять такое состояніе тѣла, чтобы никакой части изъ тѣхъ, изъ которыхъ мы составлены, не придавать неправильнымъ употребленіемъ пищи и питія ни излишняго увеличенія, ни уменьшенія (но подражать, сколь возможно, правящему колесницею) ^(а). Ибо какъ сей, если править несогласными между собою конями, ни скоро бѣгущаго не побуждаетъ уда-

(а) Слова отмѣченные скобками, дополнены по рукописи М. Синодальной бібліотеки, N 71.

рами, ни лѣниваго не сдерживаетъ возжами: и опять ни своевольному или необузданному и рьяному не позволяетъ безпорядочно нестись по собственному произволу: но одного направляетъ, другаго сдерживаетъ, а третьяго побуждаетъ бичемъ, доколѣ не произведетъ между всѣми стройнаго согласія въ бѣгѣ: такимъ же образомъ и умъ нашъ, имѣющій въ себѣ бразды тѣла, не вздумаетъ прибавлять огня къ жару, пылающему въ лѣта юности; также и охладѣвшаго отъ страсти или времени не будетъ еще болѣе охлаждать и изсушать, и относительно прочихъ свойствъ также будетъ слѣдовать словамъ Писанія, не увеличивая того, чего много, и не уменьшая чего мало (Исх. 16, 18; 2 Кор. 8, 15.); но отсѣкая въ томъ и другомъ случаѣ неумѣренность, будетъ стараться о приращеніи того, чего недостаетъ, и въ обоихъ случаяхъ равно остерегаться вреднаго тѣлу: чтобы ни излишнимъ угожденіемъ плоти не сдѣлать ее безпорядочною и необузданною; ни чрезмернымъ удрученіемъ—болѣзненною, разстроенною и безсильною къ необходимымъ отправленіямъ жизни. Совершеннѣйшая цѣль воздержанія состоитъ въ томъ, чтобы имѣть въ виду не удрученіе тѣла, но удобнѣйшее служеніе душевнымъ потребностямъ.

ГЛАВА 23.

О томъ, что желающій въ точности изучить сію жизнь, долженъ учиться у преуспѣваго въ оной.

Въ частности же, какъ долженъ поступать рѣшившійся жить по правиламъ сего любомудрія, чего остерегаться, въ какихъ занятіяхъ подвизаться, также какую сохранять мѣру воздержанія, какихъ правилъ держаться и каково вообще должно быть все теченіе жизни, направленной къ сей цѣли,—обо всемъ этомъ если кому угодно узнать подробно, есть много писанныхъ поученій, гдѣ онъ найдетъ наставленіе о семъ. Но гораздо дѣйствительнѣе. чѣмъ наставленіе словесное, руководство примѣромъ дѣлъ; и нѣтъ никакой трудности выполнить это требованіе; чтобы найти наставника не нужно ни долго путешествовать, ни подвергаться морскому плаванію, но *близъ ти мамолъ*, говоритъ апостолъ (Рим. 10, 8.), недалеко отъ тебя—благодать сія. Здѣсь училище добродѣтелей, въ которомъ жизнь такого рода, доведенная до высочайшей степени строгости, является во всей чистотѣ. Здѣсь великую имѣютъ силу въ наученіи самымъ дѣломъ, какъ вести небесную оную жизнь, и молчащіе и говорящіе. Потому что и всякое слово безъ дѣлъ являемое, какъ бы ни было краснорѣчиво

составлено, подобно бездушному изображенію, которому краски и цвѣта придаютъ нѣкоторый видъ живости; а кто *сотворитъ и научитъ*, какъ говорить въ одномъ мѣстѣ Евангеліе (Матѣ. 5, 19.), тотъ есть истинно живой человѣкъ, цвѣтущій красотою, дѣйствующій и движущійся. И такъ къ нему чаще долженъ обращаться тотъ, кто хочетъ, по выраженію Писанія, *держаться* дѣвства (Матѣ. 6, 24.). Какъ желающему изучить языкъ какого нибудь народа недостаточно быть самому себѣ наставникомъ, но онъ учится у людей свѣдущихъ въ ономъ и такимъ образомъ достигаетъ того, что говоритъ также, какъ иностранецъ (постепенно пріучая къ тому свой слухъ) ^(а): такъ я думаю, и жизнь сію, такъ какъ она идетъ не путемъ естественнымъ, но отступаетъ отъ онаго по необыкновенности образа жизни, не иначе кто можетъ въ совершенствѣ изучить, какъ подъ руководствомъ кого либо опытнаго въ ней. И во всѣхъ прочихъ житейскихъ занятіяхъ лучше можетъ успѣть желающій, если будетъ изучать предметъ своихъ занятій у учителя, нежели когда самъ одинъ примется за дѣло. Ибо не такъ простъ этотъ образъ жизни, чтобы по нуждѣ можно было довѣрять собственному сужденію, что для насъ полезно; рѣшимость на

(а) Дополнено по рукописи.

опытъ въ вещахъ неизвѣстныхъ не безопасна. Какъ люди дошли опытомъ до неизвѣстной прежде врачебной науки? Посредствомъ нѣкоторыхъ наблюдений мало по малу раскрывали оную, такъ что признанное полезнымъ и вреднымъ по свидѣтельству людей испытавшихъ, вносилось въ содержаніе науки, и наблюдение, сдѣланное предшественниками, строго соблюдалось въ послѣдствіи; теперь же желающій изучить сію науку не имѣетъ нужды собственнымъ опытомъ изслѣдовать силу лѣкарствъ, какое изъ нихъ цѣлительно, и какое вредно; но можетъ самъ, усвоивъ свѣдѣнія отъ другихъ, успѣшно заниматься врачебнымъ искусствомъ. Тоже должно сказать и о врачебной наукѣ душъ, — говорю о любомудріи, — при помощи котораго мы узнаемъ врачевство противъ всякой страсти, приражающей душѣ: нѣтъ нужды намъ прибѣгать къ предположеніямъ, какимъ либо догадкамъ для пріобрѣтенія познаній въ этой наукѣ, но есть полная возможность научиться ей отъ того, кто долговременнымъ и продолжительнымъ опытомъ стяжалъ навыкъ къ ней. Юность же, большею частію и во всякомъ дѣлѣ (не надежный) ^(а) совѣтникъ, и не легко найти человѣка, который бы хорошо исполнилъ какое нибудь достойное занятіе. если не призывалась

(а) Должно по рукописи.

имъ для участія въ совѣтѣ старость. Чѣмъ выше всѣхъ прочихъ занятій предположена у насъ цѣль, тѣмъ болѣе мы должны наблюдать осторожности. Ибо въ прочихъ дѣлахъ юность не управляемая разсудкомъ, несетъ конечно ущербъ въ имуществѣ, или принуждена бываетъ лишиться какой нибудь мірской славы или достоинства: въ семъ же великомъ и высочайшемъ стремленіи подвергаются опасности не деньги, не слава мірская и скоропреходящая, ни другое что нибудь изъ того, что отвиѣ къ намъ приходитъ, что, и по моему мнѣнію и по суду людей благоразумныхъ, какъ зависящее отъ внѣшнихъ причинъ, имѣетъ маловажное значеніе; здѣсь неразсудительность касается самой души и угрожаетъ опасностью потерпѣть такого рода ущербъ, который состоитъ не въ потерѣ какихъ нибудь благъ, которыя, можетъ быть, и опять можно возвратить, но въ гибели самаго себя, и во вредѣ собственной душѣ. Ибо растратившій отцовское имѣніе, пока находится въ живыхъ, не безъ надежды остается опять какимъ либо способомъ возвратить прежнее благополучіе: но кто отпалъ отъ оной жизни, тотъ лишенъ всякой надежды на возвращеніе къ лучшему. Итакъ поелику многіе, еще юные и несовершеннолетніе разумѣніемъ, воспринимаютъ на себя подвигъ дѣйства: то имъ прежде всего должно стараться о томъ, чтобы найти себѣ руково-

дителя на семъ пути и хорошаго наставника, дабы по своей неопытности не пойти по какимъ нибудь новымъ непроходимымъ и уклоняющимся отъ истиннаго пути дорогамъ. *Блази два паче единая*, говоритъ Екклесіастъ (Еккл. 4, 10.); одинъ же легко побѣждается врагомъ, который присѣдитъ при путяхъ Божественныхъ, и горе *единому егда падетъ*, потому что не имѣетъ человѣка, который бы поставилъ его на ноги. Такъ нѣкоторые избрали надлежащее направленіе въ стремленіи къ святой жизни, и уже достигнувъ въ избранномъ ими подвигѣ совершенства, отъ гордости низпали другимъ видомъ паденія, потому что, обольстившись нѣкоторымъ безуміемъ, сочли благомъ то, къ чему склонялъ ихъ разумъ. Въ числѣ сихъ находятся тѣ, которые Премудростію названы праздными, пути свои устлавшими терніемъ (Притч. 15, 19.), кои считаютъ за вредъ для души усердіе въ трудѣ по заповѣди; они отвергли увѣщанія апостольскія (2 Солун. 3, 10.), и не ѣдятъ съ благопрістойностію собственный хлѣбъ, но простираютъ руки на чужой, въ праздности полагая все искусство жизни. Отсюда, — сновидцы, которые обольщенія сонныя считаютъ достовѣріе евангельскаго ученія, и мечты воображенія называютъ откровеніями; *отъ сихъ суть проникающіи въ дома* (2 Тим. 3, 6.). И опять есть иные, кои добродѣтелью почитаютъ необщительность

и дикость и не умѣють цѣнить плодовъ снисходительности и смиренномудрія. Но кто исчислить всѣ таковыя паденія, которыя случаются съ тѣми, кои не хотятъ прибѣгнуть въ руководство мужей благоугождающихъ Богу? Изъ числа ихъ мы знали и такихъ, которые терпѣли голодъ даже до смерти, какъ будто бы таковыми жертвами благоугождается Богъ; и опять другихъ, кои, уклонившись совершенно въ противоположную сторону и заботясь о безбрачїи только по имени, ни въ чемъ не отличаются отъ ведущихъ жизнь брачную; не только доставляютъ удовольствіе своему чреву, но даже открыто живутъ вмѣстѣ съ женщинами, именуя сіе сожительство братствомъ, чтобы подъ симъ честнымъ именемъ скрыть свою склонность къ худому. Они причиною того, что весьма почтенное и чистое дѣло, — (жизнь дѣвственная) хулится между язычниками. Итакъ было бы очень полезно, чтобы юные не руководствовали сами себя на пути сей жизни; ибо жизнь наша не бѣдна примѣрами совершенствъ, и если когда, то особенно въ настоящее время святость процвѣтаетъ и обитаетъ въ нашихъ жилищахъ, чрезъ постепенное приращеніе будучи доведена до высшей степени совершенства ^(а). Идущій по таковымъ

(а) Здѣсь св. Григорій разумѣетъ Василія великаго, какъ сказано въ предисловіи.

слѣдамъ можетъ пріобщиться сей святости и послѣдующій за симъ благоуханнымъ мѣромъ можетъ исполниться благоуханія Христова. Какъ отъ одной горящей лампы пламя передается и всѣмъ прочимъ свѣтильникамъ, которые прикасаются къ ней; и не смотря на то, первый свѣтъ не уменьшается, хотя чрезъ сообщеніе въ равной мѣрѣ удѣляется и заимствующимъ свой свѣтъ отъ него: такъ и святость сей жизни преемственно распространяется отъ преуспѣваго въ оной на приближающихся къ нему; ибо истинно пророческое слово, что обращающійся съ преподобнымъ, неповиннымъ и избраннымъ и самъ дѣлается таковымъ (Пс. 17, 26. 27.). Если же ты ищешь признаковъ, по которымъ бы нельзя было обмануться въ избраніи для себя хорошаго примѣра; то начертать ихъ легко. Ели ты увидишь мужа, который, стоя по срединѣ между жизнію и смертію, изъ той и другой извлекаетъ полезныя для себя уроки любомудрія, такъ что ни недѣтельности смерти не допускаетъ въ усердіи къ исполненію заповѣдей, ни живетъ всецѣло жизнію, поелику отрѣшился отъ мірскихъ похотей, въ отношеніи къ тому, въ чемъ выражается плотская жизнь, оставаясь недѣлительнѣе мертвыхъ, а въ отношеніи къ дѣламъ добродѣтели, составляющимъ признакъ живущихъ духомъ, являясь одушевленнымъ, дѣлательнымъ и сильнымъ: то такового мужа по-

ставь себя правиломъ въ жизни; пусть онъ будетъ для тебя руководителемъ божественной жизни, какъ для кормчихъ вѣчно сіяющія звѣзды: подражай и старости его и юности, или лучше, подражай его старости во время юности, — и юности во время старости. Ибо ни время возраста, склонявшагося уже къ старости, не ослабило въ немъ мужественной души, ни юность не была дѣятельною въ того рода дѣятельности, которая свойственна юности: но какое то было въ немъ удивительное соединеніе противоположностей того и другаго возраста, лучше сказать — измѣненіе свойствъ: въ старости юношеская крѣпость силъ къ добру, а въ цвѣтущей юности неподвижность въ отношеніи къ злу. А если ты ищешь и любви свойственной оному возрасту, подражай высочайшей и пламенѣющей божественной любви Премудрости, у которой она съ младенчества возрастала и до старости пребывала. Если же ты не можешь на нее прямо взирать, какъ больные глазами на солнце, то обрати взоры на подчиненный Ей ликъ Святыхъ, которые, сіяя своею жизнію, представляютъ примѣры подражанія для людей всякаго возраста: ихъ поставилъ Богъ въ образецъ для нашей жизни. Многіе изъ нихъ, будучи юны лѣтами, составились въ чистотѣ воздержанія, предускоривъ мысленно старость и образомъ жизни предупредивъ время; они знали одну любовь къ

мудрости, не потому что имѣли иное естество (ибо во всѣхъ плоть похотствуетъ на душу, Гал. 5, 17.), но потому что хорошо вняли гласу того, который сказалъ, что цѣломудріе есть *древо живота* *всѣмъ держащимся его* (Притч. 3, 18.). На семъ древѣ, какъ на нѣкоей ладѣ, переплывши волны житейскія, они достигли до пристани воли Божіей; и теперь съ душею, недоступною волнамъ, въ тишинѣ и спокойствіи, они наслаждаются полнымъ блаженствомъ, счастливо окончивъ свое плаваніе; они утвердивъ себя на благой надеждѣ, какъ на нѣкоемъ безопасномъ якорѣ, покоясь вдали отъ обуреванія волнъ, свѣтъ своей жизни, какъ бы нѣкіе огни съ высокой сторожевой башни, предлагаютъ тѣмъ, которые слѣдуютъ за ними. Итакъ у насъ есть на кого взирать, чтобы безопасно избѣгнуть волнъ искушеній. Для чего ты допытываешься у меня, не падали ли нѣкоторые изъ тѣхъ, кои стремились къ тому же, и по тому отчаеваешься въ этомъ дѣлѣ, какъ неудобноисполнимомъ? Смотри на успѣвшаго и смѣло пускайся въ сіе благое плаваніе, направляемый кормиломъ цѣломудрія (а), при вѣяніи Святаго Духа, имѣя кормчимъ Христа. Ибо и *сходящій въ море въ кораблихъ*, *творящій дѣланія въ водахъ многихъ*

(а) Вмѣсто: *εὐφροσύνης*, принято чтеніе: *σωφροσύνης*, по рукописи М. Сив. бібліотеки.

(Пс. 106, 23.) не теряют надежды отъ того, что съ кѣмъ либо случилось кораблекрушеніе: но имѣя предъ собою благую надежду, спѣшатъ достигнуть цѣли предпринятаго дѣла. Не глупѣ ли всего почитать порочнымъ того, кто палъ при строгомъ образѣ жизни, и полагать, что лучше тотъ, кто состарѣлся, падая въ теченіи всей своей жизни?

Если страшно и однажды подвергнуться близкой опасности грѣха, и потому ты считаешь болѣе безопаснымъ и не вступать даже на путь ведущій къ высочайшей цѣли: то во сколько ужаснѣе дѣлать грѣхъ занятіемъ всей жизни, и потому совершенно лишиться участія въ оной чистѣйшей жизни? Какъ ты послушаешь Распятаго, будучи живымъ, Умершаго грѣху, если грѣхъ въ тебѣ въ силѣ, повелѣвающаго слѣдовать за Нимъ и какъ знаменіе побѣды надъ противникомъ нести крестъ на тѣлѣ, когда ты не распялся міру и не воспріялъ умерщвленія плоти? Какъ можешь повиноваться Павлу, который убѣждаетъ тебя представить тѣло твое въ *жертву живу, святу, благоугодну Богу*, когда ты сообразуешься вѣку сему, а не преобразуешься обновленіемъ ума своего и не ходишь въ обновленіе жизни сей, но еще слѣдуешь путемъ жизни ветхаго человѣка (Рим. 12, 1.)? Какъ будешь священнодѣйствовать Богу ты, и помазанный именно для того, чтобы приносить даръ Богу, и даръ

конечно не какой либо чужой и незаконный, взятый изъ вѣѣ привходящихъ благъ, но по истинѣ твой собственный, который есть внутренній человѣкъ, долженствующій быть совершеннымъ и непорочнымъ, по закону объ агнцѣ, чуждымъ всякаго поврежденія и порока, — какъ будешь приносить сей даръ Богу, когда не повинуешься закону, который воспрещаетъ священнодѣйствовать нечистому? И если ты желаешь удостоиться явленія Божія, то почему не слушаешь Моисея, который повелѣваетъ народу очиститься отъ дѣлъ брака, чтобы быть достойнымъ явленія Божія? Если тебѣ маловажнымъ кажется сораспяться Христу, представить себя въ жертву Богу, быть священникомъ Бога вышняго, удостоиться явленія великаго Бога: то что мы можемъ придумать тебѣ выше этаго, если ты и истекающія отсюда блага будешь считать также незначительными? Ибо, если кто сраспинается Христу, тотъ чрезъ сіе самое вмѣстѣ съ Нимъ и живетъ и прославляется и царствуетъ; а кто представить себя (въ жертву) Богу, тотъ чрезъ это можетъ достигнуть измѣненія естества и достоинства человѣческаго въ ангельское: ибо и Даніилъ такъ говоритъ: *тмы темъ предстояху Ему* (Дан. 7, 10.). Кто пріиалъ истинное священство и подчинилъ себя великому Архіерею, тотъ конечно и самъ пребываетъ іереемъ во вѣкъ, и смерть не воз-

браняеть ему пребывать онымъ навсегда. Но кто удостоился видѣть самаго ^(а) Бога, тотъ имѣетъ плодомъ не другое что, какъ то самое, что онъ удостоился видѣть Бога. Ибо верхъ всякой надежды, предѣлъ и главную цѣль всякаго желанія, Божія благословенія, всякаго обѣтованія и неизреченныхъ благъ, превышающихъ, какъ вѣруемъ, чувство и разумъ, составляетъ то, что возжелалъ видѣть Моисей, чего желали многіе пророки и цари, но чего удостоиваются одни чистые сердцемъ, которые потому самому суть и именуются подлинно блаженными, что они *Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8.). Посему-то желаемъ, чтобы и ты сораспялся Христу, представилъ себя Богу чистымъ іереемъ и содѣлался чистою жертвою, уготовилъ себя къ пришествію Божію чрезъ очищеніе во всей чистотѣ, дабы и тебѣ увидѣть Бога въ чистомъ сердцѣ, по обѣтованію Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

(а) Вмѣсто: *ειπών*, въ рукоп. *αὐτός*.

ОНИЩЕЛЮБИИ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

С Л О В О 1-е

Предстоятель сей церкви (а) и наставники неуклоннаго благочестія и добродѣтельной жизни имѣютъ много сходства съ учителями граматѣ и наставниками въ первоначальномъ чтеніи. Ибо какъ тѣ, принявъ огъ родителей, дѣтей юныхъ и еще нетвердыхъ въ рѣчи, не тотчасъ приводятъ ихъ къ окончательнымъ познаніямъ, но начертавъ сначала на восковой таблицѣ алфу и слѣдующія буквы, учатъ узнавать ихъ имена и упражняютъ руку въ ихъ начертаніи: послѣ сего ведутъ далѣе, къ слогамъ, а за тѣмъ учатъ произношенію словъ: такъ и вожди церкви, приводя слушателя сначала къ первоначальнымъ ученіямъ, за тѣмъ преподають ему совершеннѣйшее знаніе.

(а) Вѣроятно, самъ св. Григорій. Сюбо говорилъ въ св. Четырдесятницѣ. См. Прибавл. къ Твор. св. Огцевъ, Т. XX. стр. 64. примѣч. ѳ.

Итакъ, поелику въ предшествовавшіе два дня мы обуздывали привязанность къ наслажденіямъ гортани и чрева, то не подумайте, что и нынѣ я буду говорить о томъ же, — какъ хорошо отказаться отъ мясъ и воздерживаться отъ смѣхолобиваго и шумливаго вина, остановить усердіе поваровъ и совершенно утомляющуюся руку виночерпія. Ибо объ этомъ мною достаточно сказано; и вы дѣлами показали дѣйственность убѣжденія. Вамъ, изучившимъ первоначальное ученіе, хорошо постепенно передать прочія, высшія и болѣе мужамъ приличныя наставленія.

Итакъ, есть постъ и нетѣлесный, есть воздержаніе невещественное, относящееся къ душѣ, — удержаніе себя отъ зла; его ради намъ узаконено и то воздержаніе отъ яствъ. Итакъ, поститесь отъ злобы, воздерживайтесь отъ пожеланія чужаго, удерживайтесь отъ неправой корысти; умерщвляйте голодомъ сребролюбіе мамоны; да не будетъ въ домѣ дорогихъ украшеній, отъ насилія и хищенія. Ибо что пользы, если ты не подносишь къ устамъ мяса, а угрызаешь брата злобою? Или какая выгода, если ты своего не ѣшь, а неправо взявъ принадлежащее бѣдному? Какое же это благочестіе, если пия воду, уготовляешь коварство и жаждешь, по злобѣ, крови? Постился конечно вмѣстѣ съ одиннадцатыю и іуда, но, не укротивъ сребролюбиваго нрава, не полу-

чилъ отъ воздержанія никакой пользы во спасеніе. И діаволъ не ѣстъ, ибо онъ духъ безтѣлесный; но по причинѣ злобы онъ ниспалъ съ высоты. Подобнымъ образомъ и каждый изъ демоновъ ни кушанья не употребляетъ, ни въ многопитіи или пьянствѣ не можетъ быть обвиненъ, ибо природа не дала имъ возможности принимать снѣди. Однакожъ, и ночью и днемъ блуждая по воздуху, они суть дѣлатели и слуги злобы, и тщательно строятъ противъ насъ козни. Они истаявають отъ зависти и неависти, которыхъ хорошо избѣгать, если мы, люди, хотимъ быть своими Богу, тогда какъ они изпали изъ содружества съ добромъ.

Итакъ любомудріе да руководить образомъ жизни христіанъ, и душа да бѣгаетъ пагубы зла. Ибо если, воздерживаясь отъ вина и мяса, мы виновны въ грѣхахъ воли, то предсказываю, и напередъ свидѣтельствую: не принесутъ намъ никакой пользы вода, и овощи, и безкровный столъ, если мы не имѣемъ внутренняго расположенія, подобнаго внѣшней видимости.

Постъ узаконенъ для чистоты души; если же онъ оскверняется инаго рода намѣреніями и дѣйствіями, то для чего напрасно тратимъ воду, которую пьемъ? Для чего воздѣлывать эту несмываемую и чрезмѣрную грязь? Что пользы отъ тѣлеснаго поста, если нечистъ

умъ? Ибо никакой нѣтъ пользы, если колесница прочна и упряжь въ порядкѣ, а возница не въ своемъ умѣ. Что пользы въ кораблѣ, хорошо устроенномъ, если кормчій будетъ пьянъ? Постъ — основаніе добродѣтели. Но какъ основаніе дома и дно корабля, хотя бы были весьма твердо положены, бесполезны и не имѣютъ никакой цѣны, если слѣдующее за тѣмъ въ нихъ построено неискусно: такъ и отъ воздержанія сего нѣтъ никакой пользы, если къ нему не приложатся, и за нимъ не послѣдуютъ и прочія правыя дѣла. Страхъ Божій да учитъ говорить что прилично, не говорить пустаго, знать время и мѣру, и слово необходимое и отвѣтъ умѣстный: не говорить безмѣрно, не осыпая собесѣдниковъ градомъ словъ. Ибо потому нѣжнѣйшая изъ перепонокъ, прикрѣпляющая языкъ къ нижней полости рта и называется уздою, чтобы не говорить безпорядочнаго и неблагопрістойнаго; (языкъ) да благословляетъ, а не злословитъ, поетъ, а не поноситъ. хвалитъ, а не порицаетъ. Опрометчивая рука да свяжется памятованіемъ о Богѣ, какъ цѣпью. Мы потому постимся, что поношеніями и заушеніями оскорбили нашего Агнца предъ пригвожденіемъ: итакъ мы ученики Христовы не поревнуемъ іудейскому обычаю.

Если мы такъ будемъ расположены, то Исаія скажетъ намъ: *почто въ судьхъ и сварьхъ по-*

ститесь и бѣте пястми смиреннаго (Иса. 58, 4).

- *Научись отъ того же пророка дѣйствіямъ искренняго и чистаго поста: разрывай всякъ союзъ неправды, разрушай обдолженія насильныхъ писаній: раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой (ст. 6, 7).*

Настоящее время представляетъ намъ большое обиліе лишенныхъ одежды и крова; ибо множество плѣнныхъ находится у дверей каждаго; и въ странникахъ и пришельцахъ нѣтъ недостатка; вездѣ можно увидѣть протянутую просящую руку. Домъ ихъ — воздухъ подъ открытымъ небомъ; гостинницы — портики, улицы и пустыри на площадяхъ. Подобно ночнымъ воронамъ и совамъ, они скрываются въ трущобахъ. Одежда ихъ — изорванная лохмотья; земледѣліе — расположеніе милосерствующихъ; пища — что перепадетъ отъ кого нибудь; питіе, какъ безсловеснымъ, — источники; сосудъ для питья — пригоршни; кладовая — пазуха, и та если не разорвана, а удерживаетъ влагаемое; столъ — сжатая колѣна; постель — земля; баня — та, которую Богъ устроилъ и далъ всѣмъ вообще, — рѣка или озеро. Жизнь ихъ — скитальческая и дикая; не такова она была сначала, но стала таковою отъ несчастія и нужды.

Имъ помощи постыщійся! О несчастныхъ братьяхъ позаботься! Что ты отнялъ у своего чрева, предложи алчущему. Страхъ Божій да

будетъ справедливымъ уравнителемъ. Благо-
разумнымъ воздержаніемъ уврачуѣ два проти-
воположныя страданія: свое пресыщеніе и
голодь брата. Ибо такъ дѣлають и врачи:
однихъ истощають, другихъ насыщають,
чтобы чрезъ прибавленіе и отнятіе (пищи)
каждому сберечь здоровье. Послушайте доб-
раго увѣщанія: да отворить (наше) слово
двери достаточныхъ; совѣтъ нашъ да введетъ
бѣднаго къ имущему.

Одно же слово да не обогатитъ нуждаю-
щихся: предвѣчное Слово Божіе да дастъ имъ
и жилище и одръ и трапезу. Ласковымъ сло-
вомъ оплодотворяй употребленіе твоихъ стя-
жаній. Кромѣ сихъ, есть еще другіе нищія,—
больные и лежащіе. Каждый пусть заботится
о сосѣдяхъ. Не попускай, чтобы другой по-
служилъ твоему ближнему. Да не возметъ
другой сокровища, тебѣ предложеннаго.

Обними несчастнаго, какъ золото. Заклучи
въ объятія потерпѣвшаго несчастіе, какъ твое
здравіе, какъ спасеніе жены, дѣтей, домаш-
нихъ и всего дома.

Убогій и больной вдвойнѣ бѣденъ. Ибо
здоровые изъ неимущихъ переходятъ отъ
двери къ двери, ходятъ по имущимъ, сидя
на перекресткахъ зываютъ ко всѣмъ прохо-
дящимъ. Эти же, связанные болѣзнію, заклю-
ченные въ тѣсныхъ жилищахъ и въ тѣсныхъ
уголкахъ, какъ Даниилъ во рвѣ, ожидаютъ

тебя, богобоязливаго и нищелюбца, какъ Аввакума. Будь другомъ пророку посредствомъ милостыни, предстань нуждающемуся скорымъ и нелѣнственнымъ кормильцемъ. Даяніе не убыточно. Не бойся; плодъ милостыни произрастаетъ обильно. Постѣвай раздавая, и исполнишь домъ добрыхъ пріобрѣтеній.

Но скажешь: и я бѣденъ. Пусть такъ; давай. Давай что имѣешь; ибо Богъ не требуетъ сверхъ силъ. Ты (дашь) хлѣбъ, другой — чашу вина, иной — одежду, и такимъ образомъ общимъ сборомъ уничтожается несчастіе одного. И Моисей на издержки по скинии получилъ не отъ одного слуги (Божія), но отъ всего народа. Одинъ богачъ принесъ ему золото, другой — серебро; бѣдный — кожи, бѣднѣйшій бѣднаго — шерсть (Исх. 25, 28—30). Видишь ли, какъ и кодрантъ вдовицы превзошелъ вклады богатыхъ. Ибо она высыпала все, что имѣла, у тѣхъ же не многое выпало (Марк. 12, 43. 44.).

Не презирай лежащихъ, какъ ничего не стоящихъ. Подумай, кто они, и найдешь ихъ цѣну. Они носятъ на себѣ образъ Спасителя нашего. Ибо Человѣколюбецъ далъ имъ собственный образъ, чтобы имъ устыдить не-сострадательныхъ и нищененавистниковъ; они подобны тѣмъ, кои указываютъ насилующимъ ихъ на царскія изображенія, чтобы образомъ владычествующаго устыдить презрителя. Они

—сокровищехранители ожидаемыхъ благъ, привратники царствія, отверзающіе двери для добрыхъ и заключающіе для жестокихъ и человѣконенавистниковъ. Они — и сильные обвинители, и добрые защитники. Защищаютъ же и обвиняютъ не словомъ, но видомъ своимъ предъ Судією. Ибо дѣлаемое для нихъ вызываетъ къ Сердцевѣдцу внятіе всякаго глашатая. Ради нихъ начертанъ намъ и сей страшный судъ вѣстниками Божиими, о которомъ вы часто слышали.

Тамъ я вижу Сына Человѣческаго, грядущаго съ небесъ, идущаго по воздуху, какъ по землѣ, окруженнаго многими тмами Ангеловъ; потомъ возвышающійся престолъ славы и всѣ племена человѣческія, какія ни приходили въ бытіе, и освѣщались солнцемъ и вдыхали сей воздухъ, раздѣленные на двѣ части и предстоящія судилищу. Стоящіе съ правой стороны названы овцами, а тѣ, кто на другой, слышу я, названы козлищами, навлекшими на себя это названіе по сходству нравовъ. Слышу тамъ рѣчи Судіи къ подсудимымъ и отвѣты судимыхъ Царю. Каждому назначается въ удѣлъ, что ему слѣдуетъ: проводившимъ жизнь хорошую — наслажденіе царствіемъ, а человѣконенавистникамъ и злымъ — огненное мученіе и притомъ вѣчное. Все это описано тщательно (Матѣ. 25, 31—46.). И сіе строгое судилище живо изображено словомъ не для

инаго чего, какъ для того, чтобы научить насъ пользѣ благотворительности. Ибо она содержитъ жизнь, она — мать бѣдствующихъ, учительница богатыхъ, благая дѣтонитательница, попечительница о старцахъ, казнохранилище нуждающихся, всеобщее пристанище несчастныхъ; она дѣлитъ свои заботы всѣмъ возрастамъ и несчастіямъ.

Ибо какъ судьи на пустыхъ человѣческихъ состязаніяхъ, трубою провозглашая свою щедрость, всѣмъ подвижающимся на мѣстѣ борьбы объщаютъ богатую раздачу: такъ и благотворительность призываетъ къ себѣ всѣхъ, находящихся въ трудныхъ обстоятельствахъ, раздѣляя приходящимъ не награды за удары, но пособія противъ несчастій. Она выше всякаго похвальнаго дѣла; она присѣдитъ благому Богу, возлюблена Имъ и весьма близка Ему. Такимъ образомъ первымъ совершителемъ благихъ и человѣколюбивыхъ дѣлъ является намъ самъ Богъ. Ибо созданіе земли, и украшеніе неба, и благоустроившую перемѣну временъ, и теплоту солнечную, и охлаждающую природу льда, и все въ частности Богъ постоянно производитъ не для Самаго Себя,—ибо Онъ не имѣетъ въ этомъ нужды,—но для насъ. Онъ невидимый землѣдѣлецъ, производящій для людей пищу. Онъ благовременный сѣятель и мудрый ороситель. Ибо Онъ, по (слову) Исаіи (Иса. 55, 10.) даетъ

сѣмя сѣящему и воду изъ облаковъ; то тихо орошаетъ ею землю, то стремительно льетъ ее на борозды полей. Когда же посѣвы выросли и поспѣла зелень, тогда разсѣявъ облака по всему небу, освобождаетъ отъ покрова солнце, которое распространяетъ теплоту и огневые лучи, чтобы колосья созрѣли къ жатвѣ. Онъ возвращаетъ и виноградъ, заготовляя въ свое время питіе жаждущему; питаетъ для насъ разнаго рода стада, чтобы у людей была обильная пища, а кожи однихъ животныхъ, производя шерсть, доставляли покровъ, а другихъ — давали намъ обувь. Видишь, что первый любитель благотворительности есть Богъ, питающій алчущаго, напаяющій жаждущаго и одѣвающій нагаго, такъ какъ сказано выше.

Если же пожелаешь услышать, какъ заботится Онъ и объ удрученныхъ болѣзнію, то узнай. Кто научилъ пчелу дѣлать воскъ и вмѣстѣ съ нимъ медъ? Кто заставилъ сосну, теревиню и мастиковое дерево, источать этотъ жирный сокъ? Кто сдѣлалъ страну индійскую матерью сухихъ и благовонныхъ плодовъ? Кто возрастилъ маслинну, помогающую въ тѣлесныхъ страданіяхъ и болѣзняхъ? Кто научилъ насъ распознавать корни растений и узнавать заключающіяся въ нихъ свойства? Кто создалъ, дающее здравіе, врачебное искусство? Кто извелъ изъ земли источники

теплыхъ водъ, то исцѣляющіе насъ отъ холода и влажности, то разрѣшающіе сухость или затвердѣнія? И можно благовременно сказать съ Варухомъ: *Сей изобрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Иакову отроку своему, и Израилю возлюбленному отъ Него* (Вар. 3, 36. 37.). Отсюда искусства дѣйствующія при помощи огня и безъ огня, и другія, — при помощи воды, и безчисленные изобрѣтенія ремеслъ, чтобы нужды жизненныя удовлетворялись безъ недостатка. И такимъ образомъ Богъ есть первый изобрѣтатель благотворительности, богатый и вмѣстѣ сострадательный подалецъ необходимаго для насъ.

Мы же каждою буквою Писанія наставляемые соревновать Господу и Звждителю нашему, на сколько доступно для смертнаго подражаніе Блаженному и Безсмертному, все обращаемъ къ собственному наслажденію: одно отдѣляемъ для собственной жизни, другое сберегаемъ наслѣдникамъ: о несчастныхъ же — ни слова, о нищенствующихъ — никакого благого попеченія. О немилосердное сердце!

Человѣкъ видитъ человѣка, нуждающагося въ хлѣбѣ, немѣющаго необходимой живой пищи; но не помогаетъ ему съ готовностію и не подаетъ ему спасенія, а оставляетъ безъ вниманія какъ какое нибудь зеленѣющее растеніе, несчастно засыхающее отъ недостатка воды; и это (дѣлаетъ чело-

вѣкъ) обладая чрезъ край текущимъ богатствомъ, и имѣя возможность на многихъ излить утѣшеніе отъ имущества! Ибо какъ разливъ одного источника утучняетъ много пространныхъ равнинъ; такъ и богатство одного дома достаточно для спасенія множества бѣдныхъ, — если только скупое и необщительное сердце, какъ камень, попавшій при выходѣ, не задержать разлива.

Не все для плоти, проживемъ нѣсколько и для Бога. Ибо ощущеніе и услажденіе отъ пищи получаетъ малая часть плоти, — гортань; а пища, перегнивши въ желудкѣ, наконецъ извергается. Милосердіе же и благотворительность суть дѣла, любезныя Богу, и если обитаютъ въ какомъ человѣкѣ, то обожествляютъ его и образуютъ по подобію Всеблагаго, чтобы онъ былъ образомъ перваго, и чистаго, и всякій умъ превосходящаго Существа.

Какой же конецъ общанъ такой ревности? Здѣсь добрая надежда и радостное ожиданіе, а потомъ, когда оставивъ сію скоропреходящую плоть, преоблачимся въ нетлѣніе, — блаженная жизнь, непрестающая и негибнущая, гдѣ уготованы нѣкія дивныя и нынѣ неизвѣстныя наслажденія.

Итакъ вы, сотворенные разумными и имѣющіе умъ, который служитъ истолкователемъ и учителемъ Божественныхъ (повелѣній), не обольщайтесь преходящимъ. Приобрѣтите то

что никогда не оставляет прибрѣтшаго; опредѣлите мѣру пользованію жизнью. Не все ваше, но часть пусть принадлежитъ и бѣднымъ, любезнымъ Богу. Ибо все принадлежитъ Богу, общему Отцу. Мы же — какъ бы братья родные; братьямъ же всего лучше и справедливѣе раздѣлять наслѣдство поровну. Въ противномъ случаѣ, если одинъ присвоилъ себѣ болѣе, чѣмъ другой, остальные пусть воспользуются хотя частию. Если же кто захотѣлъ бы быть господиномъ всего вообще, лишая братьевъ и самой третьей или пятой части, тотъ злой тиранъ, непримиримый варваръ, неважистный звѣрь, радостно отверзающій пасть только на пищу; таковъ суровѣе даже самыхъ звѣрей. Ибо и волкъ допускаетъ волка въ ѣду, и собаки также во множествѣ терзаютъ одинъ трупъ: онъ же ненасытный никого изъ одноутробныхъ не допускаетъ къ участию въ богатствѣ. Тебѣ достаточно умѣреннаго стола; не пускайся въ это море необузданнаго пировація. Ибо тебѣ угрожаетъ жестокое кораблекрушеніе, не о подводные камни сокрушающее, но ввергающее въ глубочайшую тму, откуда впавшій туда никогда не выдетъ.

Пользуйся, но не злоупотребляй; ибо этому учитъ тебя и Павелъ (1 Кор. 10, 23.); позволяй себѣ умѣренное наслажденіе; не упивайся удовольствіями. Не будь губителемъ почти

всѣхъ животныхъ: четвероногихъ, большихъ, малыхъ, птицъ, рыбъ, легко добываемыхъ, рѣдкихъ, дешевыхъ и дорогихъ. Не наполняй по́томъ многихъ ловцевъ одно чрево, какъ какой глубочайшій колодезь, который не могутъ наполнить множество рукъ засыпающихъ. Ради роскошествующихъ не остается спокойною и бездна морская. Ловятъ не только плавающихъ въ водѣ рыбъ; но и тѣ жалкія животныя, которыя движутся на днѣ морскомъ, и тѣ извлекаются на сушу и на этотъ воздухъ. Такъ не утаились (различные) роды устрицъ; ловится морской ежъ, попадаетъ въ сѣть ползающая сепія. И полипъ, приросшій къ камнямъ, отрывается отъ нихъ, и раковины извлекаются изъ глубочайшихъ безднъ. И всѣ роды животныхъ, какъ тѣ, которыя плаваютъ по волнамъ, такъ и тѣ, которымъ опредѣлено населять дно морское, извлекаются на сей воздухъ, при чемъ изобрѣтательность любителей наслажденій измышляетъ для нихъ различныя сѣти.

Что же влечетъ за собою роскошь? Гдѣ ни появится это зло, оно, какъ болѣзнь, необходимо влечетъ за собою и свои дурныя послѣдствія. Рѣшившіеся имѣть роскошный и извѣженный столъ необходимо вовлекаются въ постройку великолѣпныхъ зданій и издерживаютъ много богатства на обширные дома и изысканное украшеніе ихъ; при этомъ за-

ботятся о красотѣ одровъ, убирая ихъ цвѣтными и всячески испещренными коврами; дѣлають очень дорогіе серебряные столы, одни гладко отполированные, другіе изукрашенные рѣзьбою, — такъ чтобы вмѣстѣ и служить имъ для гортани, и насыщать взоръ изображенными на нихъ событіями. Обрати со мною вниманіе и на остальное: чаши, треножники, кружки, рукомойные сосуды, блюда, безчисленные роды стакановъ; шутовъ, актеровъ, музыкантовъ, пѣвчихъ, острослововъ, пѣвцевъ, пѣвицъ, танцовщицъ, всю свиту распутства, отроковъ, женственно прельщающихъ волосамъ, безстыдныхъ дѣвицъ, по нескромности сестеръ Иродіады, убивающихъ Іоанна — находящійся въ каждомъ богоподобный и любомудрый умъ.

Въ то время, какъ все это совершается внутри дома, у воротъ присѣдять безчисленные Лазари: одни — покрыты тяжкими язвами, другіе — съ выбитымъ глазомъ, иные — оплакивають потерю ногъ, а нѣкоторые изъ нихъ совершенно ползють, потерпѣвъ лишеніе всѣхъ членовъ. Но, взывая, они не бываютъ услышаны; ибо мѣшаетъ шумъ трубъ, пѣсни самовольныхъ пѣвцовъ и грохотъ сильнаго смѣха. Если же какънибудь бѣдные, усиленнѣе постучать въ двери, дерзкій привратникъ немилостиваго господина, выскочивъ откуданибудь, отгоняетъ ихъ палками, зоветъ беспощадныхъ собакъ, и бичами растрavляетъ

ихъ раны. И отходятъ други Христовы, о которыхъ прежде всего говорятъ заповѣди, не получивъ ни куска хлѣба, ни кушанья, съ однимъ прибыткомъ обидъ и ударовъ. Внутри же, гдѣ идетъ работа маммонъ, — одни, какъ переполненные водою корабли, извергаютъ пищу, другіе засыпаютъ около стола, на которомъ стоятъ предъ ними стаканы. Двойной грѣхъ обитаетъ въ этомъ домѣ: одинъ — пресыщеніе упивающихся, другой — изгнаніе голодныхъ нищихъ.

Если Господь видитъ это (а Онъ конечно видитъ), то что, по вашему мнѣнію, послѣдуетъ за такую жизнь, — скажите вы, ненавистники нищихъ? Или не знаете, что ихъ ради священное Евангеліе провозглашаетъ и подтверждаетъ своимъ свидѣтельствомъ всѣ сія страшные и ужасные примѣры? Описанъ тамъ тяжело скрежещущій зубами и стенающій (богачъ), роскошествовавшій въ виссонѣ и содержимый въ безднѣ золъ (.Лук. 16, 19—31.). Другой опять, подобный сему, осужденъ на нечаянную смерть: вечеромъ онъ совѣщался объ утренней пищѣ, и не дожидъ до луча утреняго (.Лук. 12, 16 — 21.). Не будемъ мертвы для вѣры, и безсмертны для наслажденія. А такого образа мыслей держимся мы, когда желаемъ всѣмъ жертвовать плотскому обольщенію, какъ домовладыки, немѣющіе наслѣдниковъ, какъ постоянные господа на

землѣ, во время жатвы заботящіеся о посѣвѣ, а во время посѣва надѣющіеся порадоваться жатвѣ, сажающіе платанъ и ожидающіе тѣни высокаго дерева; сажающіе финиковое зерно и ожидающіе сладости плодовъ. И это часто бываетъ въ старости, когда близка зима смерти, а жизни остается не рядъ годовъ, а три или четыре дня!

Итакъ помыслимъ, какъ существа разумныя, что жизнь наша преходяща, что время текуче, непостоянно и неудержимо, какъ какой-нибудь рѣчной потокъ, который все, что ни попадетъ въ него, несетъ къ конечной гибели. И, о если бы, будучи краткою и скоропреходящею, жизнь была безотчетна! Но въ томъ состоитъ ежечасная опасность, что не только за дѣла, но и за слова произнесенныя нами, должны мы дать отвѣтъ предъ неподкупнымъ судилищемъ. Посему и блаженный Псалмопѣвецъ, имѣя въ мысли подобное сказанному нами нынѣ, желаетъ узнать срокъ своей кончины, и умоляетъ Бога сказать ему число остающихся дней, чтобы приготовиться къ обстоятельствамъ исхода, и не смутиться вдругъ, какъ неготовый путникъ, который во время самаго путешествія ищетъ необходимыхъ для пути запасовъ. Онъ говоритъ: *скажи ми Господи кончину мою и число дней моихъ кое есть, да разуюлю, что лишаяся азъ. Се пяди положилъ*

еси дни моя, и составъ мой яко ничтоже предъ Тобою (Пс. 38, 5. 6.). Смотри на благую заботу мудрой души, и при томъ въ царскомъ достоинствѣ. Ибо онъ представляетъ себѣ Царя царей и Судію судей, и заботится о томъ, чтобъ, снабдивъ себя прекраснымъ запасомъ исполненныхъ заповѣдей, отойти готовымъ гражданиномъ тамошней жизни, которой да достигнемъ всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О НИЩЕЛЮБИИ.

С Л О В О 2-е.

НА СЛОВА ЕВАНГЕЛІЯ: *понеже сотвористе единому сихъ, и слѣдующія* (Матѣ. 25, 40.).

Опять останавливаюсь предъ зрѣлищемъ страшнаго явленія Царя, которое начертываетъ Евангеліе! Опять потрясается душа, прислушиваясь къ страшнымъ словамъ! Она какъ бы видитъ нѣкоторымъ образомъ самаго Царя небеснаго, грозно сѣдящаго какъ говоритъ Писаніе (Матѣ. 25, 31.), *на престолѣ славы*, и величественный оный престолъ, если только можетъ быть престолъ, дающій мѣсто Невмѣстимому, видитъ оныя безчисленныя тмы Ангеловъ, стоящихъ вокругъ Царя; видитъ и самаго великаго и грознаго Царя, отъ неизреченной славы склоняющаго взоръ на человѣческое естество и на всѣ поколѣнія людей, когда-либо бывшихъ, отъ начала до времени онаго страшнаго явленія, — Царя, собирающаго ихъ къ Себѣ, и по достоинству дѣлъ жизни каждому возвѣщающаго судъ: однимъ, кои въ жизни избирали то, что право, дарующаго

стояніе одесную, какъ сказано, а неправымъ и отверженнымъ опредѣляющаго жребій, со-
отвѣтственный дѣламъ ихъ жизни; изрекаю-
щаго тѣмъ оныя сладкія и благія слова: *приидите благословеніи Отца Моего* (Матѣ. 25, 34.), а этимъ ужасную и страшную угрозу: *идите проклятіи* (ст. 41.). Страхъ прочитаннаго до того овладѣлъ моею душою, что умъ мой кажется вполнѣ занять самымъ предметомъ, и не чувствуя ничего настоящаго, ни мало не имѣеть досуга обращать вниманіе на что-либо другое, подлежащее изслѣдованію и разсмотрѣнію въ словѣ; хотя не маловажно и заслуживаетъ не малаго изысканія—узнать напимѣръ то, какъ *приидетъ* Вѣчно-сущій. *Се Азъ съ вами*, говорить, *если во вся дни* (Матѣ. 28, 20.); если же, какъ вѣруемъ, Онъ съ нами *есть*, то какъ возвѣщается, что Онъ *приидетъ*, какъ бы не присущій нынѣ? Ибо, если, какъ говоритъ Апостолъ, *въ Немъ живемъ и движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28.), то для Обдерживающаго все, нѣтъ никакого способа мѣстно отступить отъ тѣхъ, коихъ Онъ въ себѣ содержитъ, такъ чтобы или нынѣ не быть Ему присущимъ обдержимымъ Имъ, или ожидать послѣднихъ временъ, чтобы прінти. Опять: какой престолъ у Безплотнаго? Какое явленіе у Невидимаго? Какой образъ у Неописуемаго? Какъ можетъ быть изображенъ сѣдѣющимъ на престолѣ Невмѣстимый? Это и все подобное,

какъ излишнее для настоящаго времени, оставлю, а для общей пользы обращаю, сколько могу, рѣчь на то, какимъ образомъ не попасть намъ въ число отверженныхъ. Ибо сильно, братія, сильно поразила меня угроза, и не отрицаю смущенія моей души. Желалъ бы, чтобы и вы не презрительно относились къ страху; ибо *блаженъ иже боится вслѣдъ за благоговѣніе* (Притч. 28, 14.), а *иже презираетъ вещь, презрѣнъ будетъ отъ нея* (Притч. 13, 13.), говорить нѣгдѣ слово Премудрости. Итакъ, прежде чѣмъ наступитъ время бѣды, позаботимся, чтобы не испытать печалей.

Какимъ же образомъ освободиться отъ этихъ страшныхъ бѣдъ? Избрать тотъ путь жизни, который указало намъ нынѣ слово Божіе, — путь подлинно новый и живой. Какой это путь? *Взлѣкайся, созжаждайся, страненъ бѣхъ, и нагъ и болѣнъ и въ темницѣ; понеже сотвористе единому сѣхъ менишихъ, Милъ сотвористе* (Матѹ. 25, 35—37. 40.); посему и говорить: *прїидите благословеніи Отца Моего* (ст. 35). Чему сіе научаетъ насъ? Тому, что благословеніе есть слѣдствіе соблюденія заповѣдей, а клятва — нерадѣнія въ соблюденіи заповѣдей. Возлюбимъ благословеніе, и бѣжимъ клятвы; ибо намъ предлежитъ свободно избрать или не избрать то или другое; къ чему съ усердіемъ будемъ стремиться, то и получимъ. Итакъ преклонимъ къ себѣ Господа

благословенія, Себѣ вмѣняющаго попеченіе наше о нуждающихся, особенно теперь, въ настоящее время, когда для сей заповѣди открывается обширное приложеніе. Много есть нуждающихся въ необходимомъ, многіе бѣдствуютъ и самымъ тѣломъ, бывъ изнурены злою болѣзнію. Итакъ, посредствомъ попеченія о нихъ, постараемся улучшить для себя благое обѣтованіе. Ясно же это говорю объ обезображенныхъ тяжкою болѣзнію; чѣмъ больше ихъ болѣзнь, тѣмъ очевидно больше и благословеніе тѣмъ, кои совершили трудъ, предписанный заповѣдію. Итакъ что же нужно дѣлать? Не идти противъ распоряженія Духа, а оно состоитъ въ томъ, чтобы не чуждаться имѣющихъ общее съ нами естество, и не подражать онымъ, осужденнымъ въ Евангеліи, — разумѣю священника и левита, не-сострадательно прошедшимъ мимо нуждающагося въ помощи несчастнаго, котораго, какъ говоритъ повѣствованіе, полумертвымъ оставили разбойники (Лук. 10, 30—37.). Если они виновны потому, что не обратили вниманія на раны, покрывающія нагое тѣло, то какъ останемся безвинными мы, подражающіе виновнымъ? Видишь человѣка отъ злой болѣзни получившаго видъ четвероногаго, вмѣсто копыта и когтей подвизавшаго къ ладонямъ деревяшки, отпечатлѣвающаго необыкновенный слѣдъ на человѣческихъ путяхъ. Кто бы

по этому слѣду призналъ, что этими оттисками означилъ свой путь человѣкъ? Человѣкъ, прямой по виду, взирающій на небо, получившій отъ природы руки, чтобы они служили его дѣламъ, — этотъ человѣкъ склоняется къ землѣ, становится четвероногимъ, и малаго только ему недостаетъ, чтобы стать безсловеснымъ. Отъ тяжелаго и прерывистаго дыханія, изъ его груди невольно слышится мычаніе, и онъ, осмѣлюсь сказать болѣе, дѣлается несчастіе самыхъ безсловесныхъ. Ибо эти, видъ полученный отъ рожденія по большей части сохраняютъ до конца, и ни одно изъ нихъ, отъ какого-либо подобнаго несчастія, не принимаетъ инаго вида. А здѣсь какъ будто перемѣнилась самая природа, является какое-то иное, а не то, которое привыкли видѣть, живое существо; руки у него замѣняютъ употребленіе ногъ, колѣна становятся ступнями; а естественныя ступни и лодыжки или совершенно отпадаютъ, или, подобно лодкамъ, снаружи прицѣпленнымъ къ кораблю, безцѣльно и какъ попало влачатся. Итакъ, видя человѣка въ такихъ обстоятельствахъ, ужели устыдишься родства съ нимъ, не выскажешь состраданія къ ближнему, но возгнушаешься несчастіемъ, и возненавидишь молящаго о помощи, убѣгая при приближеніи его, какъ отъ нападенія какаго звѣря? Однакожь ты долженъ бы благоразумно разсудить,

что прикасается же къ тебѣ, человѣку, ангелъ, и будучи безплотнымъ и невещественнымъ, не гнушается тобою, облеченнымъ плотію и кровію? Но что я говорю, ангелъ! Самъ Господь ангеловъ, Царь небснаго блаженства, ради тебя сталъ человѣкомъ и возложилъ на Себя эту зловонную и грязную плотяность, вмѣстѣ съ облеченною ею душою, дабы Своимъ прикосновеніемъ исцѣлить твои недуги. Ты же, будучи одного естества съ болящимъ, бѣжишь своего ближняго! Нѣтъ, братъ, да не увлекаетъ тебя злая воля. Познай, кто ты и надъ кѣмъ произносишь приговоръ. Надъ людьми,—ты человѣкъ, не имѣющій въ себѣ ничего особеннаго сверхъ общаго всѣмъ естества. Не предупреждай будущаго. Осуждая страданіе, являющееся пока въ чужомъ тѣлѣ, ты тѣмъ самымъ произносишь неограниченный приговоръ надъ всѣмъ человѣческимъ естествомъ. Но и ты, подобно всѣмъ, причастенъ сему естеству; и такъ дѣло касается общаго всѣмъ предмета.

Почему же никто изъ тѣхъ, кого ты видишь, не возбуждаетъ въ тебѣ сожалѣнія? Видишь скитающихся людей: подобно животнымъ, они разсѣялись для отысканія пищи. Рубища, какими владѣютъ,—ихъ одежда; палка въ рукахъ — это оружіе, это и опора, да и та не пальцами держится, но какими-то ремешками привязана къ ладонямъ. Дырявая ко-

томка и кусокъ хлѣба, испорченный плесенью и гнилью; эта котомка составляетъ для нихъ очагъ, домъ, подстилку, кровать, кладовую, столъ и все, что требуется для жизни. И ты не подумаешь, кто находится въ такомъ положеніи? Человѣкъ, созданный по образу Божію, которому назначено господствовать на землѣ, и имѣть подъ своею властію, для служенія себѣ, животныхъ. Но онъ дошелъ до такого несчастія и такъ измѣнился, что внѣшній видъ его возбуждаетъ недоумѣніе; онъ не носитъ на себѣ ясныхъ признаковъ ни настоящаго человѣка, ни другаго какого либо животнаго. Сравнишь ли его съ человѣкомъ?—но человѣческій образъ отрицается (подобнаго) безобразія. Обратишься ли съ сравненіемъ къ животнымъ?—но и они не допускаютъ подобія съ тѣмъ, что видимъ. Одни нищіе съ одними собою только обращаются, собираются въ кучу другъ съ другомъ вслѣдствіе одинаковости страданія; составляя предметъ отвращенія для другихъ, они по необходимости не гнушаются другъ другомъ. Отовсюду изгоняемые, они стекаясь другъ къ другу, составляютъ особый народъ. Видишь ли нерадостныхъ пѣвцовъ, этотъ печальный и плачевный хоръ? Какъ они дѣлаютъ зрѣлище изъ своего безобразнаго тѣла, какъ бы какіе показыватели рѣдкостей, показываютъ собирающимся около нихъ многоразличныя болѣзни? Поэты печальныхъ пѣсней,

пѣвцы оныхъ горькихъ пѣснопѣній, слагатели новой и жалкой трагедій, пользующіеся не чужими трагическими разсказами для изображенія страданій, но своими собственными бѣдами наполняющіе театральное представленіе! Какія изображенія! Какія повѣствованія! Какіе разсказы отъ нихъ слышимъ? Слышимъ, какъ они были отринуты родителями, безъ всякой вины; какъ отгоняютъ ихъ отъ общественныхъ собраній, праздниковъ и торжествъ, какъ бы какихъ человѣкоубійцъ или отцеубійцъ, осужденныхъ на вѣчное изгнаніе; они даже гораздо несчастіѣе сихъ послѣднихъ; потому что человѣкоубійцамъ по переселеніи въ другое мѣсто позволяютъ жить тамъ съ людьми, а тѣ одни только бываютъ гонимы всѣми повсюду, какъ какіе отъявленные всеобщіе враги; ихъ не считаютъ достойными ни одного крова, ни общей трапезы; имъ не дозволено употреблять тѣже сосуды. И это еще не довольно тяжко: даже источники, общіе для всѣхъ людей, не текутъ для нихъ; даже рѣки считаются привлекающими оскверненіе отъ ихъ болѣзни. Если собака своимъ кровожаднымъ языкомъ локаетъ воду, вода не считается отвратительною отъ (прикосновенія этаго) животнаго: если же приблизится къ водѣ больной, то и вода тотъ часъ объявляется негодною отъ этаго человѣка. Вотъ что разсказываютъ они, вотъ на что плачутся! По-

тому-то по необходимости бросаются эти жалкіе къ ногамъ людей, умоляя всякаго встрѣчнаго. Часто плакалъ я при этомъ печальномъ зрѣлищѣ, часто жаловался на самую природу, и теперь, при воспоминаніи о семъ, смущаюсь духомъ. Видѣлъ я жалостное страданіе, видѣлъ зрѣлище полное слезъ! На прохожихъ путяхъ лежатъ люди, лучше же сказать не люди, но жалкіе останки людей, имѣющіе нужду въ нѣкоторыхъ знакахъ и удостовѣреніяхъ, чтобы можно было повѣрить, что они были когда-то людьми. Въ нихъ нѣтъ тѣхъ естественныхъ признаковъ, по которымъ мы узнаемъ людей; они одни изъ всѣхъ ненавидятъ себя; одни проклинаятъ день своего рожденія, и справедливо ненавидятъ этотъ день, положившій для нихъ начало такой жизни. Это люди, которые стыдятся и именовать себя этимъ, общимъ всѣмъ, названіемъ, чтобы употребленіемъ общаго имени, не оскорбить собою общаго естества. Вѣчно въ своей жизни бѣдствуя, они имѣютъ постоянный поводъ для плача. Какъ ни взглянуть на себя, всегда имѣютъ побужденіе плакать; недоумѣваютъ, какія части тѣла опмакивать, несуществующія уже, или оставшіяся; тѣ ли, которыя прежде истребила болѣзнь, или тѣ, кои остаются для болѣзни; плакать ли о томъ, что видятъ на себѣ все это, или о томъ, что даже и видѣть не могутъ, лишившись отъ страданій зрѣнія;

о томъ ли, что должны разсказывать о себѣ это, или же о томъ, что даже и разсказывать не имѣютъ силъ, потерявъ отъ болѣзни голосъ; о томъ ли, что питаются такою пищею, или о томъ, что даже и ею не могутъ удобно пользоваться, потому что болѣзнь, повредивъ окружающія уста части, препятствуетъ ѣсть; о томъ ли, что чувствами имѣютъ несчастье ощущать въ себѣ то, что свойственно мертвещамъ, или о томъ, что лишились и самыхъ чувствъ. Ибо гдѣ у нихъ зрѣн'е? Гдѣ обоняніе? Гдѣ осязаніе? Гдѣ прочіе органы чувствъ, которые съ постепеннымъ распространеніемъ болѣзни поядаетъ гвѣніе? Вотъ почему скитаются они по всѣмъ мѣстамъ подобно безсловеснымъ, переходя туда, гдѣ болѣе обиліе кормъ, нося съ собою, какъ путевыя деньги для покупки пищи, несчастье, и простирая всѣмъ свою болѣзнь вмѣсто просьбы. По причинѣ болѣзни имѣютъ нужду въ другихъ, которые вели бы ихъ, а по причинѣ скудости опираются другъ на друга; ибо будучи боленъ, каждый самъ по себѣ, служитъ опорой другому, и всѣ пользуются взаимно членами другъ друга въ замѣнъ недостающихъ. Не по одиночкѣ являются; но и несчастье имѣетъ нѣкоторую мудрость, въ заботливости о жизни, — въ томъ, что они желаютъ, чтобъ ихъ видѣли вмѣстѣ другъ съ другомъ. Ибо, будучи и каждый самъ по себѣ жалокъ, они, чтобъ

болѣе возбудить состраданіе людей, слагають вмѣстѣ взаимныя страданія, внося каждый свою печальную долю въ общій запасъ, привлекая милосердіе каждый особымъ какимъ либо видомъ несчастія: одинъ простираетъ искалеченныя руки, другой показываетъ распухшее чрево, иной изуродованное лице, иной отгнившее бедро; въ какой части тѣла случится болѣзнь, ту обнажая и показываетъ.

Что же? Ужели, чтобы ни въ чемъ не погрѣшить противъ закона природы, достаточно только того, чтобы оплакивать эти страданія (нашей) природы, помогать болѣзни словами, и приходить въ состраданіе при воспоминаніи о ней? Или нужно для насъ и какое либо дѣло, которое бы доказывало наше сочувствіе и взаимную любовь? Ибо, что живописныя изображенія по отношенію къ дѣйствительнымъ предметамъ, то—слова, съ которыми не соединены дѣла. Не въ словахъ Господь полагаетъ спасеніе, но въ совершеніи дѣлъ спасенія (Лук. 6, 46 — 49.). Итакъ должно приняться намъ самимъ за исполненіе заповѣди относительно ихъ. И да не говоритъ кто либо, что достаточно доставлять пищу нищимъ, удаливъ ихъ куда нибудь далеко отъ нашего жительства, на какой либо крайній предѣлъ онаго; ибо такой образъ мыслей не доказываетъ нимало милосердія и сочувствія, но есть только благовидный поводъ, совершенно исключить этихъ людей

изъ (круга) нашей жизни. Свиньямъ и собакамъ позволяемъ мы жить подъ одною съ нами кровлею; охотникъ часто не отказывается щенку въ своей постелѣ; земледѣлецъ и поцѣлуями даже умѣетъ приласкать тельца; но и это еще не все; путешественникъ собственными руками моетъ ноги осла, прилагаетъ руку, очищаетъ навозъ и заботится объ его ложѣ. Уже ли признаемъ безчестіе самыхъ безсловесныхъ однороднаго съ нами и ближняго? Нѣтъ, да не будетъ этого, братія. Да не падетъ такой приговоръ на людей. Должно вспомнить, кто мы, и надъ кѣмъ произносимъ судъ. Надъ людьми, мы люди, не имѣющіе предъ ними никакого особаго преимущества относительно общей съ ними природы. *Единый входъ всѣмъ въ житіе* (Прем. 7, 6.); одинъ для всѣхъ образъ жизни, пища и питье; однообразна жизнедѣятельность; одно устройство тѣла, и одинъ конецъ жизни. Все сложное приходитъ въ разрушеніе; ничто, составленное изъ частей, не прочно въ своемъ составѣ. Тѣло наше, на подобіе пузыря, на малое время облекаетъ нашъ духъ; за тѣмъ мы исчезаемъ, не оставивъ въ жизни никакого слѣда кратковременнаго пребыванія духа въ нашемъ тѣлѣ. Остается воспоминаніе на колоннахъ, камняхъ и въ надписяхъ; но и они не на вѣкъ достаточны. Помысливъ это о себѣ, *не высокоумствуй, какъ говоритъ Павелъ, но бойся* (Римл. 11, 20).

Неизвѣстно, не на себя ли самого навлекаешь суровость закона. Бѣжишь больного; въ чемъ, скажи мнѣ, вина его? Въ томъ ли, что въ немъ испорчены влаги, и какой-то гнилостный сокъ отъ смѣшенія желчи со влагою, проникъ въ кровь? Такъ бываетъ, если послушать врачей, изслѣдующихъ свойства болѣзней. Но чѣмъ же преступенъ человѣкъ, если (наше) естество, будучи измѣнчивымъ и непостояннымъ, дошло до такого вида болѣзни? Не видишь ли ты, что и у здоровыхъ тѣломъ людей, иной, пользуясь добрымъ здоровьемъ во всемъ прочемъ, страдаетъ часто сынью или нарывомъ, или подобною болѣзнію, потому что во влагѣ въ извѣстной части тѣла возникъ жаръ болѣе надлежащаго, и отъ этаго происходитъ болѣзненное воспаленіе, краснота и нѣкоторое гнилостное разложеніе? Что же? Враждебно ли относимся къ оной части тѣла? Напротивъ, все, что здорово въ тѣлѣ, обращаемъ на помощь заболѣвшей части. И такъ болѣзнь не гнусна, ибо (въ противномъ случаѣ) и въ насъ самихъ, когда болѣзнь поразила бы одну часть, то части здоровыя чуждались бы служить болящей. Но какая же причина отдаляетъ насъ отъ таковыхъ больныхъ? Какая именно? Та, что мы не страшимся угрозы Сказавшаго: *идите отъ Мене въ огонь свѣчный; понеже не сотвористе единому сихъ, ни Мнѣ сотвористе* (Матѣ. 25, 41. 45.). Если бы они знали, что

все это такъ, то не такъ бы думали о болящихъ, что ихъ можно отталкивать отъ себя и почитать оскверненіемъ нашей жизни попеченіе о страждущихъ. И такъ если мы почитаемъ вѣрнымъ Возвѣстившаго, то должны приняться за исполненіе заповѣдей, безъ которыхъ невозможно удостоиться уповаемаго. Въ этомъ (несчастномъ) ты видишь предъ собою и странника, и нагаго, и нуждающагося въ пищѣ, и больного, и заключеннаго, и все, о чемъ говорится въ Евангеліи. Онъ ходитъ безпріютнымъ, и нагимъ, и нуждающимся въ необходимомъ, вслѣдствіе причиненной болѣзнію бѣдности. Кто не имѣетъ ничего своего изъ дому и не въ состояніи сдѣлаться наемникомъ, тотъ по необходимости совершенно лишенъ всего потребнаго для жизни. Онъ и узникъ, потому что окованъ болѣзнію. И такъ надъ нищими ты имѣешь возможность выполнить всю полноту заповѣдей, и чрезъ человеколюбіе, оказанное имъ, содѣлать должникомъ своимъ самаго Господа всяческихъ (Притч. 19, 17.). Зачѣмъ же возстаемъ противъ собственной жизни? Ибо не желать имѣть своимъ сожителемъ Бога всяческихъ—значить не иное что, какъ быть нѣкоторымъ злодѣемъ для самаго себя. Какъ чрезъ соблюденіе заповѣди челоувѣкъ водворяется съ Богомъ, такъ чрезъ жестокосердіе отдаляется отъ Него. *Возмите, говорить, иго Моё на себе* (Матѳ. 11, 29.); игомъ

же называетъ исполненіе заповѣдей. Послушаемъ Повелѣвающаго, станемъ подъяремными Христу, надѣвъ на себя иго любви. Не станемъ сбрасывать таковое иго; оно *благо*; оно *легко*; оно не треть выи подклонившаго, но гладить ее. Посѣемъ о *благословеніи*, какъ говоритъ апостолъ, чтобы и пожать о *благословеніи* (2 Кор. 9, 6.). Многоплодный колосъ произрастетъ изъ такого сѣянiя. Обилень посѣвъ заповѣдей Господнихъ; высоки произрастенія благословенія.

Хочешь ли узнать, до какой высоты простирается ростъ сихъ произрастеній? Онъ касается самыхъ высотъ небесныхъ. Ибо что ни сдѣлаешь для нихъ, того найдешь плодъ въ сокровищницахъ небесныхъ. Не будь недовѣрчивъ къ сказанному; не думай, что можно удобно пренебрегать ихъ дружбою. Рука изувѣчена, но она сильна подать тебѣ помощь; нога не годна, но не препятствуетъ имъ востекать къ Богу; глазъ утраченъ, но они видятъ душею незримыя блага. Итакъ не презирай безобразіе тѣла. Подожди немного, и увидишь то, что невѣроятнѣе всякаго чуда. Ибо что свойственно текущему естеству, то не навсегда останется такимъ: но когда душа освободится отъ сплетенія съ тлѣннымъ и земнымъ, тогда возсіяетъ собственною красотою. Доказательство же сему то, что послѣ сей жизни не возгнушася рукою нищаго

онъ роскошный богачъ, но прося, чтобы пораженный нѣкогда гнѣніемъ палець бѣднаго, услужилъ ему каплею воды, желалъ самымъ языкомъ облизать влагу, оставшуюся на пальцѣ нищаго (Лук. 16, 19—25.), но онъ конечно не пожелалъ бы сего, еслибъ что нибудь отвратительное усматривалъ и въ чертахъ души, какъ нѣкогда въ тѣлѣ. Сколько, по всей вѣроятности, было напрасныхъ сожалѣній о прошломъ у богача въ этой измѣнившейся жизни! Какимъ счастіемъ почиталъ онъ несчастіе нищаго въ этой жизни! Какъ порицалъ свой жребій, какъ будто онъ удѣленъ былъ богатому на гибель души! А если бы можно было ожить, то въ числѣ какихъ людей онъ пожелалъ бы снова быть? Въ числѣ ли благоденствующихъ въ этой жизни, или въ числѣ несчастныхъ? Нельзя не видѣть, что предпочелъ бы жребій несчастныхъ; ибо просить, чтобы кто либо изъ мертвыхъ былъ посланъ вѣстникомъ къ братьямъ, дабы и они, заразившись надмѣнностію богатства, скользя по гладкому пути удовольствія въ плотскихъ наслажденіяхъ, не унеслись въ адскую пропасть. Итакъ почему не умудряемся подобными повѣствованіями? Почему не упражняемся въ доной прекрасной куилѣ, которую совѣтуетъ намъ Апостолъ: *ваше избыточествіе*, говоритъ онъ, *во оныхъ мѣшеніе* (2 Кор. 8, 14.), дабы избытокъ ихъ облегченія въ жизни, послѣдующей за

сею, былъ достаточенъ и вамъ для спасенія. И такъ если хотимъ получить нѣчто полезное тамъ, то предварительно доставимъ (потребное имъ здѣсь); если желаемъ получить ослабу послѣ сей жизни, упокоимъ ихъ теперь; если желаемъ, чтобы они приняли насъ въ *вѣчныя крѣпости* (Лук. 16, 9.), примемъ ихъ въ наши. Если желаемъ, чтобы они уврачевали язвы нашихъ грѣховъ, то и мы сами должны сдѣлать тоже по отношенію къ тѣламъ, удручаемыхъ болѣзнію: *блаженни милостивии, яко тѣмъ помиловани будутъ* (Матѣ. 5, 7.).

Но, быть можетъ, скажетъ кто: заповѣдь хороша для послѣдующаго времени, но въ настоящее должно беречься передачи и сообщенія болѣзни, и посему, чтобы не потерпѣть чего либо нежелаемаго нами, должно, какъ думаютъ, стараться избѣгать приближенія къ больнымъ. Это одни слова, предлоги, вымыслы, благовидныя нѣкія прикрытія для нерадѣнія о заповѣдяхъ Божіихъ. Но на самомъ дѣлѣ не такъ; никакого нѣтъ страха въ исполненіи заповѣди. Никто зломъ да не врачуется зло. Сколько можно видѣть людей, кои отъ юности до старости посвятили себя служенію нищимъ; и это попеченіе ни сколько не повредило естественному благосостоянію ихъ тѣла! Да и невѣроятно быть тому. Хотя нѣкоторыя болѣзни, какъ-то паносныя заразы и тому подобныя, зависящія отъ внѣшнихъ

причинъ, происходящія отъ испорченности воздуха или воды, кажутся многимъ опасными и переходящими отъ прежде зараженныхъ къ тѣмъ, кои приближаются къ нимъ, но я не думаю, чтобъ и тамъ болѣзнь производила такую же болѣзнь въ здоровомъ, посредствомъ передачи; причина, почему болѣзнь отъ прежде зараженныхъ переходитъ и къ прочимъ, заключается въ общемъ повѣтріи, которое производитъ сходныя болѣзни. Здѣсь же, поелику образованіе такой болѣзни зависитъ отъ внутреннихъ причинъ, и подвергается человѣкъ порчѣ крови отъ изліянія въ нее вредныхъ соковъ; то болѣзнь и ограничивается болящимъ. А что это такъ, можно узнать и изъ слѣдующаго. Сближеніе людей крѣпкихъ здоровьемъ съ больными сообщаетъ ли послѣднимъ лучшее здоровье, хотя бы тѣ и очень прилѣжно занимались уходомъ за ними? Нѣтъ, этого не бываетъ. Посему съ вѣроятностію можно заключить и обратно, что отъ больныхъ болѣзнь не переходитъ къ здоровымъ. Итакъ если такую приноситъ пользу исполненіе заповѣдей, что чрезъ оное уготовляется намъ царство небесное, а вреда для тѣла пекущихся о больныхъ не происходитъ никакого; то какое наконецъ есть еще препятствіе къ исполненію заповѣди любви?

Но трудно, говоришь, побѣдить естественное отвращеніе, какое возбуждается во многихъ

при такомъ зрѣлищѣ? Хорошо; соглашаюсь съ твоими словами, что трудно. Но на что же другое, изъ того, что совершается по добродѣтели, укажешь какъ на нетрудное? Много пота и труда предписалъ законъ для достиженія уповаемаго на небѣ, и не легкій путь къ жизни вѣчной указалъ людямъ, отовсюду стѣснивъ оный трудными и суровыми подвигами жизни; узокъ и тѣсенъ путь *сводяй въ животъ*, говоритъ писаніе (Мѡ. 7, 14.). Что же? Должны ли мы пренебречь оною надеждою благъ, потому что ихъ стяжать легко нельзя? Спросимъ у юности, не труднымъ ли для нея кажется цѣломудріе, и не гораздо ли желательнѣе вмѣсто воздержнаго образа жизни, безстыдно предаться чувственнымъ влеченіямъ? Не ужели же поэтому, мы станемъ держаться того, что пріятно и легко, а колебаться избрать суровость добродѣтели? Не это предполагаетъ Законодатель жизни, возбранившій идти въ жизни путемъ широкимъ, покатымъ и пространнымъ; ибо *внидите*, говоритъ, *путемъ узкимъ и тѣснымъ* (Матѡ. 7, 14.). Итакъ и здѣсь, однимъ изъ дѣлъ совершаемыхъ посредствомъ труда, мы должны почитать и то, чтобы ввести въ привычку исполненіе заповѣди, которой чуждается наша природа, и естественное отвращеніе здоровыхъ уврачевать постоянствомъ упражненія въ дѣлѣ. Ибо сильна привычка, и чрезъ постоянное упражненіе доставляетъ вѣ-

которое удовольствіе при исполненіи того, что кажется непріятнымъ. И такъ да nebudeтъ рѣчи о томъ, трудно ли дѣло, которое должно исполнить, но о томъ, полезно ли оно для совершающихъ. И если польза отъ него велика, то ради пользы должно не обращать вниманія на трудность; трудное въ началѣ, со временемъ, силою привычки сдѣлается пріятнымъ. Должно также къ сказанному нами присовокупить и то, что, даже въ самой этой жизни, сочувствіе къ несчастнымъ полезно для здоровыхъ. Ибо, для всѣхъ благоразумныхъ, милосердіе есть прекрасный залогъ, который мы ввѣряемъ другимъ при ихъ несчастіяхъ. По велику одна природа управляетъ всѣмъ человѣчествомъ, и никто не имѣетъ прочнаго какого либо ручательства въ постоянствѣ своего благополучія, то постоянно должно помнить евангельское увѣщаніе, которое совѣтуетъ: *елика аще* хотимъ *да творятъ* намъ *человѣцы*, то творить и имъ (Мтѣ. 7, 12.). И такъ пока благополучно плаваешь, простирай руку потерпѣвшему крушеніе; одно для всѣхъ море, одни бури, одни мятущіяся волны: подводные камни, утесы, скалы и прочія опасности житейскаго мореплаванія одинаково страшатъ плавателей. Пока ты не страдаешь, пока безопасно переплываешь море жизни, не проходи немилосердно мимо потерпѣвшаго крушеніе. Кто порукою тебѣ въ постоянствѣ благопо-

лучнаго плаванія? Ты не достигъ еще пристани упокоенія. Жизнь твоя еще не дошла до берега; еще ты носишься по морю жизни. Какимъ выразишь себя къ потерпѣвшему несчастью, такимъ готовишь себя и спутниковъ твоего плаванія. Да устремимся всѣ мы къ пристани упокоенія, благополучно направляемые въ подлежащемъ намъ житейскомъ плаваніи, Духомъ Святымъ! Да будетъ присуще намъ дѣланіе заповѣдей и кормило любви! Вѣрно направляемые ими, мы достигнемъ земли обѣтованной, гдѣ находится великій градъ, котораго художникъ и зиждитель есть Богъ нашъ, Коему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРОТИВЪ ОТЛАГАЮЩИХЪ КРЕЩЕНІЕ.

Цари сего міра, когда напишутъ законы, предписывающіе добрыя правила для жизни людей, вручая оныя начальникамъ, приказываютъ имъ обнародовать подданнымъ, чтобы такимъ образомъ узаконенное сохранялось ненарушимо. И великій Богъ далъ законы предстоятелямъ церквей, которые, предлагая каждый годъ въ опредѣленные времена, читаемъ вамъ и повелѣваемъ написанное хранить по возможности. Итакъ, вотъ благій распорядитель всяческихъ, возвращающій годы и управляющій кругомъ временъ, привелъ спасительный день, въ который мы обыкновенно призываемъ къ всыновленію чуждыхъ, бѣдныхъ къ причастію благодати, оскверненныхъ прегрѣшеніями къ очищенію грѣховъ. И это есть та древняя проповѣдь, которая не за долго предварила явленіе Спасителя: *маса воиющая въ пустыни; уготовайте путь Господень, правы творите стези его* (Матѳ. 3, 3.). Хотя я и не Іоаннъ и не Давидъ, но ничтож-

ность служителя да не повредитъ силѣ закона Господня; ибо не по уваженію къ чтецамъ закона мы повинujemyся предписанному; но боясь власти законодателя подчиняемся приказаніямъ. Пришла милость царская, дающая облегченіе двумъ родамъ скорбящихъ: окованнымъ разрѣшеніе, должникамъ прощеніе. Посему и я тѣмъ и другимъ, соотвѣтственное каждому предлагаю врачевство и съ полною увѣренностію обѣщаю помощь отъ врачеванія.

А чтобы не подумалъ кто либо, что дорого врачевство, я напередъ скажу о тѣхъ лекарствахъ, которыя буду употреблять для больныхъ. Однимъ я обѣщаю здравіе при посредствѣ воды и купели; у другихъ уничтожу болѣзнь при помощи нѣсколькихъ слезъ. Просто совершеніе дѣла, и Богомъ ниспосланъ даръ, и великъ по истинѣ успѣхъ безъ прижиганія и сѣченія освободиться отъ застарѣлыхъ ранъ, которыми тяжело страдаемъ отъ уязвленія змѣнаго. Итакъ, идите страждущіе къ своему уврачеванію, и не будьте нерадивы къ сему дѣлу. Болѣзнь застарѣвшаяся и долговременная не уступаетъ врачебному искусству. Убогіе и бѣдные спѣшите къ раздачѣ царскихъ дарованій, овцы — къ печати и знаменію креста, избавляющему отъ золъ. Дайте мнѣ имена, чтобы я внесъ ихъ въ видимыя книги и записалъ чернилами, а Богъ означитъ ихъ на негиблющихъ дскахъ, напи-

савъ Своимъ перстомъ, какъ нѣкогда законъ для евреевъ.

Приступите къ Нему и просвѣтитесь и лица ваша не постыдятся (Ис. 33, 6.) *Измыйтесь, отиимте зръхи ваши* (Иса. 1, 16.). Сие написано за долго прежде, но не обветшала сила писанія, но возрастаетъ и съ каждымъ днемъ усиливается. Выходите изъ темницы, прошу васъ. Возненавидьте темныя жилища грѣха. Бѣгите дівола, какъ жестокаго стража темничнаго, питающагося несчастіемъ грѣшныхъ и извлекающаго изъ того выгоду. Ибо какъ Богъ утѣшается правдами нашими, такъ виновникъ грѣха радуется паденіямъ нашимъ. Внѣ рая находишься ты оглашенный, раздѣляя изгнаніе Адама прародителя нашего. Но теперь отворена тебѣ дверь: взойди, откуда ты вышелъ, не медли, чтобы смерть постигнувъ тебя, не преградила входа. Голова уже сѣдѣетъ, близка жатва жизни, можетъ быть серпъ точится противъ насъ, и я боюсь, чтобы тогда, какъ спимъ мы и въ суетѣ праздно проводимъ время, не пришелъ нечаянно грозный жнецъ. Но я юноша, говоришь ты; еще не состарѣлся. Не обманывайся. Смерть не стѣсняется условіями возраста, она не боится находящихся въ цвѣтѣ лѣтъ; не надъ стариками только имѣетъ власть. Тебя научаетъ этому ежедневный опытъ. Видишь одръ, на которомъ выносятъ умершихъ;

какъ не равно и какъ случайно, онъ износить людей всякаго возраста, нынѣ старика, завтра нѣжнаго и радостнаго отрока, немного спустя челоуѣка, у котораго едва показывается пухъ на бородѣ, потомъ сильнаго и цвѣтущаго, тотчасъ же престарѣлую, вмѣстѣ съ нею и дѣвицу. Видя это, будемъ беречься безстрашія. Не много нужно, чтобы мѣхъ, наполненный воздухомъ, лишился его; немного откроется ротъ, и челоуѣку не трудно вдругъ испустить духъ.

Видю я, что когда случится въ мірѣ землетрясеніе или язва или нашествіе враговъ, всѣ спѣшатъ усердно къ крещальнѣ, чтобы не отойти изъ міра непричастными благодати. Что же? Развѣ нѣ имѣютъ силы, равной онимъ бѣдствіямъ, другія различныя и неожиданныя несчастія: апоплексія, удары, несчастныя удушешія, возмущенія вѣтровъ, и ихъ слѣдствія? Не видимъ ли, какъ иной бесѣдуетъ и падаетъ, другой ѣстъ и совсѣмъ перестаетъ принимать пищу, иной спитъ и незамѣтнымъ образомъ переходитъ къ смерти, сестрѣ сна? Обезопась же себя отъ непостоянства и неизвѣстности жизни. Не торгуйся съ благодатию, чтобы не лишиться дара. Столько бери въ заемъ, сколько можетъ быть прощено, сколько не превыситъ челоуѣколюбія Царя. И земные властители, когда уличать кого либо въ чрезмѣрномъ расточеніи общественнаго имуща-

ства и ненасытномъ пользованіи царскими деньгами, не отчаяваясь въ возвращеніи ихъ, жестоко наказываютъ (расточителя), довольствуясь вмѣсто денегъ наказаніями. Много времени ты предавался удовольствію; дай мѣсто и любомудрію. Скинь ветхаго челоуѣка, какъ одежду нечистую, постыдную, позорную, сотканную изъ множества грѣховъ, связанную изъ жалкихъ лохмотьевъ беззаконія. Прими одѣяніе безсмертія, которое Христосъ распростерши предлагаетъ тебѣ; и не отвергай дара, чтобы не оскорбить Того, Кто дарить. Долго ты валялся въ грязи; снѣвши, о челоуѣкѣ, къ моему Іордану; не Іоаннъ зоветъ тебя, но Христосъ убѣждаетъ. Ибо повсюду течетъ рѣка благодати; не въ Палестинѣ имѣетъ она истокъ свой и не скрывается въ сосѣднемъ морѣ, но обтекаетъ всю вселенную и впадаетъ въ рай, на встрѣчу оныхъ четырехъ оттуда вытекающихъ рѣкъ, внося въ рай несравненно драгоцѣннѣйшее, нежели что онѣ износили. Ибо тѣ несутъ ароматы, плодоносіе, растительность земли; а эта вноситъ (въ рай) людей, порожденных Духомъ. Куда ни поведешь (сію рѣку), туда и потечетъ: изливается на всю вселенную и не истощается, раздѣляясь на каналы. Ибо имѣетъ богатый источникъ—Христа, и отъ Него истекая, омываетъ волнами весь міръ. Сладка она и удобопіема, безъ всякой примѣси непріятной соле-

ности (ибо дѣлается сладкою отъ сошествія Духа, какъ источникъ Мерра, отъ прикосновенія дерева. Исх. 15, 23.); удобопреходима для благочестивыхъ, а глубока и недоступна для нечистыхъ. Подражай Іисусу Навину, возьми Евангеліе, какъ онъ кивотъ завета; оставь пустыню грѣха, перейди Іорданъ, спѣши къ жительству по Христѣ, въ землю обильную радостными плодами, и текущую, по обѣтованію, медомъ и млекомъ. Разрушь Іерихонъ, старый образъ жизни, не оставляй его твердыни, до основанія разрушь мать грѣховныхъ помысловъ. Сдѣлай лукавыхъ гаваонитянъ рабами израиля, то есть, лукавыя помышленія слугами евангельской жизни. Да побѣтсѣ камнями коварный и любостыжательный Ахаръ, похитившій сосудъ золотой; это тотъ, кто нарушилъ сохраненіе честной заповѣди. Все это образъ для насъ; все это предзнаменованіе вещей нынѣ являющихся.

Выпусти наконецъ отъ себя прожорливаго ворона (Быт. 8, 6. 7.); дай время прилетѣть къ тебѣ голубю, котораго Іисусъ первый образно низвелъ съ неба (Матѣ. 3, 15.), голубя незнающаго лукавства, кроткаго, многоплоднаго, который, когда найдетъ мужа очищеннаго, какъ огнище, хорошо приготовленное, вселяется въ него, согрѣваетъ душу какъ бы насиживая яйца, раждаетъ многихъ и прекрасныхъ чадъ, то есть добрыя дѣла, честныя

мысли, вѣру, благочестіе, правду, цѣломудріе, непорочность, чистоту: таковы чада Духа, а наши стяжанія. Доколѣ ты будешь изучать первыя начала (вѣры)? Открой твою душу, какъ хартію, и дозвожь намъ начертать совершенное ученіе; не все тебѣ лепетать съ дѣтьми; не будь младенецъ смысломъ. Стыжусь за тебя, что состарѣвшись уже, ты бываешь изгоняемъ съ оглашенными, какъ дитя неразумное и неспособное сохранить тайну, которую намѣрены возвѣстити. Присоединись къ посвященнымъ въ таинства людямъ и узнай сокровенныя рѣчи. Произнеси съ нами то, что и шестокрылатые Серафимы говорятъ, воспѣвая съ совершенными христіанами. Возжелай пищи укрѣпляющей душу; вкуси питіе веселящее сердце: возлюби таинство, старыхъ незримо возвращающее къ молодости. Подражай пламенному желанію еѳіопскаго евнуха; ибо онъ, послѣ того, какъ принялъ въ спутники на колесницу Филиппа приведеннаго Духомъ, во время пути научился не только читать, но и понимать мудраго Исаію; и при помощи толкованія, какъ добрый ловчій песъ, почуявъ кровь и закланнаго агнца, началъ сильно лаять на Филиппа, пока тотъ не привелъ его къ совершенной ловитвѣ пророчества находившагося въ рукахъ его; возжелавъ, тотчасъ же получилъ крещеніе, не выжидая гостиницы, не дожидаясь города или деревни или

мѣста священнаго. Справедливо разсуждаѣ онъ, что всякое мѣсто есть Господне, и всякая вода годна для совершенія крещенія, только бы нашлась вѣра у приѣмлющаго, и благословеніе освящающаго іерея. Замедленіемъ не раздражи крестителя, не прогнѣвай его, отлагая со дня на день и тратя въ общаніяхъ скоротекущее время. Смотри, чтобы тебя не постигли порицанія, подобныя Іоанновымъ, чтобы и тебя не назвали порожденіемъ эхидны (Матѹ. 3, 7.) и аспидомъ глухимъ, который приходитъ въ ярость отъ гласа обавяющаго (Пс. 57, 5.), чтобы и тебѣ не показали сѣкиру изощренную и сверкающую, лежащую при деревѣ и угрожающую посѣченіемъ (Матѹ. 3, 10.). При выборѣ изъ двухъ золъ, лучше удостовѣвшись спасительнаго крещенія впасть опять въ грѣхъ, нежели кончить жизнь непричастнымъ благодати. Ибо грѣхъ, можетъ быть, получить и прощеніе по чловѣколюбію Божію, на которое великая надежда у добрыхъ, а тому совершенно недоступно спасеніе по точному опредѣленію. Ибо когда слышу, что вѣлжнй голосъ говоритъ: *алинь, алинь глаголю тебѣ, аще кто не родится* свѣще, не можетъ видѣти царствія Божія (Іоан. 3, 5.), то ничего не могу ожидать добраго для неомытыхъ водою крещенія. Въ самомъ дѣлѣ, какого снисхожденія заслуживаютъ тѣ, которые пренебрегли ми-

лостію царскою, не приняли прощенія долговъ, и не воздали благодарности за свободу, усвоивъ ее, когда она добровольно нисходила къ нимъ съ неба, но презрѣніемъ дара нанесли безчестіе Даровавшему? Душу не просвѣщенную и не украшенную богатію возрожденія, не знаю, примутъ ли Ангелы послѣ разлученія ея отъ тѣла. И какъ это можетъ быть, когда она незапечатлѣна, и не носитъ никакого знака Владычняго? Естественно, она будетъ кружиться въ воздухѣ, блуждая, носясь туда и сюда, никѣмъ не взысканная, какъ не имѣющая господина, желающая успокоенія и пріюта и не находящая, тщетно скорбящая, бесплодно раскаявающаяся, подобно богачу, который, облачаясь въ порфиру и виссонъ, во всякаго рода наслажденіяхъ и роскошной жизни готовитъ вещество для неугасимаго огня.

Но я хочу вамъ рассказать нѣкоторую повѣсть о человѣкѣ несчастномъ, лишившемся великой надежды и искавшемъ воды въ безводное время. Недавно, когда нашествіе кочующихъ скинговъ опустошало многія страны съ жителями, въ сосѣднемъ городѣ Команахъ въ то время, какъ варвары грабили предмѣстья, одинъ юноша благороднаго рода именемъ Архій, котораго и я хорошо зналъ, скорбя о своихъ и общихъ отечества бѣдствіяхъ вышелъ изъ города и крѣпости, чтобы разсмотрѣть

рѣтъ вѣрно. сколько грабителей, варваровъ, и сколько сдѣлано ими зла, но попавшись врагамъ былъ пораженъ стрѣлою. Упавъ и приближаясь къ смерти, сколько было силы, онъ кричалъ (такъ какъ былъ не крещенъ), «горы и лѣса крестите, деревья, камни, источники, дайте благодать»,—и съ этими жалостными воплями скончался. Городъ, узнавъ о семъ, скорбѣлъ болѣе, нежели о бѣдствіяхъ причиненныхъ войною. Подобны сему и тѣ, которые нечаянно постигаются болѣзнями. Ибо, когда вчера здоровый и общающій себѣ долгіе годы жизни испытаетъ участь древняго безумца (Лук. 12, 20.), и ему безнадежно будетъ сказано, что въ сію ночь душа твоя разрѣшится отъ тѣла, тогда крикъ и вопль; все требуется какъ возможно скорѣе. сосудъ, вода, священникъ, слово приготавливающее къ принятію благодати, котораго требуетъ нужда, но болѣзнь прерываетъ, дѣлая сильнымъ и частымъ дыханіе. Произходитъ смятеніе не меньше производимаго столкновениемъ на войнѣ; всѣ домашніе, встрѣчаясь другъ съ другомъ, мечутся, вездѣ давка, смятеніе, печальный и невнятный шумъ, какъ бы во время ночной битвы; сталкиваются другъ съ другомъ рабы, родные, друзья, дѣти, жена. Итакъ, пока время мира, устроимъ благоразумно наши дѣла; во время тишины и мира жизни примите даръ Христовъ, когда и

получающій высокое и несравнимое благодаріе съ удовольствіемъ включается въ списокъ усыновляемыхъ, и всѣ знаемыя его отъ перемѣны на лучшее получаютъ неизреченную радость и веселіе.

Но боюсь, говоришь ты, что естество наше склонно ко грѣху, и посему медлю приступить къ благодати возрожденія. Хотя благовиденъ предлогъ твоего страха, и хорошо ты прикрываешь себя покровомъ осторожности, но короткій вопросъ тебѣ предложенный легко скинетъ съ тебя личину. Ты говоришь, что остаешься оглашеннымъ, боясь грѣха: скажи же, какою ты живешь жизнью: не подлежащею осужденію, жизнью безгрѣшною, или во грѣхахъ? Если безгрѣшною, то почему боишься крещенія, и до него сохраняя предписанную закономъ правильность жизни? Если же у тебя не чиста и не внимательна жизнь, то зачѣмъ медлишь въ беззаконіяхъ и долгимъ упражненіемъ приобрѣтаешь навѣкъ злѣ? Ясно, что ты ожидаешь послѣдняго вздоха, что бы съ принятіемъ крещенія въ послѣдній часъ окончилась жизнь. Это новая и странная торговля, не золотомъ и одеждами, но множествомъ беззаконій, мелочное барышничество очищеніемъ души. Какъ свиньи переходятъ изъ лужи въ лужу, и грязь служитъ жилищемъ для нихъ; такъ сжившіеся съ нечистотою прибавляютъ одно беззаконіе къ дру-

гому, ибо или оскверняются блудомъ, или изощряются въ гнусномъ прелюбодѣяннѣ, или предаются пьянству, возбуждающему злыя пожеланія, или дѣлають сродные симъ и сходные грѣхи. Они боятся крещенія, какъ запрещенія удовольствій и удержанія отъ гнѣсныхъ наслажденій. Итакъ, когда выставляющій предлогомъ замедленія крещенія грѣхи говоритъ, что боюсь; то ясно, что онъ не грѣха остерегается, но желаетъ долѣе оставаться въ грѣховной жизни. А имѣющіе въ глубинѣ души такую худую мысль во первыхъ и не удостоиваются благодати, но обманывая себя суетными надеждами, неожиданно поемлются смертію, застигающею тихо и нечаянно, какъ коварный тать. Но если Богъ, по великому Своему долготерпѣнію и благости, и удостоитъ любителя грѣха, таинствъ въ послѣдній день, они не получаютъ отъ этого торга столько выгоды, сколько думаютъ. Думаютъ, что для нихъ тотчасъ же отверзется царство небесное; что они улучатъ нѣкое жилище изобильное дивными благами, и удостоятся почестей наравнѣ съ праведными. Но это — суетная надежда обольщающая душу ложнымъ мнѣніемъ. Какъ мнѣ кажется, судьба людей въ будущей жизни будетъ троякая, говоря вообще безъ подраздѣленій. Первый чинъ достойныхъ хвалы и праведныхъ; второй — и не удостоиваемыхъ почести и не наказуемыхъ; третій — несущихъ

наказанія за грѣхи свои. Гдѣ мы поставимъ привявшихъ благодѣяніе крещенія предъ смертію? Ясно, что въ разрядъ вторыхъ, и это по снисхожденію, чтобы и они не лишены были части въ человѣколюбіи, свойственномъ Богу. Ибо нерадѣвшій о пути преуспѣянія въ добродѣтели не свободенъ отъ наказанія и осужденія, потому что если желаніе зла подвергается осужденію, то ненавидѣніе добра есть явный признакъ испорченности. Итакъ, что ты пріобрѣтешь великаго, когда лишишься царствія и тѣхъ обѣтованій, которыхъ око не видало, и ухо не слыхало? Но я не терплю наказанія, говоришь ты, не страшусь угрозъ; съ меня достаточно, если не потерплю чего либо худаго, хотя и не окажусь преуспѣвшимъ въ чемъ либо благородномъ. Это образъ мыслей лукаваго раба, стоящаго осужденія на тяжкую работу, узъ, бичей, который старается только избѣгнуть наказанія и ни во что ставить наслажденіе свободою славою и почестями свѣтлыми. Такимъ людямъ непріязненъ самый голосъ всѣхъ святыхъ, противны дѣянія праведныхъ отъ начала міра. Они всѣ не боязненно любили опасности, давали желающимъ разсѣкать и умерщвлять различнымъ образомъ тѣло, и при всякихъ мученіяхъ не ослабѣвали въ подвигѣ, ожидая въ царствѣ небесномъ чести за кровь и мужество. Ради сего Авраамъ, получивъ повѣленіе, приносилъ

въ жертву своего сына, Моисей боролся съ трудностями пустыни, Ілія проводилъ пустынную и полную лишеній жизнь; и всѣ пророки *придоша въ милотѣхъ и козѣхъ кожахъ, мшени, скорбяще, озлоблени* (Евр. 11, 37.). Ради сей чести благовѣстники терпѣли раны за Евангеліе и мученики подвизались противъ казней отъ мучителей. И каждый истинно разумный, носящій въ себѣ образъ Божій и сочувствующій высокому и небесному, не захотѣлъ бы ни жить, ни воскреснуть вмѣстѣ съ прочими имѣющими ожить людьми, если бы не надѣялся заслужить похвалу отъ Бога, какъ добрый рабъ, и удостоиться какихъ либо почестей. При семъ образѣ мыслей и Давидъ собственное свое стремленіе къ Богу уподобляетъ жаждѣ елени и желаетъ видѣть лице Божіе, чтобы возвеселиться въ мысленныхъ объятіяхъ (Пс. 41, 1. 2.); и Павелъ желаетъ, совлекишись плоти, какъ тяжелой и обременительной одежды, *разрѣшиться и со Христомъ быти* (Филип. 1, 23.). Конечно оба они имѣли въ виду блаженное и внемляемое веселіе. Если же къ нему нѣтъ никакого влеченія, то все прочее по истинѣ, какъ говоритъ Екклѣзіастъ, *суета суетствій* (Еккл. 1, 2).

Итакъ, христіане, причастники званія небеснаго, бѣгайте всякой подобной мысли достойной разбойниковъ и злодѣевъ и не считайте верхомъ блаженства возможность избѣжать на-

казаній; но вождѣвайте даровъ и вѣнцевъ, которые Богъ уготовалъ подвижникамъ правды. Безъ лукавства пожелайте крещенія, примите талантъ и употребите его въ дѣло, и такимъ образомъ будете по слову притчи начальниками десяти городовъ (Іук. 19, 17.). А умершій въ минуту крещенія скрылъ талантъ въ землю и непремѣнно услышитъ то, что сказано было рабу лукавому и лѣнивому (Матѳ. 25, 26.). Новопросвѣщенный, если къ вѣрѣ не присоединитъ храненіе заповѣди, по истинѣ не болѣе какъ только не виновный. Былъ онъ узникомъ, повиннымъ безчисленнымъ винамъ, страшился суда, трепеталъ времени отвѣта. Явилось вдругъ челоуѣколюбіе царя; Онъ отверзъ темницу, выпустилъ на свободу злыхъ. Воспоемъ и поклонимся даровавшему благодать, ибо Онъ по изобилію благодати спасъ печавшихъ жизни. А помилованный да знаетъ себя, и да ведетъ себя смиренно. Пусть не думаетъ, что онъ сдѣлалъ что нибудь доброе, потому что онъ освобожденъ отъ узъ. Оставленіе вины свидѣтельствуешь о милосердіи прощившаго, а не о добромъ поведеніи прощеннаго. Пріѣхавшій баню пакибытія подобенъ молодому воину, только что внесенному въ воинскіе списки, но еще ничего не выказавшему воинственнаго или мужественнаго. Какъ онъ, повязавши поясъ и облекшись хламидою, не считаетъ себя тотчасъ же храбрымъ, и

подходя къ царю не разговариваетъ съ нимъ дерзновенно, какъ знакомый, и не проситъ милостей раздаваемыхъ трудившимся и подвижавшимся: такъ и ты, получивъ благодать, не думай обитать вмѣстѣ съ праведными и быть причтеннымъ къ ихъ лику, если не претерпишь многихъ бѣдъ за благочестіе, не будешь вести борьбы съ плотію и за тѣмъ съ діаволомъ, и мужественно не противостоянешь всѣмъ стрѣляніямъ лукавыхъ духовъ. Но лучше, если то угодно, мы примемъ въ наставленіе себѣ въ настоящемъ случаѣ слова самаго Господа, которыя будутъ произнесены на общемъ судѣ. Что Онъ говоритъ? *Прійдите благословеніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѣ. 25, 34.) За что? Не за то, что обсклись одеждою нетлѣнія, не за то, что омыли грѣхи ваши, но за то, что совершали дѣла любви, и тотчасъ слѣдуетъ списокъ напитанныхъ, напоенныхъ, одѣтыхъ. И справедливо неложный Судія такъ судить; ибо благодать есть даръ Господа, а образъ жизни есть дѣло удостоеннаго почести. Никто не требуетъ награды за полученную милость, но напротивъ становится должникомъ. Посему, когда мы просвѣтимся крещеніемъ, обязаны признательностію Благодарителю, а признательность наша къ Богу состоитъ въ милосердіи къ собратіямъ, въ заботѣ о нашемъ спасеніи, въ упражненіи въ добродѣтели.

Итакъ бросьте суетную мысль, вы, отлагающіе крещеніе до смерти, зная, что вѣра требуетъ сопутствія сестры своей,—доброй жизни, которой да удостоимся по благому произволенію и помощи Бога, Ему же подобаетъ поклоненіе нынѣ и во вѣки. Аминь.

— —

НА СЛОВА ПИСАНІЯ :

а блудній, во свое тѣло согрѣшаетъ

(1 Кор. 6, 18.).

Грозная труба апостольскаго наставленія, возвѣщая воинству многія и другія правила благочестія, особенно же отгоняя отъ безднъ студодѣянія, прилагаетъ въ концѣ и воинское предписаніе: *блжайте, говорите, блудодѣянія: всякъ грѣхъ, ею же еще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть* (1 Кор. 6, 18.). Борцы чувственныхъ войнъ усовершенствуются въ боевомъ искусствѣ, то прямо нападая на противника, то уклоняясь отъ него бѣгствомъ. Есть и брань духовная, въ которой также потребно искусство противоборства и бѣгства. Зная сіе, Павелъ ведетъ свое воинство къ тому и другому роду искусства благочестивой брани: то учитъ постоянству въ битвѣ: *станите препоясани чресла ваши истиною* (Еф. 6, 14.); то совѣтуетъ обманывать противника бѣгствомъ: *блжайте блудодѣянія* (1 Кор. 6, 18.). Если случится война со стороны невѣрія, то полезно противостоять ему; если же врагъ угрожаетъ

коварствомъ, то хороша противъ такихъ противниковъ засада. Если напрягается лукъ клеветы, то полезна борьба съ ложью лицомъ къ лицу; если же уязвляеть образъ блудный, то полезнѣе дать тылъ и бѣжать отъ прямой встрѣчи съ нимъ; ибо прелюбодѣянiе направляетъ свои стрѣлы въ глаза. Посему должно помнить приказанiе военачальника: *бывайте блудодѣянiя*. Ибо блудъ есть такой порокъ, отъ котораго должно бѣжать болѣе, чѣмъ отъ другихъ. Другiе злые виды грѣха, повидимому, падаютъ тѣло совершающихъ, и содѣланное останавливается только на томъ, кого коснулось дѣло; на примѣръ, въ грабежахъ терпятъ вредъ только ограбленные, въ порокъ зависти сила страсти обрушивается только на тѣхъ, коимъ завидуютъ; въ клеветахъ, если имъ вѣрятъ, опять опасность только для оклеветаннаго; въ убiйствахъ несчастiе убитому; и если кто обратитъ вниманiе на послѣдствiе всѣхъ неправыхъ дѣлъ, тотъ найдетъ, что неправо поступающiе получаютъ прибыль, а вредъ терпятъ претерпѣвающiе неправду. Но прелюбодѣянiе не знаетъ этого раздѣленiя, не отдѣляетъ дѣла подвергшагося ему отъ дѣла совершившаго. но наноситъ вредъ обоимъ вмѣстѣ, соединяя блудника и блудницу общимъ союзомъ оскверненiя, и обезчестившiй тѣло подвергается одинаково безчестiю съ обезчещеннымъ. Убiйцы, умерщвляя, случается, не

умирають вмѣстѣ съ убитыми; осквернившій же плоть и самъ сопричастенъ оскверненію.

И посмотри со мною на эту тонкость въ словахъ Апостола: *ближне*, говорить, *блудо-дѣянія*. Почему? Потому что *всякъ грѣхъ, ея же еще сотворитъ человекъ кромя тѣла есть* (то есть не вредитъ естеству тѣла, а совершается внѣ тѣла человѣка причинившаго вредъ). *а блудяи со свое тѣло соприсаетъ*: не какъ убійца, который противъ чужаго тѣла (грѣшитъ), сохраняя свое неуязвленнымъ; не какъ любостяжательный, который вредитъ иному, остерегаясь вреда собственному тѣлу; блудникъ самъ себѣ вредитъ, самъ себя пронзаетъ стрѣлою безчестія. Воръ рѣшается на воровство, чтобы питать тѣло, а блудникъ заботится объ ограбленіи собственной плоти. Любостяжательнаго побуждаетъ къ хищенію мысль о приобрѣтеніи корысти: блудодѣяніе же наноситъ ущербъ чистотѣ тѣла. Завистливому причиняетъ страданіе слава другаго, а блудникъ самъ содѣваетъ собственное безславіе. Ибо что безчестіе бремени блудодѣянія? Всякое рабство грѣху безславно, ибо безчеститъ благородство души; но блудодѣй есть самый безславный рабъ грѣха: ибо осужденный имъ выгребать свои нечистоты, онъ собираетъ кучи сквернъ и исправляетъ нечистую работу. Не гнушно ли ходить около нечистотъ, тереться около предметовъ постыд-

ныхъ, имѣть тѣло не отличающееся отъ рубища? Ибо какое различіе между рубищемъ и блудодѣемъ? Онъ отторгается отъ тѣла Церкви, разрушается ежедневнымъ гніеніемъ — грѣховными удовольствіями, отбрасывается какъ ненужное рубище, лежитъ на погребіе всѣмъ демонамъ. На немъ диаволъ отпечатлѣваетъ свою гнилость.

Внѣшнее положеніе блудника не менѣе дурно, какъ и внутреннее состояніе. Отъ него бѣгутъ въ домахъ, отвращаются въ собраніяхъ; онъ оскорбленіе для сближающихся съ нимъ, предметъ презрѣнія для враждебныхъ ему, позоръ для родственниковъ; его проклинаютъ служители, онъ печаль родителямъ, посмѣшище для домашнихъ, предметъ для смѣха и разговора сосѣдямъ; его отвергаютъ при попыткахъ жениться; послѣ брака онъ подозрительный супругъ. Видя блудодѣяніе матерію такого множества золъ. Павелъ заповѣдаетъ побѣдительное бѣгство: *бѣгайте блудодѣянія.*

Сіи слова напомнили мнѣ нынѣ цѣломудреннаго юношу, бѣгствомъ восторжествоваващаго надъ египетскимъ блудодѣяніемъ. Многое склоняло юношу къ увлеченію: возрастъ, въ которомъ сильна любовь къ удовольствіямъ, ига рабства, любовное прельщеніе госпожи; ибо говоритъ Писаніе: *бысть сицевый нѣкій день. и виде Юсифъ въ долѣ дѣлати дѣла своя: и никтоже быше отъ сущихъ въ долу внутрь: и ухвати*

госпожа за *ризы младенца: лязи со мною* (Быт. 39, 11. 12.). Велико достоинство цѣломудрія! Господу оно сдѣлало рабою раба. Разжена была стрѣла блуда, но она не нашла въ душѣ сгораемаго вещества и угасла въ одеждѣ. Она говорила: *лязи со мною*, а цѣломудріе гласило юношѣ напротивъ: бодрствуй со мною, и онъ на дѣлѣ показалъ неусыпность. Ибо бодрость духа не воздремала отъ прельщеній, умъ не заснулъ отъ очарованій. Но для него горьче брани былъ голосъ госпожи, приказывавшей: *лязи со мною*.

Готовымъ стоялъ невѣстоводитель блуда, — діаволь, и вмѣстѣ съ блудницею тянулъ одежды и соучаствовалъ въ ея уловкахъ; но не зналъ онъ, что вступилъ въ борьбу съ искуснымъ и опытнымъ подвижникомъ цѣломудрія, хорошо ускользающимъ отъ ея уловокъ; ибо, говоритъ Писаніе, *оставилъ ризы своя въ рукахъ ея, убиѣе и изыде вонъ* (ст. 13.). О нагота, болѣе скромная, чѣмъ прикрытая одеждою! Что же неистовство египетскаго безпутства? Свои пороки слагаетъ на Іосифа, и прибѣжавъ къ мужу, говоритъ: ты ввелъ къ намъ *отрока Евреина нарушатися намъ*: ибо онъ сказалъ мнѣ: я лягу съ тобою. *Егда же возвысился масъ мой и возопихъ, остави ризы у мене и отбѣже* (ст. 14. 15.).

Опять Іосифъ оклеветывается изъ-за одежды. Прежде, братья, взявъ его одежду, при

помощи ея злодѣйственно клеветали на него, что онъ растерзанъ звѣрями; теперь женщина, взявши одежду, оклеветываетъ его въ блудѣяннѣ. Къ Іосифу прилично примѣняются слова Господа: *раздѣлиши ризы моя себѣ* (Пс. 21, 19.). Но, о праведное попеченіе Божіе о Іосифѣ! Онъ не прославилъ Іосифа прежде искушеній, но въ сновидѣніяхъ показалъ ему будущее, научая, что издалека еще благоуготовилъ Онъ праведнымъ славу; соизволилъ же искушеніемъ испытать юношу, чтобы заградить уста порицателей. Ибо еслибы Іосифъ не далъ опыта (своей добродѣтели), то порицатели сказали бы, что событія египетскія дѣло слѣпаго случая. Іосифъ царствуетъ и отрокъ повелѣваетъ варварами. Какую доблесть оказалъ онъ? За какую добродѣтель достигъ сего? Предупреждая такіе толки о праведникѣ, Богъ соизволяетъ на искушеніе его, чтобы оно было для праведника свидѣтельствомъ, и заградило уста порицателей. Итакъ будемъ отвращаться отъ стрѣлъ, которыя мечеть образъ блудный. Закроемъ глаза отъ сластолюбія; цѣломудріе пусть бдитъ надъ охраною тѣла, чистота да вселится въ члены, чтобы такимъ образомъ тѣло было обиталищемъ Духа. Припишемъ и самый приговоръ, который возглашаетъ страшное для распутныхъ опредѣленіе: *аще кто храниъ Божіей растлѣнъ, растлѣнъ сего Богъ* (1 Кор. 3, 17.).

ПРОТИВЪ РОСТОВЩИКОВЪ.

Жизнь людей, любящихъ добродѣтель и рѣшившихся жить разумно, опредѣлена бла-
гими законами и предписаніями; въ нихъ,
какъ можно видѣть, мысль Законодателя
имѣетъ въ виду двѣ главныя цѣли: одну—воз-
бранить запрещенное, другую—возбудить къ
совершенію того, что хорошо. Ибо не иначе
можно кому либо преуспѣть въ жизни благо-
устроенной и цѣломудренной, какъ убѣгая,
сколько есть силы, отъ зла и стремясь за
добродѣтелью, какъ сынъ бѣжитъ за матерью.
Итакъ, собравшись и нынѣ, чтобы внимать
повелѣніямъ Божиимъ, послушаемъ пророка
(Амос. 8, 4—9.), поражающаго злыя чада
взаимодаянія — лхвы, и истребляющаго въ
(нашей) жизни пользованіе деньгами для при-
ращенія ростомъ. Примемъ же послушно его
убѣщаніе, чтобы не стать намъ онимъ каме-
немъ, падшее на который сѣмя осталось су-
химъ и безплоднымъ (Лук. 8, 13.), чтобы и
намъ не было сказано то, что нѣкогда ска-
зано было упорному Израилю: *слухомъ услы-*

шите, и не уразумите; и видяще узрите, и не увидите (Иса. 6, 9.)

Прошу тѣхъ, кои будутъ слушать, никакъ не обвинять меня въ дерзости или безуміи, если, послѣ того какъ мужъ краснорѣчивый и именитый въ любомудріи, опытный въ наставленіи во всѣхъ родахъ словесныхъ произведеній, приобрѣлъ славу разсуждая о томъ же предметѣ, и оставилъ слово противъ лихоимцевъ,—сокровище для жизни (а), и я вступаю на тоже поприще состязанія, пуская свою пару ословъ или воловъ вмѣстѣ съ увѣнчанными конями. При великомъ всегда бываетъ видимо и малое; и луна свѣтится при сіяніи солнца; и за тяжело нагруженнымъ кораблемъ, гонимымъ сильнымъ вѣтромъ, слѣдуетъ малая ладья, переплывая ту же пучину; и за мужами, подвизающимися въ борьбѣ по правиламъ ратоборства, спѣшать дѣлать тоже и дѣти. Вотъ что имѣть въ виду, прошу васъ.

Ты же, къ которому моя рѣчь, кто бы ты ни былъ, возненавидь обычай торгашества: будучи человѣкомъ возлюби людей, а не серебро; противустань, по крайней мѣрѣ, на столько грѣху. Скажи любезнѣйшимъ нѣкогда тебѣ лихвамъ слова Іоанна Крестителя: *рож-*

(а) Здѣсь св. Григорій говоритъ о св. Василиѣ Великомъ, который также оставилъ слово противъ ростовщиковъ.

денія ехиднови М(атѣ. 3, 7.) удалитесь отъ меня; вы губители и имѣющихъ деньги, и берущихъ займы, доставляете удовольствіе на малое время, но въ послѣдствіи времени ядъ отъ васъ дѣлается горькою отравой для души; вы заграждаете путь жизни; закрываете врата царствія; на малое время усладивъ зрѣніе видомъ, утѣшивъ слухъ звономъ, становитесь виновниками вѣчной печали. Сказавъ сіе, распростись съ приумноженіемъ и лихвою, а сдружись съ нищелюбіемъ, и *хотящаю зяти не отвори* (Матѣ. 5, 42.). По бѣдности онъ молить тебя и сидитъ у дверей твоихъ; по недостатку прибѣгаетъ къ тебѣ богачу, чтобы ты былъ для него помощникомъ въ нуждѣ. Ты же дѣлаешь противное; изъ союзника становишься непріателемъ, ибо не содѣйствуешь ему, чтобы онъ и отъ лежащей нужды освободился и возвратилъ тебѣ данное займы, но умножаешь несчастія угнетеннаго горемъ, раздѣлаешь нагаго, еще болѣе язвишь уязвленнаго, къ заботамъ прибавляешь заботы, и къ печалямъ печали. Ибо берущій деньги съ тѣмъ, чтобы отдать ихъ съ лихвою, беретъ залогъ бѣдности, въ образъ благодѣянія, вводя пагубу въ домъ (свой.) Какъ тотъ, кто горячешному, палимому жаромъ, одержимому сильнѣйшею жаждою и усиленно просящему пить, даетъ какъ будто изъ челоуѣколюбія вино. хотя доставляетъ на малое время

удовольствіе тому, кто беретъ чашу, но по прошествіи немногаго времени причиняетъ болящему большій и въ десятеро сильнѣйшій жаръ; такъ и ссужающій бѣднаго деньгами, кои приносятъ ростъ, не прекращаетъ нужду, но усиливаетъ несчастіе.

Итакъ, не живи жизнію человѣконенавистника, подъ видомъ человѣколюбія; не будь врачомъ человѣкоубійцею, принимая видъ, что желаешь спасти при помощи богатства, какъ тотъ при помощи искусства, но преднамѣренно пользуясь имъ, на погибель довѣрившагося тебѣ. Праздна и своекорыстна жизнь лихонмца. Не знаетъ онъ труда земледѣлія, ни искусства торговли, но сидитъ на одномъ мѣстѣ, кормя у очага животныхъ. Онъ хочетъ, чтобы для него все росло безъ посѣва и безъ паханія; плугъ у него — перо, поле — бумага, сѣмя — чернила, дожди — время, незамѣтно возвращающее ему плоды—приращеніе денегъ; серпъ у него — взысканіе денегъ; гумно — домъ, въ которомъ вымолачиваетъ имущество угнетенныхъ (несчастіемъ). На все принадлежащее другимъ смотритъ какъ на свое. Желаетъ людямъ нужды и несчастій, чтобы по неволѣ шли къ нему; ненавидитъ тѣхъ, коимъ достаточно своего, и почитаетъ врагами, кто не въ долгу у него. Часто сидитъ близъ судилищъ, чтобы найти тѣснимаго взыскивающими долги, и слѣдуетъ за судебными при-

ствами, какъ коршуны за лагеремъ и войскомъ. Носить съ собою кошелькъ и показываетъ тѣснимымъ крайностію охотничью приманку, чтобъ отъ нужды, разверзши на нее пасть, поглотили вмѣстѣ съ нею и крючекъ лихвы. Каждый день считаетъ прибыль, и жадность его не насыщается. Жалѣетъ о золотѣ, которое хранится дома, за чѣмъ оно лежитъ праздно и безъ дѣла. Подражаетъ земледѣльцамъ, которые отъ кучи зеренъ непрестанно требуютъ сѣмянъ. Не даетъ покоя жалкому золоту, но переводитъ его изъ рукъ въ руки. Поэтому видишь богатаго и денежнаго человѣка часто не имѣющимъ въ домѣ и одной монеты; но въ роспискахъ у него надежды, въ обязательствахъ состояніе; ничего онъ не имѣетъ и всѣмъ владѣетъ; онъ поступаетъ въ жизни противоположно апостольскому предписанію, все даетъ требующимъ, но не по человѣколюбивому расположенію къ нимъ, а ради сребролюбія. Ибо терпитъ временную нищету, чтобы золото, какъ пущенный на заработки трудолюбивый рабъ, возвратилось съ прибылью. Видишь, какъ надежда на будущее дѣлаетъ пустымъ его домъ, и великаго богача дѣлаетъ временнымъ бѣднякомъ. Какая же причина сего? Росписка на бумагѣ, обязательство стѣсненнаго бѣдою: «отдамъ съ лихвою, заплачу съ приращеніемъ». За тѣмъ прошу обратить

вниманіе и на то, что должнику, хотя онъ и неимушь, вѣрятъ на основаніи росписки, а Бога, который богатъ и обѣщаетъ (воздать), не слушаютъ. Дай, и Я *воздаю*, взываетъ написавшій въ Евангеліи (Матѳ. 6, 4.), — въ семь рукописаніи, обнародованномъ для всей вселенной, которое написалъ не писецъ договоровъ, но четыре Евангелиста; свидѣтели котораго всѣ, отъ временъ спасенія, христіане; залогомъ имѣешь рай, ручательство вѣрное. А если и здѣсь его ищешь, то цѣлый міръ собственность благонамѣреннаго должника. Внимательно изслѣдуй благонадежность ищущаго у тебя благодѣянія, и найдешь, что онъ богатъ. Ибо всѣ золотыя руды—собственность этого должника. Всѣ металлы, серебро и мѣдь и прочія за тѣмъ вещества составляютъ часть его владѣнія. Посмотри на великое небо; обрати вниманіе на безпредѣльное море; изслѣдуй широту земли; исчисли животныхъ, которыхъ она питаетъ; все это подвластно и составляетъ стяжаніе Того, Кѣмъ ты пренебрегаешь, какъ неимущимъ. Образумься, о человѣкъ! Не оскорбляй Бога, и не почитай Его безчестіемъ мѣняль, которымъ ты, если представлять поручительства, не сомнѣваясь вѣришь. Дай поручителю неумирающему, повѣрь рукописанію негиблющему и неуничтожаемому. Не припрашивай лихвы, но подавай благодѣяніе не торгуясь, и уви-

дишь, что Богъ воздастъ тебѣ милость съ приложеніемъ.

Если же странными кажутся твоему слуху сія слова, то у тебя подъ рукою свидѣтельство, что благочестиво иждивающимъ и благотворяющимъ Богъ воздаетъ многоразличнымъ воздаяніемъ. Ибо на вопросъ Петра: *се мы оставихомъ вся и вслѣдъ Тебе идехомъ: что убо будетъ намъ?* — отвѣчаетъ *алии малою вамъ всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, сторицею прииметъ, и животъ вѣчный наследитъ* (Матѹ. 19, 27—30.). Видишь щедрость, видишь благость. Самый безстыдный ростовщикъ старается только чтобы удвоить данную сумму, а Богъ тому, кто не тѣснитъ своего брата, добровольно воздаетъ сторицею. Итакъ окажи довѣренность Богу, совѣтующему тебѣ, и получишь безгрѣшныя лихвы. За чѣмъ отягощать себя грѣховными заботами, вычисляя дни, считая мѣсяцы, думая о данной суммѣ, грезя приращеніемъ ея, опасаясь срочнаго дня, какъ бы онъ не оказался бѣзплоднымъ какъ день жатвы во время града? Заботливо слѣдить ростовщикъ за дѣлами должника, за его отлучками, движеніями, путешествіями. торговлею; разнесется ли какая прискорбная молва, что онъ попался разбойникамъ и потерпѣлъ отъ нихъ бѣду, или его благосостояніе отъ какого либо

обстоятельства измѣнилось въ бѣдность,—онъ сидитъ сложивъ руки, постоянно вздыхаетъ, часто плачетъ; развертываетъ росинску, оплакиваетъ въ буквахъ (свое) золото, держитъ передъ собою долговое обязательство, какъ одежду скончавшагося сына; этимъ еще сильнѣе возбуждается его страданіе. А если данъ въ займы корабль, то сидитъ у берега, заботливо слѣдитъ за движеніемъ вѣтра; постоянно спрашиваетъ пристающихъ къ берегу, не слышно ли гдѣ о кораблекрушеніи, не подверглись ли опасности плавающие; страдаетъ душею отъ мелочей ежедневной заботы. Таковому должно сказать: оставь, о человѣкъ, опасную заботливость; брось изсушающую надежду; дабы ища себѣ лихвы, не погубить главной суммы. Отъ бѣднаго требуешь прибавленій и приращеній богатства, подобно тому, какъ еслибы кто съ поля, высушеннаго сильнѣйшею засухою, захотѣлъ собрать кучи хлѣба, или множество ягодъ съ виноградной лозы, послѣ градоноснаго облака, или (ждалъ бы) рожденія дѣтей отъ бесплоднаго чрева, или питанія млекою отъ нераждавшихъ женъ. Никто не предпринимаетъ того, что неестественно и не возможно, поелику кромѣ того, что онъ ничего не сдѣлаетъ, подвергнется осмѣянію. Одинъ всемогущій Богъ изъ скудости производитъ обиліе и устрояетъ то, чего нельзя надѣяться и ожидать: то повелѣваетъ

камнямъ изводить источники, то дождить съ небеси необыкновенный и странный хлѣбъ, то услаждаетъ горькую Мерру прикосновеніемъ древа; и чрево неплодной Елисаветы дѣлаеть благоплоднымъ, и даруетъ Аннѣ Самуила, и Маріи первороднаго въ дѣвствѣ. Все это можетъ быть дѣломъ только всемогущей руки.

Ты же, не требуй роста отъ мѣди и золота, веществъ не могущихъ произращать. не принуждай бѣдность производить то, что свойственно богачамъ, не требуй лихвы отъ того, кто нуждается въ существенномъ. Или не знаешь, что нужда занимать деньги съ лихвою есть благовидное прошеніе о милосердіи? Посему и законъ, писъмя служащее введеніемъ къ благочестію, повсюду воспрещаетъ лихву: *аще даси сребро въ заемъ брату твоему, не буди его понуждаи* (Исх. 22, 25.). И благодать, изобилующая потокомъ благодсти, законополагаетъ отпущеніе долговъ, то являя милость и говоря: не давайте въ займы тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить (Лук. 6, 34.), то въ другомъ мѣстѣ въ притчѣ, горько наказывая жестокаго слугу, который не умилился надъ своимъ сослужителемъ, кланявшимся ему, и не отпустилъ незначительнаго долга во сто динаріевъ, тогда какъ самъ получилъ прощеніе въ десяти тысячахъ талантовъ (Мтѣ. 18, 23—35.). А нашъ Спаситель и Учитель благочестія, устанавливая уч-

никамъ правила молитвы и образецъ ея не содержащій ничего излишняго, въ слова моленія включилъ и сей одинъ членъ, какъ долженствующій всего болѣе и прежде всего достаточный преклонить (къ намъ) Бога: *и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникоу нашимъ* (Матѣ. 6, 12.). И такъ, какъ же ты будешь молиться, ростовщикъ? Съ какою совѣстію будешь просить у Бога исполнить благое прошеніе, все получая и не умѣя давать? Или не знаешь, что молитва твоя есть напоминаніе (твоего) нечеловѣколюбія? Какое ты оказалъ снисхожденіе, чтобы просить о прощеніи? Кого помиловалъ, чтобы призывать Милостиваго? А если и подалъ милостыню отъ твоихъ чловѣконенавистныхъ налоговъ, то не переполнена ли она несчастіями другихъ, ихъ слезами и стенаніями? Если бы зналъ нищій, откуда ты подаешь милостыню, то не принялъ бы ее, опасаясь какъ бы ты не накормилъ братнею плотью и кровью ближнихъ. но сказалъ бы тебѣ слова, исполненныя мудраго дерзновенія: не питай меня, чловѣкъ. слезами братними: не подавай нищему хлѣбъ отъ стенаній подобныхъ мнѣ нищихъ: отпусти моему ближнему, что неправедно вытребовалъ отъ него, и я признаю твою милость. Что пользы, если одного утѣшаешь, а многихъ дѣлаешь нищими? Если бы не было множества лихоимцевъ,

не было бы множества бѣдныхъ; разрушѣся это скопище, и всѣ будемъ имѣть достатокъ. Всѣ винятъ лихонимцевъ, и не могутъ уврачевать это зло законъ, пророки, евангелисты. Что же говорить божественный Амосъ: *слышите сокрушающіе изъ утра убогаго, и насильствующіе нищихъ отъ земли, маламоушіи, когда придетъ мѣсяцъ, и продамы* (Амос. 8, 4. 5.). Ибо даже и отецъ не столько радуется рожденію дѣтей, сколько взимающіе лихву радуются окончанію мѣсяцевъ.

Они называютъ грѣхъ почтенными именами именуютъ ростъ человѣколюбивымъ, подражая язычникамъ, кои нѣкоторыхъ человѣконенавистныхъ и кровожадныхъ демоновъ, вмѣсто истиннаго ихъ названія, зовутъ Евменидами (а). Человѣколюбивъ ростъ! Но не лихвенный ли налогъ ниспровергаетъ дома. истощаетъ богатыхъ, ведетъ къ тому, что люди благородные ведутъ жизнь худшую, чѣмъ рабы; (заемъ) нѣсколько пріятенъ въ началѣ, но готовитъ горечь на остальную жизнь. Ибо какъ птицы, которымъ строить ковы птицеловы, рады, когда разсыпаютъ имъ зерна, и дѣлаютъ любимымъ и обычнымъ мѣстопробываніемъ тѣ мѣста, гдѣ находятъ обильную пищу, но не много времени спустя, попавшись въ сѣти,

(а) То есть: милосивымъ.

погибають : такъ и занимающіе деньги за лихву, поблагоденствовавъ малое время, на-
 послѣдокъ лишаются и отеческаго очага. Ми-
 лосердіе же не живетъ въ скверныхъ и среб-
 бролюбивыхъ душахъ; видя, что и самый домъ
 должника назначенъ къ продажѣ, онѣ не пре-
 клоняются на милость, но еще болѣе понуж-
 дають продать, дабы скорѣе получивъ деньги,
 опутать сѣтью займа другаго бѣдняка, по при-
 мѣру ревностныхъ и ненасытныхъ ловцевъ,
 которые окруживъ сѣтми одну долину и вы-
 ловивъ всѣхъ, находящихся тамъ звѣрей, пе-
 реставляютъ снова колья для сѣтей къ сосѣд-
 ней долинь и отъ ней къ другой, до тѣхъ
 поръ, пока всѣ горы опустѣють, лишившись
 звѣрей. И такъ, какими очами, будучи тако-
 вымъ, зриаешь на небо? Какъ просишь ос-
 тавленія грѣховъ? Ужели по безчувственности,
 молясь говоришь и то, чему научилъ Спаси-
 тель: *остави намъ долги наша, яко и мы оста-
 вляемъ должникомъ нашимъ*? О сколько людей
 въ слѣдствіе лихвы, взялись за веревку, отдали
 себя волнамъ рѣкъ, сочли смерть легчайшею
 займодовца, оставили сиротами дѣтей, съ
 злою мачихою ихъ — бѣдностью! А добрые
 ростовщики не щадятъ даже и тогда опустѣлаго
 дома, но влекутъ наслѣдниковъ, наслѣдовав-
 шихъ можетъ быть одну веревку отъ петли,
 и требуютъ золота отъ тѣхъ, кои питаются
 хлѣбомъ съ чужаго стола. А когда ихъ позо-

рять, какъ и слѣдуетъ. по поводу смерти должника, и нѣкоторые, чтобы устыдить ихъ, упоминають о петлѣ, не стыдятся этого происшествія и не ужасаются душею, но отъ горечи душевнаго настроенія произносятъ безстыдныя слова: ужели то вина нашихъ обычаевъ, если этотъ злосчастный и несмысленный, которому отъ рожденія сужденъ печальный жребій, по необходимости рока. окончилъ жизнь насильственною смертію? Ибо ростовщики и философствуютъ, и дѣлаются учениками египетскихъ астрологовъ, какъ скоро нужно оправдать свои проклятыя дѣйствія и убійства.

И такъ, къ одному изъ таковыхъ нужно сказать: ты (она) несчастная судьба, ты злая необходимость звѣздъ. Ибо если бы ты облегчилъ заботу (должника) и одну часть его долга отпустилъ, а другую часть взымалъ бы съ слабою, то не возненавидѣлъ бы онъ тяжкую жизнь, и не сталъ бы палачемъ себя самаго. Но какими очами во время воскресенія будешь смотрѣть на убитаго? Оба придете къ судилищу Христову, гдѣ не лихвы считаются, но (дѣла) жизни судятся. Что же отвѣтишь, обвиняемый, неподкупному Судіи, когда скажетъ тебѣ: ты имѣлъ законъ, пророковъ, евангельскія увѣщанія, ты слышалъ, какъ всѣ они вмѣстѣ единогласно возглашали любовь, человеколюбіе, и говорили: *одни: да не даси брату твоему въ лихву*

(Второз. 23, 19.): *другіе; сребра не даде въ лихву* (Пс. 14, 5.); *иные: аще дади въ заемъ брату твоему, не буди его понуждаяи* (Исх. 22, 25.). Матѣей же въ притчахъ вопіеть, говоря и возвѣщая слово Господне: *рабе лукавый, весь долгъ онъ отпустихъ тебѣ, понеже умолилъ мя еси: не подобаше ли и тебѣ помиловати клеветѣ твоего, якоже и азъ тя помиловахъ; и прогнѣвася господь его, предаде его мучителемъ, дондеже воздастъ весь долгъ свой* (Матѣ. 18, 32—35.). Тогда овладѣтъ тобою бесплодное раскаяніе; тогда наступятъ тяжкія стenanія и неумолимое наказаніе; нисколько не пособитъ золото и не поможетъ серебро; горче желчи будетъ наращеніе лихвъ. Это не слова устрашающія, но истинныя дѣла, свидѣтельствующія о судѣ, прежде чѣмъ испытаемъ его; предохранять себя отъ него, хорошее дѣло для мужа благоразумнаго и заботящагося о будущемъ.

А что бы принести нѣкоторую пользу слушателямъ, я расскажу о томъ, что еще прежде суда Божія въ наши времена случилось въ домѣ ростовщика: послушайте что скажу, хотя быть можетъ многимъ это происшествіе окажется извѣстнымъ.

Былъ въ нѣкоторомъ городѣ одинъ человекъ (не скажу его имени, остерегаясь, называя его по имени, выставять на позоръ скончавшагося), имѣвшій своимъ промысломъ ростов-

щичество и приращеніе (состоянія) скверными лхвами. Одержимый страстію сребролюбія, онъ былъ скупъ и относительно собственныхъ издержекъ (ибо таковы сребролюбцы); не имѣлъ онъ достаточнаго стола, не перемѣнялъ своихъ одеждъ, иначе какъ по нуждѣ, не доставлялъ дѣтямъ необходимо потребнаго для жизни, не позволялъ себѣ частаго хожденія въ баню, боясь платы и трехъ оводовъ, но всякимъ способомъ придумывалъ, какъ бы больше увеличить количество денегъ. Даже не считалъ онъ никого достаточно вѣрнымъ стражемъ (своего) кошелька, ни сына, ни раба, ни мѣнялу, ни ключъ, ни печать; но закладывая деньги въ углубленіе стѣнъ и замазывая снаружи глиною, хранилъ свое сокровище въ неизвѣстности отъ всѣхъ, замѣняя однѣ мѣста другими, и однѣ стѣны другими, и думая искусно скрыть его отъ всѣхъ. Внезапно онъ отошелъ отъ жизни, не извѣстивъ никого изъ домашнихъ, гдѣ зарыто золото. Зарытъ былъ и самъ находившій въ томъ пользу, чтобы скрывать (деньги). А дѣти его, надѣявшіяся по своему богатству стать знатнѣе всѣхъ въ городѣ, искали (денегъ) повсюду, спрашивали другъ друга, допытывали у служителей, раскапывали полы въ домахъ, отчищали снизу стѣны, разузнавали у сосѣдей и знакомыхъ дома, переверотили, какъ говорится, каждый камень, но не нашли ни овола. Ведутъ

они жизнь бездомную, безпріютную, нищими, неразъ проклиная каждодневно глушь отца.

Таковъ-то вашъ пріятель и другъ, ростовщики! Достойно своему образу жизни окончили ея суетный пріобрѣтатель денегъ, подвергавшій себя тяжкимъ лишеніямъ и голоду; собравшій наслѣдство, себѣ — вѣчное наказаніе, а дѣтямъ нищету. Не знаете вы, для кого собираете или трудитесь. Многоразличны обстоятельства, безчислены обманщики, грабители и разбойники тревожатъ землю и море; смотрите, чтобы вамъ и грѣха не преумножить, и золота не потерять. «Но несносна намъ, говорятъ, такая рѣчь (знаю, что вы ворчите сквозь зубы, и постоянно ставлю васъ передъ это сѣдалище); онъ желаетъ зла тѣмъ, кому мы благодѣтельствуемъ и кто нуждается. Вотъ мы удержимся давать въ займы; какъ-то будутъ жить и нуждающіеся»? Слова, достойныя дѣлъ, и возраженіе приличное омраченнымъ мракомъ денегъ; ибо у нихъ нѣтъ даже твердости сужденія въ разсудкѣ, чтобы уразумѣть, что говоримъ мы; они превратно понимаютъ совѣтъ тѣхъ, кои учатъ ихъ законному. Ибо, какъ будто бы я говорю, что не должно давать въ займы неимущимъ, они грозятъ имъ, и угрожаютъ запереть двери предъ нуждающимися. Но я прежде всего проповѣдаю и увѣщаю дарить: за тѣмъ приглашаю и давать

въ займы (ибо даініе взаймы есть второй видъ даренія); но дѣлать это безъ лихвы и приращеній, но какъ повелѣло намъ слово Божіе. Ибо одинаково повиненъ наказанію и не дающій взаймы, и дающій съ лихвою; поелику первый осуждается въ нечеловѣколюбіи, а послѣдній въ барышничествѣ. А они, бросааясь въ противоположную крайность, обѣщаютъ совершенно прекратить даініе. Но это безстыдное возраженіе, неистовое пререканіе правдѣ, вражда и брань противъ Бога; ибо говоришь ты, или не дамъ, или давая взаймы, заключу условіе о ростѣ.

И такъ, противъ лихоимцевъ достаточно подвизалось наше слово, и удовлетворительно, какъ бы на судѣ, указало то, въ чемъ они виновны. Да дастъ имъ Господь раскаяніе въ этомъ злѣ! А тѣмъ, которые легко входятъ въ долги и не взирая на опасности кидаются на крючекъ роста, я не скажу ничего, думая, что имъ достаточно совѣта, который мудро предложилъ имъ божественный отецъ нашъ Василій, въ своемъ сочиненіи, обращая рѣчь болѣе къ тѣмъ, кои необдуманно входятъ въ долги, чѣмъ къ тѣмъ, кои любостыжательно дзуютъ въ займы.

ПРОТИВЪ ТЯГОТАЩИХСЯ ЦЕРКОВНЫМИ НАКАЗАНИЯМИ.

Разумъ есть по истинѣ божественное и священное дѣло Божіе, превосходное стяжаніе, не отъинуды привзошедшее, но съ самою природою человѣка соединенное, драгоценнѣйшій даръ, нисшедшій въ него отъ Зиждителя. Посему и говорится, что человѣкъ созданъ по подобію Божію (Быт. 1, 26.). Имъ онъ и отличается отъ прочихъ животныхъ, и этимъ особенно богоподобнымъ преимуществомъ запечатлѣвается, въ прочемъ имѣя очень много общаго съ животными. Ибо форма глазъ и составъ всего тѣла, какъ наружный видъ его, такъ и то, что скрыто въ желудкѣ, не даютъ особаго преимущества человѣку; поелику мы видимъ, что и обитающія на землѣ и въ водѣ, и летающія по воздуху и вообще всѣ животныя имѣютъ тоже самое. Но разумъ дѣлаетъ человѣка владыкою всего, и служитъ признакомъ его счастія. Чтò Богъ имѣетъ изобильно, то даровалъ намъ въ малой мѣрѣ, чтобы мы прежде всего устремляли

взоръ свой къ Нему, познавали Разумъ, подающій разумъ, и служили бы Тому, кто такъ прекрасно украсилъ насъ собственнымъ совершенствомъ. Посредствомъ разума мы, будучи слабы тѣломъ, дѣлаемся сильнѣе сильныхъ, все порабощаемъ себѣ и заставляемъ служить нашимъ нуждамъ. Такъ мы укрощаемъ воловъ, налагаемъ на нихъ ярмо и заставляемъ плугами разсѣкать землю, и быстраго коня сдерживая уздою дѣлаемъ послушнымъ, и лѣниваго осла, побуждая палкою, дѣлаемъ болѣе проворнымъ, и упорныхъ муловъ принуждаемъ тащить колесницы и перевозить тяжести, громадныхъ тѣломъ слоновъ и высокихъ верблюдовъ удобно приспособляемъ къ тому, что нужно намъ. Такъ мы переплываемъ и глубину водную, и на маломъ деревѣ при помощи мореходнаго искусства пробѣгаемъ неизмѣримыя моря, и когда не имѣемъ указаній для этого пути, потерявъ изъ виду землю, безопасно направляемъ путь свой по знакамъ на небѣ, и плователя, какъ и волхвовъ, путеводитъ звѣзда. Открыты (разуму) и широта и очертаніе неба, и множество звѣздъ, и то, какую каждая имѣетъ величину, и разстояніе и фазы луны, и что бываетъ съ солнцемъ, когда оно на нѣкоторое время скрываетъ лучи свои. Мы разсуждаемъ даже и о причинахъ колебанія земли, и отчего она потерявъ естественную устойчивость,

и сама волнуется и потрясаетъ живущихъ со всѣмъ, что находится на ней. Наблюдая признаки погоды, мы предусматриваемъ засухи и предсказываемъ дожди. Вникая разумомъ въ произведенія земли, мы изслѣдуемъ свойства растеній, и находимъ одно полезнымъ для цѣленія ранъ, другое способствующимъ сну для страдающихъ бессонницею, иное цѣлительнымъ для печени, а иное уничтожающимъ воспаление селезенки. Не говорю о знаніяхъ, умалчиваю объ искусствахъ, однихъ необходимыхъ, другихъ служащихъ ко всякому удовольствію, о разнообразной области занятій.

Но такое животное, мудрое, способное къ дѣятельности, къ труду, одаренное памятью, видящее и около себя и вдали, увлекаясь разнообразными удовольствіями и различными страстями, одно оставляетъ безъ вниманія, — истинную жизнь и собственное спасеніе! Наблюдая измѣненія вѣтровъ, ты не обращаешь взора къ воскресенію; зная годовыя перемѣны, не обращаешь вниманія на перемѣну жизни; требуя отъ собственного раба отчета въ его дѣлахъ, пренебрегаешь властію своего Судіи и Господа. Это свойственно не разумному существу, но извратившему разумность въ безуміе. Правды не сохраняешь, добродѣтели не обучаешься, о молитвѣ не радишь; это обнаружилъ вчерашній день.

Какими глазами ты смотришь на воскресный день, обезчестивъ субботній? Развѣ ты не знаешь, что эти дни какъ бы братья? Если ты обидѣлъ одинъ, не оскорбляешь ли тѣмъ другаго? Имѣя умъ и разсудокъ, ты не предусматриваешь приличнаго и полезнаго, не прилагаешь заботы, соотвѣтственной безсмертію твоего естества и не разсуждаешь о своей природѣ, — кто ты таковъ и чѣмъ можешь быть. Но ты предалъ даръ Божій чреву, сладострастію, праздности и сну, такъ что онъ сталъ для тебя ненужнымъ, бесполезнымъ и тщетнымъ. Это весьма постыдно, дѣтски неразумно и достойно тяжкаго осужденія. Менѣе было бы зла, если бы не умѣя разсудить собственнымъ умомъ и сами собою, что для насъ полезно, повѣрили другому, когда тотъ указываетъ намъ полезное. Но на дѣлѣ не такъ; мы очень не любимъ учителей, съ непріятностію сносимъ ихъ наставленія и тяготимся совѣтами; чувствуемъ тошноту отъ ученія хорошему, какъ больные разстройствомъ желудка отъ питательной пищи, предлагаемой имъ врачами. Если сдѣлають упрекъ, сердимся; если услышимъ строгое слово, негодуемъ; если отлученіемъ затворятся для насъ церковныя двери, богохульствуемъ. Это не есть поведеніе, свойственное учащимся; это—не послушаніе учениковъ, но пренія возмутителей и бунтовщи-

ковъ. Ученикъ, который хочетъ приобрѣсть знаніе какого-либо мірскаго искусства или науки, долженъ стоять на ряду съ дитятею; а кто желаетъ достигнуть совершенства въ благочестіи, тому тѣмъ болѣе полезно быть младенцемъ, что и Господь сей возрастъ почтилъ Своими похвалами, какъ особенно способный къ повиновенію. Но отрокъ не посягаетъ на черты и линіи, которыя учитель дѣлаетъ на навощенной доскѣ и не чертитъ новыхъ буквъ по глупому своему своеволю, дѣлая нововведенія въ письменахъ; онъ сперва грифелемъ упражняетъ руку по чертамъ проведеннымъ учителемъ и не даетъ иныхъ именованій буквамъ, но тѣ, которыя слышалъ; всячески словомъ и дѣломъ онъ подражаетъ передаваемому руководителемъ. А если за нерадѣніе и наказывается плеткою, то не становится дерзкимъ отъ наказанія, не уходитъ отъ учителя, разбивъ доски, но проливъ немного горькихъ слезъ, принимается за ученіе и дѣлается внимательнѣе, а не нерадивѣе. Если же въ другой разъ опять по молодости окажется небрежнымъ, ему приказываютъ оставаться безъ пищи, и нерадѣніе наказываютъ голодомъ; остается также въ училищѣ одинъ, когда другія дѣти уходятъ обѣдать, исполняя приказаніе съ большимъ уваженіемъ. Но не такъ ведетъ себя христіанинъ, который слышалъ: *еще не*

обратитесь и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное (Матѣ. 18, 3.). Если онъ увидить священника, строгимъ видомъ и голосомъ обличающаго согрѣшеніе, открыто противорѣчить, ворчить сквозь зубы, и обходя площадь и улицы ругается. А если онъ отлученъ отъ церкви, презираетъ молитву, явно отдаляясь отъ народа и отъ таинствъ. Случается, что даже и не подвергшійся такому наказанію, самъ себя удаляетъ отъ церкви по гнѣву на епископа, отвращаясь отъ Бога и Господа. Такому можно сказать тоже, что сказано было Павлу, когда онъ былъ еще Савломъ: *жестоко есть ти противу рожна прати* (Дѣян. 9, 5.). Если ты самъ удалилъ себя отъ Бога, то размысли, что удаляющійся отъ солнца проводить жизнь во мракѣ и тмѣ. Если ты отстраненъ отъ молитвъ какъ недостойный, покаяніемъ возврати себѣ прежнее состояніе.

Въ евангеліяхъ не писано ничего ложнаго, и предреченное Христомъ несомнѣнно исполняется. Черезъ Петра Онъ далъ епископамъ ключи небесныхъ почестей; знай же, что разрѣшенный ты будешь разрѣшенъ, и связанный духовными узами, ты будешь связанъ. Если бы ты могъ видѣть существо души, я показалъ бы въ тебѣ отлученномъ образъ осужденнаго, по шеѣ скованнаго тяжкими оковами, не имѣющаго свободнымъ или

разрѣшеннымъ ни одного члена. О, если бы еще этою жизнью ограничивалось наказаніе! Но теперь, если что человѣческое случится, и вдругъ предстанетъ кончина, какъ тать въ нощи, знай, что для тебя заключено и тамъ. Внимательны и не шутятъ стражи вратъ царствія: они видятъ душу, имѣющую знаки отлученія; какъ бы узника, который имѣетъ на себѣ слѣды зловонія и нечистоты темничной, они гонятъ ее съ пути ведущаго къ блаженству, не дозволяютъ видѣть лики праведныхъ и ангельское веселіе. Жалкая же душа много обвиняя тогда себя въ неразуміи, плача, скорбя и стѣня, будучи заключена въ мрачное нѣкое мѣсто, какъ бы въ затворъ, останется тамъ, казнясь нескончаемымъ и во вѣки непрекращающимся плачемъ. *Не будите,* сказано, *яко конь и мекъ, иль жесть нѣсть разума, бразда и уздою челюсти ихъ возстѣиши* (Пс. 31, 9.). Сіе говоритъ псаломъ, смягчая упорнаго и какъ бы елеемъ умащая наставленіями. Итакъ склони выю, и какъ ярму подчинись приказаніямъ. Упорное сокрушается, а гибкое и склоняющееся выпрямляется; тебя научаетъ этому и опытъ надъ деревьями. Закусивъ узду не ввергнись въ стремнину или пропасть, но подчинивъ выю рукъ всадника, направляйся по спасительному пути. Когда примешь наказаніе, скажи съ покорнымъ духомъ слова Давида: *благо мнѣ,*

яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ (Пс. 118, 71.). Не считай отлученіе самовольствомъ епископа; это отеческій законъ, древнее церковное правило, начавшееся во времена закона и утвержденное во времена благодати. Посмотри на святаго Павла, чрезъ посланія посылающаго приговоръ отлученія противъ виновныхъ и врачующаго этимъ врачевствомъ коринѳскаго юношу, грѣхомъ съ мачихою по навожденію сатаны заразившагося. *Его же бо любитъ Господь наказуетъ, бьетъ же сына, его же пріемлетъ* (Евр. 12, 6.) Ибо не сладки корни ученія, но горьки; въ послѣдствіи же произращаютъ плодъ сладчайшій сота. Посему занимающемуся ученіемъ нужно трудиться, а учащему употреблять наказанія и строгость. Въ законѣ Моисеевомъ доселѣ остаются четыре десятицы законныхъ ударовъ, но не такъ въ евангельскомъ законѣ. Здѣсь говорится обо всемъ: здѣсь и мѣлость и жезлъ и утѣшеніе и наказаніе. Ибо мы не какъ раба бьемъ тебя, но учимъ какъ свободнаго, потому что твой родъ отъ свободной Сарры, а не отъ рабыни Агари. Мы уважаемъ тебя какъ сына свободной, а не безчестимъ какъ родившагося отъ служанки. Посему когда ты согрѣшаешь, мы подвергаемъ тебя свободнымъ эпитиміямъ, не тѣло бичуя, но душу сокрушая. Если мы не будемъ и этого дѣлать, то

какъ тебя научимъ? Не легко передается слово ученія и руководство къ добродѣтели; оно требуетъ различныхъ способовъ наставничества, принаровляемыхъ къ существующимъ нравамъ. Послушенъ ли кто и удобно-преклоненъ къ назиданію? Для него прилично простое и кроткое слово. Упоренъ ли и необузданъ? Для него нужны розги. Что же намъ дѣлать, когда розогъ мы не употребляемъ? Неужели оставить такого безъ вразумленія? Нѣтъ! Но мы при помощи слова дадимъ ему иной видъ, соотвѣтственный тому, какой будетъ нуженъ. И какъ кушанье чрезъ малую прибавку приправъ получаетъ противоположный вкусъ, изъ горькаго дѣлаясь сладкимъ, и изъ сладкаго перемѣняясь въ горькое; такъ и наше слово чрезъ приложеніе новыхъ формъ, приспособляется къ различнымъ нуждамъ, дабы соотвѣтствовать воспитанію каждаго.

И такъ, не порицай меня по угламъ, называя мой способъ ученія грубымъ, и соучастниковъ преступленій твоихъ дѣлая соучастниками своихъ ругательствъ на меня; не сѣди судя епископа на совѣтѣ суетномъ. А я не буду возмущаться душою, какъ бы новое что терпя, если упорнѣйшіе изъ учениковъ негодуютъ на меня; ибо таково свойство человѣка, неразлучное съ нимъ отъ начала до конца жизни, что начальникъ вообще тяжелъ

для всѣхъ подчиненныхъ, а для преступныхъ и незаконныхъ даже ненавистенъ. Ибо запрещающій грѣхъ огорчаетъ; меня научаетъ въ этомъ достаточно, кромѣ посторошихъ свидѣтельствъ, и священная исторія. Какой пастырь былъ лучше Моисея? Какой начальникъ былъ такъ снисходителенъ и кротокъ? Всѣмъ онъ былъ для народа, питателемъ, вождемъ, священникомъ, истиннымъ отцемъ, спасителемъ на войнѣ, въ пустыни доставлявшимъ то, чего не сѣяли и не пахали, судьей снисходительнымъ, путеводителемъ вѣрнымъ; но и при всемъ томъ противъ него возмущались какъ противъ несправедливаго, оскорбляли какъ вреднаго, роптали какъ на татей и обманщиковъ, злословили какъ неискуснаго вождя и не добраго начальника; онъ былъ въ опасности лишиться и самаго священства, когда Дааанъ, Авиронъ и сыны Корея, увлекши съ собою мятежный народъ, непризванные, усиливались быть священниками святилища, устроили себѣ кадилаицы, едва не прикоснулись къ святынѣ и возжгли таинственный огонь, который прежде ениміама сжегъ курившихъ. Такъ много поводовъ подаетъ къ негодованію начальство надъ народомъ и должность учителя, что даже братья не пощадили Моисея: но и Маріамъ противорѣчила, и Ааронъ порицалъ, и бремя власти извратило чувство родственной любви и возстановило противъ много потрудившагося

мужа самыхъ близкихъ ему. Но это ничто было для Моисея; ибо онъ былъ все тотъ же Моисей, и не сдѣлался хуже себя, а они вызвали и понесли отъ Бога наказанія за свои вины противъ вождя. Что было съ преемниками Моисея? Исаія учитель благочестія не былъ ли перепилень? Іеремію за то, что не переставалъ вопіять обличая идолослуженіе, развѣ не приняли въ наказаніе рвы и водотечи? Захарія не подвергся ли нападенію, и не былъ ли убитъ между церковью и алтаремъ? Самъ Господь нашъ не былъ ли закланъ какъ пастырь за овецъ? Не по ненависти ли къ наставленіямъ распятъ былъ? Что было причиною отсѣченія главы Павла? Что вознесло Петра на крестъ? Что предало различнымъ мукамъ одного за другимъ Апостоловъ? Не то ли, что они воспрещали грѣхъ, учили правдѣ? Всегда друзья истины и учителя кажутся врагами для учениковъ ими обличаемыхъ. А мы за истину еще не терпѣли заушеній, еще не было опасности для нашего тѣла. И что много сѣтовать намъ служителямъ Распятаго? Какъ отецъ или мать, я принимаю твои грубости и дерзости.

С Л О В О

КЪ СКОРБЯЩИМЪ О ПРЕСТАВІВШИХСЯ ОТЪ НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ ВЪ ВѢЧНУЮ.

Почитающіе несчастіемъ для отходящихъ отъ жизни то, что составляетъ неизбѣжное слѣдствіе нашего естества, и тяжело скорбящіе объ отшедшихъ отъ здѣшней жизни къ жизни духовной и безтѣлесной, кажется мнѣ, не обращаютъ вниманія на то, какова наша жизнь, но страдаютъ недостаткомъ большинства людей, кои, по какой-то неразумной привычкѣ, свое настоящее, каково бы оно ни было, любятъ какъ благо, хотя существу, возвышающемуся надъ неразумною природою разумомъ и разсужденіемъ, должно бы къ тому только склоняться, что является хорошимъ и достожелаемымъ по суду разума, а не то, конечно, избирать, что, по какой-то привычкѣ и неразсудительному пристрастію, кажется намъ пріятнымъ и по сердцу. Поэтому мнѣ кажется хорошимъ, при помощи

нѣкоторыхъ размышлений, отвлекши ихъ отъ
 обычнаго имъ настроенія, возвести сколько
 возможно къ лучшему и болѣе приличному
 разумнымъ существамъ образу мыслей; ибо
 такимъ образомъ были бы изгнаны изъ жизни
 людской тѣ неразумныя скорби, которымъ
 предаются многіе. Въ разсужденіи же нашемъ
 о предположенномъ предметѣ мы сохранимъ
 порядокъ, если во-первыхъ изслѣдуемъ, въ
 чемъ состоитъ истинное благо; потомъ раз-
 смотримъ свойства жизни въ тѣлѣ; а за тѣмъ
 посредствомъ сличенія сравнимъ настоящее
 съ тѣмъ, что соблюдается намъ упованіемъ.
 Такимъ образомъ наше разсужденіе достиг-
 неть цѣли слова, состоящей въ томъ, чтобы
 освободить многихъ отъ обычнаго образа
 мыслей о благѣ. Такъ какъ всѣмъ людямъ
 врождено нѣкоторое естественное отношеніе
 къ благу, и къ нему обращенъ всякій сво-
 бодный выборъ, полагающій достиженіе блага
 цѣлю всѣхъ заботъ въ жизни, то посему,
 неразумніе того, въ чемъ состоитъ подлинное
 благо, обыкновенно бываетъ причиною боль-
 шей части погрѣшностей; такъ что если бы
 для всѣхъ было яснымъ истинное благо,
 то мы никогда бы не уклонялись отъ того,
 въ чемъ благо составляетъ самую природу,
 и не стремились бы добровольно, опытомъ
 извѣдать зло, если бы только не прикрыва-
 лись вещи нѣкоторою обманчивою видимо-

стію блага. Итакъ прежде всего въ нашемъ словѣ размыслимъ о томъ, въ чемъ состоитъ истинное благо, дабы заблужденіе относительно сего не было какъ нибуду поводомъ къ избранію худшаго вмѣсто лучшаго. Прежде всего, говорю я, въ нашемъ словѣ нужно представить нѣкоторое опредѣленіе и характеристическое свойство искомаго предмета, отъ чего получило бы несомнѣнность наше понятіе о благѣ. Итакъ, въ чемъ состоитъ характеристическое свойство истиннаго блага? Въ томъ, что оно имѣетъ въ виду не одно только полезное относительно, что въ различное время является то полезнымъ, то бесполезнымъ, что для одного хорошо, а для другаго не таково, но то, что и само по себѣ, по собственной природѣ есть благо, и остается таковымъ же для всѣхъ и всегда; таково, по моему сужденію, неложное и необманчивое характеристическое свойство, отличающее благо. Ибо, что есть благо не для всѣхъ, не всегда, не само по себѣ независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, то не можетъ собственно быть почитаемо существеннымъ благомъ. Такъ, многіе поверхностные наблюдатели существующаго вообразили, что благо заключается въ стихіяхъ міра; но при внимательномъ изслѣдованіи никто не найдетъ, чтобы въ нихъ оказалось благое само по себѣ, всегда и для всѣхъ, ибо въ каждой изъ нихъ

съ полезнымъ смѣшано и дѣйствіе противоположнаго свойства; напримѣръ вода спасительна для живущихъ въ ней, но гибельна для земныхъ животныхъ, если погрузятся въ нее. Точно также и воздухъ для тѣхъ, кому природа опредѣлила жить въ немъ, спасителенъ, а кому досталась въ удѣлъ жизнь въ водѣ, оказывается пагубнымъ и гибельнымъ, какъ скоро случится быть въ немъ кому-либо изъ животныхъ водныхъ. Такъ и огонь, приносящій намъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользу, гораздо чаще оказывается гибельнымъ. Да и самое солнце, не всегда, не повсюду, и не для всего, что подвергается его дѣйствію, оказывается благомъ; въ иныхъ случаяхъ бываетъ оно и очень вредоноснымъ, когда печетъ сверхъ надлежащей мѣры, изсушаетъ чрезмѣрно то, что подъ нимъ, часто дѣлается причиною болѣзней, людямъ съ чувствительнымъ зрѣніемъ причиняетъ глазную болѣзнь, и производя гніеніе влагъ, поражаетъ въ испорченной гнилости влажныхъ веществъ вредныя и отвратительныя существа.

Итакъ, повторяю, изъ всего признать благомъ надлежитъ только то, что всегда и для всѣхъ одинаково является благомъ по самому существу, что постоянно пребываетъ таковымъ и не измѣняется по вѣншимъ обстоятельствамъ. О всемъ прочемъ, что по какому-

то неразумному предположенію кажется людямъ благомъ, говорю о благахъ тѣлесныхъ и внѣшнихъ, каковы сила и красота, благородство происхожденія, деньги, власть и слава, и все подобное, о всемъ этомъ, какъ само собою для всѣхъ очевидно, думаю нужно умолчать и не обременять напрасно наше слово вещами общезвѣстными. Ибо кто не знаетъ скоротечности красоты или силы, или перемѣнчивости власти, или непостоянства славы, или суетности пристрастія къ деньгамъ людей, которые полагаютъ благо въ извѣстныхъ веществахъ по причинѣ ихъ блеска и рѣдкости?

Распорядившись такъ касательно этихъ предметовъ, мы должны обратить вниманіе на настоящую жизнь, говорю о жизни, проводимой во плоти, такова ли она, чтобы въ ней усматривался характеристическій признакъ блага, или внаго рода? Ибо, что откроетъ въ ней наше разсужденіе, то конечно будетъ для разумѣнія изслѣдующихъ руководствомъ, какъ нужно относиться къ представленію отъ здѣшней жизни. Итакъ, жизнь нашего тѣла состоитъ въ восполненіи и лишеніи, совершающемся двоякимъ образомъ, чрезъ пищу и питье, за тѣмъ чрезъ дыханіе и выдыханіе воздуха, безъ чего плотская жизнь естественно не можетъ существовать; ибо тогда перестаетъ человѣкъ жить, когда

наша природа уже не утруждается преемством сихъ противоположностей. Послѣ сего совершенно останавливается такого рода дѣятельность, такъ какъ въ умершемъ ничто ни отъ не привтекаетъ, ни изъ него не выдѣляется, но при разрѣшеніи и разложеніи тѣла на сродныя стихіи, изъ которыхъ оно состояло, естество наше наконецъ остается въ неподвижномъ покоѣ, возвративъ каждой стихіи сродное и однородное, землѣ—землистое, воздуху—свойственное ему, водѣ—принадлежащее ей, и теплотѣ—соотвѣтствующее ей. Ибо какъ скоро въ массѣ тѣла, составляющія оную разнородныя вещества теряютъ свою вынужденную и невольную связь, но каждая изъ находящихся въ насъ частицъ возвращается на свое мѣсто; то тѣлесное естество наше, которое насильно сдерживало въ себѣ соединеніе разнороднаго, перестаетъ быть. А если кто къ вышеуказаннымъ противоположностямъ причислитъ еще сонъ и бодрствованіе, какъ видоизмѣненія сей жизни, тотъ не выскажетъ невѣрнаго мнѣнія. Ибо и сему подвержено наше естество, постоянно влекомое къ противоположнымъ состояніямъ, то являясь разслабленнымъ во время сна, то возбужденнымъ во время бодрствованія; а чрезъ то и другое совершается въ немъ лишеніе и восполненіе. Итакъ, если лишеніе и восполненіе есть осо-

бенность нашей жизни, то хорошо было бы указанное выше характеристическое свойство, отличающее благо, сравнить теперь съ свойствами жизни, чтобы увидѣть, истинное ли благо есть эта жизнь, или иное что, различное отъ сего. Если восполненіе само по себѣ не можетъ быть правильно приписано благу, какъ его естественное свойство, то отсюда ясно для всѣхъ, что также невозможно почитать благомъ и противоположное ему, разумѣю лишеніе. Ибо при совершенной противоположности того и другаго невозможно согласовать ихъ, какъ равно противорѣчащія въ понятіи блага; но если бы одно было по природѣ своей благомъ, то противоположное ему конечно будетъ зломъ. Но здѣсь то и другое равно приноситъ пользу для природы. Слѣдовательно въ опредѣленіе блага не возможно допустить ни понятія восполненія, ни лишенія. Итакъ доказано, что восполненіе есть нѣчто иное, отличное отъ блага; ибо всѣми признается, что оно и не вездѣ, и не всегда, и не во всякомъ видѣ полезно. Не при вредной пищѣ, пресыщеніе бываетъ губительно, но и при соотвѣтствующей, превышеніе мѣры полезнаго часто бываетъ причиною опасностей и вреда; и если при переполненномъ состояніи тѣла, которое требуетъ очищенія, новое переполненіе усилить существующее, то оно причинитъ множество

бѣдъ и окончится неизлѣчными болѣзнями. Итакъ восполненіе и не всегда, и не вполнѣ есть благо, но польза отъ него бываетъ только для чего-либо, когда-либо, въ извѣстной мѣрѣ и качествѣ. Точно также каждый найдетъ, что и мыслимое какъ противоположность сему, говорю о лишеніи, опасно для подвергающихся ему, если превыситъ мѣру полезности; и наоборотъ небезполезно, если будетъ употреблено какъ должно, и если для полезнаго дѣйствія лишенія будутъ приняты во вниманіе и время и количество и качество. Итакъ, поелику видъ сей жизни, которою живемъ, не соотвѣтствуетъ характеристическому свойству блага, то на основаніи выше-сказаннаго должно признать, что преставленіе отъ сей жизни не есть разлученіе съ какимъ либо благомъ. Ибо ясно, что истинное, собственное и главное благо не есть ни лишеніе, ни восполненіе, что, какъ доказано, полезно когда-либо и для чего-либо и при извѣстныхъ случаяхъ; а сіе не соотвѣтствуетъ характеру истинно сущаго блага.

Поелику же истинное благо благу не-истинному противоположно, и между ними двумя противоположностями нѣтъ середины, то слѣдуетъ признать, что удаляющіеся отъ неистиннаго блага представляются отсюда къ благу существенному, которое всегда, вездѣ и во всемъ есть благо, а не въ извѣстное

только время, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ извѣстномъ отношеніи, но всегда пребываетъ одинаковымъ и тождественнымъ. Итакъ къ сему благу переходитъ душа отъ плотной жизни, перемѣняя настоящее состояніе жизни на нѣкое иное; точно уразумѣть это состояніе, каково оно, для соединенныхъ съ плотію невозможно, но чрезъ отъятіе признаковъ сей жизни возможно при помощи аналогіи составить нѣкоторую догадку о немъ. Оно уже не будетъ соединено съ тѣлесною грубостію; жизнь не будетъ зависѣть отъ равновѣсія противоположныхъ стихій, равномѣрное взаимное бореііе которыхъ производитъ нашъ составъ и здоровье; ибо избытокъ или недостатокъ какой-либо изъ противоположныхъ (стихій) причиняетъ страданіе и болѣзнь въ нашей природѣ. Въ томъ состояніи ни лишеніе не будетъ нисколько истощать, ни отягощеніе обременять; жизнь будетъ совершенно независима и отъ всѣхъ невзгодъ воздуха, разумію морозы и жары, и свободна отъ всего того, что мы представляемъ въ видѣ смѣны противоположностей. Душа будетъ тамъ, гдѣ жизнь свободна отъ всѣхъ необходимыхъ трудовъ и не обречена пмъ. Она не будетъ страдать отъ тягости земледѣланія, подвергаться трудамъ мореплаванія, заниматься торговымъ барышничествомъ; чуждая заботъ о постройкѣ, о тканѣ, о ремеслен-

ныхъ искусствахъ, она будетъ проводить *тихое и безмолвное житіе*, какъ говоритъ Павелъ (1 Тим. 2, 2.), не сражаясь на конѣ, ни на кораблѣ, не бросаясь въ рукопашный бой въ рядахъ пѣхоты, не заботясь о приготвленіи оружія, не собирая податей, не устроая ни рововъ, ни стѣнъ; все это для нея не нужно, и отъ всего этого она свободна. Ни для ней нѣтъ заботъ, ни другимъ она не доставляетъ ихъ; въ ея жизни нѣтъ мѣста рабству и господству, бѣдности, благородству и незнатности рода, скромному состоянію простыхъ людей и чиновному начальствованію и всякому подобному неравенству. Ибо необходимость всего этого уничтожается при отсутствіи нуждъ и при невещественности той жизни, въ которой главнымъ началомъ существованія души служить не усвоеніе чего-либо сухаго или влажнаго, но разумѣніе божескаго естества; вдыханіе же воздуха, какъ не сомнѣваемся, тамъ будетъ замѣнено общеніемъ съ истиннымъ и Святымъ Духомъ. Наслажденіе сими благами не будетъ смѣняться подобно тому, какъ въ сей жизни, то имѣніемъ ихъ, то лишеніемъ, то стремленіемъ къ нимъ, то отвращеніемъ, но будетъ всегда полнымъ, и никогда полнота его не будетъ ограничиваться насыщеніемъ. Ибо не отяготительно и ненасытимо духовное услажденіе; оно постоянно

безъ пресыщенія и избытка удовлетворяетъ желаніямъ тѣхъ, кои пользуются имъ. Потому-то блаженна и непорочна оная жизнь, что не вводится уже чувственными удовольствіями въ заблужденіе при сужденіи о благѣ. Итакъ, что печальнаго въ обстоятельствѣ представленія близкихъ намъ, которое возбуждаетъ нашу скорбь? То развѣ кто нибудь почитаетъ прискорбнымъ, что они переходятъ къ жизни чуждой страданій и заботъ, которой недоступна боль отъ ударовъ, гдѣ не страшны ни опасность отъ огня, ни раны отъ желѣза, ни несчастія отъ землетрясеній, кораблекрушеній, плѣна, ни нападенія плотоядныхъ звѣрей, ни жала и угрызенія змѣй и ядовитыхъ животныхъ? Въ той жизни никто ни гордостію не надмѣвается, ни уничиженіемъ не попирается, ни дерзостію не свирѣпствуетъ, ни отъ боязни не приходитъ въ ужасъ, ни гнѣвомъ не пышетъ пылая яростію и бѣснуясь, ни дрожитъ отъ страха, когда не въ силахъ выдержать (гнѣвные) порывы начальника. Въ той жизни нѣтъ заботы о томъ, каковы нравы царей, каковы законоположенія, каковъ образъ мыслей тѣхъ, коимъ поручено начальство, какія предписанія, какъ велика ежегодная подать; много ли было дождя, не затопилъ ли онъ своимъ излишествомъ посявы, не уничтожилъ ли градъ надежды земледѣльцевъ, не изсушила ли усн-

лившаяся засуха всю растительность. И прочія бѣдствія жизни тамъ также не страшны: скорбь сиротства не печалитъ оной жизни; бѣдамъ вдовства тамъ нѣтъ мѣста; несуществуютъ тамъ и многоразличныя болѣзни тѣла, и зависть къ благоденствующимъ, и высокомеріе предъ бѣдствующими; все подобное свойственное здѣшней жизни изгнано. Равноправность и равенство законовъ, посредствомъ совершенной мирной свободы, обитаетъ въ обществѣ душъ, гдѣ каждый имѣетъ все, что уготовить для себя свободнымъ выборомъ.

А если вмѣсто лучшаго, кто либо по нѣкоторой неразумительности уготовить себѣ худшее, то въ этомъ смерть не повинна, потому что каждый по произволу впередъ избираетъ, что ему угодно. И такъ, о чемъ же печалятся оплакивающіе отшедшаго отъ сей жизни? И еслибы совлекшійся вмѣстѣ съ тѣломъ удовольствія и печали не былъ совершенно свободенъ отъ всякаго страстнаго расположенія, то онъ гораздо справедливѣе оплакивалъ бы остающихся здѣсь, кои испытываютъ тоже, что находящіеся въ темницѣ, но у которыхъ привычка къ тяжелой жизни и общее съ другими обитаніе во мракѣ произвело то, что они почитаютъ настоящее свое положеніе пріятнымъ и непечальнымъ; и они, быть можетъ, сожальютъ тѣхъ, кои

выводятся изъ темницы, не зная той свѣтлости, которая ожидаетъ освободившихся отъ мрака. Ибо если бы узнали то, что можно видѣть подъ открытымъ небомъ, красоту воздуха, высоту неба. блескъ свѣтилъ, стройное движеніе звѣздъ, періодическое обращеніе солнца, теченіе луны, многовидную красоту растений на землѣ, пріятный видъ моря, когда тихій вѣтеръ слегка рябитъ гладкую и свѣтлую его поверхность, красоту какъ частныхъ такъ и общественныхъ городскихъ зданій, которыми украшаются знаменитые и великолѣпные города, — если бы это и подобное узнали содержащіеся въ темницѣ, то не стали бы оплакивать выводимыхъ прежде нихъ изъ заключенія, какъ будто лишившихся какого блага; такъ скорѣе должны бы думать находящіеся въ темницы о заключенныхъ еще тамъ, какъ о страждущихъ еще въ жалкой жизни. Такъ, кажется мнѣ, и освободившіеся изъ темницы этой жизни, если бы было имъ вполне возможно слезами высказать состраданіе къ злостраждущимъ, рыдали бы и плакали о тѣхъ, кто удерживается еще въ скорбяхъ сей жизни, о томъ, что они не видятъ премірныхъ и невещественныхъ красотъ, престоловъ и началъ, властей и господствъ, и воинствъ ангельскихъ и собраній и горняго града и пренебеснаго торжества *написанныхъ* (Евр. 12, 23). А превышающая и

все сіе Красота, которую, какъ указало неложное слово Божіе, *узрятъ чистѣи сердцемъ* (Матѣ. 5, 8), превосходиѣе всего, чего бы ни надѣялись, и выше всего, что бы ни представили себѣ гадательно. И не одно это у насъ преставившіеся почли бы достойнымъ рыданій и печали, но и то, что, не смотря на толикія страданія, которыми полна жизнь, до такой степени вкоренилась въ людяхъ привычка къ скорбямъ, что прираженіе ихъ не только переносятъ они, какъ необходимую какую то обязанность, но даже заботливо стараются, чтобы сіи (скорби) продолжались навсегда. Ибо страстное влеченіе къ власти, къ богатству, и эта жадность къ наслажденіямъ и иное подобное составляющее предметъ заботъ, ради чего и вооруженіе и войны и взаимное убійство и всѣ добровольно совершаемыя бѣды и коварство,—все это не иное что, какъ нѣкоторая куча несчастій, которую съ заботливостію и усердіемъ произвольно вносятъ въ жизнь. Но преставившіеся не могутъ плакать, потому что имъ чуждо какъ это такъ и другое какое либо страдательное состояніе; они—умъ и духъ; отрѣшившись отъ плоти и крови они не имѣютъ свойства быть видимыми тѣми, кои облечены дебелостію тѣла; они не могутъ самолично убѣдить людей оставить ложное сужденіе о существующемъ. И такъ вмѣсто нихъ пусть говоритъ нашъ

умъ, и мы сколько возможно, мысленно отрѣшившись отъ тѣла и отдалившись душою отъ пристрастія къ веществу, скажемъ вмѣсто нихъ: О человѣкъ! всякій причастный чело-вѣческаго естества *воли себѣ* по заповѣди Моисея (Втор. 4, 9) и точно узнай себя, кто ты, вникнувъ мыслию, что ты по истинѣ, и что видимое вокругъ тебя, дабы взирая на то, что внѣ тебя, не подумать, что видишь себя самага. Узнай отъ великаго Павла тща-тельно изучившаго это естество, что есть у насъ, какъ говоритъ онъ, одинъ внѣшній че-ловѣкъ, а другой внутренній, и что когда тотъ тлѣетъ, тотъ обновляется (2 Кор. 4, 16.). И такъ смотря на тлѣющаго не подумай, что видишь себя самага. Конечно и это тлѣнное будетъ нѣкогда свободно отъ тлѣнія, когда въ пакибытіи смертное и удоборазрушимое преобразится въ нетлѣнное и неразрушимое. Но то, что нынѣ является внѣ насъ, протекаетъ, переходитъ и истлѣваетъ. И такъ не на сіе должно взирать, потому что и на другое что либо изъ видимаго не слѣдуетъ обращать взоръ, но, какъ говоритъ Павелъ, мы не должны смотрѣть на видимое (*видимая бо временна: невидимая же вѣчна*—ст. 18), но обративъ взоръ ума къ невидимому въ насъ, должны вѣрить, что истинно *мы* то, что недоступно познанію посредствомъ чувствъ.

И такъ познаемъ, по слову притчи, самихъ

себя; ибо знаніе самого себя бываетъ средствомъ очищенія грѣховъ происходящихъ отъ невѣдѣнія. Но желающему увидѣть самага себя это сдѣлать не легко, если не придумаемъ, какъ сдѣлать возможнымъ невозможное. Ибо какъ относительно глазъ тѣлесныхъ, природа устроила такъ, что они, видя все другое, остаются невидящими себя самихъ: такимъ же образомъ и душа, испытывая все прочее, внимательно изучая и изслѣдуя то, что внѣ ея, лишена возможности видѣть саму себя. И такъ, что бываетъ съ глазами, тому пусть подражаетъ и душа. Ибо какъ глаза, поелику не дано имъ природою силы обращать зрительную дѣятельность на усмотрѣніе самихъ себя и видѣть себя, смотря на видъ и очертаніе своей орбиты въ зеркалѣ, посредствомъ отображенія усматриваюгъ самихъ себя; такъ и душа должна взирать на собственное изображеніе, и что увидить въ очертаніи, въ которомъ она отображается, на то смотрѣть, какъ на свойственное себѣ. Но намъ должно немного измѣнить этотъ примѣръ, чтобы мысль соотвѣтствовала словамъ. Ибо что касается до изображенія въ зеркалѣ, то образъ вполне отображаетъ первообразъ; что же касается характеристическихъ чертъ души, то разумѣемъ напротивъ; ибо видъ души отображается соотвѣтственно красотѣ божественной. И такъ душа тогда съ точностію усматриваетъ

себя, когда взираетъ на свой Первообразъ. Что же есть Божество, которому уподобляется душа? Не тѣло, не очертаніе, не видъ, не величина, не плотность, не тяжесть. не мѣсто, не время, ни другое что подобное сему, что составляетъ признакъ вещественной твари: но по отъятіи всего сего и подобнаго, оставшее непременно должно разумѣть какъ нѣчто разумное и невещественное, неосязаемое и безтѣлесное и непротяженное. И такъ если таковы, какъ мы понимаемъ, характеристическія черты Первообраза, то конечно слѣдуетъ, что и душа образованная по виду онаго должна носить тѣже характеристическіе признаки, такъ что и ей должно быть невещественной и безвидной и разумной и безтѣлесной. Теперь размыслимъ, когда болѣе человѣческое естество приближается къ первообразной красотѣ, во время ли плотской жизни, или когда становится виѣ ея. Но каждому ясно, что какъ плоть будучи вещественною имѣетъ сродство съ этою вещественною жизнію, такъ и душа, тогда становится причастною разумной и невещественной жизни, когда отброситъ обдержажее ее вещество. И такъ какое же изъ сихъ состояній заслуживаетъ названія несчастія? Если бы тѣло было истиннымъ благомъ, то намъ слѣдовало бы печалиться при отрѣшеніи отъ плоти, такъ какъ при удаленіи нашемъ изъ нея, вмѣ-

стѣ съ тѣломъ мы конечно лишались бы и сродства съ благомъ. Поелику же превышающее всякое, какое ни помыслимъ, Благо, по образу котораго мы созданы, разумно и безтѣлесно, то слѣдуетъ намъ быть увѣренными, что когда черезъ смерть переходимъ къ безплотности, то приближаемся къ тому естеству, которое чуждо всякой тѣлесной грубости, и снявъ съ себя плотяную оболочку, какъ бы какую гнусную личину, возвращаемся къ сродной намъ красотѣ, по которой были образованы отъ начала, будучи созданы по образу Первообраза. А таковая мысль должна бы быть поводомъ къ радости, а не къ унынію для тѣхъ, кои признають, что человекъ, исполнившій это необходимое служеніе, живетъ уже не въ чуждой ему области, когда, отдавъ каждой изъ стихій принадлежащее ей, что отъ нихъ собрано, восходитъ къ сродному себѣ и естественному жилищу, чистому и безтѣлесному. Ибо подлинно чуждо и несродно безтѣлесному естеству вещество тѣла, съ которымъ по необходимости соединенный въ сей жизни умъ тяготится, живя вмѣстѣ съ нимъ какъ бы иноземною для себя жизнію. Потому что взаимное сочетаніе стихій подобно нѣкоторымъ разноязычнымъ и чуждымъ по нравамъ людямъ, составляющимъ изъ различныхъ народовъ одно государство, производящее насильственное и несогласное обще-

ніе, такъ какъ каждую изъ нихъ собственная природа влечетъ къ сродному и родственному ей. А умъ, примѣшанный къ нимъ, будучи несложнымъ по своему простому и единовидному естеству, живетъ какъ бы среди иноземцевъ и чужихъ, будучи не сроденъ съ окружающею его множественностію стихій; онъ какою то необходимостію всѣянный среди тѣлесной многочастности, дѣлаетъ наспіе своему естеству, соединяясь съ инородными ему.

Когда же стихіи чрезъ взаимное разрѣшеніе естественно влекутся къ тому, что сродно и родственно каждой изъ нихъ, наше чувство при необходимомъ расторженіи и раздѣленіи соединеннаго страдаетъ; разумная же сила души раздѣляетъ это чувство, по привычкѣ будучи склонна къ тому естеству, которое всегда ее удручало. Но умъ тогда перестанетъ тяготиться и страдать, когда будетъ находиться внѣ борьбы имѣющей мѣсто при сплетеніи противоположныхъ стихій. Ибо когда холодъ будетъ побѣжденъ преобладаніемъ тепла, или наоборотъ, теплота исчезнетъ отъ усиленія холода, когда влага уступитъ мѣсто усилившейся сухости, или плотность сухаго начала разрѣшится отъ умноженія влажности, тогда съ прекращеніемъ въ насъ брани смертію, умъ получитъ миръ; оставивъ мѣсто брани, говорю о тѣлѣ, и удалившись изъ

среды взаимно борющихся стихій, онъ будетъ жить самъ по себѣ, возвративъ чрезъ успокоеніе утружденную въ сплетеніи тѣла свою силу.

Это и подобное говорить умъ живущимъ въ тѣлѣ, произнося почти такую рѣчь: О люди, ни того, среди чего вы находитесь, точно не знаете, ни того, куда переселитесь, еще не разумѣете. Ибо настоящаго, каково оно есть по естеству, мысль не возмогла еще изслѣдовать, но обращаетъ вниманіе на одно привычное въ жизни, не будучи въ состояніи узнать: въ чемъ состоитъ естество тѣла? Въ чемъ сила чувствъ? Какъ устроены органическіе члены? Какое строеніе внутренностей? Въ чемъ состоитъ самоподвижная дѣятельность нервовъ? Какъ находящееся въ насъ становится то твердымъ естествомъ костей, то свѣтовиднымъ существомъ блестящаго глаза? Какъ изъ той же самой пищи и того же самага питья, одна часть утончается въ волоса, а другая расширяется въ ногти на оконечностяхъ пальцевъ? Или какъ въ сердцѣ всегда пламенѣетъ огонь, жилами разносимый по всему тѣлу? Или, какъ то, что мы пьемъ, когда входитъ въ печень, измѣняетъ и свой видъ и качество, посредствомъ нѣкотораго измѣненія само собою превращаясь въ кровь? Знаніе всего этого до настоящаго времени недоступно, такъ что мы не знаемъ жизни,

которою живемъ. А жизнь отрѣшенную отъ чувствъ живущіе при помощи чувствъ, совершенно не могутъ увидѣть. Ибо, какъ кто либо посредствомъ чувства увидить то, что недоступно чувству? Итакъ, если и та и другая жизнь равно неизвѣстна; эта,—потому что мы смотримъ только на одно являющееся намъ, а та—потому что чувство не можетъ изслѣдовать ее: то почему страдаете люди, за эту держась какъ за благо, хотя и не зная ея, а той боясь и страшась какъ тяжелой и достойной страха?—не по чему другому, какъ потому только, что не знаете, какова она. Однакожъ изъ чувственно являющагося намъ и невѣдомаго много и другаго такого, чего мы не боимся. Каково естество того, что является на небѣ, или что сообщаетъ небеснымъ тѣламъ противоположное движеніе, что поддерживаетъ плотность земли, какъ текучее естество водъ всегда исходитъ изъ земли, а земля не истощается,—этого и другаго подобнаго мы не знаемъ, но не считаемъ незнаемаго заслуживающимъ страха. Такъ и относительно онаго всякій умъ превышающаго, божественнаго, блаженнаго и непостижимаго естества, тому, что оно есть, вѣримъ, а въ чемъ заключается сущность его, того даже сколько нибудь гадательно уразумѣть еще не дано; и однакожъ мы любимъ, отъ всего сердца и души и силы, невѣдомое и не могущее быть

понятымъ мыслию. Итакъ почему же является этотъ бессмысленный страхъ большею частью только относительно жизни, ожидающей насъ послѣ сей жизни, и отъ одного незначія мы боимся того, чего не знаемъ, подобно тому какъ бываетъ съ младенцами, пугающимися неимѣющихъ дѣйствительности вымысловъ? Желаящій видѣть истину того, что есть, во первыхъ старается уразумѣть предметъ; за тѣмъ размышляетъ, каковъ онъ есть по естеству, полезное что либо и удободоступное, или опасное и отвратительное. А что совершенно неизвѣстно и невѣдомо, то какъ кто либо изъ имѣющихъ умъ станетъ почитать опаснымъ, и потому только, что оно далеко отъ привычнаго намъ, подозрительно смотрѣть на него какъ бы на приближеніе какого либо огня или звѣря? Однакоже жизнь ясно учитъ насъ не всегда смотрѣть на то, что привычно, но обращать желанія къ тому, что хорошо. Ибо и люди образуясь не постоянно живутъ въ видѣ зародыша; но пока находятся въ утробѣ, природа дѣлаетъ для нихъ жизнь во чревѣ пріятною и соответственною: когда же родятся, не навсегда остаются у сосцевъ, но насколько по несовершенству возраста это хорошо и соответственно; а послѣ сего переходятъ къ другой, далѣе слѣдующей жизни, нисколько не повинуваясь привычкѣ, чтобы оставаться при

груди. За тѣмъ послѣ состоянія младенчества наступаютъ иныя занятія юношей, и иныя болѣе возрастныхъ, къ которымъ послѣдовательно переходитъ человѣкъ, безъ печали перемѣняя вмѣстѣ съ возрастами и привычку.

И такъ какъ питаемый во чревѣ матери, если бы у него былъ какой нибудь голосъ, вознегодовалъ бы, будучи чрезъ рожденіе изгоняемъ изъ утробы, и вопіялъ бы, что онъ терпитъ бѣдствіе, будучи отторгаемъ отъ пріятнаго ему рода жизни (что онъ и дѣлаетъ, при первомъ вздохѣ вмѣстѣ съ рожденіемъ испуская слезу, какъ бы негодуя и рыдая объ отторженіи его отъ привычной жизни), такъ, кажется мнѣ, скорбяшіе о переходѣ изъ настоящей жизни, когда желаютъ постоянно жить въ области этой вещественной непріятной жизни, испытываютъ тоже, что утробные младенцы. Ибо послѣ того какъ болѣзнь смертельная родитъ людей для иной жизни, они какъ скоро перейдутъ на оный свѣтъ, и вдохнуть чистый воздухъ, опытомъ дознаютъ, какъ велико различіе той жизни отъ нынѣшней. А находящіеся въ этой влажной и гнилостной жизни, будучи просто зародышами, а не людьми, сожалеютъ объ изшедшемъ изъ обдержавшей насъ тѣсноты, какъ о лишившемся какого-то блага, не зная, что у него, подобно тому какъ у родившагося младенца, тогда отверзается око, когда онъ становится внѣ

того что нынѣ его отовсюду объемлетъ (разумѣть же конечно должно око души, которымъ она прозираетъ истину сущаго); отверзается у него также и чувство слуха, посредствомъ котораго слышитъ онъ неизреченныя *мла-юлы*, *ихъ же не лѣтъ есть человеку глаголами* (2 Кор. 12, 4); отверзаются и уста и привлекаютъ чистый и невещественный воздухъ, которымъ укрѣпляется ихъ разумный гласъ и истинное слово, когда присоединятся къ гласу празднующихъ въ ликѣ святыхъ; удостоивается также и вкушенія божественнаго, посредствомъ котораго познаетъ, по слову псалмонѣнія, *яко благъ Господь* (Пс. 39, 9.); получаетъ способность обонянія, когоруо воспринимаетъ благоуханіе Христово; пріобрѣтаетъ также душа и силу осязанія, касаясь истинѣ и осязая *Слово*, по свидѣтельству Іоанна (1 Іоан. 1, 1.). Игакъ, если это и подобное предлежитъ людямъ, послѣ рожденія пугемъ смерти, то что значагъ плачь и скорбь и уныніе? Пусть отвѣтитъ намъ теперь испытатель естества вещей, ужели онъ предпочитаетъ, въ сужденіи о благѣ быгъ вводиму въ заблужденіе тѣлесными чувствами, чѣмъ чистымъ окомъ души взирать на самую истину вещей? Здѣсь на землѣ душѣ настоитъ какая-то необходимость, въ понятіи о благѣ подчиняться чуждому сужденію. Поелику совершенство душевныхъ силъ несовмѣстимо съ мла-

денческимъ тѣломъ, а совершенство дѣятельности чувствъ является тотъ часъ съ рожденіемъ дитяти, то посему чувства предупреждаютъ разсудокъ въ сужденіи о благѣ; и что оказалось для чувствъ пріятнымъ, что онѣ почли благомъ, и что усвоили привычкою, то душа безъ испытанія признаетъ за таковое же, на вѣру принимая за благо, что признало имъ предшествующее размышленію чувство, которое видитъ благо въ краскахъ и сокахъ и тому подобныхъ глупостяхъ. Такъ какъ все это уже не явится намъ по отшествіи изъ тѣла, то вполнѣ необходимо, чтобы душѣ явилось истиннымъ благомъ то, съ чѣмъ она сродна по естеству. Ибо ни зрѣніе не обольстится пріятнымъ цвѣтомъ, когда не будетъ уже этого глаза, ни воля не будетъ равномерно склоняться къ чему либо услаждающему чувства, когда всякое тѣлесное ощущеніе угаснетъ. Когда же одна только разумная дѣйственная сила невещественно и безтѣлесно будетъ касаться умопостигаемой красотѣ, то естество наше невозбранно воспріиметъ собственное себѣ благо, которое не есть ни цвѣтъ, ни очертаніе, ни разстояніе, ни количество, но то, чтò превосходитъ всякое гадательное уподобленіе.

Итакъ, что же, скажетъ можетъ быть кто либо сожалѣющій о настоящей жизни? Къ чему это тѣло, и для чего оно намъ, если,

какъ доказываетъ твое слово, жизнь безъ него лучше? Таковому скажемъ, что тотъ, кто въ состояніи обозрѣть все домостроительство естества, откроетъ и въ тѣлѣ не малую пользу. Дѣйствительно, блаженна оная ангельская жизнь, неимѣющая никакой нужды въ бременн тѣла; но и жизнь въ тѣлѣ не безцѣльна по отношенію къ ней; ибо жизнь настоящая бываетъ путемъ къ чаемому нами. Такъ мы видимъ и въ растеніяхъ; въ нихъ плодъ, получивъ начало отъ цвѣта, при посредствѣ его достигаетъ того, что становится плодомъ; и злаки, раждающіеся отъ сѣмянъ, такъ же не тотъ часъ являются въ видѣ колоса, но растеніе сначала бываетъ злакомъ; потомъ, отъ этаго злака, съ его истлѣніемъ, происходитъ стебель и такимъ образомъ на вершинѣ колоса вызрѣваетъ плодъ. Однакожъ не осуждаетъ этаго необходимаго порядка и послѣдованія земледѣлецъ, говоря: зачѣмъ цвѣтъ, и притомъ прежде плода? Или къ чему злакъ прежде вырастающій изъ сѣмени, когда и цвѣтъ отпадаетъ и злакъ понапрасну засыхаетъ, не принося никакой пользы для питанія человека? Потому что знаетъ разумѣющій чудодѣйствіе природы, что изъ сѣмянъ и растеній плодъ можетъ образоваться не иначе, какъ этимъ ведущимъ къ образованію его путемъ искусной послѣдовательности. Изъ-за того, что вырастающій изъ сѣмянъ злакъ бесполе-

зень для нашего употребленія, нельзя еще назвать происходящее съ растеніемъ излишнимъ и безцѣльнымъ. Имѣющій нужду въ пищу обращаетъ вниманіе на то только, что ему потребно; а законъ природы имѣетъ въ виду не иное что, какъ то, чтобы посредствомъ установленной послѣдовательности, довести до конца созрѣніе плода. Для сего во-первыхъ, природа облакаетъ лежащее въ землѣ сѣмя многосложными корешками, посредствомъ которыхъ оно извлекаетъ изъ влаги соотвѣтственную себѣ пищу: затѣмъ произращаетъ злакъ, прикрывая зеленью корень отъ вредоноснаго дѣйствія воздуха. Хотя этотъ злакъ не есть плодъ, но составляетъ нѣкотораго рода содѣйствіе и путь къ образованію плода. Прежде всего выдѣляя заключающуюся въ сѣмени силу, природа производитъ злакъ, повидимому излишній для плода, покрывая имъ корень отъ вредоносныхъ дѣйствій воздуха, происходящихъ отъ холода и зноя. Когда же сѣмя своими корешками прочно укрѣпилось въ глубинѣ, тогда, оставивъ заботу о злакѣ, такъ какъ корень уже не имѣетъ нужды въ прикрытіи, природа всю силу сосредоточиваетъ на произращеніи стебля; художественною какою-то мудростію, она искусно устрояетъ трубкообразный приборъ, при помощи котораго стремящееся въ верхъ растеніе, облакается вокругъ наложенными

одинъ на другой покровами; ибо необходимо, чтобы въ началѣ жизнь влажнаго и слабаго стебля поддерживалась этими покровами, ради прочности связанными извнутри соединяющими плевами. Когда же стебель достигнетъ соотвѣтственной высоты, является плодъ: крайній покровъ выпускаетъ изъ себя колосъ, который будучи раздѣленъ волосообразно на многія ости. у основанія каждой изъ нихъ скрываетъ и питаетъ плодъ. Итакъ, если земледѣлецъ не досадуетъ ни на корешки пробивающіеся изъ сѣмянъ, ни на злакъ вырастающій изъ сѣмени, ни на ости колоса, но во всемъ этомъ усматриваетъ нѣчто необходимо нужное, посредствомъ чего искусно идущая своимъ путемъ природа производитъ образованіе плода, отстраненіемъ ненужнаго возвышая производительную силу; то и ты не долженъ досадовать на то, что естество наше необходимыми путями приходитъ къ своему концу, но по сходству съ тѣмъ, что видишь въ сѣмени, долженъ думать, что настоящее всегда имѣетъ несомнѣнно полезную и необходимую цѣль для чего либо инаго, а не само служить цѣлью, ради которой мы произошли. Ибо. не въ видѣ зародышей назначилъ намъ оставаться Создатель, и не младенческая жизнь служить цѣлью нашего естества, и не слѣдующіе за нею возрасты, въ кои всегда попеременно природа облакаетъ

насть, измѣняя съ теченіемъ времени нашъ видъ, и не происходящее отъ смерти разрушеніе тѣла; но все это и подобное—части того пути, когорымъ мы идемъ; цѣль же и предѣлъ такого шествія — возстановленіе въ первобытное состояніе, которое есть не иное что, какъ уподобленіе Божеству. И какъ мы видѣли въ примѣрѣ колоса, по закону природы оказался необходимымъ и вырастающій изъ сѣмени знакъ, хотя и не для него существуетъ земледѣіе, и не растительные покровы и ости и стебель и пленки служатъ предметомъ, для котораго трудится земледѣлецъ, но питательный плодъ, достигающій зрѣлости при помощи ихъ; такъ и отъ жизни ожидаемый конецъ есть блаженство. А все что нынѣ усматриваемъ въ тѣлесной жизни,—смерть, и старость, и юность и образованіе въ утробѣ, все это какъ бы нѣкоторые знаки и ости и стебли, есть путь и послѣдованіе и сила чаемаго совершенства. Имѣя въ виду сіе совершенство, ты, если благоразуменъ, не будешь ни питать вражды къ жизни, ни страстной любви и привязанности къ ней, такъ что не станешь ни печалиться лишаясь ея, ве самовольно сипшить къ смерти. Не бесполезно также, можетъ быть, присовокупить къ сказанному нами (хотя и покажется, что мы нарушаемъ послѣдовательность) и то, что природа постоянно заботится о смерти, и съ жизнію

текущую впередъ во времени, непремѣнно соединяетъ смерть. Такъ какъ жизнь отъ прошедшаго постоянно движется къ будущему и никогда не возвращается назадъ, то необходимое слѣдствіе, тѣсно соединенное съ дѣятельностію жизни, есть смерть; ибо въ прошедшемъ времени совершенно прекращается всякое жизненное движеніе и энергія. Итакъ поелику свойство смерти недѣятельность и отсутствіе энергій, а это мы всегда непремѣнно находимъ позади жизненной энергій (въ прошедшемъ), то не чуждо истинѣ сказать, что съ этою жизнію сопряжена смерть. И инымъ еще образомъ намъ можно подтвердить истину этой мысли, такъ какъ самый опытъ свидѣтельствуетъ въ пользу того положенія, что сегодняшній человѣкъ не тотъ же самый что вчерашній, по вещественному составу, но дѣйствительно нѣчто въ немъ постоянно умираетъ и гниетъ и тлѣетъ и извергается, природа какъ бы изъ своего дома (говорю о составѣ тѣла) выноситъ мертвенное зловоніе и предаетъ землѣ, что лишилось уже жизненной силы.

Такимъ образомъ мы, по слову великаго Павла, *по вся дни умираемъ* (1 Кор. 15, 31.). не оставаясь постоянно тѣми же самыми въ томъ же домѣ тѣла, но каждый разъ дѣлаясь другими чрезъ прибавленіе и отдѣленіе, какъ бы постоянно измѣняясь въ новое тѣло.

Итакъ, за чѣмъ же чуждаемся смерти, которая, какъ доказано, служить предметомъ постоянной заботы и упражненія, для плотской жизни? А говоря о снѣ и пробужденіи, не указываемъ ли опять на сочетаніе смерти съ жизнію? Не угасаетъ ли у спящихъ ощущеніе, а пробужденіе не представляетъ ли намъ собою снова дѣйствіе ожидаемаго воскресенія.

Но предметъ нашего изслѣдованія еще не уясненъ тѣмъ, что мы сказали, такъ какъ вводныя мысли отвлекли нашу рѣчь къ разсужденію о другомъ. Итакъ возвратимся опять къ прежнему положенію, что для надежды ожидаемыхъ нами благъ не бесполезно и тѣлесное естество. Ибо, если бы мы оставались тѣми, чѣмъ были отъ начала, то конечно не имѣли бы нужды въ кожаной ризѣ (Быт. 3, 22.), такъ какъ освящало бы насъ уподобленіе Божеству. Божественный же образъ, который являлся въ насъ въ началѣ, не былъ особенностію, имѣющею какое либо очертаніе или цвѣтъ, но въ чемъ усматривается божественная красота, тѣмъ украшался и человѣкъ, отображая первообразную благодать безстрастіемъ, блаженствомъ и нетлѣніемъ. Поелпку же обольщенный врагомъ нашей жизни, человѣкъ добровольно возымѣлъ склонность къ скотскому и неразумному, то для неразсудительныхъ могло бы показаться полезнымъ, помимо его воли отвлечь

его отъ зла, и насильно возвратитъ къ совершенству. Но Знждителю естества казалось бесполезнымъ и несправедливымъ, подобнаго рода распоряженіемъ нанести естеству (нашему) ущербъ въ величайшемъ изъ его благъ. Человѣкъ былъ богоподобенъ и блаженъ, потому что удостоенъ свободной воли (такъ какъ самодержавіе и независимость есть свойство божескаго блаженства), то насильственно и по неволѣ вести его къ чему нибудь, значило бы отъять у него это достоинство. Если бы человѣческое естество добровольно, по движенію свободной воли устремившееся къ чему либо не приличному, насильственно и принудительно отдалить отъ того, что ему понравилось, то это было бы отъятіемъ блага, которое оно имѣло прежде, и лишеніемъ богоподобной чести; ибо свобода воли есть подобіе Богу. Итакъ, чтобы и свобода осталась у нашего естества, и зло было уничтожено, мудрость Божія примыслила такое средство: попустить человѣку остаться съ тѣмъ, чего пожелалъ, чтобы вкусивъ зла, котораго вождѣлъ, и узнавъ опытомъ, что на что промѣнялъ, снова добровольно сильнымъ желаніемъ востекъ къ прежнему блаженству, отринувъ отъ своего естества все страстное и неразумное, какъ бы какое бремя, очистившись или въ настоящей жизни молитвою и любомудріемъ, или послѣ преставленія от-

сюда, пещію очистительнаго огня. Какъ врачъ, при помощи науки, выполнѣ свѣдущій въ томъ, что полезно и вредно для здоровья, если совѣтуя мальчику приличное (лѣкарство) не въ состояніи предупредить, чтобы онъ, несовершенный по возрасту и разумнѣю, не увлекся какимъ либо вредоноснымъ плодомъ или зеленыю, то имѣя въ готовности всякаго рода противоядія, попускаетъ дитяти вкусить того, что ему вредно, съ тою цѣлію, чтобы испытавъ боль, онъ узналъ пользу отеческаго совѣта, и чтобы возбудивъ въ отрокѣ сильное желаніе выздоровленія, опять при помощи лѣкарствъ возстановитъ его здоровье, котораго онъ лишился отъ неумѣстнаго влеченія къ вредоносному; такъ нѣжный и добрый Отецъ нашего естества, зная, что для насъ спасительно, зналъ и то, что вредоносно человѣку, и не совѣтовалъ ему касаться послѣдняго; когда же возобладало вождельніе худшаго, у Него не оказалось недостатка въ хорошихъ прогивоядіяхъ, при помощи которыхъ можно было опять возвратить человѣка къ прежнему здравію. Ибо когда человѣкъ это вещественное удовольствіе предпочелъ радости душевной, Богъ по видимому какъ бы содѣйствовалъ ему въ семъ стремленіи посредствомъ кожаной одежды, которою облекъ его по причинѣ склоненія его къ злу, и съ которою примѣшались

человѣку свойства неразумнаго естества. Мудростію Устрояющаго лучшее, чрезъ то, что сему противоположно, уготована для разумнаго естества одежда изъ свойствъ неразумныхъ животныхъ. Кожаная одежда, нося въ себѣ всѣ свойства, которыя соединены съ неразумнымъ естествомъ, — сластолюбіе и гнѣвъ и обжорство и жадность и тому подобныя, представляетъ человѣческой свободѣ путь склоняться на ту или другую сторону, будучи веществомъ какъ для добродѣтели, такъ и для порока. Ибо человѣкъ въ настоящей жизни движеніемъ свободной воли можетъ избирать и то и другое, если отрѣшится отъ свойственнаго неразумному естеству и обратитъ взоръ на себя самаго, чрезъ болѣе достойную жизнь содѣлаетъ настоящую жизнь чистою отъ примѣшавшагося къ ней зла, разумомъ одолевая неразумность; если же склѣнится къ неразумному влеченію страстей, употребивъ какъ содѣйствіе страстямъ кожу безсловесныхъ, то инымъ способомъ послѣ сего будетъ наученъ лучшему, когда по отшествіи изъ тѣла, различіе добродѣтели отъ порока дознаетъ онъ изъ невозможности быть причастникомъ Божества, если только очищающій огонь не очиститъ примѣшавшейся душѣ скверны.

Вотъ что сдѣлало для насъ необходимымъ и потребнымъ тѣло, чрезъ которое и свобода

сохраняется въ цѣлости и возвратный путь къ благу не возбраняется, но чрезъ извѣстное продолженіе времени возникаетъ въ насъ добровольное склоненіе къ лучшему. Одни уже здѣсь, въ продолженіи жизни во плоти, преуспѣли въ жизни духовной, въ безстрастіи; таковы, какъ извѣстно, были патріархи и пророки, а вмѣстѣ съ ними и послѣ нихъ посредствомъ добродѣтели и любомудрія востекшіе къ совершенству, — разумѣю учениковъ, апостоловъ, мучениковъ и всѣхъ жизнь добродѣтельную предпочетшихъ жизни вещественной; (всѣ они) хотя и меньше числомъ множества текущихъ къ худому, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуютъ о возможности и во плоти преуспѣть въ добродѣтели. Прочіе же путемъ исправительнаго воспитанія въ послѣдующей жизни, отрѣшившись въ очистительномъ огнѣ пристрастія къ веществу, посредствомъ свободнаго вождѣнія того, что благо, возвратятся къ предназначенной отъ начала въ удѣлъ нашему естеству благодати. Ибо не на вѣкъ остается въ естествѣ вождѣненіе того, что чуждо ему; посему-то cadaго пресыщаетъ и отягощаетъ ему не свойственное, съ чѣмъ въ началѣ не имѣло общенія естество само по себѣ; а одно сродное и однородное навсегда остается вождѣленнымъ и любимымъ, до тѣхъ поръ, пока естество пребудетъ неизмѣннымъ само

въ себѣ. Если же потерпѣть какое-либо извращеніе отъ злой воли, тогда возникаетъ въ немъ вождѣніе того, что ему чуждо, наслажденіе чѣмъ доставляетъ удовольствіе не естеству, но страсти естества; когда же страсть не имѣетъ мѣста, вмѣстѣ съ нею нѣтъ мѣста и вождѣнію того, что несвойственно естеству, и опять для него дѣлается вождѣннымъ и близкимъ — собственное ему; а таково чистое и невещественное и безтѣлесное, что, не ошибется кто-либо, назвавъ свойствомъ все превосходящаго Божества. Ибо, какъ для глазъ тѣлесныхъ, когда какое нибудь острое гное-теченіе повредитъ зрительные нервы, бываетъ пріятель мракъ, по причинѣ сродства густоты (гноя) со мракомъ, а если отъ леченія исчезнетъ то, что затрудняло зрѣніе, то свѣтъ опять становится сроднымъ и пріятнымъ, смѣшиваясь съ чистотою и свѣто-видностію зрачка; такимъ же образомъ, поелику чрезъ обольщеніе противникомъ, зрѣніе души затекло зломъ, какъ бы какимъ гноемъ, разумъ добровольно получилъ наклонность къ темной жизни, чрезъ страсти сроднившись съ мракомъ. *Всякъ бо дѣлая злая ненавидитъ свѣта*, говоритъ слово Божіе (Іоан. 3, 20.). Когда же зло исчезнетъ изъ области сущаго и опять приведется въ не сущее, естество наше снова съ удовольствіемъ

будеть взирать на свѣтъ, по устраненіи того, что застилало гноемъ чистоту души. Итакъ сказаннымъ нами доказано, что неразумительно относиться враждебно къ естеству плоти, ибо не отъ нея зависитъ причина зла; если бы это было такъ, то зло имѣло бы одинаковую силу у всѣхъ, получившихъ въ удѣлъ тѣлесную жизнь.

Но поелику изъ упомянутыхъ нами мужей, каждый и во плоти былъ, и порочнымъ не былъ, то изъ сего ясно, что не тѣло причина страстей, но свободная воля, производящая страсти. Ибо тѣло движется соотвѣтственно своей природѣ, направляя свои стремленія къ тому, что служить къ сохраненію его состава и продолженію (жизни). Такъ напримѣръ: оно нуждается въ пищѣ и питъѣ, чтобы по истощеніи силы, снова восполнить ея недостатокъ; къ этому направлено влеченіе природы. Опять, чрезъ преемство путемъ рожденія, естество тѣла будучи смертнымъ становится (какъ бы) безсмертнымъ; посему и къ этой цѣли въ немъ есть соотвѣтственное стремленіе. Кромѣ сего, такъ какъ тѣло сотворено нагимъ и лишеннымъ покрова волосъ, то мы имѣемъ нужду въ наружномъ одѣяніи. Также, не будучи въ состояніи выносить жара, холода и дождя, мы ищемъ крова домовъ. Кто разумно смотритъ на эти и подобныя потребности, тотъ спокойно принимаетъ каждую

изъ нихъ, цѣлью стремленій поставляя необходимое: домъ, одежду, супругу, пищу,— всѣмъ этимъ удовлетворяя нуждамъ природы. А рабъ удовольствій необходимыя потребности дѣлаетъ путями страстей; вмѣсто пищи ищетъ наслажденій чрева; одеждѣ предпочитаетъ украшенія; полезному устройству жилищъ—ихъ многоцѣнность; вмѣсто чадорожденія обращаетъ взоръ къ беззаконнымъ и запрещеннымъ удовольствіямъ. Посему-то широкими вратами вошли въ человѣческую жизнь и любостыжаніе и изнѣженность и гордость и суетность и разнаго рода распутство. Все это и подобное, какъ бы какія ненужныя отпрыски и вѣтви, приросло къ необходимымъ потребностямъ, потому что естественное стремленіе перешло границы нужды и приняло широкіе размѣры у тѣхъ, кои заботятся о томъ, что ни къ чему не полезно. Ибо, что общаго имѣетъ съ пользою доставляемою пищею чеканная серебряная посуда, разцвѣченная золотомъ и камнями? Или какая нужда для одѣянія въ тканьъ золотомъ и въ яркоцвѣтной пурпуровой ткани, и въ живописи ткачей, посредствомъ которой эти художники изображаютъ на хитонахъ и одеждахъ и битвы и звѣрей и тому подобное? Сотоварищемъ роскоши явилась болѣзнь любостыжанія; ибо чтобы имѣть для нея готовыя средства и возможность, матеріалъ для при-

обрѣтенія желаемаго получаютъ отъ любостыжанія. А любостыжаніе открыло путь невѣрности; оно, по слову Соломона, есть сокрушенный сосудъ (Притч. 23, 27.), который, сколько бы его ни наполняли водою, постоянно оказывается пустымъ. Такимъ образомъ не тѣло производитъ стремленіе къ злу, но свободная воля, которая цѣлесообразную потребность извращаетъ въ вождѣленіе того, что не дозволено. Итакъ, да не порицаютъ люди неразсудительные тѣло, которымъ въ послѣдствіи, чрезъ преобразование его возрожденіемъ въ превосходнѣйшее состояніе, украсится душа, когда смерть очиститъ его отъ излишняго и ненужнаго для наслажденія будущею жизнію. Ибо въ жизни будущей не будетъ пригодно то, что составляетъ для него потребность нынѣ, но устройство нашего тѣла будетъ сродно и соотвѣтственно наслажденію оною жизнію и стройно приспособлено къ пользованію ея благами. Представимъ примѣръ, потому что подобіемъ съ чѣмъ нибудь извѣстнымъ лучше можно объяснить нашу мысль. Глыба желѣза полезна для кузнечнаго искусства, служа въ необработанномъ видѣ наковальнею для кузнеца. Но когда нужно обработать желѣзо для какой-нибудь болѣе тонкой работы, тогда глыба тщательно очищается огнемъ и удаляется отъ нея все землистое и бесполезное, что

искусные въ этомъ дѣлѣ называютъ изгарью. И такимъ образомъ прежняя наковальня, будучи очищена переработкою, стала бронею или другою какою тонкой работы вещью, очистившись чрезъ накаливаніе въ печи отъ того излишка, который, пока она была наковальнею, не почитался для тогдашняго употребленія излишнимъ; ибо и изгарь, входившая въ составъ глыбы, приносила нѣкоторую пользу, увеличивая массу желѣза. Примѣръ намъ понятенъ; теперь примѣнимъ смыслъ, который мы усмотрѣли въ этомъ примѣрѣ, къ мысли, которую имѣемъ въ виду. Чтò это означаетъ? Въ естествѣ тѣла находится нынѣ много подобныхъ изгари качествъ, которыя хотя въ настоящей жизни имѣютъ нѣкоторую полезную цѣль, но совершенно бесполезны для ожидаемаго послѣ сей жизни блаженства и чужды ему. Итакъ, чтò бываетъ съ желѣзомъ въ огнѣ, когда плаvilная печь отстраняетъ все бесполезное, то совершается съ тѣломъ чрезъ смерть, когда чрезъ разрѣшеніе смертію отстраняется все излишнее. Для проникательныхъ, конечно, очевидно, чтò есть то, отъ чего очищается тѣло въ послѣдствіи, и отсутствіе чего въ настоящей жизни было бы вредомъ для нея. Впрочемъ для ясности мы скажемъ и объ этомъ въ немногихъ словахъ.

Согласно съ предложеннымъ примѣромъ,

глыбою назовемъ естественное желаніе, дѣйствующее во всѣхъ; изгарью пусть будетъ то, къ чему нынѣ влечется это желаніе: удовольствія, богатство, честолюбіе. властолюбіе, надменность и подобное. Всего этого и подобнаго тщательнымъ очищеніемъ бываетъ смерть. Желаніе, освободившись и очистившись отъ всего этого, обратитъ свою дѣятельную силу къ тому, что одно только достойно стремленія и вождѣнія и любви, не угасивъ совершенно природою вложенныя въ насъ къ сему стремленія, но измѣнивъ ихъ къ пользованію невещественными благами. Ибо тамъ любовь къ истинной красотѣ непрестающая; тамъ достохвальное любостязаніе сокровищъ мудрости, прекрасное и благое честолюбіе, — достигать общенія съ царствомъ Божиимъ, прекрасная страсть жадности, въ которой вождѣніе блага никогда не пресѣкается пресыщеніемъ сими, все превосходящими, благами. И такъ знающій, что въ приличное время Художникъ всего переплавитъ глыбу тѣла въ оружіе благоволенія, сдѣлавъ изъ него и броню правды, какъ говоритъ Апостолъ (Ефес. 6, 13—18.), и мечъ духа и шлемъ надежды и полное всеоружіе Божіе, любитъ свое тѣло по закону Апостола, который говоритъ, что никто свое тѣло *возненавидѣ* (Ефес. 5, 29.). Тѣло же нужно любить очищенное, а не изгарь, которая отвергается.

Ибо истинно говорить слово Божіе, что когда земная наша храмина тѣла разорится, тогда обрѣтемъ ее содѣлавшеюся созданиємъ *отъ Бога*, храминою нерукотворенною, вѣчною на небесѣхъ (2 Кор. 5, 1.), достойною быть жилищемъ Божіимъ, въ духѣ. И никто мнѣ пусть не описываетъ свойства и очертанія и вида оной нерукотворенной храмины, по подобію свойствъ нынѣ въ насъ являющихся и отличающихъ насъ своими особенностями другъ отъ друга. Поелику не одно только воскресеніе проповѣдуетъ намъ слово Божіе, но божественное Писаніе ручается и въ томъ, что обновленные должны *измѣниться* воскресеніемъ (1 Кор. 15, 51. 52.); то вполне необходимо, чтобы для всѣхъ было сокровенно и невѣдомо, во что мы измѣнимся, такъ какъ въ настоящей жизни не усматривается никакого подобія съ чаемымъ. Ибо нынѣ, все грубое и твердое имѣетъ естественное стремленіе къ низу; тогда же тѣло по измѣненіи станетъ горѣ возносящимся, поелику слово Божіе говоритъ, что послѣ измѣненія естества во всѣхъ ожившихъ чрезъ воскресеніе, *восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздухъ, и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Солун. 4, 17.). Итакъ если у измѣнившихся не остается тяжести въ тѣлѣ, но преобразившіеся въ болѣе совершенное состояніе вмѣстѣ съ безплотнымъ естествомъ

воспаряють горѣ: то конечно и прочія свойства тѣла — цвѣтъ, видъ, очертаніе и всѣ другія въ частности такъ же измѣнятся въ нѣчто болѣе божественное. Почему не видимъ никакой необходимости допускать между измѣненными воскресеніемъ тоже самое различіе, какое теперь по необходимости имѣетъ наше естество отъ послѣдовательной смѣны его состояній. Что этого различія не будетъ, ясно доказать нельзя, потому что мы не знаемъ, во что чрезъ измѣненіе перейдутъ эти свойства. А что родъ всѣхъ будетъ одинъ, когда всѣ сдѣлаемся единымъ тѣломъ Христовымъ, воспріявъ одинъ образъ и видъ, въ томъ не сомнѣваемся, такъ какъ во всѣхъ равно будетъ сіять свѣтъ божественнаго образа. А чтò наше естество при измѣненіи пріобрѣтеть вмѣсто указанныхъ свойствъ, то будетъ, утверждаемъ мы, лучше всего, о чемъ только можетъ гадать наша мысль. Но чтобы наши слова объ этомъ не показались совершенно неосновательными, укажемъ на слѣдующее: поелику различіе половъ мужскаго и женскаго служить нашему естеству не для чего иного, какъ для дѣторожденія, то относительно сего предмета нѣкоторымъ достойнымъ общаго Богомъ, Сокровищемъ благихъ, благословенія гаданіемъ, можетъ быть признано то, что родотворная сила естества измѣнится на служеніе тому дѣторожденію,

которому причастенъ былъ великій Исаія, сказавшій: *отъ страха Твоего, Господи, во чревь пріяхомъ и поболѣхомъ, и родихомъ духъ спасенія Твоего, еяже сотворихомъ на земли* (Иса. 26, 18.). Ибо если такое дѣторожденіе прекрасно и чадородіе бываетъ причиною спасенія, какъ говоритъ Апостолъ (1 Тим. 2, 15.), то вѣкто, однажды путемъ такого рожденія породившій себѣ обиліе благъ, никогда не перестанетъ рождать духъ спасенія.

Если же кто скажетъ, что отличительный видъ и образъ, который мы имѣемъ, при оживленіи опять останется у насъ тѣмъ же самымъ, то я не могу прямо согласиться съ этою мыслию, не разсмотрѣвъ, такъ ли это, или нѣтъ. Если кто скажетъ, что при оживленіи человѣкъ останется въ томъ же самомъ видѣ, то это понятіе приведетъ къ большой нелѣпости, потому что по виду и отличительнымъ чертамъ тотъ же человѣкъ не остается всегда однимъ и тѣмъ же, съ различіемъ возрастовъ и болѣзней принимая то тотъ, то другой видъ. Иной видъ имѣетъ младенецъ, и иной—отрокъ, иной—дитя, мужъ, человѣкъ средняго возраста, пожилой и старикъ. Каждый изъ сихъ возрастовъ отличается отъ другаго; различны такъ же пораженный желтухой, раздутый водяною, изсушенный чахоткою, отучившій отъ какого либо худосочія, стра-

дающій желчью, полнокрівіємъ, обиліємъ дурныхъ влагъ; такъ какъ каждый изъ нихъ имѣеть видъ сообразный съ господствующимъ въ немъ болѣзненнымъ состояніемъ, то какъ не основательно думать, чтобы этотъ видъ остался и послѣ воскресенія (поелику измѣненіе все претворитъ въ видъ болѣе божественный), такъ и не удобно составить себѣ понятіе о томъ, каковъ будетъ болѣе совершенный нашъ видъ, поелику мы вѣримъ, что подлежащія намъ, чаемыя нами блага превыше зрѣнія, и слуха, и мысли. Еслиже кто скажетъ, что отличительнымъ видомъ cadaго будетъ качественное, нравственное свойство, тотъ не совсѣмъ ошибется. Ибо какъ теперь различіе отличительныхъ свойствъ въ каждомъ происходитъ отъ нѣкотораго измѣненія въ насъ стихій, такъ какъ свойственный каждому обликъ получаетъ (то или другое) очертаніе и цвѣтъ, смотря по увеличенію, или уменьшенію различныхъ стихій: такъ и въ той жизни, кажется мнѣ, будутъ сообщать каждому особенный обликъ не эти стихіи, но особенности порока или добродѣтели, качественное взаимное смѣшеніе которыхъ сообщитъ тотъ или иной отличительный характеръ виду. Нѣчто подобное бываетъ почти и въ настоящей жизни, когда внѣшнее выраженіе лица указываетъ на сокровенное состояніе души, отъ чего мы

легко узнаемъ, кого гнѣтетъ печаль, кого волнуетъ гнѣвъ, кто пылаетъ вождѣленіемъ, и наоборотъ: кто веселъ, незлобивъ, украшенъ почтеннымъ качествомъ цѣломудрія.

Итакъ, какъ въ настоящей жизни извѣстное расположеніе сердца выражается въ обликѣ, и внутренняя страсть отображается во внѣшнемъ видѣ человѣка: такъ, кажется мнѣ, и по измѣненіи нашего естества въ болѣе совершенное состояніе, нравственныя качества человѣка будутъ причиною того или другаго вида его; не инымъ чѣмъ онъ будетъ (по существу) и инымъ являться (во внѣ), но каковъ есть, такимъ будетъ и явенъ всѣмъ, какъ то: разумнымъ, праведнымъ, кроткимъ, чистымъ, полнымъ любви, боголюбивымъ, и опять при этомъ, или имѣющимъ всѣ совершенства, или украшеннымъ однимъ только, или обладающимъ большею ихъ частію, или имѣющимъ одно совершенство въ меньшей, а другое въ большей степени. По этимъ и подобнымъ свойствамъ, относящимся какъ къ совершенству, такъ и къ тому, что противоположно ему, каждый получить различный и отдѣльный другъ отъ друга видъ, пока не *испразднится*, какъ говоритъ Апостолъ, послѣдній врагъ (1 Кор. 15, 26.), и по совершенномъ устраненіи зла изъ всѣхъ существъ, во всѣхъ снова возсіяетъ боговидная красота, по образу которой были мы созданы въ на-

чалъ. Красота же сія есть свѣтъ, и чистота, и нетлѣніе, и жизнь, и истина, и подобное. Ибо не не прилично имъ и быть и являться чадами дня и свѣта, а въ свѣтѣ и чистотѣ и нетлѣніи не окажется никакого измѣненія или различія въ отношеніи къ однородному. Но для всѣхъ возсіяетъ одна благодать, когда содѣлавшись сынами свѣта, *просвѣтятся яко солнце* (Матѣ. 13, 43.), по неложному слову Господа. Что всѣ достигнуть совершенства во едино, по обѣтованію Бога Слова, значить тоже самое, что во всѣхъ явится единая и таже самая благодать, такъ что каждый будетъ раздѣлять съ ближнимъ одну и ту же радость. Отъ сего каждый будетъ и самъ радоваться, видя красоту другаго, и сообщать свою радость; такъ-какъ никакое зло не измѣнитъ облика души въ безобразный видъ. Вотъ что говоритъ намъ нашъ умъ отъ лица усопшихъ, подражая, сколько возможно, ихъ рѣчамъ. Мы же совѣтъ скорбящимъ заключимъ словами великаго Павла: *не хочу васъ не вѣдѣти, братіе, о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. 4, 13.).

Итакъ если мы научились чему-либо заслуживающему вниманія относительно усопшихъ, по поводу коихъ Любомудрствовало наше слово, то не станемъ болѣе предаваться этой неблагородной и рабской скорби; а если и нужно скорбѣть, то изберемъ оную похваль-

ную и добродѣтельную скорбь. Ибо какъ есть удовольствіе приличное животнымъ и неразумное, и есть чистое и невещественное, такъ и то, что противоположно удовольствію, раздѣляется на порочное и добродѣтельное. Есть и нѣкоторый видъ печали, достоблаженный и не непригодный для стяжанія добродѣтели, который противоположенъ этому неразумному и рабскому унынію. Предавшійся послѣднему въ послѣдствіи самъ почувствуетъ раскаяніе, что, преступивъ должныя предѣлы, допустилъ побѣдить себя страданію. А достоблаженная скорбь производитъ несопровождаемую раскаяніемъ и непостыдную печаль въ тѣхъ, кои при помощи ея стремятся къ совершенству добродѣтельной жизни. Ибо скорбятъ правильно тотъ, кто чувствуетъ, какихъ благъ онъ лишился, сравнивая эту временную и нечистую жизнь съ онымъ безсмертнымъ блаженствомъ, которымъ обладалъ прежде, чѣмъ злоупотребилъ своею свободою на зло; и чѣмъ сильнѣе въ настоящей жизни тяготитъ человѣка эта скорбь, тѣмъ болѣе ускоряется для него стяжаніе вождѣнныхъ благъ. Ибо чувство недостатка прекраснаго бываетъ возбужденіемъ къ старательному исканію сильно желаемого нами. Итакъ, поелику есть и спасительная печаль, какъ мы сказали, то послушайте легко увлекающіеся недугомъ скорби, что мы не запрещаемъ печали, но только

вмѣсто предосудительной совѣтуемъ благую. Печальтесь не печалію міра, содѣлывающею смерть, какъ говоритъ Апостолъ (2 Кор. 7, 10.), но печалію *по Бозь*, которой цѣль есть спасеніе души. Ибо попусту и напрасно проливаемыя надъ усоншими слёзы, можетъ быть, будутъ причиною и осужденія для того, кто дурно употребляетъ полезную вещь. Если все Премудростію Сотворившій для того вѣдрилъ въ наше естество это расположеніе къ печали, чтобы оно служило средствомъ очищенія возобладавшаго нами зла и споспѣшествованія къ усвоенію чаемыхъ благъ, то попусту и бесполезно проливающей слёзы, быть можетъ, будетъ виновенъ предъ собственнымъ Владыкою, по слову евангельскому, какъ худой приставникъ бесполезно расточившій ввѣренное ему богатство (Лук. 16, 1. 2.). Ибо всякое приращеніе добра есть богатство, которое числится въ честныхъ сокровищницахъ. Итакъ, *не хочу васъ не вѣдѣти, братіе, о умершихъ* того, что мы узнали, и если кромѣ сего какое другое ученіе откроетъ болѣе совершеннымъ Духъ Святый, *да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. 4, 12.). Ибо однимъ невѣрнымъ свойственно ограничивать надежды жизни одною настоящею жизнію; потому они и считаютъ достопаечвною смерть, что для нихъ нѣтъ надежды на то, чему вѣруемъ мы. Мы же вѣруя великому Споручнику во-

скресенія изъ мертвыхъ, самому Владыкѣ всей твари, который и умеръ и воскресъ для того, чтобы дѣломъ удостовѣрить слово о воскресеніи, возымѣемъ несомнѣнную надежду благъ, при существованіи которой не будетъ имѣть мѣста печаль объ усопшихъ. Богъ же нашъ и Господь Іисусъ Христосъ, *утѣшитель смиренный* (2 Кор. 7, 6.), да утѣшитъ сердца ваши, и своимъ милосердіемъ да утвердитъ въ любви своей, ибо ему подобаетъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь. (а)

(а) Въ семъ словѣ св. Григорія Нисскаго содержатся нѣкоторыя мысли и выраженія, которыя могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, и въ которыхъ уже издревле неправомыслящіе старались найти подтвержденіе нѣкоторымъ своимъ, уклоняющимся отъ чистоты православнаго ученія, мнѣніямъ. Св. Григорій повидимому допускаетъ мысль, что не только люди преуспѣвшіе на землѣ въ жизни духовной и безстрастіи, каковы были патріархи, пророки, апостолы, мученики, достигнутъ вѣчнаго блаженства, но и „прочіе, путемъ исправительнаго воспитанія въ послѣдующей жизни, отрѣшившись въ очищенномъ огнѣ пристрастія къ веществу, посредствомъ свободнаго вождѣленія того, что благо, возвратятся къ предназначенной отъ начала въ удѣлъ нашему сестству благодати“; что „по совершенномъ устраниніи зла изъ всѣхъ существъ, во всѣхъ снова возсіяетъ боговидная красота, по образу которой мы были созданы въ началѣ“. Въ этихъ и подобныхъ выраженіяхъ, въ древности послѣдователи Оригена находили подтвержденіе мнѣнію своего учителя о возстановленіи всего въ состояніе первобытнаго совершенства (*ἀποκατάστασις*), а въ послѣдствіи латиняне думали видѣть подкрѣпленіе своего ученія о чистилищномъ огнѣ. Отъ нареканій оригенистовъ старались защитить св. Григорія, препод. Варсануфій, св. Максимъ исповѣдникъ, препод. Феодоръ Студитъ, патріархи Германъ и Фотій. Они указывали отчасти на то, что ученіе

о возстановленіи всего имѣеть у св. Григорія значеніе отличное отъ Оригена (св. Θεодоръ и Максимъ), отчасти на поврежденіе сочиненій Григоріевыхъ еретиками (блаж. Германъ и Фотій), отчасти на необходимость различенія въ писаніяхъ св. Отцевъ ученія догматическаго, внушеннаго Духомъ святымъ и посему принятаго церковію, и частныхъ мнѣній, которыя они могли заимствовать отъ своихъ учителей (преп. Варсануфій). На ту же необходимость отличать въ писаніяхъ отеческихъ личныя и частныя мнѣнія отъ ученія вселенской церкви, указывалъ и блаженный Маркъ Ефесскій латинянамъ, находившимъ въ твореніяхъ св. Григорія подтвержденіе своего ученія о чистилищѣ. „Человѣку, говоритъ онъ, хотя бы онъ достигъ и верха святости, не возможно не погрѣшати, и особенно въ такихъ предметахъ, о которыхъ прежде не было изслѣдованія и не было дано отцами общаго, соборнаго рѣшенія.“ (Какъ сіи свидѣтельства отцевъ и учителей церкви въ защиту св. Григорія, такъ и доказательства вообще чистоты его ученія, заимствованныя изъ другихъ его сочиненій, съ подробностію изложены въ статьѣ: „Св. Григорій Нисскій“, въ Прибавленіяхъ къ Твор. Св. Отцевъ, Часть XX, 1861 г., стр. 77—92). Впрочемъ внимательное чтеніе и сего одного слова, безъ сличенія его съ другими твореніями св. Григорія, можетъ достаточно убѣдить, что не смотря на нѣкоторую своеобразность мнѣній, ученіе пастыря нисскаго равно далеко какъ отъ оригенизма, такъ и отъ мнѣній латинянъ о чистилищѣ. Необходимо имѣть въ виду, что св. Григорій, предлагая въ семъ словѣ утѣшенія скорбящимъ объ отшедшихъ изъ сей жизни и указывая на превосходство жизни будущей предъ настоящею, говоритъ только объ усопшихъ христіанахъ, скончавшихся въ упованіи жизни вѣчной и чаяніи ея благодати, которой сподобились и по своей вѣрѣ и дѣламъ, содѣланы достойными сего чаянія. Отъ нихъ онъ отличаетъ невѣрныхъ, ограничивающихъ надежды жизни однимъ настоящимъ, которые „по тому и считаютъ достопащевую смерть, что для нихъ нѣтъ надежды на то, чему вѣруемъ мы“. Что какъ сіи невѣрныя, такъ и нераскаянные грѣшники предлежитъ *вѣчное* мученіе, о семъ св. Григорій учитъ ясно (Приб. къ Тв. Отцевъ. Часть XX, стр. 77—81). Отсюда видно, что ученіе св. Григорія о конечномъ изглаженіи зла и возстановленіи всего въ первобытное совершенство относится только до части спасаемыхъ, до вѣрующихъ во Христа, изъ коихъ одни (какъ патріархи, апостолы, пророки, мученики) и на землѣ достигли возможнаго совершенства, а *прочіе* (т. е.

вѣрующіе же во Христа), хотя и положили въ настоящей жизни начало нравственному преуспѣянію, но по немощи воли еще не совершенно очистили себя отъ грѣховности. Эти останки грѣховности, эти слѣды нравственнаго несовершенства, въ жизни будущей „путемъ исправительнаго воспитанія“, какъ говоритъ св. Григорій, послеленно отпадутъ и исчезнутъ, какъ отпадетъ изгарь отъ плавимаго металла. Въ семъ смыслѣ св. Григорій могъ, не уклоняясь отъ чистоты православнаго ученія, говорить о совершенномъ исчезновеніи зла не вообще изъ міра, но изъ царства Божія, гдѣ будетъ Богъ всяческая во всѣхъ, и о возстановленіи въ немъ всего въ состояніе первобытнаго совершенства. Что же касается теперь до способа сего исправительнаго воспитанія, который св. Григорій называетъ очистительнымъ огнемъ или пещію очищающаго огня, то онъ ясно даетъ разумѣть, что выраженія сии имѣютъ у него иносказательное значеніе. Онъ заимствуется изъ сравненія, которымъ св. Григорій изъясняетъ необходимость измѣненія нашей природы при переходѣ ея въ высшее состояніе. Для сравненія употребляетъ онъ глыбу желѣза, сперва служащую наковальнею, потомъ, при посредствѣ огня и молота, передѣлываемую въ тонкое оружіе. Заимствуя отсюда выраженіе: огонь очистительный, онъ далѣе даетъ разумѣть, что огонь сей и его дѣйствіе, выражаютъ лишеніе въ жизни будущей съ разрушеніемъ тѣла смертію, какъ чувствъ и стремленій чувственной природы необходимыхъ для поддержанія тѣлесной жизни, такъ и всего того, что посредствомъ сихъ чувствъ и стремленій услаждало несовершенныхъ и увлекало порочную волю ко грѣху. Сіе лишеніе, пробудивъ въ душѣ сознаніе суетности земныхъ и вещественныхъ благъ и стремленіе къ благамъ вѣчнымъ, невещественнымъ, будетъ служить путемъ къ окончательному ея очищенію. Очевидно, что въ семъ ученіи нѣтъ ничего несогласнаго съ словомъ Божиимъ и подобнаго ученію латинявъ объ огнѣ чистилищномъ.

СОДЕРЖАНІЕ

С Е Д Ъ М А Г О Т О М А

ТВОРЕНІЙ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

	Стран.
Слово противъ Арія и Савелміа.....	1
Слово о Св. Духѣ противъ македоніацъ.....	23
Опроверженіе мнѣній Аполлинарія (антирритикъ).....	59
Противъ Аполлинарія, къ Θεофилу, епископу александрійскому.....	202
Къ Армонію, о томъ, что значитъ имя и названіе: христіанинъ.....	211
О совершенствѣ, и о томъ, какимъ должно быть христіанину. Къ Олимпію монаху.....	224
О цѣли жизни по Богѣ; объ истинномъ подвижничествѣ; отвѣтъ подвижникамъ, спрашивавшимъ о цѣли благочестія, и начертаніе, какъ жить и подвизаться въ обществѣ.....	263
О дѣвствѣ. Письмо, содержащее увѣщаніе къ добродѣтельной жизни.....	284
О нищелюбіи и благотворительности.....	395
Противъ отлагающихъ крещеніе.....	434
На слова Писанія: а блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ (1 Кор. 6, 18.).....	451
Противъ ростовщиковъ.....	457
Противъ тяготящихся церковными наказаніями.....	474
Слово къ скорбящимъ о преставившихся отъ настоящей жизни въ вѣчную.....	485

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Должно читаться:
11	3 снизу	сотворивший, <i>бысть</i>	сотворивший, дабы мы стали бранимы. <i>бысть</i>
19	15 сверху	запакъ	запакъ
226	4 —	что ссть	что ссть
240	11 —	у всебещественнаго	отъ всебещественнаго
264	6 —	душахъ,	душахъ;
—	12 —	Богу	къ Богу
305	2 св.	обличить	обличить
307	5 —	и о немъ	и не о немъ
316	3 св.	противное ему	противное ему
340	5 св.	ясною	яснымъ
345	5 —	искомое станетъ вид- нымъ и думѣ	то искомое станетъ виднымъ, и думѣ
372	8 —	однѣ ведомый	однѣ видный
378	3 св.	можетъ	можемъ
463	7 св.	бознлодимъ	бездомъ

10. 1. 1880
15. 1. 1880